

Юрий Левада

УДК 316+316.653(470+571)
ББК 60.5+60.527(2Рос)
ЛЗ4

Составитель Т. В. Левада

Левада, Ю. А.

ЛЗ4 Сочинения : избранное : социологические очерки, 2000-2005 / Ю. А. Левада : [сост. Т. В. Левада]. – Москва : Издатель Карпов Е.В., 2011. – 507 с. : ил.
ISBN 978-5-9598-0153-3

Это седьмая книга из серии, посвященной жизни и работе Юрия Александровича Левады, руководившего ВЦИОМ в 1992-2003 г.г. и Левада-Центром в 2003-2006 г.г.

В неё вошли статьи и выступления разных лет, в том числе социологические очерки последнего, изданного при жизни, сборника (за исключением раздела «Координаты человека», опубликованного в 6 книге).

Выполненные Ю.А. Левадой исследования текущего кризиса остаются актуальными как в теоретическом плане, так и благодаря обширному эмпирическому материалу, полученному путем опросов общественного мнения.

Книга может быть полезна как специалистам, так и всем, интересующимся Новейшей историей.

УДК 316+316.653(470+571)
ББК 60.5+60.527(2Рос)

ISBN 978-5-9598-0153-3

© Русинов В.Ю., 2011
© Левада Т.В., составление, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия автора	7
СТАТЬИ РАЗНЫХ ЛЕТ	11
Некоторые проблемы системного анализа общества в научном наследии К. Маркса	13
Некоторые методологические проблемы массовой коммуникации (Кяярику I)	23
Странный мир массовой культуры	51
Интеллигенция	72
Социология	76
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ 2000-2005	81
ДИНАМИКА ОБЩЕСТВА – ДИНАМИКА МНЕНИЙ	83
Общественное мнение у горизонта столетий	85
Три «поколения перестройки»	110
Поколения XX века: возможности исследования	123
Заметки о «проблеме поколений»	143
Время перемен: предмет и позиция исследователя. <i>Ретроспективные размышления</i>	152
Исторические рамки «будущего» в общественном мнении ..	170
Свобода от выбора? <i>Постэлекторальные сопоставления</i>	195
Отложенный Армагеддон? <i>Год после 11 сентября в общественном мнении России и мира</i>	221
Уроки «атипичной» ситуации. <i>Попытка социологического анализа</i>	265
Восстание слабых. <i>О значении волны социального протеста 2005 года</i>	289
Двадцать лет спустя: перестройка в общественном мнении и в общественной жизни. <i>Неюбилейные заметки</i>	310
Парадоксы и смыслы «рейтингов»: попытка понимания	327
Сегодняшний выбор: уровни и рамки	354

АТТРИБУТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ	377
Механизмы и функции общественного доверия	379
Люди и символы. <i>Символические структуры в общественном мнении</i>	397
Варианты адаптивного поведения	423
«Истина» и «правда» в общественном мнении. <i>Проблема интерпретации понятий</i>	444
Фактор надежды	463
Проблема сырьевого уровня научного знания	475
Печатные публикации о Ю.А. Леваде	479
Послесловие составителя	500
Справочный материал	503

Вместо предисловия автора

Историю написать трудно. Не думаю, что когда-нибудь нам удастся с ней ознакомиться. Но не потому, что люди искажают правду или потому, что не все данные вытасканы из архивов (их можно открыть и повытаскивать), а потому, что нужно иметь определенную схему. Всегда дело именно в этом – разработать схему очень трудно. Мне кажется наиболее интересным то, что наша социология, когда она родилась в 60-е годы без предшествующих искусственных привесок, была очень сложным, противоречивым общественным явлением. И людей, связанных с ней было бы вредно красить каким-то одним цветом. Хотя, казалось, это одна группа, более или менее психологически совместимых людей, значительно меньшая, чем нас собралось в этой комнате. На самом деле явление было сложное.

Думаю, было по крайней мере три источника этого явления. Один исходил из верхов и требует своего объяснения. Это была эпоха, которую я, пользуясь сегодняшними терминами, назвал бы «постоттепелью». Период, когда приступило к активной деятельности первое послевоенное поколение – оно же (по нашему толкованию) и первое не совсем советское по своим ориентациям поколение. Оно задавало тон, но не было единым. Всегда – и тот период, и раньше, во время собственно «оттепели» – была попытка придать цивилизованный вид режиму, придать этой жизни несколько рациональный характер (или видимость его). Из разных соображений – отчасти международных, отчасти психологических, потому что люди потеряли уверенность в себе, в том, что они лучше и умнее всех. Отсюда претензии на то, чтобы хотя бы казаться таковыми. Кроме того, тогдашнее идеологическое начальство, как помнит большинство присутствующих, очень любило ездить на социологические конгрессы. Со многими сидящими здесь мы бывали в таких поездках под руководством Федосеева, Константинова и еще ста подобных

им людей. (Без малого 30 лет тому назад). Режиму, повторю, нужно было иметь человеческий вид, это еще Токвиль описывал. «Вывески» нужно было искать. То пытались использовать только цифровые данные, чтобы отчет выглядел красиво. То старались создать впечатление, что они вооружены подсчетами, выборками, компьютерами. Тогда вошли в моду такие обороты, как «научное управление обществом» и что-то еще в этом роде. Была претензия, что экономику приведут в какой-то человеческий вид, и много других. Вообще же это была струя некоторого, несмотря на все, «расшевеливания» общества, проходившая через литературу, философию, через кино, без чего никакого «социологического взрыва» не могло получиться.

Но это была одна струя. А кроме людей, которые с корыстными, неприглядными целями допускали, терпели, поощряли, держали на веревочке социологическую деятельность, – были и другие люди. Был Алексей Матвеевич Румянцев, который недавно ушел от нас и которого все мы имеем за что помянуть добром (при всей противоречивости его истории, идеологии, биографии). Он был воплощением определенного типа партийного деятеля – партийного либерала, не столь далекого по своему либерализму от литературных либералов, также сыгравших свою – очень сложную – роль. Была группа людей, которые искали новый тип знания и честный способ деятельности, понимания этого общества. Ограниченно, конечно. Не надо думать, что прочитавши несколько книг, мы много знали – Ядов это правильно отметил. Новое поколение должно иметь и имеет, я надеюсь, знаний больше и более систематических. Тем не менее было стремление к такому знанию, не только в социологии – была попытка создания новой философии в рамках и около диалектики, логики и психологии или чего-то, совмещающего их. Имена этих людей тоже известны. Без них социологическое течение тоже не состоялось бы. По крайней мере, то, что связано с философи-

ей. Были другого рода попытки – исторического знания или экономического реформизма.

Была и третья струя, связанная просто с бойкими людьми, которые знали языки, ругали то, что надо, переводя книги и используя цитаты, ездили, угождали и т.д. Эта струя – некоторый прохендеизм – была тогда не столь выраженной. Сейчас же целое поколение такого типа выходит на арену около-общественных наук.

Вот сочетание всех этих источников создало то, что являлось социологией. Я не хочу при том кого-то хвалить, кого-то ругать. Так получилось, иначе у нас не могло получиться. Вместе с тем получилась взрывная смесь, которая для начала пробила брешь в существовавшей стене социального мышления и канонов, стоящих за кругом этого мышления. Потом, благодаря этой брешу, стена развалилась. Заряд, заложенный в 60-е годы, рванул в 80-е. Хотя этого, вероятно, никто и не ожидал.

Я думаю, что люди – вместе взятые, работавшие в социологии, философии, литературе и просто около политики, из каких бы кабинетов они ни происходили, имели перед собой довольно ограниченную по нынешним критериям программу: несколько «очеловечить» нашу жизнь, несколько ее гуманизировать, рационализировать, придать ей похожий на нормальный вид. Если посмотреть не только то, что опубликовано, но и что было сказано, даже где-то записано – все это довольно ограничено. А получился такой заряд. Если верить Гегелю, то существует хитрость истории, состоящая в том, что люди, каждый человек преследует весьма ограниченные цели – кто гонится за славой, деньгами, кто за успехом, дамочками, еще за чем-нибудь – а вот Мировой Разум идет через них и делает свое дело с их помощью. И он сделал свое дело (хотя и не уверен, что этот Разум существует). А вот хорошо ли? Мы с вами собрались не в 1988 году, а в 1994-ом и сказать, что все хорошо, извините, не можем. Получилась та каша, в которой мы живем, тот клубок, в кото-

ром мы завязли и из которого не вылезем еще десятки лет. Тем не менее получилось то, что могло получиться, во всей сложности и противоречивости.

Я совершенно согласен с тем, что нельзя сваливать в кучу социологию и диссидентство. Там были связи косвенные, сложные, вывернутые. Мы знаем, как много темного и сложного создано вокруг этого символа, и под его видом, и внутри. Не было у нас исключительно чистых струй. Произшедший взрыв, заряд которого независимо или почти независимо от желания был заложен в 60-е годы, требует своего осмысления и социальной оценки. И это самая серьезная задача, с которой мы, я думаю, справимся, во всяком случае, наиболее молодые из нас. Это значит, что будет и история.

[Запись выступления Ю.А. Левады] // Российская социологическая традиция шестидесятых годов и современность / Под ред. Ядова В., Гратхоффа Р. – М.: ИС РАН, 1994. – С. 30-34.

СТАТЬИ РАЗНЫХ ЛЕТ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА ОБЩЕСТВА В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ К. МАРКСА

Общепризнано, что К. Маркс является основоположником методологии системного анализа общества и отдельных сфер общественной жизни. Практически все пишущие в последние годы по социологическим и более специальным проблемам структурного анализа (в лингвистике, антропологии и т.д.) считают своим долгом сослаться на Маркса: Р.К. Мертон, Л. Блумфилд, К. Леви-Стросс.

В среде зарубежных марксистов давно происходит дискуссия относительно возможностей сопоставления марксизма и структурализма. Она, к сожалению, не всегда плодотворна, так как, рассматривая спустя столетие такое крупное явление в теоретической истории человечества, как наследие Маркса, едва ли не с равным основанием можно защищать два взаимоисключающих тезиса. Согласно первому, у Маркса работают и указаны почти все принципы системного анализа общества (исследование отдельных элементов и сфер социальной жизни в свете целого, противопоставление системного анализа хронологическому описанию, выделение системы абстрактных отношений и т.д.).

В соответствии со вторым, правомерно утверждать, что у Маркса анализ общества как системы не был отделен от исторического, генетического, философского анализа, от постановки и решения практических задач социально-политической борьбы, от гуманистического мировоззрения.

Каждая историческая эпоха и каждая эпоха развития знания берет в теоретическом наследии то, что она способна взять и использовать; неудивительно, что к теоретическому наследию Маркса это относится в большей степени, чем к какому-либо иному. Выделение в арсенале его мысли тех моментов, которые в дальнейшем эксплицитно вошли в русло специфически-социологического знания, лишний раз под-

тверждает известный ленинский тезис об отношении марксизма к «столбовой дорожке» общественной мысли.

В работах К. Маркса можно обнаружить по крайней мере три типа анализа социальной действительности. Во-первых, исторический – рассмотрение некоторой последовательности причинно связанных друг с другом общественных состояний или событий. Во-вторых, философский – выявление зависимости общественного сознания от общественного бытия, что и является марксовской интерпретацией материализма в обществе. В-третьих, – рассмотрение общества как функционирующей и развивающейся системы.

Разделялись ли эти подходы у Маркса? В деятельности Маркса как личности – нет. В основных работах также нет, особенно, если иметь в виду такую синтетическую работу, как «Капитал», где как бы наложены друг на друга разные методологические подходы к одному и тому же объекту: анализируется и эмпирическая история форм собственности, и логическая их история – генезис абстрактной формы стоимости, и принципы *функционирования* капиталистического общества как целого, «ставшего», системного образования.

Используя разные методологические подходы при анализе общества, Маркс неоднократно обращался к теоретическому рассмотрению их особенностей. В полемике против гегельянцев он, как известно, прежде всего выделял различия между историческим и логическим методами; на это обстоятельство больше всего обращала внимание и наша литература. В то же время, противопоставляя свою точку зрения философскому романтизму, *сентиментальному* морализаторству, *эkleктическому* историцизму типа прудоновского, Маркс отчетливо выделял и формулировал принципы системного анализа общества: «что вы считаете правильным и справедливым – к вопросу не относится. Вопрос таков: что необходимо и неизбежно при данной системе производства?»¹.

¹ К. Маркс. Избр. произв., 1935 г., т. I, стр. 236.

Выделение системного подхода и эксплицитное различие его от альтернативных методов анализа сложных социальных объектов, никоим образом не означает «отрицания», «поглощения», «преодоления» иных, более ограниченных методов исследования. Системный анализ для Маркса – момент в процессе восхождения от «абстрактных определений», системы абстрактных отношений к «конкретно-всеобщему», социальной действительности², а не всепоглощающее изображение этой последней конкретности. Этот метод столь же ограничен, неполон, относителен, как и любой другой и постольку полезен познанию, поскольку он способен фиксировать те моменты действительности, которые не видны в другом аспекте.

Возможны, в принципе, два (в свою очередь ветвящихся) пути рассмотрения интересующей нас темы.

Во-первых, логико-методологический: он предполагает выяснение того, как формировался у Маркса и как разрабатывается или может разрабатываться сегодня язык системного анализа, типология и теория систем, в частности, самоорганизующихся и порождающих. На этом пути нам встретились бы, например, и определенные конструкции общей теории систем, структурализма, кибернетики и т.д., хотя ни одна из этих конструкций не могла бы служить достаточно устойчивым ориентиром движения.

Во-вторых, теоретико-методологический: анализ перспектив Марксова анализа содержания социальной системы.

В данной статье мы останавливаемся на некоторых аспектах теоретико-методологического исследования проблемы.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 726.

Понимание Марксом «общества как целого»³ предполагает:

а) трактовку социального процесса как «общественного производства» людьми «своей жизни»⁴, включающего воспроизводство самих людей (как общественных индивидов), вещей и «форм общения»;

б) трактовку «производства идей, представлений, сознания» как «момента» реальной жизни, как системы «языков», которые могут быть вплетены в «процесс реальной жизни» или обособлены;

в) трактовку человека, субъекта общественного процесса, как «общественного» человека, «организованного» человека, государства, общества⁵, а человеческих потребностей и целей, определяющих развитие производства и общества – как специфически социальных продуктов⁶.

В своей совокупности эти положения составляют методологическую предпосылку подхода к общественной системе как квазиорганической («социальный организм»). У Маркса термин «социальный организм» употребляется лишь в известной ссылке на изложение его метода Н. Зибером (Предисловие ко 2-му изд. «Капитала»), но в дальнейшем этот термин получил распространение в марксистской литературе (напр., в «Друзьях народа»). Вокруг этого понятия в большой степени вращается если не вся, то почти вся позднейшая социологическая мысль.

Очевидно, что подход Маркса к обществу – это макроподход, который проявляется в том, что категории анализа общества разработаны применительно к его глобальной

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 153.

⁴ Там же, т. 13, стр. 6.

⁵ Там же, т. I, стр. 414. Ср. MEGA, Bd. I (для обозначения общественного целого здесь употреблен термин *Sozietät*).

⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 446.

структуре. В «Капитале» неоднократно подчеркивается, что категория производственных отношений, например, действует не в рамках связей отдельного рабочего с отдельным капиталистом, а в рамках связей классов, в рамках макроструктуры общества. (Из этого следует, кстати, что микроструктура групп и отношений должна изучаться в иных, например, социально-психологических категориях.)

Из обширного круга проблем, которые возникают при системном анализе общества в настоящее время представляются весьма актуальными проблемы социальной структуры и «производства потребностей».

* * *

В нашей литературе социальная структура нередко практически отождествляется с составом народонаселения – социально-экономическим, социально-профессиональным, социально-культурным... Не подлежит сомнению необходимость и важность изучения этой проблемы: очевидно, что современные потребности государственного планирования и учета требуют все более конкретного анализа этого состава, т.е. исследования соотношения классов, слоев и др. групп населения.

Но сколь детально ни описали бы мы демографическую структуру, учтя все многообразие и всю многозначность группообразующих признаков, нельзя получить структуру общества как целостного социального организма. За рамкой остаются те самые «способы деятельности» людей, те «формы» общения; те социальные нормы и институты, которые в конечном счете определяют характер и взаимоотношение социальных групп, равно как ориентацию и организованность социальных действий. Исчезает из поля зрения и вся проблема «овеществления» (институционализации) общественных форм.

Структура общества предполагает демографический со-

став в качестве одного из своих аспектов, но не сводится к нему, и требует иных способов анализа. Каких же?

Прежде всего отметим, что ввиду сложности, многоплановости общественного целого заведомо нельзя довольствоваться каким-либо одним представлением его структуры (собственно говоря, и при описании демографического состава требуется сопоставление различных критериев).

Учитывая соответствующие ориентации марксовской мысли, можно представить себе следующие три «среза», три дополнительных по отношению друг к другу аспекта рассмотрения социальной структуры:

1) Функциональный – выяснение роли отдельных сфер разделения и кооперации общественного труда, социальных институтов и норм в рамках некоторого социального организма;

2) Организационный – анализ характера и типов организованности, устойчивости, мобильности социальных групп, взаимодействия их элементов.

3) Активный⁷ – исследование структуры социальных действий (соотношений целей, средств, условий, типов программирования действия). По-видимому, этот подход имеет значение как для анализа отдельных сторон социального действия, так и всей (конфликтной) его структуры.

Все три подхода к анализу структуры общества использовались Марксом. Так, в «Нищете философии», «Наемном труде и капитале», «К критике политической экономии» и, конечно, в «Капитале» общество как целое прежде всего рассматривается под углом зрения его функциональной структуры. Единицами анализа оказываются такие сферы общественного разделения труда, как производство и распределение, материальное и духовное производство, город и деревня, живой и овеществленный труд, капитал и заработная пла-

⁷ Получивший в последнее время распространение в философской литературе термин «деятельный», на наш взгляд, не является более удачным.

та и т.д. Примерами анализа социальной организации у Маркса являются разработка категории «класса для себя» в «Манифесте Коммунистической партии», исследования общественной и государственной организации в ранних работах, в конспектах книги Л. Моргана, в письме к В. Засулич, и т.д. Наконец, общество рассматривается преимущественно под углом зрения действий определенных социальных субъектов в таких известных работах, как «Восемнадцатое брюмера» и др.

В этой связи следует обратить внимание на особенности марксовской трактовки категории «социальный класс». Для Тьерри и др. класс обозначал скорее всего «сторону» в социальном и политическом конфликте, т.е. весьма туманная сама по себе категория выступала в качестве единицы анализа (опять-таки нечеткого) социального действия. Связав классовое деление с «определенными фазами развития общественного разделения труда», т.е. с функциональной структурой общества, Маркс создал социально-экономическую теорию классов и в то же время обосновал необходимость особого анализа структуры политического действия, где класс выступает в ином виде – как представитель «всеобщих интересов», как организованный «класс для себя». Выделение различных аспектов рассмотрения классов стало основой для разработки ленинской теории революционной организации и революционного действия.

Учет различных планов анализа социальной структуры (в смысле структуры общества как целого) имеет не только теоретическое, но и вполне актуальное методологическое значение для конкретного исследования социальной организации, институтов, системы социального контроля и социальных движений.

Маркс констатирует, что «порождение новых потребностей является первым историческим актом»⁸. История соот-

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 27.

ответственно оказывается историей порождения новых общественных потребностей. Легко, но недостаточно видеть, что в этом тезисе Маркс верен своей концепции общества как *causa sui* и высоко подымается над суждениями (И. Бентама, позже Б. Малиновского и др.) о «естественных потребностях» человека как основе социальной жизни. Вульгарное восприятие идей о функциональности социальной структуры неизбежно ведет к инфляции ссылок на «потребности общества», выступающих в качестве универсального оправдания любого данного, желаемого или терпимого состояния (а также к забвению идеи «новых» потребностей).

Прежде всего, требует конкретизации сама категория потребностей, поскольку она выступает в методологической роли.

«Потребность» обычно сопоставляется с «интересом» и «нормой» (поскольку все эти термины обозначают ответ на вопрос «что нужно?»). Между тем, более пристальный анализ обнаруживает со всей очевидностью принадлежность этих трех категорий трем планам исследования социальной действительности, причем эти планы вполне соответствуют отмеченным выше подходам к структуре общества как системы.

Понятие потребностей (общественных) является атрибутом функционального способа рассмотрения социальной системы. В то же время интересы (факторы, которые воспринимаются как побуждающие к определенному действию и преодолению препятствий, пассивности среды) – атрибут исследования социального действия, а о нормах можно говорить лишь по отношению к определенной социальной организации. Из этих категорий подлежат эмпирическому исследованию две последних (как правило, эмпирическая социология получает сведения об интересах и иногда представляет последние как потребности).

Показателями развития социальной системы служат, вообще говоря, появление новых потребностей (нового их

«уровня», соответственно уровню организации системы), интересов, норм, а не простое увеличение объема производства, потребления и т.д. Многие стороны механизма этого процесса требуют анализа, – в частности, соотношение между указанными планами регулирования деятельности. Такой анализ, очевидно, предполагает введение определенной типологии самих форм развития социальной системы (включающих эволюцию, инволюцию, стагнацию, различные типы эволюционных изменений и т.д.). Узловым в данном случае является исследование структуры самого процесса перехода к новому уровню, новому механизму регуляции функций социальной системы.

В «Капитале» (т. I, гл. 12) сопоставлены механизмы регуляции в общинном (индийском) строе, исключавшим развитие и обеспечивавшем «простое воспроизводство» задаваемой формы общественной жизни, и в капиталистическом строе рыночной конкуренции, обусловившей высокую мобильность не только производства, но и общественных потребностей и соответствующих им социальных ориентаций (социально признанных программ деятельности, т.е. целей и средств их достижения). Начиная с известных работ М. Вебера, обсуждается и все еще в определенной мере остается открытым вопрос о факторах и механизме самого перехода от «традиционного» общества к «развивающемуся», – приобретающий в современных условиях особую актуальность. В этот «механизм» входят определение целевых функций системы и типов контроля за их реализацией, способы задания социальной программы и т.д.

Проблема «производства потребностей» приобрела особенно серьезное значение в наши дни, когда выявилась наивность идей «прометеевской» (высмеянной еще в «Нищите философии») концепции «освобождения» естественного человека, производительных сил, потребностей. Предполагалось, что каждый из этих факторов обладает «естественной» способностью к непрерывному и гармоничному росту, кото-

рая полностью развертывается при отсутствии помех. Реальность «массового общества» вынуждает принимать во внимание некоторые пределы роста потребностей (ориентация на «потребительские» потребности и просто сатурация, насыщение – типичные тенденции). В том же направлении работает стереотипизация массового сознания, противостоящая его дифференциации, традиционно связываемой с развитием.

В этих условиях центральная проблема системного анализа общества – разработка эффективных моделей саморазвивающейся, самоусложняющейся социальной системы – приобретает весьма актуальное значение.

*Маркс и социология,
Научный совет АН СССР по проблемам
конкр. соц. исследований. – М., 1968.
Инф. Бюллетень № 3.*

KÄÄRIKU
КЯЯРИКУ

I

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Сокращенный вариант

Массовые коммуникации изучаются социологически с двумя целевыми установками. Во-первых, ставится вопрос, что можно сделать, пользуясь средствами социологического и социально-психологического изучения для улучшения эффективности работы радио, телевидения, кино и т.д. Эта практическая, преобладающая установка, и пока что те исследования, которые у нас проводятся, подчинены этой установке и иногда оплачиваются из этих учреждений. То же самое, пожалуй, делается и на Западе.

Вторая установка – противоположная: что можно узнать об обществе, его структуре, связях, о тенденциях развития при помощи исследования существующих в данном обществе средств массовой коммуникации. Иначе говоря, что могут дать социологические исследования массовых коммуникаций более общим понятиям социологии при изучении массового общества. Меня лично интересует этот второй аспект.

Если вычленить содержание термина «массовое», то оказывается, что речь идет об обществе, в котором господствует массовая, стандартизованная продукция. Это общество, где действует массовое потребление, стандартные вкусы, где не играют роли узко групповые или, тем более, личные пристрастия, и потребление приспособлено к массовой продукции, причем это относится к потреблению не только материальных, но и культурных благ – здесь также действует массовость: в больших количествах, по сравнительно низким ценам, стандартам и т.д. В этом ряду стоят и массовые коммуникации: газеты, радио, кино, телевидение. Многие из учебников массовых коммуникаций сюда же относят и «массовые» книжки.

К массовым же коммуникациям относятся репродукции с

картин в виде открыток, и тому подобные произведения. В одной из американских работ обсуждался такой вопрос. Письма – коммуникация, кажется, не массовая, а личная, но если в условиях избирательной компании какой-нибудь кандидат в сенат получает миллионы писем от избирателей, то можно рассмотреть этот поток писем как массовую коммуникацию, поскольку здесь выступают не личные вкусы, не личные пристрастия, вообще не личное общение людей, а что-то вроде пропаганды «наоборот».

Если попробовать теперь от описательных характеристик перейти к ядру, которое здесь есть, то я его характеризовал бы так: под массовым обществом понимается такая степень развития человеческого общества, притом общества классового, на которой большую или решающую роль играют действия, организованные или исходящие от больших групп людей, не имеющих внутренней структуры, от бесструктурных больших групп. Вот эти бесструктурные большие группы и есть масса так, как её понимают в разного рода рассуждениях по поводу массового общества.

Конечно, это совсем не то, что было принято у марксистов понимать под такими терминами, как «роль масс в истории», потому что мы под ролью масс имели ввиду роль передовых организаций, сознательных и активных сил в обществе, и это сопоставлялось с ролью реакционных организаций и сил, т.е. имелась в виду определенная структура. То, что мы имеем сейчас – это иного порядка явление. Действительно, во многих типах общественных действий имеет место бесструктурная или потерявшая структуру группа, типа, скажем, группы потребителей – масса. Группа голосующих, группа людей, к которым обращаются в поисках общественного мнения – это нечто вроде того, что в начале века понимали под толпой. Г. Лебон и другие, имели в виду под толпой бесструктурное множество людей, по своему уровню стоящее ниже любой личности и любой структуры, организации или группы. Они пугали, что мир идет к господству этих толп.

Но это, конечно, не совсем толпы, потому что толпа не создается, а бесструктурные массы создаются самим ходом современного производства, потребления, культуры и т.д. Под бесструктурностью, вероятно, следует понимать такую особенность, когда индивидуальные отличия, а также отличия каких-то меньших групп либо уничтожаются, либо статистически нивелируются просто путем того, что они не считаются в общей массе. Предположим, в обществе, которое имеет каноны своего поведения и движется по ним, отдельные политические, религиозные, этические и др. отклонения допускаются и не представляют собой особой опасности для правящих групп и для общественного порядка по той простой причине, что они ничего не весят, они представляют собой ничтожную добавку к некоторой общественной устойчивости. И поэтому общество совершенно равнодушно смотрит, что где-то в Гайд-парке происходят шаги и влево, и вправо и еще куда угодно – это мелочь. Также предположим, что в условиях массового потребления есть массовая продукция, рассчитанная на средний вкус по линии чулок, кофточек и еще чего-нибудь и вкусы, выбивающиеся из колеи, либо исчезают сами собой или где-то там на периферии, как экстравагантные клеточки могут существовать. Это всё относится к чертам так называемого массового общества.

Я думаю, что мы не свободны от этих черт, и движение нашего общества к обилию продуктов, обилию культурных благ неизбежно приводит к возникновению таких явлений, которые раньше существовали в очень ограниченной форме в условиях нехватки и регламентации.

Кстати, об одной стороне «массового общества» я не сказал – о массовой политике. В условиях Соединенных Штатов массовой политикой называют всенародные выборы президента, причем эти всенародные выборы не имеют ничего общего с реальной ролью широкой массы в избрании политического курса. Здесь используются действия широкой массы, в такой же мере, как и в любом другом деле – торговле,

рекламе и т.д. Определение вкуса общества путем плебисцитов (это было в фашистской Германии) или опросов общественного мнения даёт практически не учет реального мнения и ума людей, а даёт средневзвешенное состояние массовых настроений. И средневзвешенное всегда оказывается господством серости, середины, иногда консервативной, а если вспомнить плебисциты в Германии, – то и очень неприятной. Немало органов американской печати ругало Джонсона за его пристрастие к публикации результатов опросов о собственной популярности, популярности собственной политики.

Есть и другая сторона в массовой культуре: причастность огромного числа людей не только к потреблению приличных изделий из искусственной шерсти, но иногда и приличных книг, в том числе, классических книг. Надо сказать, что в массовой культуре почти всюду миллионными тиражами издаются не только книжки низкопробные и грубая пропаганда. Известно, что только в последние десятилетия на Западе получили миллионные тиражи и Толстой, и Бальзак, и Достоевский – действительно высокие вещи, и в виде «пейпербеков» издается не только чушь. Это тоже любопытная сторона дела, и это то, что приветствоваться хотелось бы всячески. Наряду с этим развивается фикция, создающая видимость причастия масс и к решению политических вопросов, и к определению направления развития промышленности в сторону развития массовых вкусов.

Мне кажется важным попытаться из характера коммуникаций сделать определенные выводы о характере общественных отношений, потому что вообще коммуникации составляют очень важный элемент общественной структуры, элемент, который в существовавших до сих пор способах социологического анализа почти игнорировался.

Мне представляется, что в XIX веке, веке, когда впервые проявились последствия промышленного переворота, очевидным было выдвигание на первый план человеческих отношений на уровне экономических, классовых, и это было

научно зафиксировано Марксом. А в различных более или менее правильных формах еще и многими другими. Учитывая всю важность сделанного в этой области, мы не забываем, что и Маркс придавал огромное значение такому элементу человеческой структуры, как форма общения. Маркс утверждал, что каждое поколение получает в наследство от предыдущих заданную сумму производительных сил и форм общения.

К формам общения он, как можно понять по различным замечаниям, относил не только формы экономического общения, вкладывая в этот термин гораздо более широкое содержание. Но в тех условиях история не позволяла исследовать с большей подробностью то, что относится к формам общения, исключая экономическую область.

Сейчас огромную роль в обществе играет тот факт, что мы имеем общение людей в опосредованном виде, записанном на бумаге, а чаще всего на газетных страницах, в книгах. То, что теперь общение людей осуществляется часто через посредство техники, что огромную роль играет общение через систему «машина – человек» или просто «машина – машина». Это нам дает одно любопытное методологическое преимущество. Мы впервые, по-видимому, получаем возможность посмотреть на сам процесс коммуникации, подойти к его измерению, к его структуре. Благодаря тому, что большую часть этого процесса мы можем смоделировать на машине, мы видим этот процесс в материализованной форме, которая поддается строгому анализу. Этого не было в период личных коммуникаций.

Это дает нам довольно много для того, чтобы заново рассмотреть проблему коммуникаций в истории общества, судить то или иное общество по характеру действующих в нем коммуникаций. Эту сторону проблемы я разворачивать не буду, а перейду к более современным ее аспектам.

Сейчас некоторые биологи считают, что в оплодотворенной человеческой яйцеклетке может заключаться примерно

10^5 бит информации. Это предел того, что может человек получить по наследству. Реально может быть меньше, но больше, по-видимому, нельзя. Далее, структура человеческого мозга, где имеется примерно 10^{10} нейронов, позволяет по разным подсчетам получить в мозгу примерно 10^{12} бит информации. 10^{12} – это предел разнообразия, которым может пользоваться человек в своей деятельности. Между этими цифрами разница на 7 порядков, т.е. в 10 миллионов раз, значит, человек в своей жизни может пользоваться в 10 млн. раз большей информацией, чем та, которую он получает по наследству. Откуда берется эта совершенно колоссальная информация? (Надо еще раз оговориться, что пока не подсчитано, какой частью этой информации человек может действительно пользоваться. Можно допустить, что человек реально использует значительно меньше.)

Так или иначе, человек больше всего информации набирает в течение своей жизни, этим он, отличается от всех остальных живых существ. Эту информацию дает общественный опыт, который, вообще говоря, представляет собой результат действия разного типа коммуникаций. Этот опыт человек получает в результате воздействия на него специальных систем воспитания и обучения и неспециальных систем, тоже действующих на него в порядке обучения и воспитания. Я имею в виду то, что кроме существующей сейчас институционализированной системы обучения подрастающего поколения, существуют и неинституционализированные системы семейных, уличных, групповых влияний и т.д., которые тоже в изрядной мере влияют на формирование культуры и типов. (Можно считать, что все информационное богатство человека – это его культура.) никто не брался пока еще, насколько мне известно, количественно оценивать масштабы этих влияний, хотя мне кажется, что в принципе это когда-нибудь можно будет сделать. Сюда войдет ещё влияние искусства, производства и т.д.

Сейчас попытаемся представить себе, как могут быть уст-

роены коммуникативные системы, действующие в обществе. Вероятно, они всегда существовали в виде нескольких типов. В учебниках подчеркивается: была личная коммуникация, а теперь – безличная, была непосредственная – человек – человеку, а теперь – опосредованная какими-то техническая средствами. Это все верно, но это все кусочки. Если рассматривать коммуникации в плане общественной системы, то здесь никогда нельзя было сказать: «Это личная коммуникации» – это ничего не определяет, ведь дело никогда не сводилось к отношению какой-то пары личностей. Всегда была структура, и задача коммуникативной системы состояла в том, чтобы транслировать эту структуру в будущее, передавать её по наследству следующим поколениям или распространять в данном обществе.

Для простоты возьмем такой пример: распространяется, скажем, военный приказ, дана команда войску предпринять какие-то действия. Ну, понятно, высший начальник дает команду ряду низших, те дают своим подчиненным и т.д. И это доходит с каким-то коэффициентом запаздывания, на каждой ступеньке этой лестницы будет запаздывание. Это простая система, причем, в военном командной ситуации эта система динамическая, т.е. направленности этих отношений строго детерминированы. Не кому попало, не просто низшему уровню вообще отдается приказ, а каким-то определенным адресатам. Поэтому здесь минимальное, по-видимому, запаздывание. А также минимальные искажения информации при интерпретации, так как имеются детальные инструкции, которые заранее припасены на каждом уровне.

Вместе с тем по иерархической системе передается, например, слух. Классические теории «групповых динамик», построены на исследовании распространения слуха. Слух движется приблизительно по таким же закономерностям, как распространение инфекционных заболеваний.

Эта структура менее жёсткая, статистическая, т.е. каждый следующий уровень здесь менее определен. Сказав, напри-

мер, пяти человекам какое-то сообщение, я имею основание ожидать, что через некоторый период, в зависимости от их интереса и от остроты этого сообщения, они расскажут каждый еще какому-то числу людей, и это пойдет дальше. Причем, скорость, масштабы этого процесса можно более или менее точно измерить. Передачу опыта, передачу культуры в человеческом обществе можно тоже рассматривать как движущуюся по таким «ступенькам» – от поколения к поколению, от одного слоя людей к другому. Тут существует иерархия передачи с запаздываниями. Примерно, так же, как и военная команда, передается распоряжение в сельской общине и в традиционном обществе. По главам семейств, а они дальше. Здесь есть какие-то пункты, подлежащие измерению, например, время запаздывания, влияние каких-то местных характеристик на изменение направления информации и т.д. Тут много есть любопытных вещей и чисто современного вида. Скажем, по теории больших бюрократических систем, которые пытались в Америке и во Франции разрабатывать на некоторых кибернетических принципах, получились забавные вещи, поскольку там движение информации происходит по иерархической системе, причем, по статистической. Существуют некоторые пределы, за которыми теряется всякая эффективность деятельности и реально действующими оказываются низшие структурные единицы, а наверху, в конце концов может сидеть сколь угодно глупый и ограниченный человек, от которого требуется только одно, чтобы он время от времени подписывал бумаги, безразлично какие – разрешая или запрещая на том уровне, который доходит к нему. Абсолютно безразлично что он подписывает. Он может функционировать, как машина. А вот, при прохождении, через все следующие инстанции, всё приобретает тот вид, который может приобретать в этой машине, что бы там ни захотели, ни решили и ни подписывали.

Но это все, как видите, схемы, еще не относящиеся прямо к массовой коммуникации. Можно представить себе далее,

что вот эту иерархическую структуру, кроме деления на статистический и динамический, можно делить также на личный и безличный типы. Потому что передача по ступенькам какой-то информации может идти по принципу «face to face» – лицо к лицу или может идти по принципу – должность к должности. Ну, скажем, военкомандующий. Здесь совершенно не играют роли данные личности, а играют роль только должности. В статистической организации этой передачи лицо играет роль только как заполнитель какой-то ступеньки в обществе. Тут тоже, скорее всего нечто вроде безличной коммуникации, хотя отдельные элементы её кажутся личными.

Существуют в обществе и иные типы структур передачи информации. Выделим тип, который можно назвать «идеологическим» или, например, референтным. Существует некоторое вместилище знаний, навыков, ценностей – все равно. Подобным вместилищем у церкви является Библия, к которой каждый может обратиться и равно получить от нее какие-то указания. Таким, по Лютеру, представляется отношение человека с божественной премудростью. Или Большая Советская Энциклопедия. Каждый желающий может из неё извлечь те справки и сведения, которые нужны. Иногда кажется, что так обстоит дело в отношении общества к науке, философии и пр.: каждый может взять из них то, что ему нужно. Здесь как будто нет никакой иерархии.

Это отношение в большой степени фиктивно. Если обратиться к тому же примеру с Лютером и Библией, то хотя Лютер и провозгласил право любого христианина непосредственно обращаться к Библии и толковать её так, как он хочет, без посредства специальной церковной иерархии, на деле этого никогда не было. Рядовые и нерядовые люди, считавшие необходимым обращаться к библейскому авторитету, обращались через посредство каких-то этажей: интерпретаторов, проповедников, богословов и т.д. То же самое с любой другой вещью. Когда люди, предположим, обращаются к

общедоступной Большой Энциклопедии, которая стоит на полках любых открытых библиотек, то они обращаются к ней уже через совокупность каких-то интерпретаций, полученных ими или в школе или где-то ещё. Здесь тоже получается некоторая степень иерархизмов в передаче сообщения.

Кроме того, в обществе действуют сейчас очень развитые специальные каналы движения информации. Скажем, государственной – по линии государственных учреждений, технической – по линии технических учреждений. Причем, конечно, в каждом случае мы встретим свою иерархию.

Массовые коммуникации выглядят чем-то отличным от всей этой машины по той причине, что массовые коммуникации эта такая форма передачи общественной информации, социальной информации, которая как будто бы не имеет иерархической структуры, не имеет времени запаздывания на разных ступеньках, а обращается непосредственно ко всем вообще, не специализировано. Кроме этого факта непосредственного общения с широким кругом людей, массовая коммуникация обладает также одновременностью, особенно это видно сейчас, в связи с радио и телевидением.

Но газета в обычных условиях (без фотопечати) идет по ступенькам, от одного центра к другому, пока её довезут до места. Тут есть какие-то ступеньки.

Ну, далее здесь существует, конечно, техническое опосредование, здесь существует, безликость в оба конца. Средства массовой коммуникации обращаются к «суммарной» аудитории, хотя отдельные заметки могут быть адресованы. Но в общем это без адреса, это сигналы «Всем! Всем! Всем!», кто уловит. Система массовых коммуникаций имеет тенденцию быть безликой, и такие проблемы, как популярность отдельного телевизионного диктора или популярность отдельного газетного фельетониста есть изюминка в булке, которая из текста. Это некоторое чрезвычайное прибавление, и оно именно потому и ценно что оно – чрезвычайное к общему безликому уровню передачи.

В общем, газета смотрится как написанная в редакции газета. На западе газеты так и пишутся, и на большую, многостраничную газету имеется один фельетон и еще одна колонка, подписанная редактором. Остальное все идет безлико.

У нас большей частью подписывают сообщения, но эта подпись имеет скорее гонорарное чем читательское значение. А читатели запоминают очень редко и очень немногих из авторов. Может быть, это и не совсем так. Кстати, последние проводимые исследования должны показать, насколько воспринимается авторство в газете. Но в целом вся система массовых коммуникаций действует как система безликая и обращается к аудитории тоже безликой. Это действие профессиональной необходимости. Можно, конечно, спросить почему это свойство только системы массовой коммуникации? Почему нельзя видеть это в отдельных иных ситуациях? Скажем, сигнал военной тревоги, обращенный сразу к населению всего города, тоже может рассматриваться, наверное, как массовая коммуникация. Приказ, адресованный каждому солдату, дающий какие-то директивы, может рассматриваться, предположим, как элемент прямой коммуникации. Но и в том, и другом случае здесь чисто специализированная форма общения, которая нас не занимает. В обычных условиях массовой коммуникации они, конечно, могут передавать приказы, и сирены, и прочее, но они работают не для этого.

Возникает довольно любопытный вопрос: для чего же нужна массовая коммуникация? Вообще, как мы все прекрасно знаем и чувствуем, без системы массовых коммуникаций обойтись как будто трудно – без газеты, без радио, без телевидения. Однако, поставим вопрос так: в чем функциональная необходимость всей этой системы? Можно себе представить, что мы зачеркнем массовые коммуникации и будем жить, потому что производство будет работать, потому что люди получают производственные знания не в системе массовых коммуникаций, культурно-этические ценности люди приобретают не в этой системе, а в системе обучения,

воспитания, в школе, в семье и прочее. И это все иерархические ступеньки, действующие с запаздыванием, действующие медленно, действующие на узкую группу, более или менее способную специализировать человека и его как бы учитывать обкатывая в процессе. Это не система массовых коммуникаций. Далее скажем государственные или прочие органы могут работать без газет, потому что свои распоряжения и инструкции о порядке работы, они получают по иерархической лестнице, по своим внутренним каналам связи. Можно, конечно, спросить: а как мы узнаем, если завтра война. Об этом скажут специально на то назначенные люди и специальные инстанции, которые имеют свои каналы связи, и которые гораздо лучше осведомлены, чем газеты, где там войной пахнет. То есть, вообще говоря, без всего этого можно обойтись, а тем не менее, нельзя обойтись. Я бы предположил, что вся система массовых коммуникаций, действующих сейчас (говорю сейчас о распространении новостей, они распространяют и культуру) является какого-то рода тонизирующим элементом в современной общественной жизни, дает некоторые настроения.

Вот, скажем, такой вопрос, как оперативность газетных новостей. Мы каждое утро открываем газету – правда, вот здесь газет нет, в этом хранимом Богом месте Кяярику, можно жить и без них тоже, – и стремимся узнать, что произошло в Индонезии, что произошло в Конго, что новенького произошло в Сибири. И у нас воспитывается чувство непосредственной включенности во весь водоворот этих событий. Чувство важное, но которое вообще говоря, не является необходимым, без него можно обойтись. Существуют какие-то категории людей, которые обходятся без него. Можно прекрасно узнать на две недели позже о том, жив Субандрио или его все же расстреляли. В общем, никакой для нас с вами необходимости в оперативности нет. Но вся сеть отношений с современной жизнью, довольно быстро текущей и изменяющейся, стимулирует и делает необходимыми многие непо-

средственно невесомые вещи. Правда, я упустил здесь момент рекламы. Может быть, этот момент у нас в печати меньше заметен в чистом виде, но существует.

Дело в том, что массовая коммуникация, по-видимому, родилась из потребности оперативной рекламы, из потребностей очень важных и неизбежных в развитом товарном хозяйстве. Причем, под этим товарным хозяйством можно иметь в виду не только рынок товаров, но и рынок политических ценностей, политических деятелей, партий и прочее. Здесь тоже жизненно необходима реклама. Из этого рода задач родились рекламные издания, газеты, телевидение и все прочие. Вот эта необходимость уже не только тонирующая, так сказать; реклама требует быстрой распродажи. Это относится к ценностям любого порядка – материальным и нематериальным.

Теперь несколько слов по поводу фальши в массовых коммуникациях. Почему она в каких-то ступенях фальшива? Потому что в ней на самом деле прямолинейной передачи информации не происходит. Так или иначе существует какая-то избирательность в восприятии сообщений – даже при однопрограммном вещании и даже при монотонности газетной информации, т.е. при предельной монополии информации. Когда-то Г. Лебон, пугая призраком толпы тогдашнее общество, говорил о том, что угроза – в возможности сосредоточить в одних руках все газеты. Тогда не было радио. Конечно, такая угроза и ныне в какой-то мере существует, но на пути к сплошному действию массовых коммуникаций лежат барьеры. В социально психологических теориях, которые касаются массовой коммуникации, они описываются, главным образом, в виде двух правил – одно – это так называемое правило «two step» коммуникации, которое открыли в сороковых годах Кац и Лазарсфелд и второе – это когнитивный диссонанс, который открыл Л. Фесингер. Первый, принцип двухступенчатой передачи информации предполагает, что информация приходит не непосредственно к индивиду – по-

ребителю, а прежде всего воздействует на определенную группу, на лидеров мнения группы, и только через эту группу доходит до индивида. Каждый человек воспринимает какую угодно информацию, но не в том виде, как она поступает из радиорупора, а в свете ценностей, установок, желаний своей группы. А это означает, что если происходит изменение, то перестраивается группа, а потом уже перестраиваются какие-то индивидуальные восприятия. Эта «two step» теория была выдвинута в противовес наивному бихевиоризму, который все сводил к передаче от точки к точке, от стимула к реакции. Ну, для нас, повидимому, привыкших к тому, что люди живут в обществе, что их деятельность определяется какими-то общественными нормами, вкусами, «two step» не является каким-то особым открытием, а более или менее естественным фактом (правда вопрос о «лидерах» групп остается под сомнением).

Второе положение, связанное с тем, что Фестингер называет когнитивным диссонансом или познавательным диссонансом – очень трудно перевести на нормальный язык это слово – состоит в следующем: люди воспринимают лучше то, что им нравится и хуже воспринимают то, что им не нравится. Они воспринимают прежде всего те сообщения, которые импонируют их настроению и не воспринимают или забывают те, которые не импонируют их настроению. Это проверялось в серии наблюдений над тем, например, как читают газету люди разных политических ориентаций. И отмечалось, что прокоммунисты отмечали прокоммунистические новости и запоминали их лучше, а антикоммунисты отмечали какие-то антикоммунистические элементы. Это все для нас тоже не составляет нового открытия. Для чего сейчас нужно нам это отметить?

На пути массовых коммуникаций от источника до потребителя находится ряд барьеров. Этими барьерами являются степень организованности мнений, оценок, вкусов потребителей. Откуда она берется? Видимо, из иных систем комму-

никации, которые составляют преобладающую часть действующих в обществе. Можно не грустить, а, наверно, даже порадоваться факту, что большую часть того, что получают люди по линии культуры, т.е. получают в виде элементов знаний, норм, ценностей – они получают не через массовые коммуникации, а через более индивидуализированный механизм, в более иерархической структурированной системе обучения, воспитания, личных влияний и пр. Это, между прочим, ставит задачу, которую можно попытаться решать в каких-то начатках экспериментально – как соотношения, получаемого человеком в массовых системах: коммуникациях и в других. Вчера, кстати, Вооглайд выразил сомнение: можно ли посчитать то, что дается человеку, скажем, в день всей системой массовой коммуникации. Может быть, это очень трудно сделать в Париже, где человек имеет тридцать газет и десятки телевизионных программ из разных стран, которые он может выбирать. Но здесь легче исследовать, потому что человек практически читает две газеты и выбирает из трех программ. А если учитывать набор средств информации, типичный для какого-то уровня потребителей, то он будет еще меньше.

В развитии средств массовой коммуникации существует одна угроза, о которой я уже упоминал – угроза монополизации. Угроза, которая как бы подкрепляется рядом наблюдений над жизнью. Вы знаете такую тенденцию, как умирание ежедневных газет в США и в большинстве других стран (это происходит и в Англии и во Франции). Объясняется это умирание причинами в большей степени экономического порядка. Такая сложная машина, как современная газета, которая для того, чтобы быть информированной, должна быть очень дорогой и содержать дорогой штат. Не может выдержать конкуренции без объединения, без трестизации. Поэтому существует трестизация новостей, трестизация фельетонов и чего угодно. Вы знаете ведь, что и Бухвальд пишет для десятков газет и Рейтер дает на сотни газет. А газеты сливают-

ся. Поэтому довольно-таки неприятный призрак превращения всех газет в одну трестицированную существует, также, как существует призрак какой-то тотализации радиопрограмм. Сегодня есть угроза, что статистическое среднее превращается в норму, в эталон; в массовой культуре именно так получается*.

Но существует ещё и другая, более позитивная перспектива, которую хотелось бы связывать с сохранением и ростом индивидуализации, сохранением и развитием структурализации массы, а не бесструктурности. Эту перспективу ищут часто в отчаянных формах критики массового общества. Критика осуществляется сейчас под флагом теории гармонизма личности, борьбы с отчуждением человека. Это такие отчаянные формы, которые, к сожалению, не имеют особой серьезной базы под собой, хотя иногда защищаются чрезвычайно талантливыми людьми.

Я думаю, что можно найти и более серьезную базу. В чем она состоит? В том, что на пути тотализации информации существуют совершенно объективно возникающие барьеры. Эти барьеры следовало бы проследить и укрепить – это задача науки, задачи рационального развития общества, когда оно станет таковым.

Прежде всего, вероятно, это личностные барьеры. Существует некоторый предел обезличивания общения, предел, дальше которого общение теряет свою эффективность. Пока я не могу себе представить, но может быть, когда-нибудь этот барьер можно будет даже посчитать. Есть некоторые свидетельства такого барьера. Что я имею в виду? Если мы обратимся к сфере массовой коммуникации, то существует необходимость придания ей личностного характера. В системе обезличенного общения безликой газеты с безликой публикой (чтобы это общение было эффективным) должны

* Иногда рисуют мрачные перспективы; как это делает Бредбери, – ведь в своем «451 по Фаренгейту» он всё строит на массовых коммуникациях.

существовать такие, например, элементы, как популярный автор, лично обращающийся к публике. Эта тенденция мало развита. Это – изюминка, но все-таки эта изюминка необходима, чтобы булку съели.

Известно, что система массового производства, которая достигла максимальной обезличенности и механизации в эпоху тейлоризма, в таком виде сохраняться не может. То, что в конце 30-40-ых г.г. проявилось под флагом «человеческих отношений», гуманизации труда (о чём писал, например, Уоркер), – это не только стремление выкачать побольше из рабочих, но и вынужденное признание одной любопытной для нас реальности. Обесструктуривание производственного коллектива не может идти бесконечно долго. Люди работают лучше, если определенная часть их общественных функций осуществляется через группы. Через группы довольно многое можно сделать и уже сделано. Признание существования групп, причем неформальных, – очень любопытный вывод, сделанный из чисто производственной необходимости. Оказывается, к людям нужно подходить через неформальные человеческие группы и учитывать их факторы. Вот здесь один из элементов этого барьера. Мы знаем, что на структуру формальных отношений в любом учреждении, – учебном, производственном, военном, – накладывается структура неформальных отношений, причем она не разрывается и не уничтожается. Представление о том, что капитализм уничтожает все личностные отношения, и семью и т.д. в общем оказалось нереальным. Он действительно делает безличными производственные отношения, отношения господства и подчинения. Административными, формальными, юридическими, – иначе и не может быть. Но на это накладывается сеть личностных отношений.

С этим должны считаться сейчас социологи, психологи, бизнесмены, это реальный факт. Если, наконец, обратиться к массовым коммуникациям, то предположим, такую вещь: на фоне обезличенных коммуникаций не гибнут, а имеют шан-

сы для своего развития формы личностные, формы как будто традиционные, как например, маленькие театры в Польше. У нас тоже есть такие вещи. При этом уровень культуры людей, видимо, способствует тому, чтобы потребность в подобного рода клубных общениях развивалась.

Вот эта совокупность оптимистических, если угодно, признаков, говорит о существовании некоторого барьера, причем можно представить себе, что уровень культуры повышает уровень этого барьера. Барьер, который должным образом будет построен, может обеспечить такое положение, что будет сколько-нибудь терпимое разделение функций между массовыми коммуникациями и всякими прочими, в том числе, и личностным общением и т.д. В этих условиях можно будет и телевизор смотреть, и человеком оставаться.

Есть и другой путь изучения оптимистических перспектив. Всякая большая система для своей активной деятельности должна обладать необходимым разнообразием своих структурных элементов. Более сложные и более эффективно действующие системы должны обладать более сложными структурами. Это общий принцип, который давным-давно в виде догадок, а потом в виде более точных соображений обнаружен биологами, а сейчас детально описан кибернетиками. Такую закономерность можно интерполировать на общество, утверждая, что общество должно быть не только всё более монолитным, однообразным, но всё более разнообразным для своего эффективного функционирования. Это означает, что из интересов самого общества в целом, из микроинтересов, – вытекает потребность повышения структуры человеческих групп а эта потребность противодействует их обесструктуриванию, их массивификации. Это, строго говоря, старый идеал коммунизма; высокое развитие общества предполагает разнообразие и высокое развитие отдельных личностей, отдельных групп. Мы знаем, что общество не состоит непосредственно из личностей. Высокое развитие разного типа групповых структур и их разнообразие, – это, видимо,

можно считать законом движения общества. Действие этого закона также представляет собой барьер на пути всяческих «тоталитарных» страхов, хотя это само по себе не исключает возможности их реализации.

Если мы представим себе идеально спланированное общество, где допустим, заранее рассчитано, куда следует, а куда не следует вторгаться телевидению, то барьеры будут, но мы их просто обойдем, мы о них не споткнемся. Но, во-первых, этого пока нет. И, во-вторых, я думаю, это даже в принципе невозможно, потому что барьеры относительны для разных групп, и они должны их выбирать. Поэтому, наверное, массовые коммуникации всегда должны будут работать несколько больше, чем нужно, а люди будут пробивать к ним свои каналы и строить свои барьеры с осознанными и неосознанными критериями.

Эффективность коммуникаций можно повышать лучшим учетом структуры аудитории, её вкусов и прочего. Большинство опросов имеет ту слабость, что оно ориентирует на средний вкус. А это не лучшая вещь на свете. Есть группы в аудитории, – пусть небольшие, которые могут представлять собой законные, интересные или наиболее разные формы, например, вкуса; и, видимо, совершенно правомерно, что всякого типа средства массовой информации должны предусматривать и такие особенные категории, как любители музыки, любители искусства, а не просто массовых потребителей или высоких знатоков. Это, вероятно, и неплохо, и перспективно.

Из ОТВЕТОВ на ВОПРОСЫ. Я не считаю, что роль МК унижают, когда говорят, что их функция – задавать определенное настроение поведению, ориентации и чему угодно ещё. Кроме того, я говорю о потребности удовлетворения быстротекущих надобностей типа рекламы самого разнообразного типа. Мне не кажется, что это пессимистично. Я говорю также о том, что система массовых коммуникаций сигнализирует обществу об определенном рода интересных и

важных вещах, например, о существовании искусства, культуры, театра (я не думаю, что телевизор доносит настоящий театр, он сигнализирует о его существовании). Таким знаком, если угодно, в календаре бывают картинки, репродукции знаменитых произведений, вы понимаете, какого уровня (я имею в виду общий календарь, нехудожественный). Но они напоминают читателю, вызывают их интерес: вот есть такой художник, есть такая картина, и это уже неплохо. Пессимизм я связываю с другим. Если представить себе вытеснение всех форм коммуникации массовыми, а, следовательно, и хорошо живущими, и ориентированными на какое-то непосредственное впечатление, то вот с этим будет связано много отрицательных явлений. Особенно если представить себе предельную монополизацию. Тут есть много оснований для пессимизма, но я постарался подчеркнуть, что есть основания и для других надежд.

Мне кажется, что бывают и хорошие телефильмы, а кинофильмы и подавно бывают хорошими. Может ли это быть самостоятельным искусством? Наверно, может. И кино, и телевидение – это искусство, лишенное непосредственного контакта исполнителя с аудиторией. И в общем какие-то элементы эрзаца, мне кажется, оно несет на себе всегда. Тот факт, что хорошее кино демонстрируется в аудитории, половина на которой его не понимает и пришла для чего-то другого, почти неизбежный спутник кино как массового дела. Делать кино для узких кругов любителей технически и экономически почти невозможно. Г. Чухрай грозит, что он в своей студии получит такую свободу маневрирования средствами, что сможет делать экспериментальное кино для немногих. Но мы еще не видали, что из этого выйдет. На свете почти никто этого не может делать. То, что эстамп может быть очень хорошим и поэтому будет напечатан в миллионных тиражах, – это верно. Но когда вы войдете в миллион квартир и там висит один и тот же очень хороший эстамп, то

один и тот же хороший эстамп превращается в очень плохой. Это неизбежный выворот массовости в искусстве.

Ответы на вопросы

Вопрос. Каково Ваше мнение по поводу концепции двухступенчатой информации, двухступенчатой коммуникации? По схеме Лазарсфельда двухступенчатый поток информации предусматривает коммуникацию на лидеров мнения и от лидеров мнения дальше к группе. Функционирование лидеров мнения, по крайней мере в нашем обществе, кажется очень проблематичным.

Ответ. Говоря об этой двухступенчатой схеме, я не упоминал насчет лидеров, и нарочно. Я думаю, что там они вообще необязательны. Дело состоит в том, что групповые мнения и оценки могут меняться вовсе без лидеров. И не обязательны группы, скажем, на уровне вкусов или группы по их интересам обладают каким-то ярко выраженным лидером. Мне кажется, что этого нет и у американцев. Это немножко надуманная персонификация общества. Реальный смысл двух ступеней, не очень оригинальный, но реальный, по-моему, состоит в том, что на человека действуют через стандарты его группы. Это очень сильное воздействие. Лично меня, скажем, может очень потрясти одно определенное сообщение, переданное по телевизору, или одно определенное кинопроизведение. Но более устойчивый способ изменения моей ориентации при помощи этих самых средств, состоит в том, что моей среде и моей группе, моему окружению будут привиты те или иные, более высокие оценки кино. Я приучусь смотреть более серьезные фильмы, начну понимать, например, Антониони. Это редко делается путем индивидуального «озарения», а делается путем воздействия на определенную группу, культурный уровень и т.д. Практически получится так, что не я вдруг получаю какое-то озарение, а я войду в круг людей, обладающих более высоким или бо-

лее специфическим художественным вкусом.

Две ступени здесь в том смысле, что сначала формируются группы с разными вкусами, а потом это воздействует на каждого отдельного человека. Я не очень настаиваю на том, что обязательно нужно строго соблюдать две ступени. Почему? Сами американцы пишут: две или больше... Это имеет только тот смысл, что нет прямой коммуникации с точки в точку (стимул – реакция, как по бихевиоризму). В этом отрицательном смысле эти две ступени и полезны. В основном это мало содержательно, повидимому неоригинально, и эту штуку можно проследить более интересно.

Вопрос. Традиции имеют важную роль в воспитательной работе. Коммунистическая воспитательная работа требует отрицания устаревших традиций. Как с точки зрения массовой культуры, ее развития, оценить важность традиций (традиционность передачи новых мыслей, новых идей, воспитания)?

Ответ. По-моему, ни одно общество без традиционных форм передачи информации обойтись не может. Под традиционным я понимаю примерно то, что Вебер понимает под традиционными или рутинными формами поведения, в которых не разделены различные структурные элементы поведения и которые передаются из одного слоя, другому как нечто цельное, без особенной оценки и анализа отдельных компонентов. Так традиции, привычки, всякое старое передаются и создаются заново в обществе. Видимо, нельзя представить себе, что все в обществе можно перевести на уровень привычек, но они неизбежно формируются, формируются и через массовые средства коммуникации. Скажем, такая вещь как привычка смотреть телевизор представляет собой разновидность семейного ритуала для многих людей без различия характера и содержания передаваемой информации. Я не думаю, что это полезная вещь, но это неизбежность – такая разгрузка, которую несет с собой эта вещь. Далее можно говорить, наверное об искусственном сочинении каких-то тради-

ций. Это вряд ли перспективное дело, хотя о нем много говорят. Скорее всего традиции или привычные формы передачи информации складываются, когда о них специально не думают. Вероятно, они складываются и вокруг массовых коммуникаций.

**Заключение после обсуждения доклада
«Некоторые методологические проблемы массовой
коммуникации»**

Создалось мнение, будто я агитирую за то, чтобы разбить телевизоры, магнитофоны и т.д. в ожидании, что они принесут больше вреда, чем атомные бомбы.

Дело состоит в следующем: думаю, что очень правильно видеть огромную растущую роль массовых коммуникаций в проникновении культуры, в несении каких-то сведений об искусстве, политике, науке в самые темные углы и т.д. Всё это правильно и в Африке, и у нас, все это много раз написано, и рассказывать об этом не нужно. Наша задача состоит в оценке явления не только с этой стороны, но и с других. Меня интересует не столько то, что может сделать социология для массовых коммуникаций, сколько то, что можно сделать для социологии из понимания системы массовой коммуникации, что можно при помощи этой системы понять в обществе.

Многие товарищи были изрядно шокированы моим изрядно шуточным высказыванием насчет тонизирующего средства, видя в этом принижение роли массовых коммуникаций. При этом было сказано одним товарищем, что если отнять систему массовых коммуникаций, то человек окажется в положении Робинзона.

Это неверно. Существует странная иллюзия, что все коммуникации, в которых живет человек, это и есть система массовых коммуникаций. Это иллюзия о том, что существует телечеловек, радиочеловек, газетный человек. Это неверно.

Человек живет действительно в системе человеческих коммуникаций, но эта система сложна и более фундаментальна, чем вся массовая коммуникация, развитая до предела. Мне хочется подчеркнуть, что никогда человек не может не только жить, но и базироваться на системе оперативных массовых коммуникаций. Ему нужны для жизни и воспитание, и обучение, и личное общение, и многое другое. И только в разумном сочетании со всем этим могут быть полезными и нужными разные типы массовых коммуникаций. Поэтому человек был бы Робинзоном, если выключился из всей системы современной культуры.

Парадокс состоит в том, что все те функции, которые выполняет массовая коммуникация, можно выполнить иначе. Говорят, что система массовой коммуникации интегрирует общество. Но это делалось и без неё и до неё.

Это может делаться и впредь, если есть литературный язык, письменность. Не та скорость, не тот непосредственный эффект? Верно. Но все-таки не будем забывать, что сделали Кирилл и Мефодий для нашей державы и другие для других стран. И не только на газетном листе.

Конечно, посредством радио и телевидения можно установить такую вещь, как единство произношения, как единство очень быстрого обмена новостями. Но фокус в том, что радио и телевидение передают новости – хорошо, радио и телевидение используют для обучения – прекрасно, но они в принципе делают то, что могло бы делаться и без них, и что, вообще говоря, и делается тоже. Но они добавляют, усиливают, распространяют – всё хорошо. Плюс к этому – опощляют. Искусство, переданное по телевидению, опера, которую слушают, жуя бутерброды в семейном кругу – это в общем некоторое снижение уровня эстетического восприятия. И тут есть некоторая двойственность положения: мы должны увеличивать телевидение и передавать оперы по цветному телевидению, и мы должны все-таки знать, что это половина или меньше половины того, что должно давать людям высо-

кое искусство. Это сторона, которую нельзя не видеть.

Но, кроме общих рассуждений, речь шла о попытке рассмотреть место массовой коммуникации в системе коммуникаций вообще: то, что они могут; то, чего они не могут. На счет барьера. Я не думаю, что человек должен защищаться. Я думаю, что есть нечто, что ограждает замкнутость определенных групп, а в конечном счете и личности. Я думаю, что это выражается в том, что с какого-то этапа массификация перестает действовать. Я думаю, что в этом есть нечто цельное. У человека есть такие механизмы, которые ограждают его от слишком сильных напряжений, например, от слишком сильного звука. Это вполне естественно.

Последнее замечание – в отношении проблемы демократии. Положение очень серьезное и очень любопытное. С одной стороны – система массовой коммуникации дает как будто бы идеальные условия для развития массового политического сознания. Все могут знать обо всем, и отсюда тот идеал демократии, где массы обо всем могут судить, во всем разбираться и каким-то образом компетентно участвовать в принятии решений. Но это только одна половина дела, притом, может быть, и не самая действенная. Правильно, что на производственную структуру накладывается сеть личностных отношений. Но есть ли это тот самый идеал производственной демократии? Мне кажется, что не совсем то. Мне кажется, что если в большой автоматизированной производственной структуре остаются ячейки, где человек, или группа, может решать – это хорошо, но это не то, о чем мечтал Жан Жак Руссо. И может быть так и надо, чтобы не то. Дело вот в чем. Демократия, как это представляли во время Руссо, это сочетание компетентных мнений людей, каждый из которых свободно думает, учитывает обстановку и высказывает своё мнение. История показывает, что такая ситуация почти никогда и нигде не складывалась, что эти мнения людей оказываются мнениями, заранее им заданными. И при том усложнение обстановки – будь то производственной, будь то со-

временной международной, ведет к тому, что множества компетентных мнений быть не может. Их существует лишь ограниченное количество, остальные – некомпетентные. И если выступает масса – скажем, на выборах США или на гитлеровских плебисцитах (не будем забывать, что там были плебисциты, и они давали более 90% голосов и за вооружение, и за войны – за все, что угодно), то там выступает не масса людей, свободно сопоставляющих свое мнение, а масса людей одуроченных; причем там, в Германии, впервые во всю свою силу выступило радио и оболванило массы. Я повторяю, что все хорошие качества массовой коммуникации надо развивать использовать. Но есть такая английская поговорка: «Глупый начинает с начала, а умный с конца», т.е. начинает с того, что должно получиться, учитывает перспективу.

Тут было сказано, что я, рисуя как будто бы мрачную картину, предполагал, что массовые коммуникации окажутся в нехороших руках. А если в хороших руках, то будет хорошо. Это в общем так. Однако, рассчитывать на то, что во главе Объединенного Телевидения станет человек умный и хороший – утешительно, но лучше бы так, чтобы это не зависело от вкусов и выбора одного человека. То общество, где благополучие зависит от хорошего расположения ближайшего полицейского, не очень хорошее. Я предпочитаю, чтобы общество опиралось на слаженную систему, ограждающую меня от этого полицейского.

Так же я хотел бы такой системы телевидения, чтобы я был огражден, дурак туда попадет или недурак. Чтобы система была такая, чтобы он не мог делать глупостей в масштабах общества.

*Материалы встречи социологов
на базе Тартусского Университета ЭССР 1966 г.
Кяярику I. Тарту 1967 г.*

СТРАННЫЙ МИР МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Обличение вульгарности современной массовой культуры давно стало общим местом в публицистической и научной литературе на Западе. Убежденные консерваторы и молодые радикалы, ревнители классического искусства и ниспровергатели его канонов, социологи и критики единодушны в презрительном отрицании стандартизированной и тиражированной пошлости, которая почему-то занимает место высокой культуры. Собственно говоря, именно в этой возмущенной критике и получил хождение сам термин «массовая культура», тем самым как бы заведомо связанный с отрицательной оценкой соответствующего явления (показательно, кстати, что немногочисленные сторонники массовой культуры предпочитают говорить о культуре «популярной», «общедоступной» и т.п.). Возникающий вследствие этого – несколько непривычный для нашего уха – оттенок прилагательного «массовый» приходится учитывать при рассмотрении обозначаемого им социального явления. Расплывчатость самих «заглавных» терминов в западных работах о массовой культуре (в каком смысле здесь речь может идти о *массах* и в каком – о *культуре*?) отчасти связана с многомерностью обозначаемых ими явлений. При попытках оценивать их по какой-либо «линейной» шкале – скажем, отмечая низкий художественный уровень или дешевизну соответствующей продукции, – смазывается как раз та сложность явлений, которая придает миру массовой культуры его широту и «странность». Не столь трудно усмотреть эстетические или экономические различия между массовой и «подлинной», «высокой» культурой; гораздо труднее – и важнее – объяснить, почему в современном высокообразованном капиталистическом обществе эти грани постоянно размываются. Пока мы ограничиваемся рассмотрением самих по себе литературных текстов, «высокая» культура отличается от массивифицированной пошлости, как

Шекспир от какой-нибудь рекламной «мыльной оперы»; способ распространения текста (тираж, сцена, экран) здесь ничего не изменяет. Но ведь литературный текст обретает жизнь лишь в определенной системе человеческих интересов, вкусов, привычек, способов восприятия и понимания языка искусства. Культура не существует и не действует в обществе вне системы ее усвоения и распространения. И именно в этом, социальном контексте современной буржуазной культуры обнаруживается парадоксальное размывание граней «высокого и «низкого», которое захватывает как сферу *потребления* культуры (аудитория), так и сферу ее *распространения* (массовая коммуникация) и саму сферу культурного *производства* (творчество, хотя от употребления данного термина лучше было бы воздержаться, заменив его «тиражированием»).

Не вызывает сомнений, что существуют какие-то границы, перегородки между массовой и иной, «немассовой» культурой в современном капиталистическом обществе. Но в какой мере они определяются *содержанием* культуры, *средствами* ее распространения, ее *аудиторией*? Насколько – и в каком направлении – *проницаемы* эти перегородки?

«Люди читают больше, но понимают меньше. Больше людей читают, но пропорционально меньше усваивают то, что они читают», – свидетельствуют американские социологи П. Лазарфельд и Р. Мертон. По их мнению, дело в резком изменении соотношения между элитой и массой в аудитории: «Средний уровень эстетических стандартов и вкусов аудитории упал, хотя вкусы некоторых слоев населения несомненно выросли и общее число людей, которым доступно содержание коммуникации, чрезвычайно расширилось». Но Д. Макдональд – один из самых резких и пессимистических критиков культуры современного капиталистического общества – отмечает, что массовая культура не существует параллельно «высокой» культуре, но вытесняет и, хуже того, разлагает ее (для обозначения продуктов массовой культуры в

западной литературе часто используют словечко «Kitsch», означающее приблизительно «пошлость», «халтура»; Макдональд применяет и другой, не менее яркий термин Kulturkatzenjammer, который можно перевести как «культурпохмелье»). «Если бы существовали ясные границы культурной элиты, – заявляет он, – тогда массы имели бы свой китч, а элита свою высокую культуру, и все были бы счастливы». На деле же воздействие массовой культуры оказывается универсальным.

Будучи вынужденными ориентироваться на массовые стандарты, номинальные представители «высокой» культуры шаг за шагом сползают на позиции некой культуры «среднего сорта», уступающей массовому давлению. «Средняя» же культура, «мидкульт» по Макдональду, ведет не столько к культурному подъему масс, сколько к разложению культурной элиты и самой «высокой» культуры.

Параллельно происходит постоянное разложение творческого авангарда, который в конечном счете действует в той же атмосфере массовой культуры и неизбежно заражается ее стандартами, приемами воздействия на аудиторию и т.д., – отчасти с этим связаны, кстати, непрестанные попытки воинствующих «авангардистов» отгородиться от массового вкуса. Лихорадочные поиски дразнящих и экстравагантных «барьеров» в данном случае свидетельствует о том, что в мире массовой культуры обычные грани между специфическими интересами, вкусами, стремлениями отдельных, непохожих друг на друга людей и групп как бы стираются или по крайней мере отступают на задний план перед неким универсально навязчивым стандартом. Эта тенденция к *универсальному однообразию* составляет одну из наиболее характерных черт всего странного мира массовой культуры.

История человечества знает культуры кастовые, узкословные, элитарные, в которых знания, опыт, ценности выступали в качестве тщательно хранимого, доступного немногим избранным, окруженного тайной сокровища. В мире

массовой культуры как будто нет тайн и запретов, нет святилищ и таинств: все предельно доступно, открыто, дешево. Но доступно в одном качестве – как предмет *массового потребления*. Эту ситуацию нередко и не без оснований сравнивают с потребительским рынком. Правда, это не «свободный» рынок классического капитализма, а рынок монополистической эпохи.

Потребители культуры как будто имеют возможность выбрать в обширном ее хранилище «товар» по своему вкусу, но не делают и не хотят делать такой выбор, следуя некоему общему потоку, который постоянно размывает специфические вкусы, заменяя их все тем же стандартом. Вот как рисовал эту картину американский социолог Ч. Райт Миллс: «Общество выступает как механическая совокупность индивидуумов, отданная на произвол массовых средств общения», произошла «экспроприация прежней массы мелких производителей и потребителей общественного мнения, действовавших в условиях свободного и уравновешенного рынка». Конечно, «свободный рынок» общественного мнения – типичная либеральная иллюзия, опрокинутая в прошлое. Законы движения рынка с неизбежностью ведут к преобладанию дешевой и стандартной продукции над продукцией «кустарной». «Видимо, существует правило Грешэма и в культурном обороте, подобно тому как оно существует в денежном обороте: плохой материал вытесняет хороший, поскольку плохое легче понять и ему легче радоваться». Действие подобных закономерностей на рынке культуры отмечал еще более ста лет назад А. Токвиль, один из первых и весьма проницательных критиков буржуазного образа жизни.

* * *

По известному замечанию Маркса, эпохи различаются прежде всего не тем, *что* производится, а тем, *как* производится. Для современной массовой культуры способ ее вос-

производства, распространения, навязывания (можно сказать короче – способ ее существования) – это *система массовой коммуникации*. С известным правом массовую культуру можно характеризовать как культуру, действующую через систему массовой коммуникации. Речь идет именно о *системе*, а не о простой совокупности средств – технических или организационных, – потому что средства и функции здесь тесно связаны друг с другом.

Дискуссии о том, является ли, скажем, телевидение благом или злом, средством распространения культуры или также и средством ее дискредитации, хорошо известны читателям. Нас сейчас интересует повторяющийся в них мотив: «Только техника или... не только техника?»

Довольно просто и даже утешительно представить дело так, что перед обществом в данном случае всего лишь могущественная техника универсальной связи, нейтральная сама по себе, поскольку реальное содержание передач целиком определяется ориентациями и вкусами тех, кто ею владеет.

Прежде всего эта система предполагает *крупную монополию на источники и средства распространения* (а значит, и на способы *истолкования*) *информации* в обществе. Такая монополия может быть государственной (ОРТФ, Би-би-си) или частной (газеты, американские телекомпании), но она непременно должна быть крупной. Статистика подтверждает, что мелкий и средний бизнес в сфере коммуникации имеет меньше шансов на выживание, чем в любой отрасли производства или обслуживания. Количество крупных газет и массовых журналов из года в год уменьшается как будто в обратной пропорции к росту их тиражей. Небольшие радиотелевизионные компании имеют чисто местное значение. Финансовая сторона дела (утверждают, что основание новой газеты в США требует не менее 100 миллионов долларов), в данном случае вполне точно отражает тенденцию к концентрации и монополизации средств массового общения. Тем самым, естественно, создаются невиданные и невозможные

ранее условия для централизованного, систематического, повседневного воздействия на чувства, вкусы, умы людей.

Аудитория массовой коммуникации (а это и есть сфера потребления массовой культуры) универсальна. Примерно 80-90% семей в развитых капиталистических странах имеют телевизоры, 70-80% посещают достаточно регулярно кино, 60-70% выписывают и читают газеты. Это значит, что средства массовой коммуникации способны сегодня в кратчайший срок донести сообщение до каждого жителя страны, что они могут ежедневно часами удерживать внимание и интересы практически всего населения. Подсчитано, например, что жители США в среднем проводят у телевизионного экрана больше времени, чем на работе (такое соотношение получается, конечно, с учетом незанятого населения). В прошлом, в «домассовые» времена развития культуры каждое средство общения – книги определенного рода, театр и т.д. – ориентировалось на определенный и даже замкнутый круг потребителей, на «свою» публику, причем, как правило, этот круг был скреплен непосредственными личными контактами, коллективным восприятием (скажем, театрального действия). Массовая же коммуникация обращена ко всему сразу и ни к кому в отдельности, к бесчисленному множеству ничем не связанных, не знающих друг друга людей («толпе одиноких», по известному выражению Д. Рисмена). Особые вкусы и интересы отдельных лиц здесь принципиально не могут учитываться, и сама присущая массовой коммуникации установка на «среднего» потребителя ведет к тому, что этот, на первых порах как будто чисто «статистический» персонаж шаг за шагом материализуется, поскольку систематическое воздействие направлено на нивелировку, усреднение запросов – и это воздействие оказывается небезуспешным.

Один из источников влияния массовой коммуникации состоит в том, что она приносит «на дом», дает «в собственные руки» рядовому читателю, слушателю, зрителю обширный мир событий и знаний. Многочисленные исследования, про-

водившиеся в разных странах, обнаружили любопытную закономерность: из всех видов коммуникации наибольшим доверием у аудитории пользуется телевидение (то есть зрители чаще согласны с точкой зрения авторов передачи). Такое предпочтение объясняется довольно просто – именно телевидение скорее всего способно создать эффект «присутствия», «наглядности», даже «соучастия» по отношению к событиям, о которых на самом деле зритель крайне мало осведомлен и в которых не в состоянии компетентно разобраться. Но это лишь эффект. Отношение аудитории к источнику коммуникации – и вообще потребителя к массовой культуре – неизбежно оказывается *пассивным*, чисто *потребительским*: здесь не только нет непосредственного обратного воздействия на коммуникатора, но отсутствуют или сильно снижены барьеры интерпретации (иллюзия непосредственной доступности), критичности, специфических интересов; короче говоря, здесь предельно низка *избирательность* восприятия. «Главный эффект телевидения – это пассивность и зависимость во множестве их форм и обличий», – констатирует американский психиатр Э. Глини, изучавший воздействие массовой коммуникации на зрителя.

Когда-то Юлиан Тувим шутил: «Радио – замечательное изобретение; повернул ручку – и ничего нет». Разумеется, *отдельный* сознательно действующий слушатель всегда может «повернуть ручку» или с недоверием отнестись к сообщению. *Массовый* же слушатель (реально, а не статистически усредненный системой массового воздействия), как правило, просто *не хочет* этого сделать. Позиция массового потребителя в современном капиталистическом обществе по отношению к массовой коммуникации на деле – это добровольное (точнее, привычное) подчинение.

Конечно, через систему массовой коммуникации проходят и тексты весьма серьезного и самого «высокого» плана – художественные или информационные, политические или научные и др. Приводится, например, такой факт, что после

хорошей передачи о М. Прусте по французскому телевидению за одну неделю было распродано 40 тысяч экземпляров произведений этого автора. Постановка «Саги о Форсайтах» британским телевидением заметно повысила интерес широкой публики к Голсуорси. К сожалению, отсутствуют сведения о том, в какой мере угол восприятия книги был «задан» передачей, а это, видимо, самое интересное в таких случаях.

Специфика массовой коммуникации видна не только в том, как она преобразует (и в процессе обработки и, главным образом, в процессе восприятия аудиторией) художественные, научные, политические тексты, но и в том, какие специфические формы текстов отбирает, закрепляет, создает.

Серийный детектив, фотороман, пресловутые – но уже выходящие из моды – комиксы и пр. обладают некоторыми общими чертами. Весьма ограниченный набор сюжетных схем и персонажей, резкая, «массовая» типизация героев – все это парадоксально сближает массовую литературную продукцию с фольклором и мифом (на деле имитируются не только формы, но и – отчасти – функции). При этом стандарты давно стали принадлежностью ожиданий, то есть свойством самой аудитории.

Вот случай из практики Би-би-си, который приводит польский социолог К. Жигульский: «Попытка нарушить схему, вырвать произведение из серии приводит порой к острой реакции потребителей. Ее можно вызвать даже искусственно. Это недавно сделала английская Би-би-си, передававшая по телевидению серию детективных рассказов, в которых, как это обычно бывает, героиня, милая молодая женщина, не терпелась в самых трудных ситуациях. В одной из передач преднамеренно изменили развязку. Героиня, покинутая спутниками на середине глубокого озера, оказалась за бортом лодки, долго и трагически боролась за жизнь и в конце концов утонула... По окончании передачи посыпались шумные и многочисленные протесты, звонки, полные возмущения письма. Английская публика горько упрекала телевидение»

ние в том, что ее обманули, ограбили, лишили полагающегося удовлетворения».

Многообразие сюжетов, источников информации, страстей и событий, которые входят в поток массовой культуры, кажутся поистине безграничными. Но свойственные этому потоку стандарты универсального *однообразия* неумолимо делают свое дело по меньшей мере двумя путями: через способ подачи материала и через способ его восприятия. Материал, поставляемый потребителю (и, по-видимому, заказываемый им), – это продукт некоторого «перемешивания» событий и отношений разного порядка и разной значимости. Массовый журнал типа «Лайфа» или телепрограмма равняют сообщения о крупных войнах и мелких скандалах, стихийных бедствиях и последних модах. В результате, как пишет один из американских критиков, для потребителя «все это имеет одинаково мимолетное значение или надоедливо мало-значительно». События и страсти, приближенные к глазу массового потребителя до плоскости телеэкрана или глянцевого журнальной обложки, остаются в равной мере *далекими* от его практических интересов.

Производство, распространение и потребление массовой культурной продукции в буржуазном обществе подчинено тем же законам, что и всякое массовое производство вообще; серийный, стандартный, конвейерный выпуск максимально дешевого и универсально доступного продукта, растущая монополизация производства и сбыта, а вместе с ней – растущая и *изменяющаяся* роль рекламы. В домонополистическом хозяйстве реклама призвана главным образом расталкивать конкурентов на уже существующем рынке, то есть создавать преимущественное положение для данного товара при наличном и неудовлетворенном спросе. Сейчас положение меняется: сам рынок должен вновь и вновь создаваться заново, как бы искусственно; требуется сформировать спрос на новые товары и новые качества товаров, которого раньше просто не могло быть. Соответственно реклама из предпоч-

тительной все более превращается в принудительную, активно навязывающую покупателя не отдельный вид товара, а саму *потребность* в товаре. В. Паккард приводит заявление некоего парфюмерного фабриканта: «Мы не продаем помаду, мы покупаем потребителей». Сатирическое изображение этой ситуации принудительного насаждения потребительского спроса мы находим в недавно переведенном у нас романе Веркора и Коронеля¹. Идеал «сторонников изобилия» (или «плеторианцев», как это звучит в оригинале) состоит в том, чтобы заставить население возможно больше покупать как будто заведомо ненужные товары, поскольку от этого в фантастически американизированной Тагуальпе зависят и прибыли капиталиста, и всеобщее «надуманное, неестественное благополучие».

Авторы, однако, не совсем правы, сосредоточивая внимание лишь на индивидуальных механизмах обработки умов покупателей; не учитывают они и того, что совершенно неестественные с точки зрения обычного здравого смысла запросы и вкусы становятся *необходимыми* – приобретают статус необходимых – в рамках определенной системы массового поведения. Ведь сама потребность в товарах определенного типа и стиля всегда формируется господствующей культурой. Именно эта ситуация на рынке высокоразвитого, «плеторианского» капиталистического общества больше всего влияет на культурный рынок.

* * *

Очевидная особенность «культурного» производства по сравнению со всяким иным состоит в том, что его конечный продукт – это сам *человек* как определенным образом воспитанный и обученный член общества. Поэтому массовое про-

¹ *Веркор и Коронель*. Квота, или Странники изобилия. М., «Прогресс», 1970.

изводство культуры – это в конечном счете массовое производство определенных человеческих способностей, желаний, умений, вкусов. В мире массовой культуры, по словам одного из ее критиков (И. Хоува), «человек становится потребителем, массово воспроизводящим себя подобно товарам, развлечениям и ценностям, которые он потребляет». Сказанное выше позволяет сделать одну поправку в этой довольно меткой характеристике: речь здесь должна идти не о потреблении вообще, а об относительно избыточном, «плеторианском» потреблении. Реальные, социально значимые грани здесь довольно подвижны, но их все же можно проводить с учетом явного разграничения двух функций (как бы двух ипостасей) современного человека – «человека деятельного» (*Homo faber*) и «человека досужего» (*Homo ludens*). Потребление, ориентированное на воспроизводство «человека деятельного» (по Марксу, это прежде всего воспроизводство рабочей силы или капитала), – старо, как сам социальный мир вообще, и «потребительством», очевидно, не является. Что же касается «потребительского» буржуазного общества, то здесь ориентация на максимальное потребление – это расширенное производство «человека досужего».

Вот уже не новая, но весьма яркая картина «потребительской» ситуации, которая дана Э. Фроммом: «Человек сегодня околдован возможностью покупать больше вещей, вещи лучшего качества и в особенности новые вещи. Он потребительски голоден. Акт покупки и потребления стал принудительной, иррациональной целью, это цель сама по себе, она мало связана с использованием купленной вещи. Если бы современный человек решился выразить свое понимание царства небесного, он нарисовал бы картину, напоминающую самый большой в мире универмаг, переполненный новыми товарами, а сам он имел бы обилие денег, чтобы их приобретать. Он ходил бы с разинутым ртом по этому царству новейших выдумок и ширпотреба, озабоченный лишь тем, чтобы купить все новые и новые вещи, и еще, может быть,

тем, чтобы его соседи находились в несколько менее привилегированном положении, чем он сам». Отметим две особенности в этом описании потребительского поведения: 1) потребление ради самого потребления, 2) ориентация на поведение «всех остальных» как наиболее важный стимул. Массовый потребитель, согласно такой схеме (несколько утрирующей ситуацию), приобретает не потому, что нуждается (в смысле «естественных» нужд), не потому, что получает какое-то непосредственное наслаждение от пользования данным новейшим товаром – скажем, новейшей модной одеждой или маркой автомобиля, – а потому, что «все», «другие» именно так поступают или стремятся поступать. Он привык ориентироваться на некую обобщенную фигуру «другого», более того – к необходимости нуждаться в ней как образце.

Этот обобщенный образец повседневно и с огромной силой навязывается человеку системой массовой коммуникации. Относится же он преимущественно к типу «человека досужего».

Промышленная дисциплина капитализма впервые ограничила рабочее время, подчиненное жесткой фабричной регламентации, от всего остального, но лишь с недавних пор, по мере сокращения рабочей недели, это «остальное» превратилось в особое социальное явление и очень острую социальную проблему. По современным данным, каждый человек в развитых капиталистических странах как будто располагает 3-4 часами досуга в день (за этими средними могут скрываться довольно резкие различия, в особенности в положении мужчин и женщин). Но нас сейчас занимает другой вопрос: в какой мере «человек досужий» действительно *располагает* своим временем? Ведь половину или даже большую его часть захватывает система массовой коммуникации, прежде всего телевидение, где свобода действий зрителя сводится лишь к выбору программы. Это поглощает примерно в двадцать раз больше времени, чем, например, самообразование (да и последнее нередко служит как бы продолжением про-

фессионального обучения, которое необходимо, чтобы просто сохранить работу в условиях возрастающих требований). Создается впечатление, будто человек, получив возможность хотя бы на несколько часов в день быть свободным, из всех сил ищет новых форм несвободы. «В конечном счете, проблема свободы – это проблема *жизнерадостного робота*, и она возникает сегодня, ибо сегодня стало очевидно для нас, что *все* люди *не хотят* быть естественно свободными, что все люди не хотят или, в отдельных случаях, не могут достичь такого развития разума, которого требует свобода», – сетовал упоминавшийся выше Ч. Райт Миллс. «Борьба за свободу, досуг, народное образование и социальное обеспечение, – пишут П. Лазарсфельд и Р. Мертон, – велась в надежде, что, освободившись от оков, люди усвоят главные культурные продукты нашего общества – Шекспира и Бетховена, может быть, Канта. Вместо этого они обращаются к таким идолам бульварной литературы и музыкальной пошлости, как Фейт Болдуин, Джонни Мерсер или Эдгар Гест». Неверно, однако, винить во всем этом «бегстве от свободы» (нашумевшее выражение Э. Фромма) *человека*: он никогда не был и не может быть «естественным», а его общественные запросы и устремления прямо или косвенно заданы его обществом и его культурой. Общество заставляет человека «плеторианской» эпохи «убивать» свое время, чтобы это время не убило его самого. Орудием совершения этого «убийства» служит массовая культура.

Стало очевидным, что в современном позднекапиталистическом обществе произошло определенное разграничение двух функций культуры. С одной стороны, это накопление и передача *специальных* знаний, умений, норм деятельности, как технических, так и административных, правых и пр. Для этого требуется довольно серьезное и длительное образование, которое делает человека компетентным в какой-то сравнительно узкой (и все более сужающейся) области. Компетентность здесь, конечно, в основном исполнительская, а не

творческая. Высокая художественная культура тоже имеет тенденцию превратиться в разновидность узкоспециализированной профессиональной деятельности. «Специализированная» культура формирует человека как грамотного работника одной определенной сферы общественной деятельности, ее продукт – это уже упомянутый *Homo faber*, который сегодня не может занять (хотя бы по причине ограниченности рабочего времени) всего пространства человеческого существования. Его двойник и напарник, его необходимое дополнение и подкрепление – *Homo ludens* – продукт «досужей» массовой культуры. Если в начале века наиболее популярными героями американской публики были бизнесмены и «политики из народа», то в последнее время их место в системе «ориентации» занимают киноактеры и т.п. Как выражается один из исследователей этого явления (Л. Левенталь), «идолы работы» замещаются «идолами досуга».

«Человек досужий» не замкнут ни в какой особой области, он очень широко, пожалуй, даже универсально, информирован: радио, телевидение, газеты постоянно держат его в курсе самых разнообразных событий, происходящих во всех уголках земного шара и во всех областях современной жизни – от политических конфликтов до последних мод. Но *информированность* в данном случае не означает действительного знания – это всего лишь досужее, неглубокое «знание понаслышке».

Машина массовой информации не столько расширяет кругозор человека, сколько позволяет ему разложить все богатство видимого и слышимого – на экране, разумеется, – мира по готовым полочкам, упаковать в стандартные, удобные для пользования обертки с заранее напечатанными ярлыками (и не столько даже позволяет, сколько *заставляет* его это делать). Как утверждают в один голос авторы многих исследований массовой коммуникации, функция последней состоит в том, чтобы «усилить стабильность и снизить новизну», подкрепив уже сложившиеся стандарты (стереотипы)

массового восприятия социальной информации. Одновременно массовая культура, в особенности ее «художественная часть», решает еще и такую важную для сегодняшнего капиталистического мира задачу, как облегчение, снятие психической напряженности, создаваемой высоким темпом жизни, атмосферой постоянно действующего социального, психологического и личностного кризиса. Отсюда столь большое место «чистой» развлекательности в массовой культуре. Если психологическое воздействие высокого искусства с античных времен именуется *катарсисом* – возвышенным очищением души, – то психологическая функция массового искусства – *релаксация*: облегчение, снижение напряженности. Аналогичную нагрузку несут и иные компоненты массовой культуры, например, столь распространенные «хобби».

Итак, «странный» мир массовой культуры, мир искусственно создаваемых, «досужих» интересов, сведений и развлечений, оказывается необходимым восполнением столь же «странного» (если судить по добрым старым меркам здравого смысла) мира профессионально узкой, «специализированной» культуры. И потому нет никакого противоречия между интенсивным развитием научно-технической культуры в современном капиталистическом обществе и снижением массовых стандартов знания и вкуса. Сами условия, в которых происходит развитие научного знания в этом обществе, порождают такой суррогат знания, как массовая «информированность». Более того, существует сильнейшая тенденция подчинения «высокой» и специализированной культуры стандартам массового порядка: это и восприятие шедевров искусства через призму соответствующих стандартов (просится выражение: через экранизацию...), и «мидкульт», о котором писал Макдональд. Аналогичное явление наблюдается даже по отношению к сугубо специальным, научным и т.п. областям деятельности. «Массовые» представления о научных истинах не могут, конечно, влиять на саму логику научного исследования, но зато они нередко влияют на логику и

политику финансирования и использования научных разработок (предпочтение «популярных» и престижных направлений).

Правомерно ли, однако, ставить на какую-то одну доску такие как будто совершенно разнородные явления, как отношение к искусству и «массовое» восприятие науки? Если бы речь шла о процессах *творчества*, то всякие аналогии здесь (хотя и они возможны) были бы весьма рискованными. Но в мире массовой культуры происходит не творчество, а лишь потребление – притом сугубо пассивное, неспециализированное, «досужее». В *этом* смысле массовая аудитория одинаково относится к информации научного, политического, эстетического происхождения.

Потому мы видим в массовой культуре не просто совокупность неких произведений «низкого» стиля, не просто дурной вкус какой-то, хотя бы и значительной, части населения в буржуазном обществе, а нечто более существенное. Универсальная *доступность*, универсальная *пассивность*, универсальное *однообразие* – это общий знаменатель культурного «*климата*» этого общества, который сегодня накладывает свой отпечаток на все его сферы и самые разнообразные области культурно жизни. Климат этот создается множеством факторов, формирующих потребительскую *аудиорию* массовой культуры, социальные и технические *средства* ее организации и всю довольно многочисленную армию ее *обслуживания* – глашатаев, проводников, переводчиков и др. (говорить о «творца» тут явно не приходится).

* * *

В зарубежной литературе нередко можно обнаружить попытки «привязать» появление и распространение массовой культуры к определенным социальным группам буржуазного общества. Некоторые его идеологи связывали появление массовой культуры с «вторжением» некультурных масс в

чуждую для них область духовного производства. Существуют и мнения, будто специфическая среда массовой культуры – это городские средние слои (или, как выражается Э. Морэн, «новый средний класс»). Несколько иной оттенок эта идея приобретает в распространенных среди американских публицистов суждения о «культуре среднелобых» (мерой ее противопоставления «высоколобой» и «низколобой» культурам оказывается «интеллектуальный коэффициент» – IQ). Очевидно, что подобные представления не имеют ничего общего с анализом классового содержания массовой культуры. Она – продукт и достояние *всей системы* современного, высокоразвитого технически капиталистического общества, а не какой-либо ее части или группы. Носителем этой культуры выступает не какая-то особая группа общества, а его недифференцированная потребительская масса.

Перед нами некий парадокс: как может сложное, разроженное множеством социальных «перегородок» (классовых, профессиональных, образовательных, этнических, локальных др.), раздираемое острейшими противоречиями общество оказаться чем-то однородным? Как может столь «организованное» общество (профессиональные, политические, культурные союзы, клубы, группы и т.д. – в США более половины населения состоит в различных организациях, многие в двух-трех и более) действовать как нечто аморфное, бесструктурное? Известно ведь, что подобного рода организованность населения в современных условиях все более возрастает, в то же время возрастают и «перегородки» (в особенности в связи с растущей специализацией производства). Увеличивается влияние государственно-политической организации капитализма и всякого рода принудительных и добровольных объединений. На производстве, на службе, в политике, даже в бытовых отношениях человек выступает все в большей мере как «организованный человек» или как «человек организации». Но именно на этом фоне – а точнее, на этой *основе* – и создается такое положение, при котором

человек за пределами «своей» узкой сферы деятельности и организации, за пределами своего профессионально занятого времени выступает в роли неорганизованного и некомпетентного потребителя, отдающего себя во власть массовой рекламы и ориентирующегося на созданный той же рекламой образ «другого». Чем более узка первая сфера (а она с необходимостью становится все более узкой), тем шире вторая. Границы потребительской массы (по отношению к культуре она же выступает в качестве массовой аудитории) не совпадают поэтому с рамками социально-экономических классов или с различиями в уровне доходов, образования и пр.

Правда, социологические исследования показывают, как правило, что более высокому образовательному цензу соответствуют сравнительно большая критичность по отношению к системе массовой коммуникации, более специфические культурные запросы и т.т. Но средние показатели в данном случае сгруппированы так, что не позволяют видеть соотношение «специальных» и «общих» интересов в одной и той же культурной группе. А именно это соотношение, которое все же можно определенным образом оценить, показывает, как часто самый активный и квалифицированный в своей области специалист становится самым заурядным и пассивным «массовым» обывателем в сферах далеких от него эстетических или политических отношений. Потребительская масса не существовала в «готовом виде», не таилась в ожидании своего часа до появления «потребительского общества»: она только им и могла быть *порождена*. И сама экспансия низких («среднелобых») вкусов не могла бы быть ни широкой, ни длительной, если бы не существовало «цивилизации досуга» с ее массовой коммуникацией, принудительной рекламой и т.д.

Неверно поэтому рассуждать – как делают сегодня иные поверхностные «радикалы», – является ли массовая культура или какое-либо средство ее распространения благом или злом. Никакая серьезная оценка этого явления не укладывается

ется в столь простую ось. Представлять его сложность важно для того, чтобы лучше видеть те условия, в которых происходит борьба за души людей в современном мире.

* * *

Нельзя ставить вопрос о том, выше или ниже «в целом» культура капитализма последней трети XX века по сравнению с его культурой, скажем, середины XX века (нас в данном случае интересует не сопоставление выдающихся талантов, а характер социального воздействия культуры). Изменился сам *способ социального существования* культуры, он не стал «хуже» или «лучше», он просто стал иным. Один из признаков этого – «относительное культурное обнищание», происходящее при количественном росте общей массы культурных благ, приходящихся на человеческую единицу. Более грамотный и образованный, несравненно более начитанный (и еще больше «наслышанный» – в смысле радио и т.д.), чем его предшественники сотню лет назад, сегодняшний человек относительно *менее компетентен*, потому что в значительно большей мере возросла общая сумма и, главное, специализация культурного богатства. С огромным, бурно растущим потоком информации разного рода современное буржуазное общество не может справиться иначе, как разбивая его (при помощи сложной системы «плотин» и «каналов», к которым можно отнести и систему разветвленного специализированного знания, и систему массовой коммуникации) на два русла – специальное, сразу же распадающееся на сотни или тысячи отдельных струй, и массовое. Каждое из них выполняет свои функции, взаимно дополняя друг друга. Одно обеспечивает общество практически необходимыми и работающими знаниями, опытом, ориентациями, другое как бы мобилизует и держит в определенном напряжении предпочтения, настроения, мнения масс.

Такое раздвоение некогда единого культурного потока

чрезвычайно болезненно сказывается на той общественной группе буржуазного общества, которая ранее выступала в качестве создателя и хранителя его культурных богатств – речь идет об интеллигенции. Ее «культурная монополия» в свое время питала и поддерживала идеи о специфической, просветительской и нравственной, миссии интеллигенции в обществе. Реальный ход буржуазного прогресса возложил обязанности хранителя и ретранслятора «культурной» информации на безликую систему, «машину» образования, воспитания, рекламы; вчерашних же распорядителей знаний и ценностей превратил в специальный обслуживающий персонал этой системы (иногда, правда, оставляя ему, по совместительству, право на ворчливую или даже шумную социальную критику). С этим связан уже рассматривавшийся в нашей литературе *антиинтеллектуализм* современного капиталистического общества (особенно американского), которое столь хорошо умеет эксплуатировать интеллект своих специалистов². «Одна из странностей американской культурной сцены, – пишет Д. Макдональд, – в том, как много там «мозговых работников» и как мало интеллектуалов, если отнести к первым специалистов, чье мышление в основном занято своими, ограниченными участками, а ко вторым – лиц, чьей областью является вся культура. Интеллектуалов не только мало, но они и не связаны вместе, у них очень мало *esprit de corps*, очень мало чувства принадлежности к какому-либо сообществу; они столь изолированы, что даже не решаются ссориться друг с другом...» Это положение – один из продуктов расщепления культуры в современном «массовом» буржуазном обществе, где само понятие «вся культура» является такой же примерно фикцией, как «вся наука» или «вся правда».

² См. об этом статью И.С. Кона в «Новом мире» № 1. 1968.

* * *

Чтобы выявить существенные черты механизма массовой культуры, нам приходилось рассматривать это явление в его общем виде, не касаясь того, как оно действует в условиях разных стран и ситуаций. Вне поля зрения пока остались многие явления, свидетельствующие о том, с какими социальными издержками, с какими перебоями функционирует система массовой культуры в кризисной атмосфере позднекапиталистического общества. Особого анализа заслуживают, в частности, проблемы сегодняшних «бунтов» в этой области, судьбы элитарных, авангардистских, молодежных движений, которые теперь развертываются в условиях массовой культуры и по-разному воздействуют на нее.

«Иностранная литература» № 11, 1971

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

В понятии интеллигенции, как оно сформировалось в России, содержится нечто иное и большее, чем «слой» или «социальная группа»; это в то же время еще и социальная функция, роль, притом представленная как миссия, окруженная ореолом долга и жертвенности. Это не просто группа образованных людей, но некая общность, видящая смысл своего существования в том, чтобы нести плоды образованности (культуры, просвещения, политического сознания и пр.) в народ и уподобляющая эту задачу священной (по меньшей мере, культурно-исторической) миссии... Это довольно длинное определение потеряет смысл, если его сократить на какую-то составную часть.

Определение интеллигенции задано, таким образом, специфической структурой отношений в треугольнике «народ», «власть» и внешняя по отношению к ним, привносимая извне «культура». Каждая из вершин такого треугольника представит в виде некой точки, бесструктурного, нерасчленимого образования. «Народ» здесь – косная масса, предмет служения, любви и страха; «власть» – жестокая и консервативная сила, использующая отсталость массы против прогресса и интеллигенции, а достижения прогресса (модернизации) – против массы. Предполагается взаимное дистанцирование всех трех сил (а не только интеллигенции от народа, как часто отмечается).

Нельзя отнести описанную выше конфигурацию только к реальности социально-объективных отношений или к реальности общественного сознания (культуры) – это реальность истории, выраженная в определенной фигуре в плоскости сознания, оценок, устремлений. Естественен вопрос о степени уникальности русской ситуации в этом отношении. В любых процессах модернизации, столь известных сегодня по перипетиям «третьего мира», происходит «привнесение» из-

вне неких систем культурных значений, действуют и специфические моменты такого привнесения. Особенность России (и, возможно, еще немногих стран, реально застигнутых модернизацией в XIX веке), прежде всего, видимо, в том, на какой стадии собственного и мирового развития она была вовлечена в этот процесс. В ретроспективе видно, что русская интеллигенция в прошлом веке пыталась решать примерно такую же задачу, что прогрессивно-офицерские элиты в «третьем мире» столетие спустя, – но при ином соотношении внешних и внутренних факторов и средств изменений.

Интеллигенция столь же отлична от интеллектуальных групп развитого индустриального общества, инкорпорированных в его истеблишмент, как и от джентри («грамотеев») традиционного общества. Она не просто выражает (словами, понятиями, терминами) мысли и интересы всех слоев и групп общества, она, по существу, дает им некий принципиально новый язык.

Единая по способу своего существования интеллигенция на всех этапах развития разыгрывается чисто идеологическими оппозициями, доводя до предельно четкого выражения едва ли не все мыслимые крайности позиций, их оценок, увлечений и сомнений, возможных в обществе. Основными осями противопоставления таких позиций неизменно служат линии раздела «свое» – «чужое» (славянофилы – западники и бесчисленные эпигоны тех и других) и «умеренное» – «крайнее» (либералы – радикалы).

Реальное историческое существование русской интеллигенции ограничено примерно рамками 60-х годов XIX века – 20-х годов XX века. Этому предшествовал период эмбрионального существования – от петровских реформ до крестьянской; за «реальным» периодом последовал – и продолжается – некий фантомный. На эмбриональной фазе просветительство (прединтеллигенция) соотносится лишь с властью и с большим или меньшим успехом претендует на роль ее учебного советчика.

«Реальный» период – это история взлета, раскола и подготовки самоуничтожения интеллигенции. Именно здесь существует в развернутом виде весь «треугольник» сил (народ – власть – интеллигенция) и весь набор крайностей и расколов, вынесших на поверхность наиболее радикальные течения, которые истолковали свой долг перед народом как обязанность подчинить народ своему радикализму. После кровавых «репетиций» 1905 года попытки отрезвления оказались неудачными, возможно, потому, что носили явный мистический оттенок – впрочем, как и радикализация (ужас и восторг перед «грядущими гуннами»).

Реализация интеллигентского мазохизма и жертвенности оказалась на деле куда более страшной и банальной. Мавр сделал свое дело, и ему осталось только уйти со сцены. В ситуации тотальной бюрократизации постреволюционного общества интеллигенция имела лишь выбор между физической гибелью (относя сюда и эмиграцию) и гибелью социальной – как особого слоя, функции и мифа. В функциональной системе, именовавшейся реальным социализмом, интеллигенция утратила свою идентичность; насмешкой судьбы можно считать сохранение ее имени для обозначения определенной рубрики в таблице социально-профессиональных позиций. Наличие высшего образования или принадлежность к группе «преимущественно умственного труда» в статистических отчетах не составляет основы какого-либо функционального или морального единства, как не дает и принадлежности к элите общества. В отличие от западных обществ образованные группы в нашем занимают невысокие позиции на шкалах доходов и социального престижа.

И все же гонимый или потаенный дух интеллигенции и интеллигентности не исчез полностью. В призрачном, фантомном виде он сохранился в скрытом сопротивлении, туманных надеждах и настойчивых стремлениях сохранить высоты культуры перед лицом торжествующей бюрократии и полубобразованности массы.

Некоторые из современных социокультурных процессов кажутся возрождением определенных функций и структур «классического» интеллигентского существования, правда, при существенно изменившихся масштабах и значениях действий. В активное движение, вдохновляемое надеждами на развитие интеллектуальной свободы и реализацию новой – а точнее, извечной – социально-просветительской миссии, вовлечена сравнительно небольшая часть «образованщины», в основном ряд представителей гуманитарных дисциплин и академической науки, искусства, литературы, прессы. Сегодня это прежде всего миссия просвещения самой власти (как бы воспроизведение ситуации старого просветительства) и лишь в самой малой мере – просвещения масс.

*Опыт словаря нового мышления. М. Париж.
1989*

СОЦИОЛОГИЯ

На Западе социология давно забыла о своем происхождении от социально-утопических претензий на рациональное преобразование общества (восходящих к Сен-Симону и Конту); в России, а позже и в советском обществе она движется прежде всего именно этим импульсом. Здесь, видимо, сказывается неразвитость посттрадиционных социальных институтов, которые обеспечивали бы самостоятельность и саморегуляцию общественной системы. К этому следует добавить характерное для модернизационных ситуаций постоянное и всеобщее восприятие социальной реальности как временной и переходной.

С самого начала распространения в России социологических концепций, связанных с позитивизмом и эволюционизмом XIX века, они выстраивались в ряд ожиданий некоего социального чуда, которое могло бы, как предполагалось, произойти в результате воздействия социально-рациональной конструкции на косную социальную реальность. Запоздавшая на сто лет просветительская модель общественного процесса приобрела, таким образом, черты социального мессианизма, который воплощался во всех разновидностях народнических, либеральных и марксистских течений – от умеренных до радикальных.

В революционной, а потом в особенности в постреволюционной ситуации доминирующую роль в общественном сознании и знании получила нормативная или проективная модель, ориентированная на рассмотрение социальной реальности под углом зрения желательного, конструируемого и представленного как неизбежность завершения истории. Поэтому объективистский и критический рационализм, присущий западной социологии, равно как и ее прагматические направления, находил довольно узкое применение до 30-х годов, а позже был форсированно устранен со сцены. Для

учебных и пропагандистских программ, а в значительной мере и для вскормленного ими общественного сознания стали характеризующими шаблоны квазиисторической и квазифу-турологической апологетики наличного положения вещей. Предельная идеологизация социального менталитета общества, где иллюзорная конструкция наличного состояния (препарируемого под углом зрения «главного» и «должного») искала оправдания в мифологизировании прошлого (изображаемого в качестве необходимой подготовки) и будущего (как неизбежного завершения). Вполне естественно, что социально-идеологическая конструкция такого рода оставляла немного места для рационального положительного и тем более критического анализа социальных структур и процессов.

Попытка возродить социологию в советском обществе 60-х годов была предпринята опять-таки в рамках ожидания очередного социального чуда, каковое воплощалось в лозунге «научного управления» обществом, этой псевдотеоретической формуле эпохи социальной «нормализации», последовавшей за десятилетием метаний и реформ. Весьма скромные по своим претензиям, как и по своему размаху, усилия социологов вызывали несоразмерные опасения идеологического порядка, поскольку выходили за рамки доминирующего нормативно-идеологического шаблона социального знания. К этому добавлялись явно преувеличенные страхи по поводу относительно высокой концентрации критических настроений в самой социологической среде. Это обрекло на неудачу всю попытку социологического ренессанса, привело к распылению и так немногочисленных сил, измельчанию проблематики и дезориентации исследовательских центров. Сами такие центры, равно как издания, социологическое образование и т.д., надолго приобрели чисто номинальный статус. Прикладные направления социологического исследования широкого распространения не получили и не могут получить, поскольку экономические институты общества не

заинтересованы в интенсификации и рационализации своей деятельности, а институты регулятивные заинтересованы в самосохранении (отсюда апологетика и эзотеричность, бессмысленное засекречивание социальной информации).

Очередной взлет иллюзий и планов в отношении призвания социологии в советском обществе связан с горбачевской перестройкой. Дискредитация всего пакета обязательных социально-идеологических дисциплин и ореол социологии как незаслуженно гонимой науки впервые создают предпосылки для содержательного изучения западного опыта социальной мысли и социального исследования вне шаблонов чисто идеологической критики. Но здесь же вновь возникает и проблема связи проектной и аналитической функции социального знания, т.е. по сути дела – о судьбе все того же маящего призрака социологического мессианизма.

Процесс глубокого разлома общественных структур обнажил многие скрытые пласты социальной реальности, привел к выходу на поверхность и сделал предметом общественного внимания подспудные и потаенные механизмы поддержки власти, баланса интересов, формирования унифицированных стереотипов мышления и пр. Тем самым как будто создаются совершенно уникальные возможности развития социологического познания – и здесь же обнаруживается принципиальная неподготовленность социологии к ее использованию. Категории и средства исследования, сформировавшиеся в рамках западной социологии, не вполне адекватны для моделирования существенно иной социальной реальности – в особенности в ее кризисных, дестабилизированных формах. По-видимому требуется разработка ряда специфических категорий анализа дефицитарных социально-экономических структур, абсолютизированного бюрократического господства, унифицированного формульного менталитета и др. Притом особо важна не статистика, а динамика, точнее говоря – процессы трансформации, переоценки, саморазрушения подобных структур.

Но вместе с ними распадаются и иллюзии в отношении социально-научного мессианизма и традиционного для отечественной культурной традиции ожидания социального чуда: просветительски-модернизационный мессианизм исчерпал себя. Наиболее перспективной становится лишенная иллюзий социология рационального и критического анализа общества, которая могла бы в известной мере содействовать формированию рациональных форм общественного самосознания, развитию социально-научного языка. Более значимыми становятся также запросы в отношении прикладных направлений социологического исследования, в частности изучения общественного мнения, специальной статистики, конфликтов.

Опыт словаря нового мышления. М. Париж. 1989

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ
2000–2005

**ДИНАМИКА ОБЩЕСТВА –
ДИНАМИКА МНЕНИЙ***

* Воспроизводит текст раздела I из книги «Ищем человека», М., 2006.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ У ГОРИЗОНТА СТОЛЕТИЙ

Смена века: событие или дата?

Горизонт, как известно, – понятие сугубо условное и субъективное. В каждый данный момент он определяется позицией наблюдателя, его положением над уровнем моря; видимое до этой границы зависит от наличных средств и опыта наблюдения. Это относится и к горизонту времени, особенно в том случае, когда перед нами, как сейчас, самый крупный из доступных простому глазу, вековой, рубеж. (Два-три поколения, которые вписываются в столетие, могут быть предметом живой памяти, тогда как одновременно отмечаемый рубеж миллениума – всего лишь предмет хронологических спекуляций.) Несомненно, реальна мера человеческого или социального действия, смены поколений, политических эпох или пиков популярности; каждый такой отрезок времени, измеряемый годами или месяцами, обладает собственными ритмом и структурой, у них «свой век». Век как столетие кажется совершенно искусственной, навязанной извне мерой, которая не имеет никакого отношения к реальным процессам. Но в любых реально происходящих социальных процессах принимают участие внимание, воображение и воля людей. Одна из их функций – задавать структуру времени, не только занятого конкретными делами и планами, но и «пустого». В «вековом» случае структурообразующими служат воображение, ожидание и пр. – не столько практического, сколько идеологического (социально-мифологического) порядка. В человеческом (социальном, массовом) восприятии именно мифологизированные события, именуемые «историческими» (победы, катастрофы, прорывы, интриги, разочарования, жертвы и др.), придают смысл потоку событий.

Смена века представляется сменой такой рамки – или да-

же самого типа рамки. Притом по-разному заметной. Грань XVIII-XIX веков определили, а отчасти и смазали, революционные перевороты во Франции (и менее заметный – в Северной Америке), наполеоновские войны и сама фигура парвеню-завоевателя. Переход от XIX века к XX в Европе ожидался в атмосфере напряженности и некоторой фантастичности: за порогом «века прогресса», каким он (XIX) казался, видели одновременно и катастрофу традиционных ценностей (нравственности, красоты, религии, социального порядка), и осуществление утопий, социальных и технических. Вот как описывал Р. Музиль эту «иллюзию, нашедшую свое воплощение в магической дате смены столетий»: «Из масляно-гладкого духа двух последних десятилетий XIX века во всей Европе вспыхнула вдруг какая-то окрыляющая лихорадка. <...> Любили сверх-человека и любили недочеловека. <...> Мечтали о старых аллеях замков, осенних садах, стеклянных прудах, но и о прериях, широких горизонтах, кузницах и прокатных станах, голых борцах, восстаниях трудящихся рабов, первобытной половой любви и разрушении общества. <...> Это были, конечно, противоречия и весьма разные боевые кличи, но у них было общее дыхание <...>»¹.

На деле же начало того века обозначили куда более прозаично и страшно даты Первой мировой войны (в России – с «опережающим опозданием» – 1905 год).

Конец XX, на людской памяти, самого катастрофического столетия, обозначат, должно быть, позже: то ли падением коммунистической системы, то ли объединением Европы. Но смена веков не кажется катастрофой – может быть, потому, что все катастрофы уже произошли? (на момент написания этой статьи до 11 сентября оставалось еще несколько месяцев) – скорее, она воспринимается как карнавальное-фестивальное событие.

Впервые к определению смены веков допущено общест-

¹ *Музиль Р.* Человек без свойств. М., 1984. Т. 1. С. 80.

венное мнение. Но прежде всего не как «эксперт», а как участник, действующее начало процесса.

В экспертном же качестве, т.е. в роли «понимающей стороны», интерпретатора, ценителя событий векового масштаба, общественное мнение весьма ограничено в своих возможностях. Оно неизбежно оказывается близоруким, поскольку, как правило, принимает «злобу» последних лет или месяцев за событие века, пристрастно оперирует заданным набором стереотипов, так как находится под влиянием текущих настроений, и т.д. Но именно эти характеристики общественного мнения представляют важный предмет исследовательского интереса.

XX век – первый массовый

Очевидно, что уже по масштабам массового участия в социально значимых акциях и процессах уходящее столетие несравнимо ни с одним из предшествующих. Тотальные войны, многомиллионные армии, всеобщие мобилизации, жертвы войн и геноцида, технические и социально-организационные средства массового уничтожения, массовое стандартизованное производство, ориентированное на массовое потребление, всеобщая грамотность («бумажная», потом и «электронная»), всеохватывающая аудитория СМИ, всеобщие выборы и референдумы, всеобщая вакцинация, массовая культура и т.д. Дело не просто в количественных параметрах таких процессов. Более существенно то, что в каждом из них люди оказываются предельно обезличенной, как бы гомогенизированной массой пассивных участников, зрителей и жертв (эти позиции нередко сочетаются). Социальная иерархия, профессиональные и другие рамки не устраняются, соответствующие разделения даже становятся глубже, но они могут действовать только через массовые процессы, как необходимое дополнение к ним. А также как условие воздействия (влияния и манипулирования) на такие процессы.

Накануне и в начале XX века широкое распространение имели настроения панического испуга перед «восстанием масс» (Х. Ортега-и-Гассет), пришествием «грядущего Хама» (Д. Мережковский), а с другой стороны – надежды на «трудящиеся массы», на тех, которым «нечего терять, кроме своих цепей». В социально-психологической литературе массы иногда уподобляют толпе, описанной в XIX веке Г. Ле Боном или Г. Тардом². Сейчас можно сказать, что ни эти опасения, ни эти надежды не оправдались. В исключительных, предельных ситуациях массы могут выступать как толпа, управляемая как будто лишь собственными групповыми эмоциями (где-нибудь в Уганде, на палестино-израильской границе). Однако практически все массовые процессы, характерные для XX века, оказались управляемыми – и через социальные организации, и через специфические средства массового воздействия (массовой пропаганды и рекламы, осуществляемых с помощью массмедиа). При ближайшем рассмотрении действия современных «толп» оказываются в зависимости от идеологических и психологических установок систем массового воздействия.

Специфическая особенность управления массовыми процессами – в том, что их объектом служит не отдельный человек, а статистическая совокупность. Нельзя повлиять на политическое или потребительское поведение отдельного человека (как нельзя и предсказать его), но можно с достаточно большой эффективностью воздействовать на поведение многих тысяч и миллионов людей (равно как изучать и предсказывать его с помощью выборочных опросов).

Средоточием управления массовыми процессами выступили государства, их промышленные, военные, политические и другие организации. В XX веке во всем мире происходило не «отмирание», а всестороннее укрепление государственных организаций с их специфическими институтами,

² См.: *Московичи С.* Век толп. М., 1996.

бюрократией и т.д. Причем консолидация наций в государства и выяснение отношений (границ и сфер влияния) определили содержание всех основных политических процессов столетия – войн, соглашений, деколонизации, формирования надгосударственных и межгосударственных институтов и пр. Иллюзорными оказались представления о «борьбе классов» как главной движущей силе истории, а также лозунги наподобие «уничтожения эксплуататорских классов и классов вообще». Классы как социально-профессиональные группы не исчезли, но отношения между ними развивались в национально-государственных рамках и преимущественно в относительно мирных формах.

Если XVII век считался «веком разума», XVIII – веком Просвещения, а XIX – веком Прогресса, то XX был по преимуществу «веком наций» (причем этот последний символ явно лишен позитивно-ценностной окраски). Две мировых войны и все процессы национального самоутверждения на периферии Европы и в постколониальном мире проходили под этим знаком. В XIX веке катаклизмы кровавых войн, переворотов, восстаний, колониальных экспедиций и пр. могли «списываться» (задним числом) как условия или теневые стороны всепобеждающего «прогресса». В веке XX таких универсальных оправданий не существовало. Эксцессы социальных утопий (которые были сочинены под знаменами того же прогресса в XIX веке, но реализовывались в XX) могут иметь свои объяснения, но не оправдания.

В XX веке потерпели крушение все грандиозные социальные конструкции, предполагавшие, как казалось их разработчикам, некий план рациональной, оптимальной, справедливой организации, который должен быть навязан обществу. Это относится не только к двум экстремальным (по способам осуществления) проектам – коммунистическому и фашистскому, но и к целому ряду промежуточных или переходных форм, характерных для «третьемирского» развития. Соответственно исчерпала себя и утратила смысл характер-

ная для утопических идеологий мифологизация социальных процессов и конфликтов. Остаются конфликты крупных или мелких сил, интересов, амбиций и пр., но попытка представить их в мифологическом облике («мировое добро» против «мирового зла» или что-нибудь в этом роде) бесперспективна.

Играя парадоксами, О. Уайльд утверждал более ста лет назад, что существуют только две трагедии: первая, когда человеческие желания не исполняются, а вторая, когда они исполняются, и только вторая трагедия – настоящая, XX век показал, каким кошмаром оказывается осуществление «снов золотых», навеянных человечеству столетием ранее.

В данном случае важно отметить наличие массовой «компоненты» во всех процессах, событиях, катаклизмах уходящего столетия.

Догмой государственной жизни XX века во всех странах (за малым исключением) стало то всеобщее, равное, прямое избирательное право, которого долго опасались как либеральные политики, так и радикальные революционеры, называвшие себя «пролетарскими»: и те и другие считали, что голос темных, неискушенных в политике и поддающихся давлению масс исказит расклад общественных сил и помешает осуществлению рациональных программ. Сейчас это право повсеместно служит основой выборов, плебисцитов, референдумов – как демократических, так и управляемых. Всеобщие голосования перестали быть опасными с тех пор, как ими научились манипулировать. В отечественной истории первые всеобщие и альтернативные выборы (в Учредительное собрание 1917 года) оказались опасными для власти, следующие, уже безальтернативные (в Верховный Совет СССР в 1937 году), стали средством ее демонстративной массовой поддержки.

Всеобщие альтернативные выборы, особенно если они происходят на дуалистической основе, придают государственно-политическое значение соотношению большинства и

меньшинства. А точнее, тем нескольким процентам колеблющихся избирателей, от которых зависит баланс голосов или мнений. Коллизии вокруг этой «решающей середины» разворачивались в последнее время – в разных условиях – на выборах в Югославии и США. Это показывает, что сам механизм массового выбора далеко не безупречен.

Диктаторские режимы в XX веке – это режимы насилия над массами с помощью организованных масс (массовых партий, движений, систем массовой поддержки). А сами диктаторы выступают как лидеры, вознесенные и возлюбленные массами, одновременно помыкающие ими и нуждающиеся в их поддержке. Подобных функций лидеры XIX века (наполеоны и наполеончики) не знали.

Массовый век существенно изменил способы деятельности политических и других социальных элит. Появилась публичная элита (масс-коммуникативная).

В XIX веке определились роли парламентских и правительственных лидеров, в XX – массовых политических кулисов, представленных через СМИ, особенно через телевидение (теледебаты, интервью, а также «нечаянное» попадание в кадр как важнейшее средство утверждения политического деятеля массового типа. Отсюда и страх перед «экранной» критикой, столь явно присутствующий в российской политической жизни с 2000 года).

Характерный для XX века образец организации масс был задан прежде всего новым типом войн – двумя мировыми войнами и их дополнениями (к числу последних относятся, несомненно, гражданские войны в России и Китае). Это тип «тотальной» войны, охватывающей своим воздействием в принципе все население и все сферы жизни общества: всеобщая военная мобилизация дополнялась экономической, политической и идеологической, выражаемой, в частности, в мобилизации общественного мнения.

Другой узел массовых процессов, характерных для уходящего века, – массовое производство с его обновляющими-

ся технологиями. Созданная им (в развитых странах) возможность реально решать проблемы нищеты и голода не путем «дележа», а путем умножения социальных благ нанесла решающий удар эгалитаристским устремлениям и смогла превратить социалистические иллюзии в реальность социальных программ и гарантий.

В XX веке впервые в производственную и – шире – «внедомашнюю» деятельность включилось большинство женщин, что изменило функции семьи, брака, воспитания детей.

Необходимое дополнение и одновременно предпосылка массового производства – система массового потребления, ставшая реальностью в этом столетии. Она означает не только возможность всеобщего удовлетворения определенного уровня запросов в отношении питания, одежды, жилища, транспорта и пр., но и возможность потребительского выбора.

И наконец, итоговый, наиболее очевидный и быстро развивающийся феномен массового века – системы массовой информации, увенчанные Интернетом, позволяющие связать воедино всю планету и оказывать сильнейшее воздействие на поведение человека.

Вероятно, оправданно считать XX век самым противоречивым; все новые его феномены неоднозначны по своему воздействию. Век, сформировавший предпосылки для всеобщего благополучия, в то же время создал средства всеобщего уничтожения, притом не только технические, но социальные. Все вместе взятые гуманитарные идеи и начинания уступают по силе воздействия тому заряду взаимного отчуждения, страха и ненависти, который был накоплен конфликтами этого столетия.

Таблица 1

«Какое определение кажется Вам наиболее подходящим для общей характеристики XX века?»
 (Август 1999 года, N = 1600 человек,
 % от числа опрошенных, здесь и далее ответы ранжированы по частоте упоминаний)

век войн	32
век разрушения окружающей среды	25
век природных катаклизмов, катастроф	20
век научных открытий и прогресса	22
век жестокости и террора	19
век космических исследований	18
век создания оружия массового уничтожения	15
век разъединения народов и стран	14
век массовой информации	13
век фашизма и национализма	9
век крушения идей социализма	9
век больших возможностей для большинства людей	5
век объединения людей	4
век демократических преобразований	4
век создания основы для материального благополучия людей	3
век создания мировой системы социализма	2

Давление «середины»

Выделим лишь два наиболее характерных узла коллизий, порожденных появлением масс и массовых процессов на авансцене общественной жизни. Один из них связан с давлением «средних» массовых критериев на различные формы политической, социальной, культурной и другой деятельности, которое создает угрозу подмены «серьезной» политики примитивным популизмом, «высокого» искусства – массовым и т.д. Второй – с конфликтами так называемой (и называемой неудачно) «запаздывающей» модернизации. Обе угрозы достаточно серьезны.

Конечно, массовая аудитория политики или культуры неизбежно питает «свой», доступный ей (и потому воздействующий на нее) уровень политических акций или обещаний, поп-культуры, поп-литературы и т.п. Сам по себе этот уровень ниже, примитивнее по сравнению с аналогичными формами, адресованными элитарным или сословным группам специфически (т.е. в данной области) грамотных людей. В массовом веке неизбежно появляются фигуры, которые действуют на примитивно-массовом уровне, связывают с ним свой успех, карьеру. Вопрос в том, насколько самодостаточными являются «массовые» формы, насколько они могут влиять на «высшие», профессиональные уровни (а отнюдь не на искусственно конструированный «средний балл»). В «нормальных» условиях массовые формы деятельности занимают свои ниши, но никак не воздействуют на высшие, профессиональные уровни³.

Для пояснения возьмем сопоставление «высокой» и популярной науки. Понятно, что школьная, газетная, телевизионная грамотность приводят к небывалому распространению именно упрощенных, вульгаризованных представлений о различных научных феноменах. Воображаемый «средний балл» научных знаний оказывается существенно ниже, чем в те времена, когда монополией на знание обладали специалисты высокого класса, но такое сравнение не имеет никакого смысла. «Высокая», профессиональная наука не страдает от популярной, потому что имеет свою институциональную базу, кадры, традиции, технологические связи и т.д. Распространить подобную модель на культуру и политику нельзя. Массовая культура, как и массовая политика, – это не упрощенный вариант соответствующих «больших» феноменов. Массовая литература – не школьный пересказ Л. Толстого, а особый социокультурный институт со своей аудиторией,

³ См.: Дубин Б. Группы, институты и массы // Мониторинг общественного мнения. 1998. № 4.

своими творцами, своей системой критериев и т.д. Аналогичным образом массовая политика в XX веке – не популярно-пропагандистское изложение правительственных решений и дипломатических уверток, а особая система социальных ролей, установок, способов участия, рассчитанных на формирование и использование определенных массовых интересов, оценок, страстей. Всего этого просто не существовало столетием ранее.

Социальные, национальные, национально-религиозные, индипендентские, синдикалистские, сектантские, мессианистские, феминистские, экологические и другие движения со своими лидерами, доктринами, фанатичными и скептическими последователями – специфический феномен массового века. Одна из новых ролей в этом круговороте – массовый политик, ориентированный не на сложившуюся институциональную систему, а на внимание массовой аудитории (активных и «зрительских» участников соответствующего действия). Другая роль – это собственно роль массового участника, зрителя, слушателя. Дополняют систему разнообразные посредники, медиаторы, интерпретаторы, в том числе масскоммуникативные.

Таблица 2

«Какие из перемен в образе жизни людей кажутся Вам наиболее важными?»

(Август 1999 года, N = 1600 человек,

% от числа опрошенных)

распространение бесплатного здравоохранения	42
распространение бесплатного образования	41
развитие средств массовой информации	28
техническая оснащенность быта, бытовая техника	27
достижение в большинстве стран всеобщей грамотности	27
всеобщая вакцинация населения, победа над эпидемиями	24
распространение систем социального обеспечения для престарелых и инвалидов	20

Продолжение табл. 2

достижение равноправия женщин	20
сокращение рабочей недели, оплачиваемые отпуска	20
свобода перемещений по всему миру	18
массовое производство одежды, обуви, товаров народного потребления	14
самостоятельность молодежи, развитие молодежной культуры	13
увеличение продолжительности жизни	11
ускорение темпов жизни	10
формирование «среднего класса»	10
переселение населения из сельской местности в города	8
сокращение рождаемости	7
распространение противозачаточных средств, планирование семьи	7
распространение наднациональной массовой культуры	6
широкое распространение межнациональных браков	5
смягчение наказаний, сокращение использования смертной казни	5
признание прав сексуальных меньшинств	5
распространение разводов	3

Системы массовой коммуникации создают собственную аудиторию и возможности манипулирования ею. Но в разных общественных условиях эта аудитория имеет свои особенности. Различны также возможности и само содержание тех приемов, которые принято именовать манипулированием. Ведь любое воздействие на массовое сознание и поведение (если оставить в стороне пугающие фантазии на психотропные темы) происходит только через собственные структуры такого сознания, т.е. через установки, ориентации, механизмы социальной мобилизации и пр.

Химеры модернизации

Более или менее всеобщим девизом века может быть «модернизация», поскольку этот девиз означает лишь общее направление, но не общую программу, не «проект», не современный вариант всеоправдывающего прогресса. Основным содержанием событий XX века явились скорее катаклизмы и коллизии, связанные с противоречиями модернизационных процессов, «запаздывающей» модернизацией, особенностями модернизационных процессов, развивающихся на разных социокультурных уровнях.

Главные конструктивные элементы, «клетки» модернизационных процессов – технических, экономических, социальных, коммуникативных, ценностных и т.д. – видимо, аналогичны в любых условиях, но их сочетания могут сильно различаться, как и количество самих «клеток», используемых в отдельном наборе. Самые прогрессивные технологии могут использоваться, скажем, для укрепления деспотизма традиционного или «революционного» типа, масскоммуникативные системы воздействия – для агрессивного изоляционизма, современное оружие – для архаических обществ. Подобным образом совершенные социальные программы могут оказаться тормозом экономической активности, а глобализация вступать в непримиримые противоречия с интересами локальных производителей. Все это, разумеется, не случайные сочетания разнородных элементов, а неизбежный результат взаимодействия социальных субъектов, каждый из которых стремится взять из всего набора «клеток» нечто полезное для себя и заблокировать то, что считается вредным или опасным. Подобный отбор происходит и на международных уровнях, и внутри отдельных стран, обществ, между различными группами или слоями.

Отсюда и такая «безумная» (а в реальности обладающая своей логикой) картина всемирной интеграции на одном уровне – и противостоящих ей процессов локального, этни-

ческого, национально-государственного, группового и даже индивидуального самоутверждения.

Советский опыт массовой мобилизации

Советская система выработала устойчивые образцы массовой организации, массовой мобилизации, массового пропагандистского воздействия в интересах жестко диктаторского режима. В этом плане советское общество послужило своего рода экспериментальной лабораторией, результаты деятельности которой получили широкое распространение – от нацистского рейха до «третьемирских» «освободительных» диктатур, не говоря уже о структурно близких режимах «соцлагеря». Отметим некоторые черты этого образца.

Массовые организации (от партийной до, скажем, писательской) как средство управления массами.

Система массового информационного давления через монопольные СМИ (газеты, радио, кино плюс литература, музыка, театр «направленного» действия).

Регулярные пароксизмы массовой ненависти и принудительного массового энтузиазма. Поддержание мобилизационной ситуации требовало постоянного напряжения «борьбы» против внутренних и внешних врагов. Как «всенародной», так и с главными (назначенными таковыми) противниками режима. В каждой области, в каждой сфере деятельности, в каждой научной дисциплине назначались «свои» уклонисты, извратители и т.д., разоблачение, осуждение, изгнание которых служило средством проверки кадров на «преданность» линии руководства.

Создание культа «образцовых героев» в разных сферах при полнейшем пренебрежении к реальным людям (в польском варианте эта черта представлена в «Человеке из мрамора» А. Вайды).

Непременный образ абсолютно непогрешимого руководящего центра («великого вождя», «мудрой партии», «всепо-

беждающего учения»).

Никакого массового участия в управлении государством не существовало. Была отработанная и принятая обществом маска массовости, народности, позволявшая правящей верхушке говорить от имени «интересов народа». И, что особо важно, массы, воспитанные в обстановке абсолютной безальтернативности, с готовностью принимали эту мифологию и были готовы демонстрировать преданность вождю и партии, когда от них это требовали: во время ритуальных выборов, торжественных демонстраций и всенародного проклинания «врагов народа» или «поджигателей войны».

Неточно было бы характеризовать режим советского типа как популистский. Демонстративное обращение к «народу», постоянные ссылки на действия «от имени народа», регулярное натравливание полуграмотных низов на «премудрых и заумных» («антинародное» творчество и т.п.) не являются популизмом, во всяком случае, в его западном, латиноамериканском и других вариантах. Популистские политики завясят от массовых настроений, от массовой поддержки, гонятся за ней, опасаются ее потерять. Советское руководство никогда от массовых настроений не зависело, а механизм всеобщего голосования решилось использовать лишь тогда, когда было уверено во всеобщем единогласии (или безгласии).

Советская система, стабилизировавшись после гражданской войны, не испытывала никакого страха перед массовым недовольством. Искусственно создаваемая атмосфера страха перед «врагами» нужна была как средство насаждения массового доносительства и страха оказаться жертвой карательных «органов».

В этом режиме не было «диктатуры большинства» над меньшинством (которая провозглашалась декларациями революционного периода), поскольку не допускалось существования какого бы то ни было меньшинства. Была ничем не ограниченная власть правящей иерархии над «всеми» – распыленными и беспомощными единицами.

Советское общество – одна из химер модернизации XX века. Оно испытало все рычаги массового принуждения, не пройдя периода, который У. Ростоу назвал «массовым потреблением».

Правда, зона направленного влияния советской системы на массовое сознание (поддержание соответствующих стереотипов страха, ненависти и пр.) ограничивалась преимущественно активной, организованной частью городского населения. Далее начиналась зона простого принуждения (налоги, хлебосдача), подкреплённая карательными мерами.

Век общественного мнения

Только в XX веке общественное мнение было признано и как фактор общественной жизни, и как предмет специального изучения. Об общественном мнении философы и публицисты говорили с XVIII века, имея при этом в виду мнение света, образованной публики, политизированной элиты. В XX веке действует массовое, «всеобщее» общественное мнение в современном его понимании, явленное в массовом поведении (голосованиях, потреблении), массовых вкусах и массовых опросах, дополненных другими видами исследований.

XX век – век всеобщих выборов, плебисцитов, референдумов, массовой рекламы, «хитов» эстрады и политики. К общественному мнению апеллируют дизайнеры и парламентарии, поп-музыканты и авторитарные правители. Апеллируют по-разному, но дело не только в этом: при ближайшем рассмотрении предметом их обращения являются существенно разные феномены.

Два типа общественного мнения в XX веке

В профессиональных исследованиях последних десятилетий, со времен Дж. Гэллага и других прославленных пионе-

ров изучения общественного мнения, предметом служат различные позиции в условиях официально признанного плюрализма предпочтений различных общественных групп. Только в таких условиях разнообразные мнения могут быть организованы, имеют своих выразителей, открыто конкурируют друг с другом и т.д. В закрытых обществах типа советского и немецкого 30-х годов, нынешнего иракского или северо-корейского подобных условий нет (по другим причинам там обычно отсутствует и массовый потребительский выбор). Из этого нередко делают вывод о том, что в таких обществах просто «нет никакого общественного мнения». Такой вывод, как представляется сейчас, слишком упрощает ситуацию и саму динамику общественного мнения.

Повод для уточнения определений – видимые трансформации общественной атмосферы в разных странах. В Веймарской Германии 20-х годов несомненно существовали признанный плюрализм и конкуренция мнений, в 30-х годах они сменились агрессивным единодушием, в конце 40-х ситуация плюрализма (и изучения) общественного мнения была восстановлена. Позже прошли аналогичную трансформацию Польша, Чехия и другие страны; отход от монолитной модели общественного мнения наблюдается в Югославии. Трансформации общественного мнения в нашем обществе сложнее – от зачаточного плюрализма к «монолиту» советского периода, затем к формированию политического плюрализма. В последнее время наблюдаются признаки его вырождения и тенденции (пока еще только тенденции) возвращения к монолитной модели – как известно, фантастические версии трансформации общества в этом направлении описаны в ряде антиутопий, в том числе в «1984» Дж. Оруэлла. Разумеется, большой интерес представляют варианты формирования общественного мнения в странах, до недавнего времени относимых к третьему миру.

Это заставляет пристальнее рассмотреть особенности двух принципиальных моделей современного общественного

мнения и условий их взаимных трансформаций.

«Классическая», т.е. служащая стандартным предметом исследования, – это, как уже отмечено, модель открытого, конкурентного общественного мнения, в котором соперничают различные позиции.

Основная (бросающаяся в глаза?) особенность структуры такой модели – наличие возможностей публичного выражения (прежде всего через СМИ) и тем самым организации плюрализма мнений. Различие позиций не формируется само собой в «толще» общественного мнения, а предъявляется лидерами мнений, партиями, движениями и т.д. через масскоммуникативные и другие (межличностные, межгрупповые) каналы. Общественное мнение плюралистично, если (и поскольку) ему предлагаются варианты действий, программ, лидеров, стилей руководства, которые становятся для него необходимыми.

По характеру действия открытая, конкурентная модель общественного мнения близка к модели массового потребительского выбора. Для этого необходимы соответствующие условия: достаточно широкое предложение товаров или услуг, возможность сравнить потребительские качества с ценой предлагаемых благ и пр. (в отличие от избирателя потребитель может непосредственно знакомиться с качеством предлагаемых благ и сам за них платить; избирателям приходится строить свой выбор на доверии к лидерам, посредникам, партиям, а проблема выигрыша и цены может решаться только в перспективе, и то косвенным образом).

Конкурентное общественное мнение неизбежно должно быть в определенной мере толерантным по отношению к точкам зрения оппонентов.

Монолитное, закрытое общественное мнение имеет существенно иную структуру. В нем имеется место только для одной, заведомо истинной позиции, носителем которой выступает единственно возможная «осевая» система лидера – партии – идеологии. Любое отклонение от позиции, пред-

ставленной массам в качестве единственно правильной, расценивается как враждебное. Поэтому проводящиеся выборы на деле заменяются плебисцитом, т.е. выражением доверия к одной, уже утвердившейся позиции.

Условиями монолитного единомыслия, как правило, являются политическая мобилизованность общества, психологически агрессивная общественная атмосфера, крайняя нетерпимость к инакомыслию и расколу в собственных рядах, к любым «чужим», в том числе иностранцам, инородцам. Психологическая агрессивность может сопрягаться и с ситуацией изоляционизма, «осажденной крепости»; свежие примеры – положение С. Хусейна и, до недавнего времени, С. Милошевича. Отечественный опыт не нуждается в напоминании.

Опросы общественного мнения, по крайней мере на политические темы, в закрытых обществах бессмысленны и вредны, поскольку они могут обнаружить опасные очаги или хотя бы случаи «неправильных» мнений. Но о ситуации в таких средах можно судить по иным показателям – тем же массовым (плебисцитарным) голосованиям, массовым выражениям демонстративной поддержки лидеру или ненависти к враждебным силам, отсутствию протестов, характеру политических преследований.

Нельзя объяснить подобные ситуации просто массовым принуждением или обстановкой всеобщего устрашения. И наш собственный, и чужой опыт свидетельствуют о значительной роли добровольного массового участия в поддержании атмосферы всеобщего единодушия – единогласия – единомыслия. Стремление «быть как все», более того, готовность упиваться собственным «растворением» в массе – распространенная разновидность социального мазохизма, которая предельно упрощает жизнь, избавляет человека от мук совести, от индивидуальной ответственности, сложности нравственного выбора, превращает его в потенциального добровольно-безответственного соучастника массовых акций, в том числе и массовых преступлений режима. В подоб-

ном пароксизме восторженного самоуничужения не столь важно, на кого переносится ответственность – непосредственно на «всех» («действуй как все»), на непогрешимого харизматического лидера («фюрер думает за тебя») или на некую идеологическую, религиозную структуру. Такого рода «растворенная» сопричастность создает сильнодействующую иллюзию безопасности, как внутренней (от сомнений), так и внешней (от враждебных сил). Более того, малейшая попытка противостоять всеобщему единодушию, сохраняя какую-то собственную позицию, вызывает спонтанное возмущение и яростный – не только по приказу – коллективный отпор: ведь сама возможность отдельного мнения подрывает всю систему коллективной безответственности.

Поэтому столь часто зачаточный, искусственно созданный плюрализм с такой легкостью уступает новому единомыслию. Особенно в условиях социально-политической мобилизации и воинственной напряженности.

Российский «мобилизационный» эксперимент 1999-2000 годов дает поучительный материал для понимания подобной трансформации. Впервые за последнее десятилетие на политической сцене сложилась ситуация фактической безальтернативности, отсутствия соперников у претендента на главную должность в государстве. Впервые была искусственно создана ситуация мобилизационной напряженности как главное условие политической сплоченности и безальтернативного выбора. Впервые избирательная ситуация оказалась предельно технологизированной, цинично свободной от идеологических нагрузок. И наконец, впервые столь крупную роль в поддержке ранее малоизвестного деятеля, не имевшего за спиной ни структурных, ни традиционных опор, сыграла непосредственная апелляция к общественному мнению. Однако в социальной реальности никакой эксперимент не может слишком долго оставаться чистым. По мере того как первоначальные политические эффекты уступают место вынужденным компромиссам, маневрам, самооправданиям,

мобилизационная напряженность спадает, изменяется если не масштаб, то значение массовой поддержки избранного лидера. При этом сохраняется ситуация безальтернативности политического поля, дезориентации всего демонстративного политического спектра. Тенденция нового «монолитизма» существует, но, для того чтобы она стала реальностью, требуются существенные изменения в политических и социальных структурах. Существует и возможность формирования реального – хотя бы дуалистического – плюрализма позиций и мнений. Чтобы стало ясно, какая из этих тенденций возобладает, потребуется время: скорее всего, не месяцы, а годы.

Таблица 3

«Говорят, что люди XX века во многом отличаются от тех, кто жил в XIX веке и раньше. А как Вы думаете, правда ли, что наши современники более...»

(1999 год, N = 1600 человек, % от числа опрошенных)

раздражительные	45
образованные	42
умные	31
безнравственные	28
нетерпимые	24
несчастные	21
терпимые	15
невежественные	13
добрые	11
глупые	8
нравственные	7
счастливые	6
спокойные	4

«Массовый разум» и «массовый человек»

В судьбах и трагедиях XX века общественное мнение занимает значительное место – не просто как зеркало, но как

организатор, как фактор сплочения человеческих множеств, формирования иллюзий, увлечений, кумиров, оправдания (реже – осуждения) массовых преступлений. Можно полагать, что в понимании событий этого века свое место когда-нибудь займет и *критика массового разума* («критика» в том смысле, который ей придавался в классический период, – как анализ возможностей, пределов, условий существования).

Специфический персонаж, главный герой XX века – *массовый* человек, джинн, выпущенный из бутылки в XX столетии, – оказался не героем, не великаном, не борцом, а «средним» человеком, который значительно повлиял на все процессы и перемены, от производства до войн, от системы ценностей и социальной мифологии до спорта и досуга. Именно этот персонаж является характерным предметом изучения в репрезентативных опросах общественного мнения.

Он – массовый производитель и массовый потребитель все большего количества и разнообразия благ.

Он умеет работать и понимает необходимость работы, но больше ценит досуг, семью, малые бытовые радости жизни.

Он – не герой и – в обычных условиях – не поклонник героев. Он гордится тем, что он обычный, простой человек.

Он не верит в пользу утопий и переворотов, но надеется на постепенное улучшение собственной жизни и жизни своих детей.

Он пошловат, приземлен, узко практичен в своих интересах; его прототип в годы «героических» страданий клеймили как обывателя, мещанина и пр.

Именно он (а не воинственные контрасты или поэтизированные «белые стаи») является главным и эффективным противником бунтов и революций XX века.

Он технически грамотен, освоил бытовую технику, автомобиль, в ближайшие годы стопроцентно освоит компьютер с Интернетом. Он верит в научно-технический и медицинский прогресс, но не ждет от него чудес, меняющих представления о жизни и счастье.

Он практический космополит, способный жить, учиться, работать, отдыхать в любой точке земного шара; что, впрочем, не мешает ему испытывать определенную привязанность к отечеству.

Обычно он не любит деспотов и деспотизма, но в экстраординарных ситуациях может создавать их и становится их жертвой.

В известном смысле он задает тон, служит образцом для подражания со стороны других. Но не составляет большинства в мире, вызывает ненависть обделенных (или считающих себя таковыми, в том числе и обделенных чувством собственной значимости).

Нет нужды обращаться к глобальной географии, чтобы рассмотреть реальную пестроту маргинальных человеческих типов, пытающихся бросить вызов массовому человеку. Весь этот набор можно встретить в нынешнем, глубоко маргинальном российском обществе.

Рамки массовых ожиданий

Распространенные представления о наступающем столетии, как и следовало ожидать, оказываются довольно примитивными. В них обычно используется один из двух приемов. Либо допускается, что «там», за воображаемой гранью веков, – примерно то же самое, что и здесь (продолжение известного), либо предполагается, что «там» все иначе (отрицание известных порядков, реализация «запредельных» надежд, всеобъемлющая катастрофа или что-то в этом роде). Сейчас явно преобладают ожидания первого, «актуалистического» типа. Ждут дальнейших улучшений там, где они наметились, верят в технику и медицину (между прочим, довольно оптимистически смотрят на генную инженерию, вопреки преобладающему тону СМИ), но не в утопии и перевороты.

Таблица 4

«Как Вы считаете, жизнь в XXI веке будет более напряженной или более спокойной, чем в наши дни?»

(Август 2000 года, N = 1600 человек,

% от числа опрошенных)

более напряженной	53
более спокойной	17
такой же, как сейчас	13
в чем-то более спокойной, в чем-то более напряженной	7
затрудняюсь ответить	10

Таблица 5

«Какие проблемы, на Ваш взгляд, наиболее остро будут стоять в XXI веке?»

(Август 2000 года, N = 1600 человек,

% от числа опрошенных)

	В мире	В России
загрязнение окружающей среды	55	37
распространение СПИДА и других смертоносных эпидемий	36	34
распространение наркомании	23	33
исчерпание природных ресурсов	25	22
международный терроризм	17	16
природные катастрофы и климатические катаклизмы	22	11
падение уровня рождаемости	15	29
нищета и голод в отдельных странах	14	15
глобальный экономический кризис	8	11
локальные вооруженные конфликты	8	14
угроза новых мировых войн	16	8
опасные изменения в генетике человека	10	4
перенаселение	6	1
угроза войны с космическими пришельцами	1	1

Стоит обратить внимание на явное разделение преимущественно «наших» и преимущественно «общих» (точнее, «чужих») проблем. Наркомания, падение рождаемости, экономический кризис, локальные конфликты – то, что беспокоит прежде всего нас; причины не требуют пояснения («глобальный экономический кризис» для нас – это август 1998-го). Загрязнение среды, природные катастрофы, мировые войны, опасность генетических изменений, перенаселение – это, скорее, «их» проблемы. Общими (одинаково важными) остаются СПИД, терроризм, нищета и голод. Довлеет дневи злоба его...

Таблица 6

«Как Вы думаете, возможно ли в XXI веке...»

(Август 2000 года, N = 1600 человек,

% от числа опрошенных)

	Обязательно произойдет	Вполне возможно	Маловероятно	Совершенно невероятно	Затрудняюсь ответить
объединение всех государств Земли в единый союз	2	21	36	30	11
установление единого языка	1	16	37	36	10
существенное увеличение продолжительности жизни	2	32	39	18	10
распространение генной инженерии	7	49	18	7	19
полная автоматизация производства	8	48	27	7	9
появление колоний землян на Луне и планетах	3	21	32	31	14

ТРИ «ПОКОЛЕНИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ»

Десять лет перемен и потрясений, начавшихся в русле перестройки, по-разному затронули жизнь *трех поколений* бывшего советского общества – 60-, 40- и 20-летних. Оценки этих событий в общественном мнении в большинстве случаев остаются неоднозначными, причем наиболее очевидные «водоразделы» позиций проходят по горизонталям социального времени, т.е. между поколениями. Анализ таких различий представляется полезным для понимания природы и глубины произошедших социальных сдвигов.

Материалом для настоящей статьи служат данные трех близких по времени однотипных (мониторинговых) опросов, проведенных в ноябре 1994 года, январе и марте 1995 года по всероссийской выборке. В соответствии с целями работы используется более дробная, чем обычно, шкала возрастов респондентов – с пятилетними интервалами.

«Возрасты перелома»

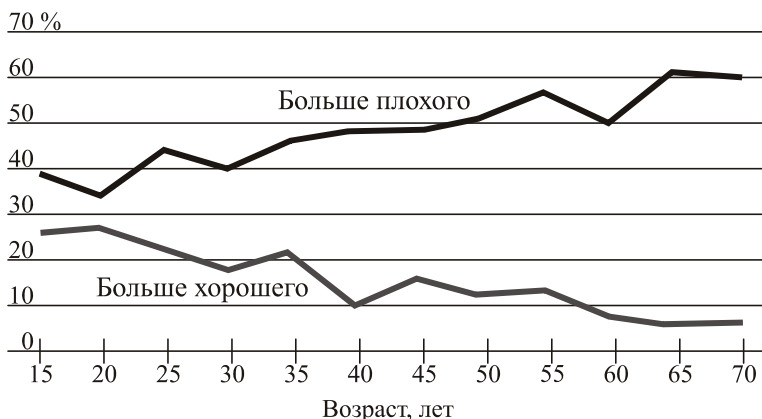
Начнем с самых общих оценок. Традиционный мониторинговый вопрос об отношении к суждению «было бы лучше, если бы все оставалось... как до 1985 года» раскалывает массив респондентов примерно в пропорции 1:2 – до 40 и старше 40 лет. С 40-летнего возраста устойчиво и все более сильно преобладает согласие с тем, что «лучше – до 1985 года».

Вопрос о том, принесло ли *время перестройки* больше хорошего или плохого, выявляет иной расклад мнений по возрасту (*рис. 1*). Во всех возрастных группах преобладают негативные оценки, разница лишь в соотношении: до 25 лет они встречаются примерно в полтора раза чаще, чем позитивные, а в старших по возрасту группах – в два, три, четыре и более раз чаще. Самую суровую характеристику время пе-

рестройки получает у лиц в возрасте 65-75 лет (отрицательные мнения встречаются в 10-12 раз чаще). Можно полагать, что в данном случае фактором резкого роста негативных мнений служит само присутствие в тексте вопроса отрицательно окрашенного в общественном мнении термина «перестройка». Это, кстати, дает лишний повод для размышлений о значении провоцирующих терминов. Для аналитической работы, скорее, пригодны ответы на более конкретные вопросы.

Рисунок 1

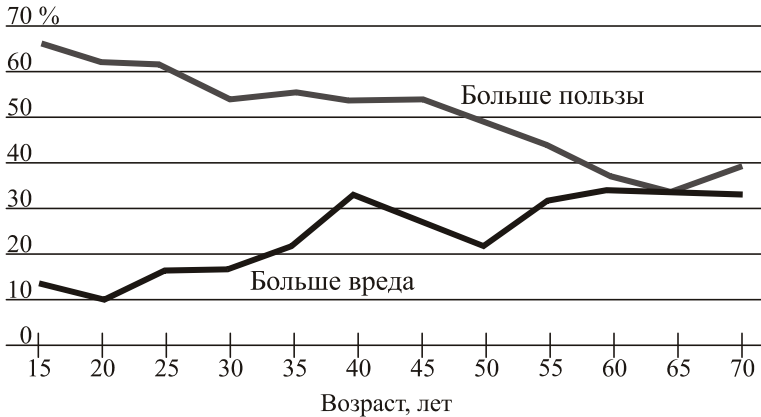
«Перестройка принесла...»
(Ноябрь 1994 года, N = 2957 человек,
% от числа опрошенных)

Так, например, вопрос об оценке *свободы слова и печати* обнаруживает перелом мнений с 60 лет (рис. 2). До этого возраста заметно преобладают представления о том, что свободы принесли больше пользы, чем вреда; начиная с 60-летних оценки сближаются (правда, преобладание негативных мнений и в старших возрастах невелико).

Рисунок 2

«Свобода слова, печати принесла...»
(Ноябрь 1994 года, N = 2957 человек,
% от числа опрошенных)

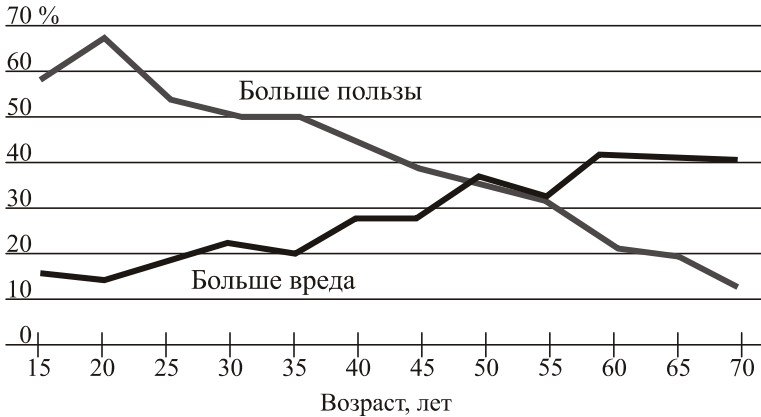
У респондентов старше 60 лет изменяется и соотношение мнений о *свободе выезда из страны* – начинают преобладать отрицательные суждения.

Свобода предпринимательства представляется, скорее, полезной до 50 лет, в более старших группах ее чаще оценивают как вредную (рис. 3).

Многopатийные выборы чаще оценивают положительно только в возрастном интервале 25-40 лет, а младшие и старшие, скорее, считают, что они принесли больше вреда. Можно предположить, что здесь действуют разные мотивы отрицательных оценок: для более молодых – недовольство неэффективностью работы и консервативным составом депутатского корпуса, для более старших – несогласие с политическим плюрализмом.

«Свобода предпринимательства принесла...»

(Ноябрь 1994 года, N = 2957 человек,
% от числа опрошенных)

Экономические (рыночные) реформы считают необходимым продолжать только те, кто моложе 40 лет. (В 1994 году перелом отношений проходил по рубежу 50 лет.) И опять-таки, начиная с 40 лет преобладают мнения о преимуществах планово-распределительной системы хозяйства над рыночной.

Роль *Горбачева* в мировой истории скорее позитивно оценивают лишь те, кто моложе 25 лет; в старших возрастах преобладают отрицательные оценки. Роль *Сталина* получает преимущественно положительные оценки у 60- и 70-летних.

Впрочем, не все ключевые перемены столь явно выступают функцией возраста. Так, *сближение со странами Запада* все без исключения возрастные группы считают скорее полезным, чем вредным. Соответственно суждение о том, что «Россия должна как можно скорее включаться в мировую экономику, науку, культуру», не встречает сколько-нибудь серьезного противодействия ни в каком возрасте.

Здесь перед нами некие универсалии – или, скажем, общие места – современного общественного мнения. А поскольку общие места не требуют доказательств и не подлежат обсуждению, они преспокойно уживаются с декларациями прямо противоположной направленности. Скажем, мнение о том, что «*Запад стремится превратить Россию в колонию*», вызывает не слишком сильное возражение большинства (43:41) только в возрастной группе 25-30 лет, в других группах значительно (3:1, 4:1) преобладает согласие.

Память и забвение

Известно, что социальная память организована избирательно, люди запоминают или забывают определенные события в соответствии со своими впечатлениями и интересами. Анализ имеющихся данных показывает, что живая (опирающаяся на личный опыт) память о деятелях перестройки локализована преимущественно в довольно узком поколенческом слое. Наибольшая доля содержательных ответов (т.е. минимум затруднившихся ответить) относительно роли Е. Гайдара в годы перестройки приходится на возрастную группу 60-64 года (84%), М. Горбачева – 50-54 года (92%), Б. Ельцина – 50-54 года (96%), Г. Попова – 60-69 лет (51%), А. Сахарова – 55-59 лет (84%), А. Яковлева – 55-59 лет (51%), Ю. Афанасьева – 60-64 года (28%). (У последнего, правда, видимо в связи с его деятельностью в молодежной среде, имеются еще два совершенно аналогичных по высоте «пика» известности – среди лиц 25-29 лет и 45-49 лет.) Причем в каждом из этих случаев «пиковая» группа довольно отчетливо отделена от окружающих. Так, роль Горбачева затрудняются оценить 22% в 45-49 лет, 8% в 50-54 года, 13% в 55-59 лет; для Ельцина соответствующий ряд – 26,4 и 12%, для Сахарова – 44,16 и 32%.

Таким образом, *политических* лидеров перестройки больше всего запомнили те, кому сейчас немного за 50, ин-

теллектуальных лидеров – люди на 5-10 лет постарше. Для более молодых память об этих временах уже вторична, опосредована позднейшим опытом и средствами массовой информации. (Знак оценки деятелей в данном случае не рассматривается.) «Ось» живой памяти перестройки проходит примерно на рубеже 50-60 лет.

Сопоставим с этим некоторые другие линии социальной памяти. Октябрь 1917-го – событие весьма значимое для всех поколений, но более половины отмечают его важность только среди молодежи до 20 лет («школьная» память), в 35-45 лет и во всех группах старше 60 лет. Победу 1945 года чаще всего (более 80%) вспоминают после 65 лет, т.е. в собственно ветеранском поколении, сталинский террор – в 65-69 лет, коллективизацию – те, кто старше 70, XX съезд КПСС – в 70-74 года (кстати, в те же годы относительно чаще вспоминают и путч 1991 года). Чернобыль значительно интенсивнее вспоминают респонденты до 40 лет. События октября 1993 года более всего привлекают внимание двух групп: 20-29 и 50-59 лет.

Явное ограничение социальной памяти рамками личного опыта различных поколений – характерная черта нынешнего состояния общественного сознания, почти лишенного идеологических, хрестоматийных (школьных), традиционных или каких-либо иных общезначимых символов и стереотипов восприятия собственного прошлого.

Два «разочарованных» поколения

Все возрасты согласны с тем, что за последние годы в стране «произошли большие изменения». Здесь даже трудно нащупать отличия между старшими и младшими. Но вот мнения разочарованных («недавно казалось, что жизнь изменилась, но теперь я вижу, что все идет по-старому») сконцентрированы в двух группах, которые в этом отношении выделяются на общем фоне достаточно четко.

Это, во-первых, 60-летние (60-69 лет). Здесь разочарованных 21-23% (при средней по населению доле 16% и 7-18% – в соседних по возрасту группах). И, во-вторых, «ранние» 40-летние (40-44 года). Здесь доля разочарованных тоже 23% (при «соседних» 11-13%).

По сути дела, эти группы представляют два ключевых *поколения* нынешнего общества, каждое из которых имеет свою судьбу и функцию в жизни. И разочарованы в переменах они, видимо, тоже по-разному, 60-летние, как видно, в частности, из приведенных данных, отягощены социальной памятью больше, чем какое-либо иное поколение. Более того, при отсутствии общепризнанных нормативных рамок исторического восприятия именно данная группа, в личном опыте которой соединяются времена террора и «стройки века», годы войны и повороты XX съезда, перестройка и путч, реформы и «Афган», оказывается средством связи времен и поколений. В известном смысле – это *осевое поколение* сегодняшнего общества, правда неоднородное и неоднозначное. Именно к этому поколению принадлежат «шестидесятники», люди протеста и надежд 60-х годов, те, кто с наибольшей готовностью поддержал иллюзии перестройки и потому больше других был потрясены их провалом. Но в то же время (и в подавляющем большинстве, разумеется) – это последнее поколение «сталинской» закалки со своим, державным пониманием войны, победы и всего последующего. Поэтому «переломы» на рубеже 60-летия, о которых говорилось ранее, содержат две компоненты – разочарование в иллюзиях и «просто» сопротивление вполне определенного прошлого.

Это поколение – самое «политизированное» в нынешнем обществе. Людей, которые «в большой степени» интересуются политикой, чаще всего можно встретить среди возрастных групп от 55 до 75 лет. Мнение о том, что положение в России могут спасти «политики», чаще других разделяют в 65-74 года. (Конечно, здесь налицо не практическое участие в политической жизни, а лишь политизированная идеология.)

«Среднюю» степень интереса обнаруживают с наибольшей очевидностью в 40-54 года. «В малой степени» интересуются политикой преимущественно до 40 лет.

Примечательно, что разочарование в общественных переменах для 60-летних (в отличие от 40-летних) мало связано с переживанием собственных неудач. Из тех, кто считает, что в стране все оказалось «по-старому», только 37% в этом возрасте аналогичным образом оценивают перемены в личной жизни. Кстати, вопреки столь распространенным «экономическим» объяснениям, никак не удается напрямую связать скепсис пожилых с их экономическим положением. По опросным данным, именно на возраст 60-74 года приходится максимум (71-80%) лиц со средним душевым доходом.

Иначе обстоят дела с поколением 40-летних. Прежде всего стоит отметить, что у этой группы доля разочарованных переменами в стране почти точно соответствует доле разочаровавшихся изменениями в личной жизни (по 23%). Видимо, здесь надежды на перемены в обществе были тесно связаны с личными планами: из полагающих, что в стране все остается по-старому, примерно 70% ту же оценку ситуации относят к собственным делам.

40 лет, согласно многочисленным данным, оказываются временем самого трудного жизненного перелома. Для возраста 40-44 года оценка собственного положения формулой «терпеть... уже невозможно» достигает максимума (59% на март 1995 года). На 35-39 лет приходится наибольшая доля (31%) лиц с низким душевым доходом. Если 58% респондентов в 35-39 лет утверждают, что жизнь их «по большей части» или «совершенно» не устраивает, то сразу же после 40 лет доля таких ответов поднимается до 76%.

Наконец, обратимся к возрастной разбивке ответов о том, как люди «устраивают свою жизнь в переходное время» (ноябрь 1994 года). Наибольшая частота ответов типа «не могу приспособиться», а также «ничего не изменилось» приходится на старшие возрасты (после 65 лет). «Пик» успеха («уда-

ется использовать новые возможности, начать серьезное дело, добиться большего в жизни») – это 20-30 лет; высота «пики», правда, всего 12-13% от численности группы. А у 40-летних – максимум варианта «приходится вертеться, подрабатывать, браться за любое дело, лишь бы обеспечить себе и детям терпимую жизнь». Так отвечают более 40% в этой группе (при средней по населению доле 30%).

Между тем ведь 40-летние, как правило, имеют почти взрослых детей, устойчивый (точнее даже, «потолочный») профессиональный и социальный статус и т.д. Судя по приведенным выше данным, на них действуют материальные трудности, психологически «накопленные» ранее, в возрасте «молодых родителей». Происходит, видимо, второй кризис идентификации, связанный с взрослением семейных отношений и отсутствием социально-карьерной перспективы.

Все это относится к циклическим переменным определенного возраста. Нециклическая, поколенческая компонента кризисного мироощущения *современных* 40-летних связана, по всей видимости, с их аномальным положением в ряду трансформаций, происходящих в обществе. Можно представить себе, что при нормальном (только воображаемом, конечно) ходе вещей именно 40-летние должны были стать первым практическим «поколением перестройки», которое без оглядки назад, без идеологических иллюзий двигалось бы по новым путям. Этого не произошло. Знамена (а вместе с ними иллюзии и самообманы) перестройки оказались в руках представителей предыдущего поколения, которое не могло реализовать свой потенциал ранее и которое не умело смотреть вперед, не оглядываясь назад, по крайней мере, не делая вид, что оно заботится о «возвращении к истокам» – к «подлинному духу» революции, ленинизма, социалистического гуманизма и т.д. Отсюда, в частности, аполитичность средних и младших поколений на всем протяжении десятилетия, а потому и отсутствие реальной массовой опоры у всех попыток реформ.

Амбиции 40-летних оказались слишком узкими, слишком практичными, а потому и были обречены на неудачу. Поколение не получило ведущих позиций ни в политике, ни в экономике, не вкусило плодов рыночной реформы, но зато получило все тяготы хаоса пореформенного периода.

До общего кризиса доверия к власти, примерно до весны 1994 года, поколение 40-летних еще поддерживало линию реформ, с середины же этого года поддержка сменилась заявленным недоверием. Это означало конец «реформистского» большинства в обществе. (Не следует, однако, смешивать заявленные или декларируемые оценки с практическими установками: де-факто это поколение смиряется с реформами и ищет способа адаптироваться к ним.)

Если поколению 40-летних суждено было остаться промежуточным, обреченным на трудности и разочарования, лишенным общественного успеха и возможности политического участия, то поколением «новой жизни» может оказаться лишь следующее, условно говоря, «двадцатилетнее» (на деле это молодые люди примерно 20-30 лет). Они оптимистичнее всех смотрят на жизнь (лишь порядка 20% считают, что «терпеть невозможно»), они умеют зарабатывать (наибольшая доля лиц с высоким доходом – 30% – приходилась в марте 1995 года на возраст 20-24 года), им лучше всех удается «использовать новые возможности». Они более всех готовы начать собственное дело и открыты миру, мировым связям и опыту. Кстати, они выше всех оценивают перестройку, а самые молодые (до 20 лет) признают в общем положительную роль Горбачева в перестройке. И только эти самые молодые в большинстве чувствуют себя свободными людьми.

Имеем ли мы здесь дело только с возрастным явлением (иллюзии, увлечения молодости) или с феноменом поколенческим, с новым типом интересов и действий? При всей неизбежной осторожности суждений нельзя не видеть, что новейшее поколение вынуждено использовать условия и возможности, которых ранее просто не существовало. Простого

«цикла» возрастных увлечений-разочарований уже поэтому не может быть.

Имена и символы: связка «Горбачев – Сахаров»

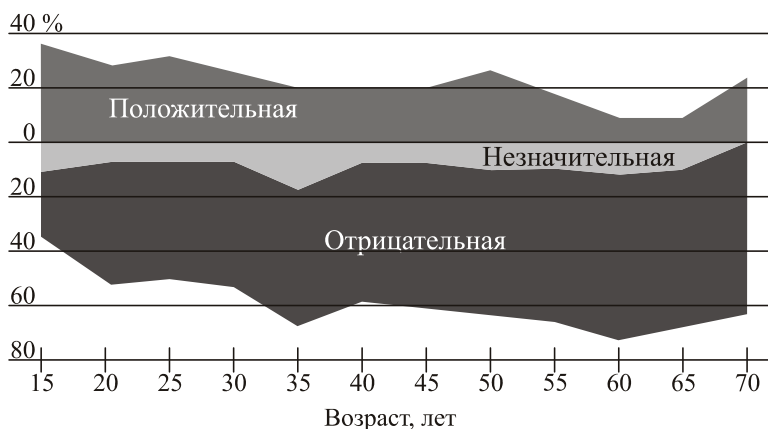
В суждениях о людях перестройки, отложившихся в массовом сознании, нет более странного и более значимого сочетания двух имен. Все ипостаси Горбачева в его запутанных отношениях со своим ближайшим партийным окружением, которые занимали внимание общества пять лет назад («Горбачев – Лигачев» и т.д.), прочно забыты и оставлены кропотливым архивистам. Сравнительные оценки роли Ельцина или Гайдара настолько подчинены злобе последующих лет, что утратили всякую связь с событиями собственно перестроечных времен.

Фактологическая канва оценок имен Горбачева и Сахарова достаточно проста.

Рисунок 4

Роль М. Горбачева в годы перестройки

(Март 1995 года, N = 1980 человек, % от числа опрошенных)

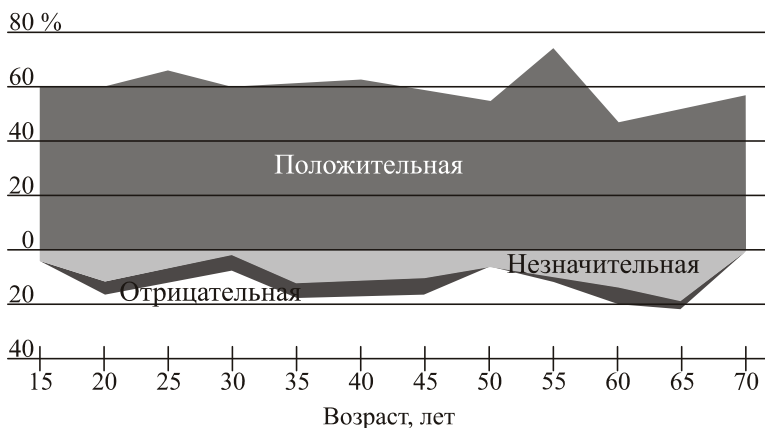
Во всех выделенных возрастных группах, за исключением, как отмечалось выше, самой молодой (до 20 лет), роль Горбачева в годы начатой им перестройки получает преимущественно негативные характеристики (рис. 4). Причем самые жесткие – от 60-летних.

Напротив, роль Сахарова в эти годы оценивается в высшей степени положительно всеми без исключения возрастными группами. Наибольшая степень негативных оценок (11%) наблюдается в группе 65-69 лет, в группе 40-летних доля критиков поднимается до 6% (рис. 5). Можно отметить два пика наиболее позитивных оценок («значительная положительная роль») – в группах до 45 лет и 55-59 лет: очевидно, в первом случае это молодежная романтическая легенда и какая-то память политического участия – во втором. (Выше уже отмечалось особое место политической памяти именно в группе «поздних» 50-летних.)

Рисунок 5

Роль А. Сахарова в годы перестройки

(Март 1995 года, N = 1980 человек, % от числа опрошенных)

В целом эти ряды довольно близки оценкам, полученным несколько ранее в ходе другого опроса (ноябрь 1994 года), когда речь шла о роли различных известных деятелей в мировой истории. Правда, в таком контексте роль Горбачева негативно оценивают преимущественно в группах старше 30 лет.

Сложнее и содержательнее качественная сторона – смысл оценок. Оба ряда оценок (как Горбачева, так и Сахарова), во-первых, сформированы, так сказать, задним числом, а не в годы «перестроечной», как говорили еще недавно, деятельности. Во-вторых, обе эти оценки фактически совершенно некорректны: и в отношении роли Горбачева, и в отношении роли Сахарова. Сахаров настойчиво – хотя, в общем, безуспешно – стремился придать акциям тех лет цивилизованный и разумный характер, но никогда не был лидером или двигателем перемен. В-третьих, универсальная распространенность и устойчивость однотипных оценок говорит об их неспецифичности: они никак не связаны с особенностями позиций, намерений, действий определенных направлений или групп в обществе. Недостаточно, однако, было бы сослаться на упоминавшиеся выше «общие места» массового сознания. Дело в том, что оба ряда оценок, вместе взятые, образуют, как кажется, некий цельный феномен, исполняющий *определенную мифологическую* функцию в обществе. (О мифе правомерно говорить, поскольку речь идет об определенном образом структурированных и функционально нагруженных рамках движения массового сознания.)

«Горбачевская» легенда в современном общественном сознании исполняет функции мифа о «козле отпущения», на которого свалены все мыслимые общие грехи и напасти. «Сахаровская» легенда – это апелляция к мифологии «ангела-хранителя», который возлагает на себя миссию спасения заблудших душ. Сегодня обе легенды, дополняя друг друга, характеризуют ситуацию очередного общественного тупика. В том числе и межпоколенческого.

ПОКОЛЕНИЯ XX ВЕКА: ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Возможности социологического исследования «поколенческого» среза исторического периода, например XX столетия, могут, по-видимому, разрабатываться в двух планах: во-первых, через изучение особенностей различных возрастных групп, во-вторых, через анализ «структуры» поколений и ее значения.

В отечественных условиях имеющиеся в нашем распоряжении данные опросов общественного мнения позволяют непосредственно представить распределение позиций возрастных групп на протяжении примерно одного десятилетия, с конца 80-х годов. Представительство различных возрастных групп в наличном населении, а значит, и в любой выборочной совокупности, неравнозначно: на поколенческую («историческую») структуру населения наложена современная («возрастная»), разделить их можно лишь гипотетически. Кроме того, установки и оценки нынешних пожилых людей, которые могут рассматриваться как представители поколений, доминировавших в определенный период, претерпели несомненные изменения, возможно, в разных направлениях.

Поэтому непосредственные данные изучения возрастных срезов общественного мнения заведомо ограничены и могут быть поняты лишь через призму соответствующих аналитических допущений. (В данном случае возможности использования других эмпирических источников – мемуаров, личных и литературных документов и др. – для изучения динамики поколений не рассматриваются.) Аналогичные соображения можно отнести и к способам анализа различных аспектов «структуры» (динамической структуры) поколений – роли значимых общественных и элитарных групп, символических ресурсов и пр.

«Плавный» переход от одного поколения к другому мож-

но представить только в традиционном обществе, где он совершается в рамках семьи. Социально-политическая история, тем более современная, посттрадиционная, насыщенная поворотами, потрясениями, массовыми надеждами, разочарованиями и комплексами, являет феномены «ключевых» поколений, задающих «тон» (ориентации, символы) на относительно долгий период, «разрывов» между поколениями (в установках и оценках), конфликтов между поколениями «отцов и детей» и т.п. Сама проблема поколений в различных измерениях возникает только в условиях поколенческих разрывов и кризисов.

Социальное значение поколения не может измеряться опытом или настроениями «большинства», «массы», репрезентируемой в опросах общественного мнения. Ретроспективный пример: если представить, что в первой половине XIX века в России существовали бы массовые опросы, в них не были бы заметны ни «поколение 1812 года», ни «лицейское поколение». Ведь в обоих случаях речь идет об элитарных группах, небольших по численности, но сыгравших огромную роль в культурной и политической истории страны. Собственно говоря, в социологическом анализе исторического процесса мы всегда имеем дело не с «демографическим» поколением (совокупностью людей одного возраста), а с определенными значимыми «поколенческими» группами или структурами (последнее понятие охватывает также механизмы и нормы взаимодействия между людьми)¹.

Как можно полагать, в рамках определенного «крупного» периода (длиной, скажем, в столетие, т.е. в три «зримых» человеческих поколения, – более крупные масштабы социально неощутимы) выделяются поколения, формирующие опреде-

¹ Несколько лет назад я попытался представить позиции различных поколений российского общества в процессах перемен (см. статью «Три "поколения перестройки"» в настоящей книге). Некоторые положения этой статьи сейчас кажутся неоправданно упрощенными, в частности характеристики элитарного поведения отнесены к целым поколениям.

ленные значимые образцы или рамки поведения, мысли, соответствующий набор символов и прочее – *значимые поколения*. При этом в одних и тех же рамках возможны, разумеется, разные направления действия. Поколенческие образцы формируются *значимыми группами*, которые могут быть массовыми (в ситуации массовых войн) или элитарными.

Разнозначность поколенческих групп – один из инструментов «пульсации» исторического процесса.

Поколенческий ряд XX века

Для социологического анализа сменяющих друг друга поколений важными представляются прежде всего временные рамки формирования (социализации) определенных возрастных групп, которые приходится на особо значимые, переломные периоды. В российском XX веке таких периодов – и соответственно «значимых» поколений – можно насчитать *шесть*:

1) «Революционный перелом», условно 1905-1930 годы, включающий события войн, революций, Серебряного века российской культуры и периода его преодоления. В эти бурные годы сформировались все идейные и политические направления, все идеологемы и фантазии, противостоявшие друг другу на общественной сцене; в то же время сама эта сцена – территория кровавого фанатизма, подогретого мировым конфликтом, – принципиально отличалась от общественной обстановки XIX века со всеми его катаклизмами. Активные участники (и жертвы) переломного периода – люди, родившиеся примерно в 90-х годах XIX века. В выборочной совокупности современных массовых исследований они не представлены.

2) «Сталинская» мобилизационная система 1930-1941 годов, формирование монолитного тоталитарного общества. Условия формирования – раскрестьянивание, урбанизация, массовый террор, массовое образование, принудительное

единообразии и единомыслии и т.д. В этот период политически или физически ликвидированы все стороны противоборств предыдущей, переломной эпохи. Основные действующие лица периода родились около 1910 года. В нынешнем взрослом населении России эта группа составляет около 4%.

3) Военный и непосредственно следующий за ним послевоенный период 1941-1953 годов доводит тенденции предшествующей эпохи до крайних, экстремальных форм, поскольку встал вопрос о выживании тоталитарного режима в противостоянии с внешним аналогом, а также в вынужденном сотрудничестве с демократическими союзниками. В послевоенные годы это противостояние продолжено созданием идейно-политических основ холодной войны («материальная» сторона соперничества, т.е. гонка новейших вооружений, приобрела значение позже, в следующую эпоху). Политические «чистки» приобрели характер военно-полицейских кампаний (высылки целых народов и т.п.), жертвами истребительной «идеологической борьбы» стали уже не «классовые враги», а «свои», безропотно принявшие режим и воспитанные им, но заподозренные в каких-то чуждых влияниях. Существенную роль в развитии политической ситуации в стране играла скрытая борьба за наследие стареющего диктатора. Активные участники событий эпохи – люди 1920-1928 годов рождения, сейчас это около 7% взрослого населения.

4) «Оттепель» 1953-1964 годов. (Такое словопотребление утвердилось в последнее время. В более строгом смысле «оттепельными» считались первые годы сдержанной либерализации режима – с 1953 года до начала 1956-го, когда скрытая конкуренция между партийными лидерами понуждала их выступать в качестве реформаторов. После XX съезда КПСС шумные обличения «культы» Сталина постоянно сопровождались попытками «подморозить» общественную атмосферу, чтобы не допустить дискредитации партии и режима.) Формируется первое в советской истории поколение (точнее, значимая поколенческая группа), свободное от массового

страха и надеющиеся на гуманизацию социализма. Характер и потолок устремлений этой группы вполне укладываются в позднейшую пражскую формулу «социализма с человеческим лицом». По преимуществу это люди, не захваченные войной, т.е. родившиеся в конце 20-х – начале 40-х (условно в 1929-1943 годах). Сейчас они составляют 21% взрослого населения.

5) Самый длительный период отечественного XX века – «застой» 1964-1985 годов, долго казавшаяся удачной попытка стабилизировать партийно-советский режим при отказе от массовых репрессий и реформ. Впервые в советской истории формируются ориентации массового потребительства, массовой и «верхушечной» коррупции. Поколенческая группа «несбывшихся надежд» начала 60-х превращается в группу «протеста» второй половины десятилетия – создается «поколение "шестидесятников"». Если надежды периода оттепели возлагались преимущественно на реформистские возможности партийного руководства (Н. Хрущева), то протестные ориентации находили выражение и в самостоятельных действиях разных типов и направлений – либеральных и диссидентских, демократических и почвеннических, национальных, религиозных и т.д. «Собственное» поколение застоя – родившиеся с середины 40-х до конца 60-х (1944-1968). Численно это самая крупная группа в сегодняшней России – 39% ее взрослого населения.

6) В годы перестройки и «реформ» (1985-1999 годы) в активную жизнь вошло новое поколение, не знавшее переломов и исканий, – родившиеся в конце 60-х (примерно с 1969 года). Это сейчас 28% взрослого населения страны.

Предложенная схема заведомо ограничена и условна. Временные рамки поколенческих групп можно определять иначе, например, принимая во внимание «переломные» группы (о них несколько позже). Используемые в данной статье определения поколенческих групп предполагают взгляд на общество как бы «сверху», со стороны элит, фор-

мирующих значения событий и периодов. Понятно, что смена поколенческих типов в наиболее массовых, «низовых» группах городских и сельских жителей детерминируется другими факторами и имеет иную хронологию, лишь отчасти совпадающую с элитарной (например, в точке «войны»). Эпохи «массовой» жизни определяются такими феноменами, как война, голод, коллективизация, паспортная система, переселение в города, введение и отмена распределения товаров по карточкам, массовое жилищное строительство, автомобилизация, развитие потребления в бездефицитных условиях, дефолт 1998 года и т.п.

Показатели положения и позиций «поколенческих» групп

Обратимся к данным опросов последнего времени, позволяющим судить об установках и ценностях ряда поколений.

Повторю, что на *рисунке 1* представлены возрастные группы *современного* населения, их соотнесение с определенными поколениями истории XX века носит условный характер. Для наглядности соотнесены графики изменения разных величин – годы, рубли, балльные оценки статусов.

Как видно на *рисунке 1*, самые молодые имеют относительно более высокие заработки (сказывается способность активно приспосабливаться) и более высокий, по собственным оценкам, социальный статус (видимо, статусные ожидания).

Рисунок 1

Положение поколенческих групп (Июль 2001 года, N = 2400 человек)

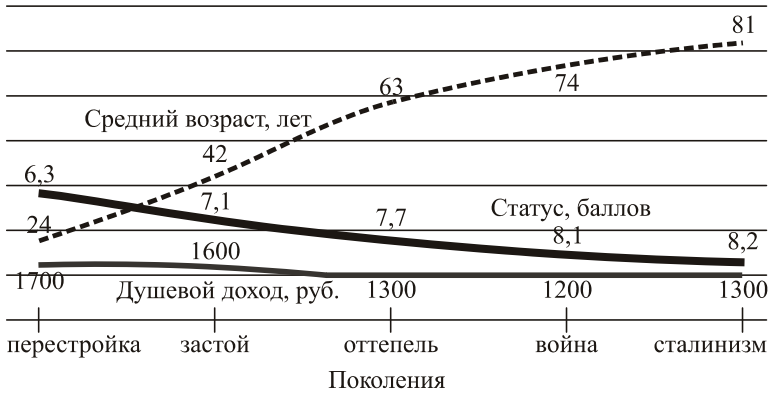
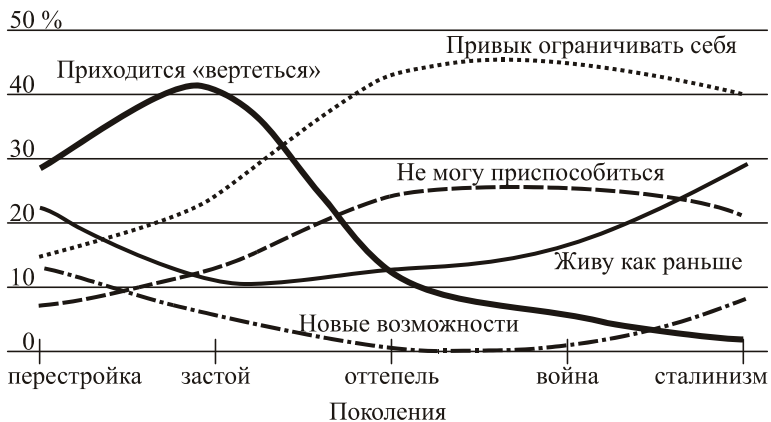

Рисунок 2

Как люди устраивают свою жизнь (Июль 2001 года, N = 2400 человек, % от числа опрошенных)

Сколько-нибудь активное отношение к жизни свойственно только двум наиболее молодым поколениям (охватывающим, правда, почти все работающее население), причем «повышающая» активность («новые возможности») почти полностью сосредоточена в одной, «перестроечной» поколенческой группе. Чаще всего приходится «вертеться», подрабатывать и т.д. (понижающая адаптация) «детям застоя», сформировавшимся в годы стабилизационной стагнации. Для «детей оттепели» и более старших поколенческих групп наиболее характерные позиции – «привык ограничивать себя» (около половины опрошенных) и «не могу приспособиться» (около четверти). Представляет интерес возрастная динамика позиции «живу как раньше»: здесь максимальные (и довольно близкие – 22% и 27%) значения наблюдаются в самых молодых и самых старших группах. У первых все только начинается, нет базы для сравнений. Среди самых старших более четверти не видят изменений в своем положении – это пенсионеры, домохозяйки, среднеобеспеченные.

Социальные установки «поколенческих» групп

Обратимся теперь к ценностям, которых придерживаются люди, принадлежащие к различным «поколенческим» группам.

Бросается в глаза параллельность изменений двух показателей социальных установок: распространенности представлений о том, что «лучше было бы, чтобы все в стране оставалось как до 1985 года» и что в годы правления Сталина было «больше хорошего, чем плохого». Притом что сами эти показатели для всех поколений, кроме самого старшего, существенно различны. В обеих кривых можно отметить два перелома: в период «оттепели» и в период войны. Представление о том, что «коммунистическая партия дискредитировала себя», разделяет примерно половина самых молодых, для военного поколения эта величина уменьшается до одной трети,

но в собственно «сталинском» поколении вновь возрастает почти до половины (последнее, видимо, связано с непосредственным восприятием репрессий старшей группой и пр.). Установка на продолжение экономических (рыночных) реформ, преобладающая у двух младших поколений, вдвое реже встречается во всех других группах, начиная с «оттепельной». Наконец, позитивный ответ на вопрос «Считаете ли вы себя свободным человеком?» чаще всего дают самые молодые и самые пожилые; в первом случае это связано с большими возможностями, во втором, скорее всего, с ограниченными запросами.

Рисунок 3

Социальные установки поколений
(1999, N = 2000 человек, % от числа опрошенных)

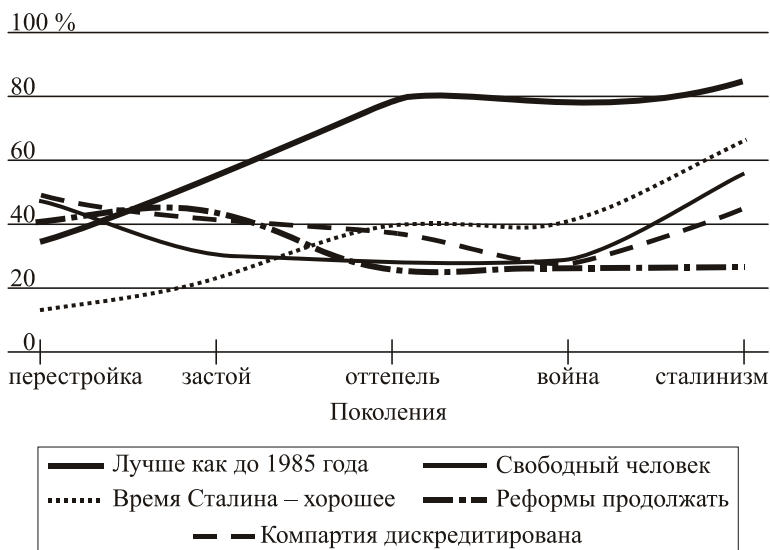
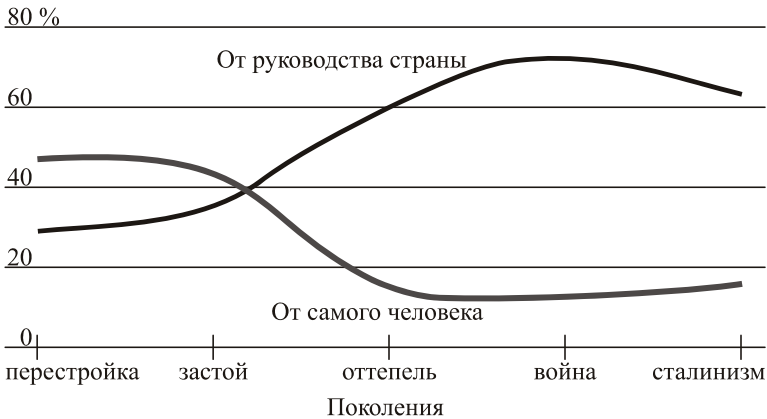

Рисунок 4

«От чего зависит благосостояние человека?»
(2000, N = 2400 человек, % от числа опрошенных)

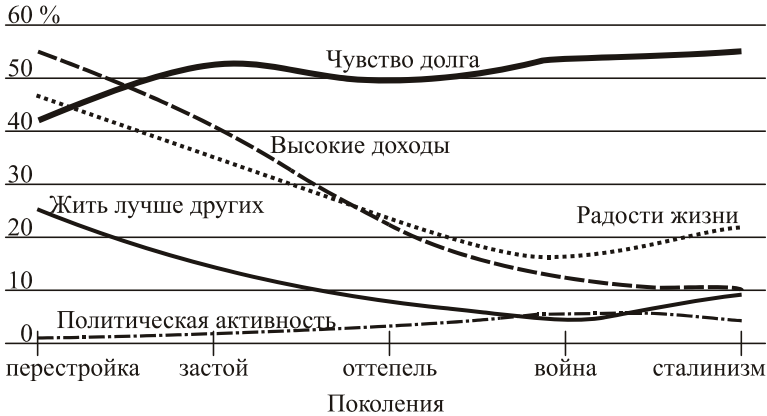

На *рисунке 4* представлено как будто примитивное, но довольно показательное выражение принципиальных социальных установок, дифференцирующих возрастные группы. Доминирующая в активных поколениях демонстративная установка на собственные силы («благосостояние зависит от самого человека») – важная черта, отделяющая эти группы от старших поколений, примета своего рода «разгосударствления» человека.

Как видно на *рисунке 5*, значимость таких категорий, как долг (по меньшей мере декларативно), заметна больше у «старых» групп по сравнению с «молодыми». Напротив, ориентация на потребительские («рады жизни») и достижительные (доход, стремление жить лучше других) ценности гораздо сильнее выражена у молодых поколений. В то же время у молодых меньше всего интереса к политической активности...

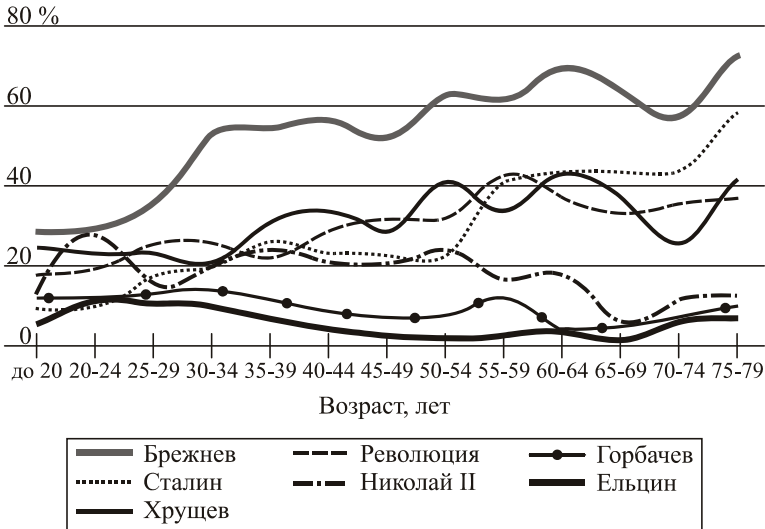
Вот как люди в различных «поколенческих» группах оценивают периоды отечественной истории XX века.

Ценностные ориентации поколений.
«Считаете ли очень важным...»
 (1999, N = 2400 человек, % от числа опрошенных)

Еще раз стоит отметить, что самые молодые группы населения минимально интересуются не только политикой, но и историей страны. Однако и у них – как и у всех – буквально кумиром, носителем наибольших «наград» общественного мнения остается застойная, брежневская эпоха. А поскольку нынешние младшие поколения практически не знают этой эпохи, то перед нами весьма любопытный феномен формирования и массового действия легенды об историческом периоде (заставляющий думать о том, что каждая эпоха имеет «свою» легенду о золотом веке – ту, которую она заслуживает). Конечно, массовые представления об эпохе сталинизма тоже опираются на легенду, на своего рода социально-политическую мифологию (собственное восприятие этого периода сохранилось у немногих), но это легенда иного рода, окрашенная и даже сформированная партийно-политическими симпатиями и антипатиями людей.

Оценки периодов истории от Николая II до Ельцина
(«Время... принесло больше хорошего»)
 (1999, N = 2000 человек, % от числа опрошенных)

Как видно на *рисунке 6*, весьма низко оцениваются всеми без исключения поколенческими группами времена перемен. На первый взгляд кажутся несколько странными более высокие оценки «демократических» вариантов в старших поколенческих группах. Ключ к объяснению, по-видимому, можно найти при более детальном рассмотрении возрастной динамики партийно-политических симпатий.

Динамика «крайних» партийных ориентаций

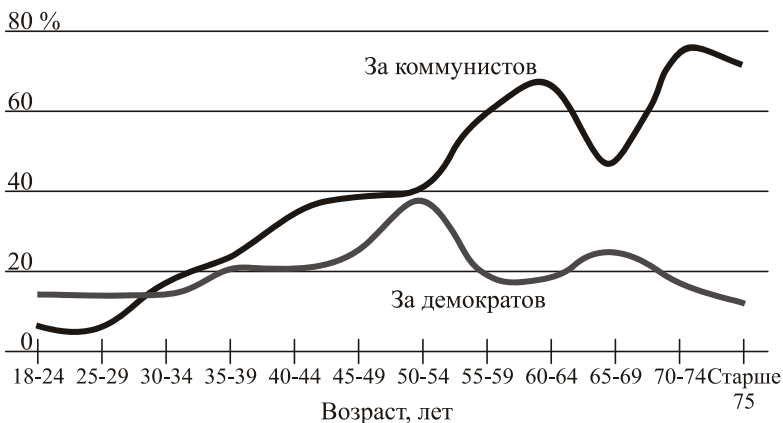
Отметим некоторые возрастные особенности партийных электоратов. Для удобства в данном случае учитываются только крайние позиции – поддержка коммунистов (КПРФ) и демократов («Яблоко» и СПС); симпатии к центристам, или

«партии власти», не принимаются во внимание.

На *рисунке 7* бросается в глаза, что симпатии к обеим крайним политическим позициям наиболее заметны у старших поколений, молодые почти одинаково безразличны к тем и другим. Здесь мы опять видим, что наибольшая поддержка демократических сил наблюдается не у молодых, как можно было бы ожидать, а у старших, примерно пятидесяти-шестидесятилетних, т.е. в поколенческой группе, к которой относятся «младшие» (или «поздние») «шестидесятники», наиболее молодые и активные представители этой поколенческой группы.

Рисунок 7

**Партийные симпатии поколений
(намерения голосовать на ближайших выборах)
(1999, N = 2400 человек, % от числа опрошенных)**

Напрашивается вывод: противостояние коммунистов и демократов, составлявшее ось политической борьбы (по крайней мере, демонстративной) в прошедшее десятилетие, теряет свое значение. Демократы «перестроечного» призыва, во многом прямые наследники традиций «шестидесятников», свою историческую миссию выполнили (насколько удачно –

другой вопрос). Чтобы сегодня привыкать к рыночной системе или парламентскому разноречью (впрочем, довольно ограниченному), не нужно записываться в демократы, достаточно просто соблюдать лояльность по отношению к президентской власти. «Новых» же демократов, способных предложить свои способы решения современных проблем страны, не видно. Аналогичные соображения можно применить и к коммунистам: это все еще крупная общественная сила, но сила прошлого, влияющая по традиции на пожилых людей и неспособная привлечь своими идеями и методами молодые поколения.

Поучительной представляется возрастная динамика отношения к сталинизму. Как видно на *рисунке 6*, позитивные оценки сталинского периода плавно растут с возрастом и несколько снижаются в самых старших группах. По всей видимости, «плавный рост» (кстати, параллельный линии оценок правления Брежнева) в данном случае означает рост интереса. А снижение, как уже говорилось выше, – результат того, что в суммарные оценки вмешивается доля осуждения у старших, т.е. непосредственно затронутых репрессиями или военными неудачами. Это еще раз показывает, что разоблачение сталинизма осталось событием лишь для заинтересованного поколения и не стало катарсисом (по крайней мере, в осознанном виде) для всего общества. Отсюда и явное отсутствие общественного иммунитета по отношению к рецидивам абсолютизма.

«Переломные» поколения

В известной книге У. Джеймса «Многообразие религиозного опыта» было введено понятие «дважды рожденных» (twice-born) личностей. Речь шла о людях, которые в зрелом возрасте обращаются к какой-то новой системе мировосприятия, к иной вере, т.е. как бы заново переживают процесс социализации или аккультурации. Нечто подобное можно

усмотреть у поколенческих групп, переживающих общественный перелом как переоценку собственных ценностей. (Другие группы могут переживать тот же перелом иначе, например как переход от согласия к оппозиции по отношению к доминирующей системе ценностей.) В российском XX веке таких переломов было два: после 1917 года и в конце 60-х. В первом случае речь шла о принятии победившей системы, во втором – о расхождении (в предельных случаях – о разрыве) с ней. Продуктом первого перелома явилась «советизированная» интеллигенция, второго – «шестидесятники».

Как уже отмечалось, последняя поколенческая группа (по выражению А. Вознесенского, «дети XX съезда»), привлекавшая значительное внимание при изучении процессов последних десятилетий, начала сознать себя в надеждах «оттепельных» лет, прошла закалку в «заморозках», наступивших после 1956-го и в особенности после 1964 года, создала идею демократической альтернативы режиму и определенные ростки демократической и либеральной оппозиции. В этом, как сейчас можно судить, и состояла историческая функция, как бы миссия, «шестидесятников». Дальнейшая судьба этой группы противоречива и в конечном счете трагична. Иллюзия причастности к власти, возникшая в начале перестройки, сменилась разочарованием в результатах перемен начала 90-х и едва ли не отчаянием к концу десятилетия. В значительной мере такая смена социальных настроений связана с отмеченной выше переоценкой роли демократических сил в общественных процессах.

Роль «военного» поколения во второй половине XX века нередко служит предметом дискуссий. (Значимой группой для этого поколения, скорее всего, можно считать тех, кто прошел фронт в звании младших офицеров²; ср. прижившийся термин «лейтенантская проза».) С одной стороны, тотальная война упрощает и огрубляет все категории мировосприя-

² Устное замечание В. Данилова.

тия до противопоставления «своих» «врагам», утверждает права беспощадного насилия, неизбежность массовых жертв, постольку служит идеальной питательной почвой для тоталитарной идеологии с ее принудительным единомыслием, культом «вождя» и т.п. Несомненным социально-политическим итогом войны 1941-1945 годов стало укрепление сталинского тоталитаризма и его воздействия на людей. Но у многих из «военной» поколенческой группы, прошедших школу ответственности, столкнувшихся с необходимостью практической проверки указаний «сверху», возникали сомнения в этих указаниях и самостоятельные мысли. В дальнейшем часть ее представителей примкнула к более молодым «шестидесятникам».

«Закрытые» и «открытые» поколенческие группы

Представленные выше данные и соображения относятся к социетальным, значимым для всего общества, группам. Повидимому, правомерно говорить о поколениях и механизмах их динамики и применительно к более узким и специфическим группам, действующим в профессиональных или касто-во-замкнутых средах.

Очевидно, что это относится к военной, бюрократической, академической и другим элитарным средам. Поскольку в них не существует постоянного механизма обновления персонала (ведущего, лидирующего), ротация кадров происходит импульсами, как бы от поколения к поколению. Длительность поколенческого периода может при этом определяться возможностями физического выживания или какими-либо внешними событиями. Например, в замкнутой профессионально-военной среде смена ведущих кадров соответствует последовательности доминировавших в ближайшем прошлом конфликтов. В советские и последующие годы сменявшие друг друга поколения военного руководства составляли последовательно командиры Гражданской, Отече-

ственной, афганской и чеченской (в настоящий момент) войн. (В этом находит свое подтверждение известный тезис о том, что армия всегда готовится к прошлой войне.)

«Поколенческая» ротация руководящих групп всегда была характерна для научных, «творческих» и других организаций советского образца с их закрытыми, несменяемыми элитами. Ротация кадров в таких группах неизбежно оказывается конфликтной, связанной с интригами и коррумпивными механизмами. Пример другого типа организации – бизнес-элиты, состав которых определяется критериями эффективности и конкуренции; здесь неизбежна быстрая смена состава (поэтому, в частности, сейчас это самая молодая из существующих элитарных групп, где крупным руководителям может быть до 30 лет).

К типу закрытых поколенческих групп очевидно относилась и высшая (властвующая) бюрократия советского периода. Непременным условием смены правящих верхушек являлся доведенный до демонстративного предела «поколенческий» конфликт: каждая новая приходящая к власти группа декларировала принципиальный разрыв с наследием предыдущей, обвиняя ее во всевозможных грехах. Под эту «музыку» последовательно приходили к власти все без исключения правящие группы с 1917 года до 1999-го. Демонстративное отрицание предшественников служило средством самоутверждения для каждого нового поколения лидеров и практически не связывалось с изменениями и преемственностью в средствах или стиле правления. В этом одна из роковых слабостей системы, неспособной к нормальному воспроизводству со сменой действующих поколений.

Поколения перемен и поколения стабилизации

Существует принципиальная разница между относительной стабилизацией политических или экономических структур общества и стабилизацией на «человеческом» уровне. К

последнему относится и стабилизация «поколенческого» механизма, т.е. обеспечение регулярной, бесконфликтной смены действующих лиц на социальной сцене. В некоем идеале стабильность или нормальность функционирования этого механизма исключает саму проблему поколений как в обществе, так и в отдельных его структурах. Минувшее XX столетие отечественной истории знало периоды относительной общественной стабильности, но ни разу, ни на одном повороте не видело стабильно действующего механизма поколенческой смены и преемственности – ни в дореволюционные, ни в советские, ни в постсоветские годы.

Монархический строй (о котором сегодня демонстративно вздыхают около 10% опрошенных) весной 1917-го не имел ни защитников, ни реформаторов. Последовавший за ним период бурь и натисков в разных направлениях невоспроизводим и лишен механизма собственного воспроизводства. Самый жесткий за столетие, сталинский, режим, построенный на костях и крови собственных подданных и лидеров, неизбежно оказался катастрофически ломким. Не мог создать механизмов собственного воспроизводства, в том числе на человеческом уровне, и наиболее длительный в XX веке, захвативший почти два поколенческих цикла период «застоя». Нестабильность режима выражалась, в частности, в том, что «дети» политической элиты не хотели и не могли наследовать стиль своих «отцов».

Как известно, в России социальное время в определенном смысле измеряется и пространством: периоды прошлой истории воплощены в бесконечной российской периферии – в российском пространстве сосуществуют и взаимодействуют социальные типы (структуры, отношения), характерные для самых разных, если не для всех исторических периодов – периодов общины, крепостного права, советской власти и т.п. Это долго позволяло советской системе подпитываться человеческими ресурсами «прошлого образца»: обновлять кадры за счет провинции. Этот механизм отказал лишь в середине

80-х, но «по-крупному» (Горбачев, Ельцин).

Начавшаяся после падения Ельцина эпоха вызвала надежды на стабилизацию собственного положения у разных структур и сил – от ближайшего окружения бывшего президента до местных боссов и «олигархов». Пока эти надежды оправдываются в небольшой мере, и в первую очередь это связано собственно с их ослаблением. (Главным способом удовлетворения любых запросов у нас, как хорошо известно, является снижение уровня этих запросов.) В данном случае нас интересует другая сторона стабилизации: может ли формирующийся режим обеспечить собственное бесконфликтное воспроизводство при смене своего «человеческого» материала, или он создаст новый вариант социальной стагнации, которая кончится очередным обвалом?

Ответ на этот вопрос придется искать в трех средах – в новом активном поколении, в возможностях нового режима и в изменившемся положении страны в системе мировых связей.

В ближайшие годы наиболее активной поколенческой группой станут люди, вступившие в самостоятельную жизнь в 90-х годах, т.е. родившиеся примерно в 1975-1980 годах. Те, кто свободен не только от «советского» наследия и памяти о нем, но и от переломов, ожиданий и разочарований последних 15 лет, от борьбы за какие бы то ни было социальные цели. Они ничего не выбирали и тем более не завоевывали, им ни к чему не нужно приспособливаться. Они получили в готовом виде политические и экономические «стены» своего «дома» и озабочены лишь тем, как удобнее в нем устроиться. Они в основном привержены существующему «рынку» и ограниченному политическому разнообразию, но не потому, что предпочли их каким-то другим порядкам, а просто потому, что ничего другого не видели. Отсутствует у них восприятие социального прошлого как объекта принятия или отторжения. Это прошлое (прежде всего советское) просто незначимо для них. По сути дела, это первое за столетие

поколение прагматиков, лишенных исторической (институционализованной) социальной памяти.

В странах с развитой и открытой институциональной структурой преемственность поколений не составляет социально значимой проблемы, поскольку обновление человеческого потенциала происходит постоянно, каждый работник или руководитель, менеджер попадает в сложившуюся систему отношений и норм. Нет поэтому и проблемы «беспмятства» молодых поколений.

Не случайно именно в этой поколенческой группе, группе молодых, прагматичных, ориентированных на успех и благосостояние, относительно сильнее выражена поддержка нынешнего стиля государственного управления, претендующего на сугубую деловитость и свободного от исторических и идеологических ограничений. Но осуществлением собственно властных функций заняты отнюдь не самые молодые: чтобы заслужить поддержку правящей элиты, требуется не только карьерный опыт, но и своего рода экзамен на лояльность, а также на признание роли «старшего» («старшего брата»).

ЗАМЕТКИ О «ПРОБЛЕМЕ ПОКОЛЕНИЙ»

Современный интерес к проблематике и механизму «смены поколений» связан, как представляется (помимо общетеоретических и исторических научных факторов), прежде всего с некоторыми обстоятельствами отечественной истории последних десятилетий. Во-первых, с оценкой роли уходящего поколения «шестидесятников», как будто проложившего путь к современным трансформациям, но, как это чаще всего бывает, не нашедшего в них своего места. А во-вторых, с представлениями о факторах развития страны на ближайшие десятилетия, т.е. с вопросом о том, что несет с собой «племя младое, незнакомое». Эмоциональная окраска дискуссий на эти темы в особых комментариях не нуждается. Настоящие заметки – попытка выделить некоторые моменты перевода проблемы в плоскость социологического анализа.

Само перенесение на общественные процессы понятийного аппарата, характерного для рассмотрения «фамильной» преемственности, приводит к появлению мнимых конструкций – таких, как «смена», «конфликт», «разрыв» поколений. «Временная» организованность общества (система связей, обеспечивающих воспроизводство его основных структур, в том числе нормативно-ценностной, при смене «человеческого материала») обеспечивается в первую очередь системой его социальных институтов. Соответственно, общественно значимые перемены в основном связаны с их трансформациями. «Поколенческая» составляющая перемен сводится к тому, что *одним из их факторов* оказывается деятельность относительно небольших групп молодых людей, ориентирующихся на нетрадиционные (часто внешние) образцы и способных влиять на элитарные слои и атмосферу общественной жизни.

«Разрыв поколений», о котором принято говорить, – это, по существу, ценностный раскол, воплощенный в противо-

стоянии небольшой, но значимой группы доминирующей традиции, системе, строю. Такой раскол становился возможным в определенных обстоятельствах социально-исторического развития. В России он наблюдался дважды: в XIX и XX веках.

Знаменитая «проблема отцов и детей» российского XIX века – и даже шире, отраженные в ней судьбы отечественной интеллигенции – отражает катаклизмы начальных стадий перехода традиционного российского общества на общецивилизационный путь модернизации. А проблема «шестидесятников» следующего, XX века – попытка как-то повлиять на возвращение страны в утраченное цивилизационное русло. При всем различии количественных параметров, в том числе длительности существования обеих групп, они составляли небольшое, статистически незначимое меньшинство и в обществе, и в своих собственных (демографически измеримых) поколениях. Значение деятельности каждой из этих групп хорошо известно.

Дело, однако, не только в некоторой близости исторических функций упомянутых групп различных веков; имеется и определенное сходство их положения по отношению к доминирующим общественным институтам. В обеих ситуациях «оторвавшиеся» группы противостояли жестко и вертикально организованным институциональным системам. («Вертикально» организованными можно считать общественные системы, опорные структуры которых легитимированы прошлыми, нередко сакрализованными установлениями, нормами, авторитетами, текстами.) Действовала иерархия авторитетов, как бы опрокинутая во времени назад (высшим считается более древний, «исконный»). В таких системах условием социализации, показателем зрелости служила (а в поздние времена считалась) верность традициям, «заветам отцов», принятой догматике и т.д. Отсюда, естественно, неизбежные стремления к закрытости от внешних влияний и постоянная неофобия, боязнь перемен. «Разрыва» поколений в этих ус-

ловиях не возникало, поскольку действовала жесткая система традиционных институтов социализации и социального контроля; редкие и индивидуальные исключения («казус Гамлета»), если и не были плодом позднейшего литературного воображения, не меняли общей картины.

Дореформенная Россия – почти идеальный пример такого «вертикально» организованного закрытого общества, в котором дворянство и монархия служили хранителями традиционной косности. Конечно, уже с XVIII века эта закрытость превращалась в фантом, со временем все более лицемерный, но постоянно воспроизводилась до конца XIX века. При этом все попытки в какой-то мере расшатать систему исходили от различных по составу и ориентациям групп людей молодых и хлебнувших какого-то «чужого» воздуха (хотя бы книжного). Отсюда и характерное для тогдашней литературной идеологии представление о «разрыве поколений» («Отец понять его не мог...» и т.д.). В «разрывающей» группе последовательно оказывались молодые люди, принадлежавшие примерно к трем поколениям (Герцена, «шестидесятников» и перелома XIX-XX веков).

Но и советское государство вопреки собственным идеологическим вывескам («молодость мира» и т.п.) строилось как вертикальная структура, постоянно оправдывавшая себя обращением к «заветам основоположников» и непогрешимой доктрине. Всякая инициатива пересмотра «основ» (если, конечно, она не исходила от верховного лидера), равно как и всякая попытка апеллировать к молодым силам (в начале 20-х – безуспешная апелляция Л. Троцкого к революционной молодежи, в 30-х – борьба против «комсомольского авангардизма», в начале 60-х – кампания против «молодежных» уклонений в искусстве, философии и т.д.), представлялась опаснейшей ересью. Молодые поколения, обращения к молодежи, призывы к самопожертвованию в военных условиях, организации молодежной муштровки и накачки – все было допустимо только при полном подчинении «вертикали» ав-

торитетов. (Небольшой, но показательный пример: в конце 40-х годов А. Фадееву, знаменитому литературному вождю, пришлось переписать уже прославленную «Молодую гвардию», чтобы добавить линию «партийного руководства».)

Поэтому нарождавшийся в расшатанной системе общественный протест (во всех его направлениях – радикальных и осторожных, левых и либеральных, религиозно и национально окрашенных) неизбежно выглядел «разрывом поколений». На деле, как и столетием ранее, речь шла не о противостоянии поколений, а о вызове определенных групп «вертикально» организованной косной общественной системе. Выразителями его оказывались тридцатилетние в 60-х и шестидесятилетние в конце 80-х годов.

После этих отступлений к фактам общеизвестным можно подойти к проблеме сегодняшней: возможен ли подобный конфликт в современных условиях?

В нынешнем российском обществе можно, как известно в частности из опросов общественного мнения, обнаружить различия позиций и оценок между разными группами, в особенности между людьми старших и более молодых возрастов (например, моложе и старше 40 лет). На эту тему много написано. Но ни «разрыва» поколений, ни «поколенческого» (или «молодежного») вызова сегодня как будто не существует, трудно усмотреть и возможности для его возникновения в обозримом будущем. Объяснения этому положению можно видеть в следующем:

1) замкнутая, «вертикальная» структура общества необратимо разрушена в минувшее десятилетие. При всех катаклизмах и противоречиях произошедших переломов появились определенные контуры общества, которое вынуждено обращаться не к традиционным, а к современным референтам;

2) нынешние носители власти (или часть их) воспринимаются значительной долей населения, прежде всего моло-

дыми людьми, как выразители, даже инициаторы, модернизационных перемен;

3) власть в стране находится в руках представителей поколения, условно говоря, пятидесятилетних (45-55 лет), наиболее «молодого» из поколений, которые реально могут претендовать на власть («поколение отцов»). Никакие сдвиги группового или персонального порядка этого положения не изменят. Все конфликты и колебания курса, сколь бы велики они ни оказались, могут происходить лишь *внутри* этой поколенческой группы и этой правящей элиты;

4) наконец, в обществе практически отсутствует «внешняя» оппозиция по отношению к правящей группе и ее формальному лидеру (президенту). Действуют лишь различные группы давления на властные структуры.

О функциях молодежи в обществе

Известно, что в средневековом обществе социальные позиции (статус, владения, привилегии, обязанности) часто наследовались в 16-20 лет. Социальный статус отца (и соответствующие нормы поведения, ценности, связи и пр.) автоматически доставался сыну. В современном обществе при других возрастных параметрах жизни людей поколения сопряжены друг с другом скорее «внахлест», чем «встык», т.е. в среднем довольно долго влияют друг на друга. Для такого общества характерно взаимодействие представителей *трех поколений* – «детей», «родителей» и «дедов». С этим, в частности, связано и значительное увеличение периода социализации (до 25-30 лет в минувшем XX веке). Поэтому социальные позиции (власть, авторитет и пр.) переходят «по наследству» скорее не от «отцов» к «детям», но от «дедов» к «отцам» (в определенной мере и к «матерям», но это другая проблема). То есть, условно говоря, не от «сорокалетних» к «двадцатилетним», а от «шестидесятилетних» к «сорокалетним» (понятно, что где 40, там и 45-50 лет).

Это значит, что «лицо» общества каждое поколение сегодняшних молодых людей в перспективе сможет определять только после того, как они перестанут быть молодыми, перейдя в статус «отцов».

Сказанное подводит нас к вопросу о месте и функции «молодежи» (как специфической группы) в процессах социального воспроизводства в современных условиях. Собственно, в других условиях такой проблемы и таких функций просто не существовало: молодежь – сравнительно недавняя социальная категория (примерно ровесница XX века), продукт уже упомянутой растянутой социализации. Социальная статистика относит к ней лиц в возрасте 15-24 лет, это примерно 16-17% российского населения. В отличие от иных категорий населения она обладает статусом универсальной и преходящей (все должны «пройти» через молодежный статус, и никто не может остаться в нем). В этой категории неизбежно сосредоточиваются максимальные социальные и личные надежды, иллюзии, устремления.

В знаменитых переворотах и катаклизмах прошлого молодые, наименее отягощенные грузом традиций «горячие головы», увлеченные пафосом перемен и преувеличенными ожиданиями относительно их результатов, выступали носителями новых социальных ожиданий и иллюзий, самоотверженными ниспровергателями «старых» порядков и т.д. Как правило, именно они становились и первыми жертвами разочарований и «стабилизирующих» акций. Но иногда и инструментами таковых.

Когда-то А. Камю заметил, что «культурная революция» в Китае середины 1960-х годов являлась своего рода бунтом «дедушек» (т.е. ортодоксов революции) против «отцов» (оппортунистов), который совершался руками «внуков» (имелись в виду движения хунвейбинов и цзаофаней, «молодых гвардейцев» и «бунтарей», руками которых осуществлялись массовые расправы с неугодными деятелями). Некоторые аналогии подобных «поколенческих» ситуаций можно найти

и в истории идеологических кампаний советских лет – например, в начале 30-х или в конце 40-х, когда молодежь, студенты использовались для организованной партийными властями травли «уклонистов», «космополитов» и т.д. Политическая наивность, безоглядное доверие молодежных активистов к власти и «отцу народов» – впрочем, не без карьерных факторов – служили неременным условием подобных акций. Правда, в отличие от китайской ситуации здесь речь шла, скорее, о расправах с «ортодоксами» и «старыми кадрами» для упрочения господства команды державных прагматиков.

«Встроенные» в современные общественные институты механизмы перемен практически исключают (или делают заведомо неэффективными, а потому и маловероятными) сокрушительные катаклизмы. Соответственно, утрачивают смысл как «авангардистские» фикции, так и жертвенные роли молодежи в общественных переменных. И в нашей сегодняшней ситуации – по крайней мере в данный момент – внутри и околовластные интриги не нуждаются в апелляции к молодежной (да и какой-либо иной массовой) поддержке.

Что же касается собственно «молодежных» выступлений и «бунтов» последнего времени, примерно второй половины XX века (например, знаменитой волны 1968 года в ряде стран), то они были направлены главным образом на решение сугубо «молодежных» проблем, т.е. на расширение возможностей (временных и нормативных) продленного детства, на присвоение атрибутов «взрослого» мира в качестве элементов игры, развлечения. Понятно, что совершенно иной смысл имеют, например, студенческие демонстрации с требованиями поддержки образования, предоставления работы и др.

По известной характеристике М. Мид, современная цивилизация «проспективна», обращена к будущему, поэтому в ней старшие поколения как бы учатся у младших. Последнее соображение, видимо, нуждается в определенных оговорках.

Старшие «учатся», точнее, «заражаются» от молодых (все менее многочисленных, но все дольше и, по-видимому, сильнее действующих на общество) некоторыми элементами стиля поведения, речи, моды и т.п., может быть, и своего рода «энергетикой» действия. Но преимущественно *игрового* действия. Во «взрослый» мир из подросткового перешли спорт, в том числе «зрительский», туризм, «игровой» секс и т.п. Когда-то приходилось писать, что, играя с детьми, взрослые в то же время «играют в детей»: признавая молодежную субкультуру (мир «продленного детства»), любясь ею или даже негодуя по ее поводу, мы как бы играем в подростков. Конечно, в нормальном состоянии взрослые не становятся ни детьми, ни подростками, но лишь выстраивают параллельный, игровой мир наряду с «серьезным» миром работы, семьи, социальной ответственности и обязанностей.

Соотношение этих миров далеко не стабильно. Сугубо игровая спортивно-зрительская горячка довольно давно получила экономические атрибуты (тотализатор, реклама), а в последнее время приобрела способность «запускать» механизм массовой и даже межгосударственной социально-политической истерии. Недавний пример – мобилизация «патриотических» страстей в России вокруг зимних Олимпийских игр 2002 года, имитирующая худшие образцы холодной войны¹. Дело вовсе не в массовом интересе к содержанию каких-то соревнований или к справедливости судебных оценок. Околоспортивные (зрительские) страсти, как оказывается, вновь с легкостью укладываются в русло агрессивного обиженного противостояния «чужим», «Западу», «заговору» и пр. Все эти психологические модели, отработавшие свое в советскую эпоху (кто не помнит установок типа

¹ Согласно одному из исследований ВЦИОМа (февраль 2002 года, N = 1600 человек), 75% опрошенных – без заметных отличий по возрасту и уровню образования! – интересовались не мастерством атлетов, а только успехами российской команды.

«Эй, вратарь, готовься к бою...» и т.п.), очевидно, сохраняют свою «боеготовность».

Вот почему никакие, сколь угодно обстоятельные, данные о настроениях, ценностях, установках сегодняшних молодых людей не могут приоткрыть нам картину «завтрашнего» общества, если остается неясным, в какие социальные рамки вольются интересы и энергия молодых. Иными словами, дело не столько во взрослении сегодняшних *молодых*, а во «взрослении», формировании институциональной зрелости *общества*. Претенциозно-пошлые лозунги типа «молодежь – наше будущее» фальшивы. На деле «наше» (общества) будущее – это то, что социальные институты и обстоятельства сделают *с бывшими молодыми*. Только в условиях развитого, социально «зрелого» общества подростковый или юношеский примитивизм (все равно – примитивно-бунтарский или примитивно-патерналистский, вождистский, ксенофобский...) может уступить место «взрослым» формам социальной активности и ответственности. При отсутствии таких условий возникают «старческие» воспроизведения той же «подростковой» наивности, зависимости, жестокости, безответственности, но уже в окостеневших (или склеротических) державно-бюрократических конструкциях.

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН: ПРЕДМЕТ И ПОЗИЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Ретроспективные размышления

В той или иной форме этой проблематики приходилось касаться в разные годы. Переосмысление собственного опыта, средств и категорий исследования – одна из постоянных тем исследовательских размышлений. Несколько упрощенно ее можно свести к двум задачам.

Первая из них связана с необходимостью более глубокого анализа изучаемого *предмета* (общества, общественного мнения), который позволил бы видеть различные уровни динамики, различные аспекты событий и т.д.

Приходилось отмечать, что в обстановке социальных потрясений и переломов обнажаются, становятся доступнее для наблюдения скрытые механизмы общественных процессов, их глубинные структуры. Оценивая накопленный опыт, нужно также принять во внимание, что происходят существенные сдвиги в самих этих структурах и механизмах. Претерпевают изменения и структуры общественного мнения, способы его консолидации и мобилизации, критерии оценки и поддержки лидеров, массовых настроений удовлетворенности, недовольства и пр. Общественное мнение в нынешней России, в 2003 году, – не то, что общественное мнение времен первых исследований ВЦИОМа (1988-1989). Другая задача – неизбежная переоценка исследовательской *позиции*.

Серьезный выбор, в том числе – профессиональный, делается редко. Но задумываться над его смыслом приходится на каждом новом витке событий – внешних или внутренних, применительно к «возрасту» общества или своему собственному. Это может относиться к отдельному человеку, к исследовательскому коллективу, а то и к целому «профессиональному поколению». В данном случае речь идет о смысле социологической, исследовательской *«позиции»* в изменяю-

щихся условиях, т.е. о категории существенно иной и более сложной, чем, например, позиция политическая («за» и «против», «с кем» и «против кого»). Стремясь к максимальной объективности – в терминологии М. Вебера, «свободе от ценностей» – своего анализа, исследователь неизбежно оказывается на пересечении силовых линий различных интересов, ожиданий, иллюзий (включая свои собственные). Поэтому в определение «позиции» социолога входят и его отношения к этой системе координат. Только в некоторой ретроспективе, оценивая события и собственные представления постфактум, можно, видимо, достаточно надежно отделить исследовательские установки от интересов и иллюзий времени. В этом состоит одна из главных задач переосмысления позиций исследователя.

Обманчивое противопоставление: «старое» – «новое»

Обсуждение произошедших в стране перемен, а также перспектив дальнейшего развития достаточно часто вращается вокруг оси противопоставления «старого» и «нового» (государства, общества, порядка, человека). Возникают вопросы о том, насколько «новыми» можно считать нынешние порядки, насколько реально возвращение «старого» образа жизни и пр. Такая постановка вопроса кажется в принципе неверной, поскольку основана на предположении, что общественные процессы носят непременно линейный характер, т.е. сводятся к движению «вперед-назад» в некоем одномерном пространстве. (С такой установкой связано, в частности, обманчивое сосредоточение общественного внимания на фантоме «возвращения» к советскому прошлому; это уводит от оценки сегодняшних альтернатив и реальных опасностей.)

Сдвиги, происходящие в действительности, значительно сложнее и не укладываются в простую схему. События последних примерно 15 лет дают тому многочисленные примеры: разрушение тоталитарной системы происходило (и про-

исходит) не под напором «демократии», а под влиянием авторитарных действий, аппаратных интриг, сепаратистских и просто корыстных расчетов; трудное преодоление изолированности от внешнего мира достигается ценой официальной поддержки западными державами репрессивных акций российских властей, и т.д., и т.п. Многократно осуждавшаяся еще в конце 80-х химера «разумного» авторитаризма как средства перехода к демократическим порядкам получила практическое воплощение в формах далеких от разумности и демократичности – как по средствам, так и по результатам.

На плоскости общественного мнения, в массовом сознании эта ситуация находит свое выражение в постоянных метаниях между тоской по прошлому и приспособлением к изменившимся обстоятельствам, недоверием к властным институтам и иллюзорными надеждами на очередного лидера, стремлением войти на равных в сообщество развитых стран и комплексами державной неполноценности, завистью и ненавистью к богатым и т.п. Налицо, таким образом, сугубо неклассический («нехрестоматийный») набор социальных феноменов и фантомов. Правомерно ли относить подобную «химерность» к специфике нашего национального (национально-исторического) сознания, или это неизбежный атрибут любого «переходного» периода, сочетающего компоненты различных эпох и систем? Видимо, в той или иной форме «химерные» социальные образования вездесущи, а классически «чистые» формы носят лишь идеально-типические конструкции, т.е. исследовательские инструменты. Особую болезненность этой ситуации – а также ее восприятию в общественном сознании – придает историческое запаздывание российских модернизационных переходов, последовательные фазы которых остаются незавершенными и как бы накладываются друг на друга. Соответственно происходит и наслаивание нерешенных, полурешенных, неверно поставленных и т.д. социальных задач.

Это относится не только к «материальным» выражениям

социального развития (например, к сочетанию разных фаз индустриализма и постиндустриализма), но и к интересующим нас в данном случае структурам массового сознания, механизмам самоидентификации, мобилизации, поддержки, доверия, протеста и пр. А также, разумеется, к переходам от общественного возбуждения к массовой апатии, от воодушевления к разочарованиям.

Сдвиги: ожидаемые и неожиданные

За последние полтора десятка лет в обществе имели место события и коллизии, которых не ожидали даже самые внимательные наблюдатели, ни отечественные, ни зарубежные. К ним относятся попытки политической перестройки в партийно-советских рамках (1988-1989), развал этих рамок с путчем 1991 года (в этом случае неожиданным было не само выступление партийных консерваторов, а его беспомощность), радикализм замысла и противоречия реализации экономической реформы, конфронтация внутри «новой» правящей элиты в 1993 году, военная авантюра в Чечне (1994 год и далее), нарастающая дискредитация первого посткоммунистического режима Б. Ельцина, политический поворот 1999 года с новым типом лидерства, новой фазой чеченской войны, надеждами на стабилизацию в обществе и очередными разочарованиями на разных уровнях. В каждом из этих разнородных и разнозначных случаев можно обнаружить сходство в схеме или механизме события: несоответствие друг другу проблемы, способов ее решения и характера исполнителей. Отсюда неизбежная болезненность, конвульсивность перемен, поиски виноватых вместо поисков путей решения проблем и пр.

В этих меняющихся условиях фоном динамики общественного мнения оставалось постоянно пульсирующее массовое недовольство, которое могло быть использовано различными политическими силами. Ожидаемые и неожиданные перемены в этой плоскости являются в данном случае пред-

метом исследовательского внимания.

Первой неожиданностью здесь стала, конечно, воодушевленная и наивная мобилизация общественной поддержки М. Горбачева в «ранние» годы политической перестройки (1988-1989). По опросным данным, уровень полного и неполного одобрения деятельности лидера достигал в конце 1989 года 83%, притом что неодобрение ему высказывали всего 7% (N = 2500 человек). Это означало фактическое отсутствие каких-либо альтернатив и, по крайней мере, открытого противодействия провозглашенной линии. В свете последующего опыта можно выделить несколько разнородных компонентов тогдашнего почти всеобщего единодушия. Во-первых, оно было продолжением глубоко укорененной в массовом сознании советской традиции «единодушного одобрения» руководящих персон и лозунгов. Во-вторых, оно отражало разнородность надежд, которые тогда связывали с деятельностью Горбачева: одни («демократы») рассчитывали на демократическую эволюцию режима, другие (партийно-советская элита) – на сохранение своих позиций при косметическом ремонте государственного механизма. На столь противоречивой основе массовая поддержка лидера долго продержаться не могла, за резким ее взлетом последовало еще более резкое падение уже в 1990 году.

Пиковые значения поддержки Б. Ельцина (около 70% одобряющих его деятельность) приходится на период 1990-1991 годов, точнее, на два момента: первый – в июле 1990 года, после избрания Ельцина председателем российского Верховного Совета и последовавшего за этим принятия Декларации о суверенитете, второй – после ликвидации путча августа 1991 года. Все остальное время правления первого президента отмечено существенным противостоянием в общественном мнении, причем если до конца 1991 года деятельность лидера одобрялась относительным большинством, то уже с 1992 года, т.е. с началом болезненных реформ, одобрение выражает только меньшинство, ставшее к концу

правления совсем малочисленным.

Ситуация «конфронтационного» общественного мнения в обществе, не имеющем традиций социально-политического плюрализма, заслуживает особого исследовательского внимания. Существование влиятельной оппозиции – притом «слева», со стороны традиционно-советского популизма – вынуждало власть допускать публичную (через массмедиа) критику в свой адрес и искать поддержки у демократически настроенных групп общества. Правда, призывы к «антикоммунистической диктатуре» (1991, 1993, 1996) успеха не имели. Итогом периода, столь богатого конфликтами и коллизиями, закономерно оказался не институционализированный политический плюрализм (с реальной многопартийностью и гарантированными политическими свободами), а чуть ли не всеобщая тоска по порядку и спокойствию, поддержанному «сильной рукой».

С конца 1999 года «путинский» режим, беря на себя роль исполнителя таких чаяний, попеременно использует механизмы воинственной мобилизации и стабилизирующей консолидации общества. Так, исчерпание потенциала «чеченской» социально-политической мобилизации вынуждает искать ресурсы поддержки в консолидации вокруг экономических планов или международных союзов; когда эти направления представляются недостаточно эффективными в каких-то околовластных ситуациях, в ход идут воинственно-мобилизационные приемы популистского типа (например, «антикоррупционные» или «антиолигархические»). Это позволяет поддерживать в общественном мнении довольно стабильный положительный баланс одобрения-неодобрения деятельности президента. При этом явное большинство в «группе несогласия» составляют – как и в ельцинские годы – сторонники компартии, демократическая оппозиция представлена в общественном мнении очень слабо, многие из относящих себя к демократам надеются в какой-то мере опереться на президентскую власть. Аналогичным образом по-

стует и большинство несогласных с продолжением чеченской войны, поэтому их недовольство не превращается в активный протест. Примерно так же поступают и недовольные экономической политикой, низким уровнем жизни, ущемлением гражданских свобод и т.д.

Создается ситуация, напоминающая ироническую формулу «демократического централизма» советских лет («каждый в отдельности против, но все вместе – за»): неодобрение по конкретным, частным поводам суммируется «в целом» в стабильно высокий уровень поддержки лидера. Формирующаяся таким образом социально-политическая консолидация общественного мнения остается рыхлой, довольно далекой от восторженной мобилизации. (Восторженные оценки президенту неизменно дают 3-4% опрошенных. Вспомним, что даже в моменты самой высокой мобилизации общественных настроений в поддержку нынешней чеченской кампании готовность принять в ней участие выражала небольшая доля опрошенных, около 15%.) В принципе такая консолидация вполне достаточна для того, чтобы существующая расстановка сил без особого напряжения была продлена на ближайших парламентских и президентских выборах. Причем – впервые за постсоветские годы – власть не нуждается для этого ни в поддержке немногочисленных демократов, ни в соблюдении гражданских свобод.

Очевидная обратная сторона таких отношений между властью и обществом – растущая зависимость власти и ее носителей от узкоаппаратных, групповых интересов, амбиций, интриг. Вполне вероятно, что неожиданная для многих апелляция к популистски-мобилизационным средствам массового возбуждения, проявившаяся летом 2003 года, связана именно с такой зависимостью.

Если отвлечься от канвы событий, а ограничиться только фактами общественного мнения, то здесь неожиданными были обнаруженные в ходе исследований свойства общественных настроений и установок: легковерие, краткосрочная мо-

билизуемость, готовность обманываться и довольствоваться малым, персонализация надежд, пассивное терпение.

Оглядываясь назад, мы видим на протяжении примерно полутора десятка лет последовательность и сочетания довольно узкого набора состояний общественного мнения. При любом анализе изменений, производимом задним числом, возникает соблазн считать все происходившее неизбежным, единственно возможным и, тем самым, *оправданным*. Преодолеть этот соблазн можно только с помощью какого-то мысленного эксперимента, который позволил бы сопоставить различные факторы и варианты развития ситуаций. Скажем, смена таких фаз динамики общественных настроений, как напряженность и релаксация, увлечения и разочарования, одобрение и сомнения и т.п., – универсальные формы, а способы их нагнетания и использования зависят от соотношения сил и стремлений в данной ситуации. «Короля», как известно, всегда «играет свита», но реальная мера ее влияния (в интересующей нас плоскости общественного мнения) на лидера определяется масштабом личности последнего, сплоченностью групп непосредственной поддержки и давления и пр. Социологическому исследованию общественного мнения динамика «малогрупповых» влияний на властные механизмы и на «массовое» сознание, по определению, не доступна. Перед нашими глазами лишь крупные, массовые образования, выделенные историческим разделением труда, традициями социального знания или нуждами текущего исследования.

Чем больше приходится работать с рядами показателей общественных настроений (удовлетворенности и недовольства, спокойствия и тревожности и т.д.), тем сложнее оценивать их значение. В каждом таком показателе в скрытом виде присутствуют по меньшей мере две составляющие: запросы и их удовлетворение (на деле ситуация гораздо сложнее, поскольку на нее влияют факторы осознания, ожидания, самобмана и т.д.). Поэтому, например, динамика позитивных оценок социальных настроений может свидетельствовать как

о насыщении существующих запросов, так и об их уменьшении, иногда о том и о другом одновременно. Имеющиеся данные показывают, что более половины населения вынуждено понижать собственные запросы, приспособившись к сложившейся ситуации.

А это значит, что показатели «оптимизма» или «пессимизма» в массовых опросах нельзя принимать «за чистую монету», т.е. оставлять без аналитической интерпретации. Скажем, повышение уровня удовлетворенности (собственной жизнью или положением в стране, деятельностью власти) может означать не более как традиционную или благоприобретенную привычку довольствоваться малым из опасений худшего. И напротив, рост уровня критических оценок бывает показателем повышенной требовательности, что никак нельзя считать достойным сожаления. Возможно, при дальнейшей разработке проблемы удастся определить адекватные средства различения упомянутых функций.

Новые фигуры на игровом поле?

В отечественной социологии традиционно-классовый подход к социальной структуре давно сосуществует с различными вариантами выделения значимых страт, доходных и статусных групп и пр. Применительно к задачам анализа общественного мнения представляется целесообразным отслеживать преимущественно функции групп, обладающих специфическим влиянием в рамках этого феномена, – лидеров мнения, элит, слоев и структур массового общества, получивших универсальное распространение во второй половине прошлого века. Накопленный за последние годы опыт работы с данными массовых опросов позволяет считать такой подход вполне пригодным и для понимания существенных сторон формообразования современного российского общества. И напротив, использование категорий исследования общественной структуры, которые были адекватны для сере-

дины или конца XIX века, становится малоэффективным.

Ограничусь немногими примерами методологического порядка. В научной и особенно в околonaучной (популярной, публицистической) литературе по-прежнему интенсивно обсуждается тема «*среднего класса*», его характеристик и возможной роли в становлении нового общественного порядка. Одно время – лет пять назад, в прошлую эпоху – дело чуть ли не дошло до государственной программы формирования такого класса. Недавно в одном из популярных социально-экономических журналов («Эксперт») была даже сделана полусерьезная попытка спрогнозировать партийный состав «*послепослезавтрашнего*» парламента (2011 года избрания) на основе представлений о перспективах численности «*среднего класса*». Слой относительно состоятельных людей в России несомненно существует и, скорее всего, будет численно расти, постепенно сглаживая сегодняшнюю резкую имущественную и статусную дифференциацию. Значительная часть (около половины) населения сегодня хотела бы равняться на стандарты жизни этого слоя. Но никаких шансов превратиться в особый социальный класс (в классическом марксистском, околomarксистском, веберовском и прочем смысле – со своими интересами, своими противниками, своим образом жизни, вкусами и т.д.) он, по всей видимости, не имеет. Неумолимая тенденция развития ведет к массивификации общественных групп, размыванию граней, усреднению доминирующих образцов, а никак не к формированию новых обособленных групп. Кроме того, слишком большим и старомодным упрощением было видеть в современных политических партиях, а тем более – в государствах выражение интересов отдельных классов или подобных им обособленных общественных групп. Это относится и к среднему слою.

Много вопросов вызывает еще одна важная группа, как будто недавно заявившая о своем социально значимом существовании, – *молодежь*. Как особая социальная категория,

как носитель специфических интересов и ценностей, своей субкультуры, наконец, как социальная проблема – это атрибут современного массового общества. Но это «переходная» группа, которую все проходят, но в которой никто надолго не остается. Нетрудно заметить, в том числе и у нас, что молодежь заражает все общество «своими» вкусами, стилем, модой и пр. – т.е. атрибутами собственного «игрового» поведения. Может ли современная молодежь быть распространителем «серьезных» социальных, политических, культурных ценностей – как это было, например, в эпоху «отцов и детей» XIX века? Почему этого не происходит? Многочисленные данные показывают, что молодые люди не отличаются ни радикальностью своих социально-политических позиций, ни активностью участия в общественной жизни. Бессмысленно упрекать в этом современных молодых людей (чем заняты некоторые политики). В позапрошлом веке «западные», модернизационные веяния шли в Россию через молодые поколения – которые тогда играли в «серьезные», «взрослые» игры, а не отгораживались в своем полумире. А сейчас молодые люди проникаются «серьезными», «взрослыми» интересами после того, как перестают быть молодыми; это, видимо, всеобщая тенденция, не только у нас заметная. Поэтому новым («серьезным») веяниям, современным ценностям оказываются открытыми не самые молодые, а следующее поколение, поколение «отцов» этих молодых.

К этому стоит добавить, что за последние годы именно молодежь (самые молодые, до 25 лет), также и по ее собственному признанию, оказалась в выигрыше, – сегодня это (относительно) наиболее состоятельный, наиболее свободный от каких-либо стеснений, обладающий наибольшим ресурсом возможностей для досуга, учебы, работы, общения и т.д. слой общества. Причем все эти возможности не были «завоеваны» в результате какой-то направленной борьбы, а получены как бы в подарок, благодаря стечению социальных обстоятельств. Отсюда и отсутствие у молодых стимулов для

обращения к политическим или иным организованным действиям – ни ради общесоциальных целей, ни ради специфически «молодежных» прав (по образцу студенческих «революций» 1968 года в Западной Европе). Поэтому не молодежь как таковая (как особая группа), а условия ее «взросления» могут быть фактором обновления общества.

Остается обратиться к роли *«новой» политической элиты*, а точнее – сегодняшней конфигурации сил и средств вокруг элитарных функций. За интересующие нас полтора десятка лет эти функции исполняли три различные структуры. «Перестроечную» элитарную структуру определял вынужденный и неустойчивый союз либерального крыла партаппарата с демократически настроенной интеллигенцией, при чрезвычайно высокой поддерживающей активности массмедиа и молчаливом сопротивлении «старого» аппарата. «Постперестроечная» конфигурация – еще более неустойчивый, пронизанный интригами блок нового чиновничества с олигархами, растерянная и частичная поддержка со стороны демократов, преимущественно служебная, отчасти политтехнологическая роль медиа. И наконец, нынешний элитарный механизм: новая чиновничья верхушка из «силовых» кадров, олигархи отодвинуты в сторону, малочисленные демократы загнаны в угол, наиболее массовые медиа (телевидение) подчинены технологическим запросам.

Но важнее изменение функции элитарных структур. Если в первый из перечисленных периодов публичная функция элиты состояла в возбуждении общественного мнения, во втором периоде – в сохранении инерционной поддержки с его стороны, то в современных условиях это прежде всего стабилизация массовых настроений поддержки власти (но, как уже приходилось отмечать, осуществляемая через периодическую дестабилизацию обстановки).

Конечно, все названные элитарные структуры отличны от партийно-советского образца «ведущей» и «всеведающей» силы. Это можно было бы считать весьма позитивным пока-

зателем, если бы центры инициативы и активности в обществе действительно переместились на уровень индивидуальных и институциональных субъектов. Но ни действительно новой, ни устойчивой – на определенную перспективу – конфигурации не возникло. Кого бы ни винить в этом – нерешительность М. Горбачева, неподготовленность демократов, непредсказуемость Б. Ельцина, непреодолимое влияние силовых структур на носителей власти, особенно в правление В. Путина, – трудно представить себе иные, альтернативные варианты развития элитарных структур. Объяснить этот «фатализм наоборот» (примененный к прошлым этапам) как будто довольно просто: ничья сознательная воля и никакое организованное целенаправленное действие не играли существенной роли на всех поворотах второй половины 80-х – 90-х годов. Поэтому все перемены, в принципе, осуществлялись по самым вероятным (т.е. запутанным и нерациональным, «стихийно» складывающимся) траекториям, – именно они задним числом и представляются чуть ли не единственно возможными.

«Понижающая» идентификация?

Неожиданный, даже шокирующий, для исследователей сдвиг в общественном мнении – характер перехода от «советской» к «российской» идентификации человека. Очевидно, что это далеко не просто перемена формальных (паспортных) признаков государственной принадлежности. «Советская» идентификация имела значимую социально-политическую и идеологическую нагрузку (сопричастность к социально-политическому строю, ценностям, противостоящим остальному миру). В ряду наивно-демократических ожиданий, распространенных в атмосфере «ранней» перестройки, имелась и надежда на то, что освобожденный от этой обязательной причастности человек станет утверждаться как свободная и ответственная личность, правомочный гражданин,

равноправный член европейского и мирового сообщества. Вектор изменений оказался другим: на первый план выступила идентификация с семьей, «малой» родиной, этнической общностью, конфессией, в меньшей мере – со «своим» (но уже деидеологизированным) государством. Иначе говоря, произошел как будто определенный сдвиг в сторону идентификационных механизмов «низшего», более традиционного порядка; понижающей адаптации соответствует и тенденция к «понижающей идентификации» человека.

Правда, эта тенденция не является единственной. В анкетах заметной части опрошенных мы обнаруживаем утверждения о том, что «иногда» или «время от времени» они чувствуют себя свободными гражданами, европейцами и т.п. Считать подобные заявления признаками новой идентификации можно с большими оговорками. Декларативная, даже чисто символическая сопричастность к некоторому континентальному или всемирному сообществу может иметь идентификационное значение, но вторичное по сравнению с переживанием «своей» общности как привычной, как средоточия «своих» радостей и «своих» огорчений. А смещение вектора идентификации от тоталитарного идеологизированного государства к государству правовому (т.е. к национально-государственной идентичности), в принципе, не означает понижения уровня сопричастности, – если речь идет о действительно современном, либеральном типе государственности. Проблема в том, насколько далеко российское общество сегодня от реализации подобной модели.

Один из показателей такого расстояния – распространенность патерналистского отношения к государству, которое чаще рассматривается как источник заботы о подданных, чем как институт правового общества. Отсюда следует и обратная реакция: если известная формула английского патриотизма («права она или не права, но это моя страна») предполагает отстраненную рационально-критическую оценку собственного отечества; в российской (и советской) традиции

«своя» страна права всегда уже потому, что она «своя», а остальной мир по определению чужд и враждебен. Этнополитические конфликты последних лет (прежде всего, конечно, чеченская война) создают фон для высокого и даже растущего уровня этнической ксенофобии. Прагматическое, поведенческое выражение этой установки – широкая поддержка требований ограничить доступ «южан» в крупные города России, а также высокие показатели отчужденности по шкале «социальной дистанции» (в особенности нежелание видеть «чужих» в качестве родственников).

Очевидно, что распространение ксенофобии, почти не встречающей сопротивления в обществе и на различных уровнях государственного аппарата, отодвигает страну от образцов либерального государства и гражданского общества. Но враждебность, психологическая агрессивность по отношению к «чужим» может стать фактором мобилизации общественных настроений только в исключительных и относительно кратковременных ситуациях (например, на некоторых фазах той же чеченской войны). В большинстве же случаев современная ксенофобия – это скорее обратная сторона на социально-психологического, «массового» комплекса собственной неполноценности.

Позиция и ценности исследователя

Вернемся теперь к проблеме, обозначенной в начале статьи, – положению исследователя (исследовательской группы, коллектива) на пересечении силовых линий общества. Ведь жесткое разграничение «субъективных», человеческих и «научных» интересов в работе конкретного исследователя существует только теоретически или в идеально-типическом случае; на деле это динамичный стандарт, соблюдение которого требует постоянных усилий. А кроме того, сама энергия научного исследования, особенно в общественных науках, если не всегда, то очень часто подкрепляется человеческими

и социальными интересами. Отдельная проблема – влияние на исследование таких внешних (социальных, политических) факторов, как ограничения, допуски, запросы, публичность и пр.

Чтобы выстроить ряд сравнений, приходится начинать с рубежей почти 40-летней давности – с первых поисков возможности социологической работы в стране. Немногие помнят специфическую атмосферу тех лет, когда никаких новых общественных ориентиров не существовало, но как будто появилась некая возможность окунуться в среду языка, стиля, методов социального мышления, заметно отличного от доминирующей идеологической догматики. Этого оказалось достаточно, чтобы начать социологические исследования, причем не только индивидуальные, но и коллективные.

К концу 1980-х годов, когда возник новый общественный интерес к социологической работе, проблема позиций исследователя приобрела иной смысл. Главным стимулом социолога стало стремление участвовать в наметившемся общественном обновлении. Научный интерес был теперь ориентирован как бы вовне, в сферы общественных проблем и перемен. Иллюзия долгожданной общественной востребованности, захватившая тогдашнюю демократически-интеллигентскую среду, оказала сильнейшее влияние на круги и кружки социальных исследователей – особенно тех, кто переживал взлеты и крушения надежд предыдущего времени. Как и всякая иллюзия, она сыграла роль движущей силы, в частности стимулировавшей развитие исследовательских интересов и проектов, и в то же время в определенной мере этот интерес и дезориентировала. Желание видеть успешность и глубину перемен затрудняло анализ сложности происходящих процессов. Кроме того, влияние иллюзий всегда кратковременно, волна общественного разочарования, поднявшаяся еще в середине 1990-х годов, к концу десятилетия накрыла даже самую увлеченную исследовательскую среду и вынудила ее вновь переоценить стимулы и смыслы собственной деятель-

ности. Переход от позиций «увлечения» к позиции, условно говоря, «наблюдения» остается довольно сложным.

Представления о том, что социальная наука (в данном случае социология общественного мнения) служит интересам общества, – не более чем увлекательная метафора. Конкретная реальность каждого общества – взаимодействие определенных институтов, групп, сообществ, обладающих разными интересами и разными способами их выражения. В условиях резких общественных кризисов и переломов казалось оправданным апеллировать не к наличному, а к «потенциальному» обществу, общественному сознанию, человеку. Условия относительной, хотя бы декларативной стабилизации неизбежно выводят на поверхность вполне конкретных претендентов на роль представителя «общественных интересов» – властные и околовластные группы, различные обслуживающие их организации и т.д. Возникает понятный соблазн подмены общественных интересов сиюминутными запросами одной из таких групп; далеко не все могут ему успешно противостоять.

Другую современную опасность (она же и соблазн) позиции социального исследователя представляет, естественно, приобретающий все более универсальное значение маркетинг. Точнее, присущая маркетингу тенденция подчинять исследовательский интерес конкретным, зримым (или предсказуемым завтрашним) запросам участников потребительского рынка, в том числе социального, политического, идеологического и пр. Эта опасность, пожалуй, сильнее предыдущей.

Столь сложные, осторожно выражаясь, обстоятельства не устраняют позиции объективного исследования (по умолчанию предполагается, что речь идет о «мыслящем», аналитическом исследовании), но делают ее постоянно и напряженно проблематичной. Существуют тенденции изменений, объективно «заряженные» на дальнюю перспективу, выходящую за пределы зрения каких бы то ни было потребителей и заказчиков, и внутренняя логика самого научного исследова-

ния, независимая от обстоятельств сегодняшней «затребованности» или, скажем, «нежелательности» каких-то его результатов или целых направлений работы. Когда и какие властные и контролирующие ресурсы группы это признают – вопрос особый и собственно обращенный уже не к исследователям. Это, возможно, один из главных итогов беглого обзора перемен последних лет.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАМКИ «БУДУЩЕГО» В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ

Создававшаяся в последнее время напряженность общественного внимания к перспективам «ближнего» порядка (например, послевыборным или «послепослевыборным» и тому подобным ситуациям, угрозам реставрации) усиливает интерес к более общим или более дальним рубежам.

Как обычно, я ограничиваюсь в предлагаемых размышлениях преимущественно результатами анализа исследований общественного мнения. (Если иное не оговорено особо, то в настоящей статье это данные очередной, четвертой волны исследований по программе «Советский человек»; опрос проводился в июле-августе 2003 года, N = 2000 человек.)

«Прошлое» и «будущее» как конструкты

В массовом восприятии текущее, нынешнее время представляется полем конкретных действий и, соответственно, измеряется длительностью таких действий, а также зримых их предпосылок и последствий («вчерашнее» и «завтрашнее» в этом смысле оказываются как бы дополнениями к «сегодняшнему»). Такое поле пересечено множеством разнонаправленных силовых линий, кажется хаотичным, выделяются в нем лишь траектории «своего» поведения. Между тем прошлое как прошедшее, отдаленное от текущих действий, представляется полем каких-то упорядоченных, значимых событий, действий, переживаний и т.д.: социальные силы и персонажи здесь не просто взаимодействуют, но исполняют определенные ролевые функции. В своих истоках структуризация прошлого (или ряда прошлых состояний) мифологична и ритуализована в культовых системах, позднее она оказалась под влиянием фольклора, литературы и идеологии. (В той или иной мере представление прошлых времен и состоя-

ний в летописях и исторических сочинениях также идеализировано.) Как и иные подобные конструкты массового сознания, структуры «прошлого» при всей сложности своего формирования довольно просты и повторяемы.

Но и в социальном восприятии «поля» будущего по определению отсутствуют современные проблемы, человеческие тревоги, поиски, конфликты и пр. Причем это относится как к предельно «позитивному» (утопическому, например), так и к предельно «негативному» будущему апокалиптических антиутопий. Если структуры прошлого как бы задают главные темы массового воображения (а на деле воображение создает эти структуры), то в идеальных порядках будущего эти темы окончательно снимаются. Массовое воображение тем самым заставляет конструируемое им будущее решать «вечные» проблемы прошлого, т.е. проблемы, отнесенные к структурам прошлого. В этом, видимо, основа принципиальной *симметричности* картин прошлого и будущего, которые можно обнаружить в общественном мнении.

Это соображение справедливо не только для конкретных утопических планов, предлагавшихся различными авторами начиная с античности и примерно до конца XIX века, но и для всех вариантов массовых или «авторских» представлений о некоем будущем состоянии общества, лишенном напряженности и проблем (и тем самым, кстати, снимающем с человека ответственность за собственные действия). Недавно завершившийся век покончил как с конструкциями типа идеализированных монастырей и общин (фаланстеров, коммун, хрустальных дворцов, казарм и пр.), так и с надеждами на то, что бурные реки исторического времени рано или поздно впадут в мировой океан всепоглощающего либерализма, эгалитаризма, глобализма, постиндустриализма и т.д. (Никак не лучше и судьба надежд зеркально противоположных, а по сути однотипных – на то, что эти реки потекут вспять, к беспроблемным аркадским идиллиям, патриархальной иерархии, «соборному» холопству и пр.) Тенденции

XX столетия, наблюдаемые и сейчас, – постоянное умножение и усложнение проблем, которое приходится решать человечеству и человеку на всех направлениях и на всех этапах процессов, которые можно лишь весьма условно именовать прогрессом. Все шаги материального, интеллектуального, социального, глобального продвижения к новым рубежам оказываются как минимум неоднозначными по своим последствиям, создают новые, даже более острые, чем существовавшие ранее, проблемы и коллизии различного масштаба.

С этим, между прочим, связано и очевидное крушение представлений об относительно жесткой детерминирующей зависимости между техническими, научными, производственными, информационными, биомедицинскими и прочими инновациями и решением социальных проблем.

Однако историческая дискредитация самой конструкции идеального, беспроблемного будущего не означает его устранения из массового воображения. Видимо, усложнение проблем человеческого существования – тем более на столь трудных социальных поворотах, как переживаемые, в частности, в российском обществе – стимулируют постоянный возврат массового интереса к изжившим себя моделям.

Поиск «исторической идентичности»

Исследования последних лет обнаруживают значимость исторических координат для национальной самоидентификации россиян.

В разгар перемен и тревог перестройки на первый план в качестве локуса массовой идентификации вышла «малая родина», но с 1994 года приоритет получило *историческое измерение*. К нему несомненно относятся и такие показатели, как «великие люди», «военная мощь», а также традиционные символы (праздники, памятники). Отождествление с *современными* структурами (государством) заметно утратило свое значение в переломные годы и лишь отчасти восстановило

его в последнее время. Довольно редкой была и апелляция к «передовому строю» как предмету гордости: попытки утвердить в массах новый, послеоктябрьский отсчет исторического времени не увенчались успехом (см. табл. 2).

Таблица 1

«Что в первую очередь связывается у Вас с мыслью о нашем народе?»

(% от числа опрошенных*)

	1989	1994	1999	2003
Наше прошлое, наша история	26	37	48	48
Наша земля, территория, на которой мы живем	12	25	26	32
Родная природа	15	18	18	23
Место, где я родился и вырос	38	41	35	43
Государство, в котором я живу	27	18	19	22
Язык моего народа	22	19	17	19
Великие люди моей национальности	8	10	14	14
Наша военная мощь	2	5	7	8
Вера, религия	3	8	7	8
Знамя, герб, гимн	5	2	3	4
Наше трудолюбие, умение хозяйничать	5	6	10	7
Наши песни, праздники и обычаи	14	17	19	16
Родные могилы, памятники	6	9	7	7
Душевные качества моего народа	14	16	19	15

* 1989 – «Советский человек»-1, N = 1250 человек (Россия);

1994 – «Советский человек»-2, N = 3000 человек;

1999 – «Советский человек»-3, N = 2000 человек;

2003 – «Советский человек»-4.

Таблица 2

«С какой даты, эпохи, события начинается, по Вашему мнению, история нашей страны?»
(% от числа опрошенных)

С незапамятных времен, «испокон веков»	39
С Киевской Руси	19
С образования русских княжеств	3
С крещения Руси	11
С создания Московского царства	2
С царствования Петра I	10
С Октябрьской революции 1917 года	4
С принятия Декларации о суверенитете РФ (1990)	0
С распада СССР и создания суверенной РФ (1991)	1
С избрания президентом В. Путина	1
Затрудняюсь ответить	10

Наиболее значимы исторические координаты для пожилых (55 лет и старше – 52% упоминаний), для сторонников КПРФ.

«Глубина» реальной массовой исторической памяти невелика и, как видно из материалов исследований (см. ниже табл. 3 и 7), удерживает преимущественно события и лица двух последних веков (XIX и XX): претензия на историческую самоидентификацию обращена преимущественно к «незапамятным», мифологическим временам.

Такое распределение «начальных» ориентиров исторической памяти очевидно свидетельствует о *ее мифологизирующей* функции: необходимости удержать такую систему символических координат, которая сохраняла бы и оправдывала сложившийся набор приоритетов и табу. Значение «реальных» (эмпирически известных) точек отсчета, в том числе современных, как видим, остается минимальным, – несмотря на массовые политические пристрастия последних лет.

«Событийный» контекст исторического сознания

Многолетние наблюдения за состоянием массовой исторической памяти в рамках программы «Советский человек» позволяют судить о высокой стабильности основных ее параметров – как событийной, так и персонализированной структур.

Распределение оценок событий – которые, собственно, и задают структуру исторического сознания, – как видим, довольно устойчиво, динамика значений сравнительно невелика и объяснима. Наблюдаемые в ряде позиций колебания оценок в 1999 году, отчасти нарушающие общие тенденции, связаны с особенностями момента наблюдения (начало года, непосредственно после тревожных переживаний финансово-го кризиса 1998 года).

Таблица 3

Самые значительные события XX века (% от числа опрошенных*)

	1989	1994	1999	2003
Первая мировая война (1914-1918)	8	19	18	14
Октябрь 1917 года	65	49	49	40
Коллективизация	10	8	6	6
Репрессии 30-х годов	31	18	11	17
Победа в Великой Отечественной войне (1945)	75	73	85	78
Создание социалистического лагеря в Европе		4	5	3
Смерть Сталина (1953)			14	13
XX съезд КПСС (1956)		5	4	4
Полет Ю. Гагарина (1961)	33	32	54	51
Война в Афганистане (1978-1989)	11	24	21	23
Перестройка	24	16	16	21
Чернобыльская катастрофа	36	34	32	35

	1989	1994	1999	2003
Падение Берлинской стены, крах социалистического лагеря		6	5	3
«Путч» августа 1991 года		7	6	7
Распад СССР		40	47	42
Реформы Е. Гайдара		6	2	4
События октября 1993 года		7	3	4
Первые многопартийные выборы (1993)		3	1	2
Война в Чечне			24	31
Дефолт (1998)			18	8
Избрание В. Путина президентом (2000)				11

* 1989 – «Советский человек»-1, N = 1250 человек (Россия);

1994 – «Советский человек»-2, N = 3000 человек;

1999 – «Советский человек»-3, N = 2000 человек;

2003 – «Советский человек»-4.

Не лишены интереса «возрастные» особенности восприятия исторических феноменов. Так, по исследованию 2003 года, Первая мировая чаще всего (20% при средней 14%) отмечается самыми молодыми (до 25 лет) – явный признак «школьной» памяти. А октябрь 1917 года вызывает значительно больше внимания в старших группах (40-54 года и старше 55 лет – соответственно 46% и 49%), у молодежи до 25 лет это событие отмечают только 23%; очевидно, в данном случае работает скорее «советская» память, чем «школьная». Для более молодых (до 24 и 25-40 лет) особенно важными оказываются Чернобыль (41% и 37%), войны в Афганистане (27%) и в Чечне (41% и 34%), избрание В. Путина президентом (17% из самых молодых). В старших группах заметно чаще средних значений упоминаются победа 1945 года, смерть Сталина, полет Гагарина, распад СССР. При

этом, как видно из *таблицы 3*, победа 1945 года сохраняет в общественном мнении беспорный приоритет для всех моментов исследования и для всех групп. Среди других событий только советский космический прорыв конца 50-х, увенчанный полетом Ю. Гагарина, привлекает внимание более половины опрошенных.

Оценки исторических координат массового сознания дополняет распределение мнений о событиях прошлого, которыми гордятся.

Таблица 4

«Что из перечисленного в истории нашей страны вызывает у Вас чувство гордости?»
(% от числа опрошенных*)

	1999	2003
Победа в Великой Отечественной войне	86	87
Ведущая роль страны в освоении космоса	50	59
Достижения российской науки	52	51
Великая русская литература	46	48
Моральные качества русского человека – простота, терпение, стойкость	45	44
Превращение страны после революции в одну из ведущих промышленных держав	42	32
Слава русского оружия	35	35
Великие русские путешественники	33	33
Борьба с татаро-монгольским игом, защита Европы от нашествия с Востока	22	25
Передовой строй, советское бесклассовое общество	14	13
Подвижничество русских святых	10	14
Дух русской вольницы, свободолюбие	12	14
Нравственный авторитет русской интеллигенции	12	11
Перестройка, начало рыночных реформ	2	8
Ничто не вызывает у меня особой гордости	2	2

* 1999 – «Советский человек»-3, N = 2000 человек;
2003 – «Советский человек»-4.

За четыре с лишним года распределение «горделивых» оценок почти не изменилось – разве что индустриализация вызывает меньше восторгов, а святые подвижники – больше. Несколько выше оцениваются перемены последних лет.

Таким образом, при подчеркнута нравственном взгляде на исторические феномены, выходящие далеко за рамки XX столетия, центральным (осевым) событием для российского исторического сознания последних лет века оказывается та же победа 1945 года с продолжающимися ее научно-космическими успехами 50-х и начала 60-х. Это предмет гордости для всех возрастов, но в наибольшей мере – для старших (87% в группе 40-54 года и 92% у более пожилых). Космические успехи также чаще отмечают в старших возрастах (65% и 61% в группах 40-54 года и старше 55 лет). После 40 лет чаще гордятся также советским строем (22%), терпением и стойкостью русских (48-50%), русской интеллигенцией (12-14%). А чуть более позитивные оценки последнего периода (перестройки и реформ) связаны с позицией младших групп, в которых гордятся этими переменами 10-13%.

Для полноты картины обратимся к объектам «стыдящегося» исторического сознания (см. *табл. 5*).

Практически без перемен остались масштабы оценок бедности-неустроенности, отставания от Запада, военных поражений. Более остро переживаются грубость нравов, косность, дух рабства, а также репрессии сталинских лет. Заметно изменилось отношение к власти, ее действий реже стыдятся. Бедности и хамства, а также развала СССР чаще всего стыдятся пожилые люди. А отсталости, репрессий, рабского духа – преимущественно в средних возрастных группах.

Центральное событие, своего рода ось не только отечественной, но мировой истории в общественном мнении – победа 1945 года. Ничего сравнимого с этим феноменом в массовой исторической памяти не существует, особенно после того, как поблекли представления об Октябрьской революции

1917 года. Следует отметить некоторые особенности восприятия событий 1945 года в социальной памяти.

Таблица 5

«Что вызывает у Вас чувство стыда и огорчения, когда Вы обращаетесь к российской истории XX столетия?»
(% от числа опрошенных*)

	1999	2003
Великий народ, богатая страна, а живем в вечной бедности и неустроенности	79	78
Грубость нравов, хамство, неуважение людей друг к другу	45	52
Разрушение СССР	48	41
Репрессии, террор, выселение народов в 20-50-х годах	34	39
Наша косность, инертность, лень	24	34
Хроническое отставание от Запада	31	32
Наследие крепостничества, дух рабства, привычка людей к подневольному труду	17	23
Военные поражения России	16	16
Ограниченная, некомпетентная, своекорыстная власть	28	20
Гонения на церковь	21	18
Стремление силой навязать свой строй другим странам и народам	15	9
Национальное высокомерие	7	5
Ничто не вызывает у меня особого стыда	1	2

* 1999 – «Советский человек»-3, N = 2000 человек;
2003 – «Советский человек»-4.

Как показывают опросы, преобладающая трактовка войны 1941-1945 годов в общественном мнении вполне совпадает с официально принятой еще со сталинских времен – на первом плане не всемирный масштаб (часть Второй мировой), не антифашистская направленность, а то, что война бы-

ла «отечественной», т.е. призванной спасти свое государство от враждебных сил. Преобладающее внимание к победоносному окончанию войны вытесняет из массовой памяти трудные вопросы о ее истоках, предвоенной политической ситуации, поражениях и потерях. (Как видно из *таблиц 4 и 5*, победой гордятся почти 90% опрошенных, а стыдятся поражений – всего 16%.) Российская память о великой военной победе поддерживает представление об успешной конфронтации СССР с внешним миром, между тем как в Европе в связи со Второй мировой войной вспоминают прежде всего о преодолении исторического конфликта и успехах мирного развития.

«Периодическая» структура исторического сознания

Можно обнаружить определенную структурность в массовом восприятии исторических периодов (XX века, более ранние периоды для общественного мнения просто не значимы) (см. *табл. 6*).

Таблица 6

«С какой оценкой периодов истории России Вы бы скорее согласились: что принесло...»
(% от числа опрошенных*)

	1994	1999	2003
<i>Время Николая II</i>			
Больше хорошего		18	20
Больше плохого		12	16
Ничего особенного		16	17
Затрудняюсь ответить		55	47
<i>Время революции</i>			
Больше хорошего	27	28	28
Больше плохого	38	36	39
Ничего особенного	7	5	6
Затрудняюсь ответить	28	30	27

Продолжение табл. 6

	1994	1999	2003
<i>Время Сталина</i>			
Больше хорошего	18	26	29
Больше плохого	57	48	47
Ничего особенного	5	4	4
Затрудняюсь ответить	20	22	21
<i>Время Хрущева</i>			
Больше хорошего	33	30	28
Больше плохого	14	14	25
Ничего особенного	33	32	24
Затрудняюсь ответить	21	24	22
<i>Время Брежнева</i>			
Больше хорошего	36	51	47
Больше плохого	16	10	15
Ничего особенного	33	25	22
Затрудняюсь ответить	16	15	15
<i>Время Горбачева</i>			
Больше хорошего	16	9	14
Больше плохого	47	61	60
Ничего особенного	17	16	15
Затрудняюсь ответить	20	14	12
<i>Время Ельцина</i>			
Больше хорошего		5	10
Больше плохого		72	63
Ничего особенного		13	17
Затрудняюсь ответить		10	9
<i>Время Путина</i>			
Больше хорошего			51
Больше плохого			9
Ничего особенного			21
Затрудняюсь ответить			19

* 1994 – «Советский человек»-2, N = 3000 человек;
 1999 – «Советский человек»-3, N = 2000 человек;
 2003 – «Советский человек»-4.

Оценки определенных периодов мало изменяются, диапазон колебаний сравнительно невелик. В разной мере преобладают *позитивные* представления о временах правления царя, Хрущева, Брежнева и, разумеется, Путина. Остаются преимущественно *негативными* оценки периода революции, правления Сталина, Горбачева, Ельцина. Только в самых старших возрастах (55 лет и старше) в 2003 году преобладают положительные оценки революционного и сталинского периодов, а также отрицательные мнения о дореволюционной эпохе. Особенно резок перепад в суждениях о сталинском времени: если в возрасте 40-54 лет соотношение позитивных и негативных его оценок составляет 24:52, то у тех, кому 55 лет и больше, – 48:33.

Стоит остановиться на некоторых особенностях динамики оценок периодов. В качестве наблюдаемого показателя удобно взять простейший индекс – разность между процентами опрошенных, выбравших позитивные и негативные суждения относительно соответствующего периода времени (см. *рис. 1*).

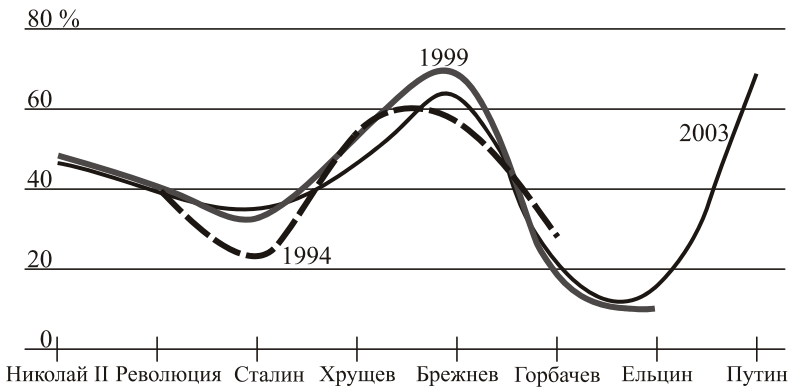
Если принять во внимание уже упоминавшуюся специфику ответов 1999 года (настроения после дефолта), то можно обнаружить только одну явно выраженную тенденцию: последовательное *уменьшение частоты отрицательных оценок сталинского времени*. Видимо, с этим связано ухудшение мнений о времени Хрущева, первого официального критика сталинизма. Некоторое уменьшение доли негативных оценок периодов правления Горбачева и Ельцина в 2003 году по сравнению с предшествующей волной исследования, скорее всего, объясняется преувеличенно паническими настроениями начала 1999 года.

Наиболее позитивными представляются общественному мнению эпохи, носящие стабилизационный характер (на языке французских исторических аналогий – «термидорианский»), – периоды правления Брежнева и Путина. Кстати, индекс оценок последнего периода в 2003 году практически

точно воспроизводит соответствующий показатель оценок времени Брежнева через призму панического 1999 года.

Рисунок 1

Индексы оценок исторических периодов XX века
(разность между числом опрошенных*,
выбравших позитивные и негативные суждения
относительно соответствующего периода времени, %)

* 1994 – «Советский человек»-2, N = 3000 человек;

1999 – «Советский человек»-3, N = 2000 человек;

2003 – «Советский человек»-4.

Может возникнуть недоумение: почему сочетаются как будто усиливающееся чувство стыда и огорчения из-за сталинских репрессий (см. табл. 5) и слабеющий негативизм в отношении этой эпохи? Но если обойти тот же 1999 год, когда в дефолте вину вину реформы 90-х, оказывается, что внимание к репрессиям сохраняется примерно на одном уровне. Те, у кого террор 20-50-х вызывает стыд и огорчение, заметно хуже судят о сталинском времени (индекс -34 при средней величине -18). Но память о злосчастной войне в Афганистане практически не влияет на оценки эпохи Брежнева. А среди отметивших чеченскую войну как одно из важнейших собы-

тий XX века оценки периода правления Путина даже несколько выше средних.

Видимо, это означает, что со временем – если не действуют особые факторы актуализации – память о мрачных сторонах определенного периода как бы обесцвечивается, утрачивает непосредственное политическое и нравственное значение, превращаясь в простую историческую «метку». Так происходит с памятью об афганской аванюре, об оккупации Чехословакии в 1968 году. Но это не относится ко все еще «живой», политически и нравственно значимой памяти о сталинизме, которая остается полем острой современной конфронтации сил и принципиальных позиций. Что же касается оценок разных сторон современной действительности (т.е. периода действующего президента), то они пока существуют вне замкнутого контекста, как бы вне взаимной связи, ибо, как сказано было некогда, «довлеет дневи злоба его»; сведенные воедино оценки прошедших эпох и исторических деятелей остаются уделом последующего времени.

На *рисунке 1* видно, что линии оценок исторических периодов во всех трех исследованиях волнообразны, по форме напоминают синусоиды, означающие чередование преобладания позитивных и негативных суждений. Известная особенность отечественной истории минувшего сложного века состоит в том, что практически каждая следующая эпоха (ее лидеры, идеологи, ее массовое сознание) отрицает эпоху предыдущую, обвиняя ее деятелей во всех возможных грехах (что не мешает преемственности стиля и методов управления, подчинения, осмысления и пр.). И ищет аналогий в «по-запрошлой» эпохе, отринутой непосредственно прошлой. Так при Сталине искали опору в патриотической монархии, при Хрущеве – в досталинском революционаризме, при Брежневле вновь обращались к сталинским образцам, при Горбачеве реабилитировали «оттепель», а в постперестроечные времена все чаще и на всех уровнях с тоской вспоминают «застойную» стабилизацию. В каждом случае не проис-

ходит ни реального возврата «позапрошлого», ни превращения его в предмет исследовательского внимания, скорее имеет место попытка конструирования сугубо утилитарных социальных мифологем.

Рамки исторической персонализации

Еще одна – и весьма важная – рамка структурирования исторического времени определяется набором действующих лиц, сохраняющих значение для массового сознания. Наглядное подтверждение – список «самых выдающихся» людей, составляемый респондентами в каждой волне исследований по программе «Советский человек».

Как состав, так и динамика списка представляют предмет для содержательного исследовательского интереса.

«Голова» списка (собственно, первый десяток имен) почти не подвержена изменениям. Правда, после 1989 года по понятным причинам из фокуса исторического внимания полностью исчезают фамилии основателей марксистского учения и уходит на задний план инициатор перестройки. Первые две строки списка занимают создатели империй – российской и советской. (Как было видно из предыдущего изложения – см. *таблицу 6* – период революции оценивается скорее негативно, но главное лицо этого периода, В. Ленин, сохраняет позиции в общественном сознании прежде всего как государственный деятель.) На последующих строках – главные для сегодняшнего общественного мнения имена-символы отечественной культуры, науки и военных (в том числе космических – Гагарин, Королев, Циолковский) успехов.

Характерны траектории популярности (упоминаемости) ряда имен и выраженных ими символических функций в рассматриваемых списках.

В 1989 году К. Маркс собирал 40% опрошенных, в 1994-м – 6%, в 1999-м – 5%, в 2003-м – 4%. Идеологическая оболочка советской державности оказалась предельно слабой, спо-

собной разрушиться и почти полностью утратить свое значение, – притом что сама державность, напротив, демонстрирует свою живучесть.

В то же время от волны к волне исследования растет значение Сталина: 11% – 28% – 35% – 40%... Это несомненно связано с ростом всего «державного» компонента массового сознания и угасанием попыток как-то преодолеть наследие жесточайшей диктатуры.

Второй раз за все время работы над исследовательской программой «Советский человек» в списке самых выдающихся людей появляется – и почти на том же уровне популярности – фамилия действующего лидера (в 1989 году у Горбачева 8-е место и 18%, в 2003 году у Путина 7-е место и 21%).

Таблица 7

«Назовите десять самых выдающихся людей всех времен и народов»

(% от числа опрошенных)*

№	1989		1994		1999		2003	
1	Ленин	77	Петр I	56	Петр I	45	Ленин	43
2	Маркс	40	Ленин	46	Ленин	42	Петр I	43
3	Петр I	39	Пушкин	31	Пушкин	42	Сталин	40
4	Пушкин	25	Сталин	28	Сталин	35	Пушкин	39
5	Ломоносов	22	Суворов	24	Гагарин	26	Гагарин	33
6	Жуков	21	Жуков	19	Жуков	20	Жуков	22
7	Суворов	19	Наполеон	19	Наполеон	19	Путин	21
8	Горбачев	18	Ломоносов	19	Суворов	18	Ломоносов	17
9	Гагарин	18	Сахаров	17	Ломоносов	18	Суворов	16
10	Энгельс	17	Кутузов	16	Менделеев	12	Менделеев	13
11	Толстой	15	Екатерина II	14	Толстой	12	Наполеон	13
12	Менделеев	15	Толстой	11	Кутузов	11	Толстой	12
13	Циолковский	14	Гагарин	11	Екатерина II	10	Брежнев	12

Продолжение табл. 7

№	1989		1994		1999		2003	
14	Сталин	11	Горбачев	10	Королев	9	Гитлер	11
15	Королев	10	Александр Македон- ский	10	Лермонтов	9	Королев	11
16	Дзержин- ский	10	Гитлер	9	Сахаров	8	Екатерина II	11
17	Эйнштейн	10	Брежнев	8	Брежнев	8	Кутузов	10
18	Кутузов	10	Солжени- цын	8	Гитлер	7	Лермонтов	10
19	Дарвин	8	Менделеев	8	Чайков- ский	7	Сахаров	9
20	Павлов	8	Столыпин	8	Эйнштейн	6	Горбачев	8
21	Ньютон	7	Николай II	7	Александр Македон- ский	5	Эйнштейн	7
22	Наполеон	7	Лермонтов	7	Маркс	5	Циолков- ский	6
23	Александр Македон- ский	6	Хрущев	7	Циолков- ский	5	Александр Македон- ский	6
24	Горький	5	Чайков- ский	7	Александр Невский	5	Ньютон	6
25	Чайков- ский	5	Александр Невский	7	Ньютон	4	Есенин	5
26	Лермонтов	4	Маркс	6	Иван IV	4	Чайков- ский	5
27	Гитлер	3	Королев	6	Рузвельт	4	Иван IV	5
			Юлий Це- зарь	5	Горбачев	4	Хрущев	5
							Маркс	4

* 1989 – «Советский человек»-1, N = 1250 человек (Россия);

1994 – «Советский человек»-2, N = 3000 человек;

1999 – «Советский человек»-3, N = 2000 человек;

2003 – «Советский человек»-4.

И, разумеется, никак не обойти вниманием весьма показательную динамику популярности другого персонажа: Гитлера в 1989 году назвали самым выдающимся менее 3%, в 1994-м – 9%, в 1999-м – 7%, в 2003-м – 11%.

Отметим некоторые особенности «групповых» характеристик массового выбора в последней волне исследования в 2003 году. Имя Ленина называют преимущественно люди старших возрастов – 53% в группе старше 55 лет и только 36% среди самых молодых (при средней частоте 43%). Имя Сталина наиболее популярно среди старших (54%), менее всего – в младшем рабочем возрасте (25-40 лет) – 32%, в самой молодой группе интерес к нему заметно выше (38%). А императора Петра чаще указывают в двух младших группах (48% и 46%), чем в старших (44%, 35%): похоже, что это признак «книжной» или «экранной» массовой памяти. Ю. Гагарин – герой преимущественно молодежный (космос, наука), а Г. Жуков – «ветеранский». Как Пушкина, так и Путина скорее предпочитают более молодые, в первом случае действует, видимо, школьная память, во втором – современные политические пристрастия.

Имя Гитлера чаще (18%!) называют самые молодые, до 25 лет, реже (по 11%) – в возрасте от 25 до 55 лет, совсем редко (5%) – те, кому за 55, т.е. находящиеся в зоне влияния «военной» памяти.

Примечательно, что избравшие В. Путина чаще среднего включают в список также Брежнева – 21% (при среднем 12%), Гагарина – 40% (33%), Горбачева – 18% (8%). Частота упоминаний Ленина, Сталина мало отличается в этом случае от средних значений, а Петр I назван даже реже среднего – 38% (43%). А включившие в список Сталина обнаруживают также повышенное внимание к Ленину (70%), Брежневу (18%), Гагарину (40%) и... Гитлеру (18%, при средней 11%). Те же, кто счел самым выдающимся Гитлера, заметно чаще назвали Сталина (69%), Ленина (53%), Петра I (47%), Ивана Грозного (10%), а также Горбачева (13%). Подобные сочета-

ния предпочтений кажутся неожиданными и невероятными в плане идеологическом – который здесь, скорее всего, большого значения не имеет, – но могут быть понятными, если на первый план выступает реальное или воображаемое сходство признаков «державности», «жесткости», «решительных мер» и т.п.

В общем и целом «персональные» рамки массового исторического сознания, как и следовало ожидать, вполне соответствуют рассмотренным выше рамкам «событийным».

Уроки и смыслы исторического сознания

По известному выражению Гегеля, единственное, чему учит история, – это тому, что люди не умеют извлекать из нее уроков. Он имел в виду «истинную», разумную историю и тех, кто ее творит, – правителей, воителей. Если же спуститься на уровень действующего исторического сознания – будь оно элитарно-политическим или массовым, – то оказывается, что именно исторические конструкции постоянно служат важнейшим средством социального, даже социально-политического самоутверждения и социально-политического воспитания. Поэтому представление исторических рамок (в литературе, преподавании и пр.) неизменно оказывалось полем жесточайших конфронтации, цензурных запретов, ухищрений и лицемерия, сознательного и скрытого.

Как хорошо известно, с достаточно давних времен власти предержащие, особенно те, которые нуждались в единомысленном послушании подданных, стремились добиться того, чтобы историческая идентификация недвусмысленно служила оправданию наличного порядка и актуальной политики¹.

¹ Известный французский автор передает летописный рассказ о том, как жестоко были наказаны первым китайским императором Цинь Ши-хуанди ученые, которые «копались в прошлом, ища доводов, способных опорочить настоящее и смутить народ» (*Кайюа Р.* Миф и человек. Человек и сакральное. М., 2003. С. 107).

Наведение «идеологической дисциплины» в советский период предполагало многократные «зачистки» исторического прошлого, переоценки событий и деятелей, а вместе с тем и ученых авторитетов, учебников и пр. (Пародийное отображение таких процедур – одна из главных тем «Фермы животных» Дж. Оруэлла.) История «с историей», однако, имеет склонность продолжаться – по меньшей мере в виде имитации. Свежим примером может служить недавно (с конца 2003 года) начатая чистка школьных учебников от «псевдолиберальной» крамолы, от «очернения» отечественного прошлого и – что, видимо, главное – от сомнений в достоинствах нынешних властей. Безальтернативная политическая ситуация нуждается в соответствующем представлении истории.

Прямой поддержки в сегодняшнем общественном мнении подобные устремления как будто пока не находят.

Таблица 8

«Какая из точек зрения Вам ближе?»
(% от числа опрошенных)

Важно прежде всего знать об успехах, героях нашей истории, чтобы люди уважали собственное прошлое, и не нужно слишком много говорить о наших ошибках и неудачах	21
Нужно знать всю историческую правду, даже самую тяжелую, чтобы не повторять ошибок и неудач прошлых времен	72
Затрудняюсь ответить	7

Как и следовало ожидать, в наибольшей мере склонны знать «всю правду» более молодые, образованные и демократически настроенные. Но распределения мнений в различных социальных и политических группах, в принципе, довольно близки. Так, если у молодежи до 25 лет соотношение вышеприведенных суждений составляет 20:73, то у пожилых (старше 55 лет) – 26:65, у высокообразованных – 18:78, у малообразованных – 24:65, в электорате СПС –

15:82, у сторонников КПРФ – 29:64.

Оценивать такие мнения приходится с неизбежными оговорками: мы видим, что общественное мнение само по себе сплошь и рядом не обладает способностью противостоять прикрытому давлению, тем более если это последнее подкреплено, например, авторитетом популярного политического деятеля. Большинство не приемлет цензуру, но готово согласиться с государственным контролем СМИ, не одобряет диктатуры, но не может возражать «управляемой демократии», – и уж тем более не способно противостоять переписыванию исторических стандартов. Особенно если это делается под видом возвращения к привычным, давно устоявшимся образцам.

К таким образцам, как уже отмечалось, несомненно относятся и установка на изоляцию и противопоставление собственной страны остальному миру – под каким бы предлогом или идеологическим «соусом» это блюдо ни подавалось. В этой точке предельно сближаются официальные и массовые позиции, а чаще всего – еще и примыкающие к ним обеим интеллигентски-элитарные концепции.

Таблица 9

«Включаться в мировую культуру или бороться с чуждым влиянием? С каким из суждений Вы бы скорее могли согласиться?»
(% от числа опрошенных*)

	1999	2003
России нужно активно включаться в мировую культуру, ориентироваться на западные стандарты жизни	23	25
России нужно бороться с чуждыми русскому народу западными влияниями возродить самобытный уклад жизни русского народа	58	49
Затруднились ответить	19	26

* 1999 – «Советский человек»-3, N = 2000 человек;

2003 – «Советский человек»-4.

Некоторые подвижки заметны, но невелики; «бороться» с чуждыми влияниями готовы вдвое чаще, чем «включаться» в мир. Причем только самые молодые (до 25 лет) предпочитают первый вариант (40:36), в других возрастных группах соотношение меняется в пользу готовых «бороться», достигая у тех, кому 55 лет и старше, 11:63. Среди высокообразованных такая пропорция составляет 26:49 (т.е. не отличается от средней!), у имеющих среднее образование – 22:52, у малообразованных – 20:52.

А возвращения России «статуса великой, уважаемой державы» ждали от будущего президента в январе 2000 года 55% опрошенных, а в январе 2004 года – 58%, сближения с Западом – в 2000 году 8% опрошенных, в 2004-м – 7%. Причем среди имеющих высшее образование процент ждущих восстановления статуса великой державы выше среднего, а ожидающих сближения с Западом – ниже среднего (опрашивалось по 1600 человек).

Когда перед респондентами (в последней волне по программе «Советский человек») был поставлен вопрос, от чего России стоило бы избавиться, оказалось, что 18% указало на «неуважение к собственному прошлому», 14% – «подражание чуждым образцам жизни», и только 3% выразили мнение, что избавляться нужно от «попыток противопоставить себя всему остальному миру», еще 4% – «от претензий на главную роль в мире» (подавляющее большинство избрало такие варианты ответов, как «нищета», «пьянство», «беспорядок в жизни», «лень» и пр.).

По всей видимости, только в редкие и недолгие периоды отечественной истории суммирование лозунгов великой державы и «великого противостояния» остальному миру служило наступательной политике и идеологии – где-то в эпоху Екатерины II и после Второй мировой войны, в конце 40-х и в конце 50-х годов прошлого века. Во все прочие времена, тем более в нынешние, идеи великодержавного противостояния – это идеи «оборонительного» изоляционизма (ес-

ли не просто капитулянтского, поскольку шансов на успех они не имеют).

Давно стало ясно, что простого и легкого пути «в мир», в Европу у России нет, что экономическая, социальная и политическая «плата» за реальное вступление страны в мировое сообщество будет весьма высокой. Да и само такое вступление, если оно произойдет – не в одночасье, а в результате ряда долгих и мучительно-сложных процессов, – скорых выгод бывшей великой империи не сулит. Если у каких-то наивных либералов в конце 80-х и были иллюзии легкого и приятного превращения страны в «нормальную» державу, то они давно развеяны ходом событий – и динамикой социальных настроений тоже. «Западный» (точнее, общемировой и в этом смысле «глобальный») путь означает для России лишь трудный и длительный – рассчитанный на десятилетия и поколения – путь развития современной экономики, современного государства и современной демократии.

От «догоняющей модернизации» России, как и большинству стран мира, спрятаться некуда. Вопрос в том, насколько рациональным и эффективным – или, напротив, насколько мучительным и нерациональным – может быть такой процесс. В конечном счете, насколько это можно видеть сегодня, он ведет к формированию некоего единого и в то же время *многообразного* мира. Иной вариант – всестороннее, более или менее привычное загнивание страны под прикрытием отработанных лозунгов «самобытности» (на деле – повторения известных истории образцов разложения в социетальном масштабе). Первый из них требует огромного и целенаправленного напряжения сил, активной роли правящих и интеллектуальных элит. Второй вариант, напротив, в особых усилиях не нуждается, поскольку опирается на исторически заданную инерцию, на энтропию распада. Поэтому он и выходит на передний план на любом трудном повороте событий. Поэтому и сохраняется порочный круг противостояния-изоляции. И постоянно воспроизводится привычный меха-

низм конфронтации страны с миром и временем. Отсюда и «извечное» стремление придать значение вечным символам врага, жертвы, героя, вождя и прочей атрибутике мифологических конструкций будущего-прошлого.

В определенной, хотя и ограниченной мере роль движущей, «толкающей» силы для современной России исполняют внешние влияния, обусловленные существующей системой ее связей с мировым рынком и мировой политикой. Они шаг за шагом размывают, обесценивают барьеры изоляционизма и косности, но не создают стимулов для самостоятельного, стимулируемого изнутри развития.

Создается впечатление, что в сегодняшней России нет сил, способных разорвать порочный круг «вечного возвращения» к беспомощному противостоянию. Как мы видим, преобладающая часть социальной и интеллектуальной элиты склонна скорее оправдывать этот круг, чем искать способы разорвать его. Большая часть современных публикаций о «путях» России исполнена lamentаций об утраченном счастливом прошлом, осуждений «Запада» и «западников». Голосов другой стороны практически не слышно. Историческая проблема – надолго, может быть, на несколько поколений – в том, чтобы эта сторона смогла определиться и представить обществу варианты выхода из «инерционного» тупика.

СВОБОДА ОТ ВЫБОРА?

Постэлекторальные сопоставления

Ситуация в российском обществе после выборов 2003-2004 годов требует обстоятельного социологического анализа в нескольких аспектах. Электоральные кампании, как будто не принесяшие неожиданных изменений в государственных институтах, в высшей степени интересны именно в социологическом плане, поскольку выявляют складывающиеся за последние годы механизмы функционирования и поддержки властных структур, унификации политического поля и лидерства, использования массовых ожиданий и пр., – вплоть до общественной атмосферы околполитических интриг и манипуляций. Тем более что в данном случае на передний план вышла (роковая для всех общественно-политических образований отечественного XX века) проблема преемственности этих механизмов и структур на перспективу, скорее всего, намного превышающую очередной избирательный цикл. Впервые почти за 20 лет как официальные установки, так и массовые ожидания концентрируются не вокруг перемен, а вокруг сохранения как будто достигнутого уровня общественной стабильности (в предыдущем цикле 1999-2000 годов имелось в виду скорее *достижение* такого – по-разному понимаемого – состояния). Поэтому чем менее интересными в «количественном» плане оказались минувшие электоральные кампании, тем важнее их «качественные» стороны, атмосфера, значение, непосредственные и отдаленные последствия.

«Бегство» – от чего?

Об одном банальном недоразумении

В известной книге Э. Фромм представлял готовность некоторых европейских народов в XX веке отказаться от демо-

кратических свобод в пользу жесткого тоталитаризма как «бегство от свободы»¹. Подобная тема часто звучит в современных дискуссиях относительно характера общественно-политических переломов в России с конца 90-х годов. К сожалению, в содержании и тоне многих из них небезопасные банальности часто подменяют серьезный анализ происходящего. На сетования по поводу утраты (ограничения, зажима) свобод и надежд перестроечных лет как будто резонно отвечают ссылками на то, что в России никогда и не было подлинных демократических институтов, свобод и прав человека, – а потому, собственно, и «бежать» не от чего, и жалеть не о чем. Подобные доводы в последнее время используются в официальных декларациях высокого уровня для отпора либеральной и западной критике при оправдании мер по «упорядочению» политического и информационного поля.

Между тем такие приемы аргументации не просто банальны. Очевидно, что ни в какие моменты своей истории российское общество не приближалось к идеалам подлинной, развитой, устойчивой и т.д. демократии с ее атрибутами. Столь же очевидно, что и в любых общественных системах, имеющих давние демократические традиции, легко обнаружить множество несовершенств и отступлений от демократических принципов (что всегда давало поводы для аргументации типа «сама такая»). Когда речь идет о столь сложных и непросто прививаемых институтах как демократия со всеми ее атрибутами и производными, мало что можно объяснить или понять с помощью формул «да – да, нет – нет, прочее от лукавого». Демократия прежде всего – не состояние, а *процесс* утверждения и защиты определенных институтов и принципов в постоянной, не всегда юридически закреплённой, борьбе с нарушениями или отступлениями от таковых. Мы (страна, общество) не попали в царство демократии с провозглашением политических и гражданских свобод, но

¹ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1989.

«только» – притом не слишком твердо, не слишком осознанно – вступили на долгий и трудный *путь* формирования демократических порядков, *поиска* способов их укоренения на отечественной почве. Этим шагом ознаменован весь исторический – по любым меркам – поворот конца 80-х. И именно он оказывается под угрозой в условиях «упорядочения».

Здесь мы вновь попадаем в паутину тривиальных и глубоко фальшивых суждений: де, после напора всегда происходит откат, за подъемом следует спад, за переворотом – какая-то реставрация, за ускорением – замедление, за революционным хаосом – термидор, «Пиночет», наведение «порядка» и т.д. и т.п. Подобные банальности бессодержательны, потому что аналогии с пульсарами ничего не объясняют, и опасны, потому что превращаются в оправдание, в легитимацию *любого* поворота вспять. Чтобы перейти от декларативных банальностей к анализу, нужно принять во внимание «структуру» происходящих событий (при каких условиях, чьими усилиями, при какой поддержке, при каком сопротивлении, с какой эффективностью и пр. осуществляются данные «накаты» и «откаты»...).

Фантом «авторитарной модернизации»

Лозунг «авторитарной модернизации» стал в последнее время главным оправданием для торжествующей партии власти – за отсутствием иных идей – и главным утешением для разочарованных демократов. Отчаявшись в собственных силах, не видя перспективы – и не желая всерьез оценить ни собственный (страны) исторический опыт, ни современную социальную реальность, – они соединяют голоса в нестройном хоре надежд на твердую руку власти, которая будто бы только и способна двигать общество по желанному пути современной или европейской модернизации.

Реальные возможности «авторитарной модернизации» всегда были ограничены. Отечественный опыт XVIII-XX

веков показал, что властные стимулы были пригодны преимущественно для наведения современного лоска на архаичные институты и для внедрения некоторых технических элементов модернизации (ВПК, инфраструктура), – без соответствующей институциональной опоры, в том числе без обеспечения прав и без формирования *интересов* человека как субъекта модернизационного процесса; главным носителем модернизаторских стимулов неизбежно оставалась коррумпированная бюрократия. Уроdlивость результатов, достигаемых таким образом, наиболее наглядно продемонстрирована в ходе крупнейшего по историческим масштабам, «советского» эксперимента (архаизирующей или традиционализирующей) модернизации – самой неэффективной, самой «затратной» (прежде всего в смысле расходования человеческих и моральных ресурсов общества). Об этом достаточно много и серьезно написано в последнее время.

В конкретных сегодняшних условиях лозунг авторитарной модернизации означает попытку загнать под колпак государственного регулирования едва высвободившуюся от него инициативу бизнеса, граждан, политических и региональных субъектов. На любом сложном историческом повороте отечественной истории авторитарные (а точнее – тоталитарные, архаичные, насильственные) модели изменений выступают на передний план не потому, что они эффективны, и даже не потому, что за ними стоят мощные организованные силы, а потому, что они наиболее просты и «привычны» (для людей, для власти и прочих социальных институтов, т.е. и «сверху», и «снизу»). Чтобы скатываться «вниз» – во всех смыслах этого термина, – требуется меньше усилий, чем для того, чтобы карабкаться «вверх», к более сложным образцам общественной организации. Вариант архаичной модернизации проще, доступнее, он как бы всегда под рукой и легко становится привлекательным, когда более сложные варианты оказываются слишком трудными и не приносят немедленных плодов.

До сих пор половина россиян (49%) полагает, что путь развития, по которому движется страна после 1985 года, ей «искусственно навязан», лишь 37% опрошенных считают этот процесс «естественным и неизбежным». Как обычно, разделителем служит возрастной рубеж 40 лет и уровень высшего образования (январь 2004 года, N = 1600 человек). Возврат к «брежневским» временам готов одобрить 41% опрошенных, но вероятным его считают не более 5% (март 2004 года, N = 1600 человек).

Четыре ситуации – четыре типа президентских выборов

Каждая ситуация выборов президента в России (1991, 1996, 2000 и 2004 годов) оказывалась уникальной, если принимать во внимание не просто цифры голосующих и отказывающихся это делать, а характер общественно-политического выбора, надежд, явного и скрытого противостояния сил.

Первые выборы, принесшие Б. Ельцину пост Президента РСФСР в составе Союза, носили преимущественно демонстративный, символический характер. Они означали не перераспределение власти, но лишь выбор между согласием и отказом поддержать еще существовавшие институциональные механизмы партийно-советского государства. В этом смысле президентские выборы 1991 года продолжали традицию протопарламентских кампаний 1989-1990-х годов (выборы союзного и российского съезда депутатов). Об эмоциональной атмосфере тех дней свидетельствуют данные опроса, проходившего в июле 1991 года: 82% выражали доверие Б. Ельцину (в том числе 56% – полное доверие), 58% – М. Горбачеву (полное – 15%). Выбор происходил между повсеместно и шумно осуждаемой, но еще реально действующей традицией советского прошлого и крайне расплывчатым образом некоего условно «демократического» будущего; вторая перспектива привлекала широкий спектр общественных симпатий – от

либеральной («перестроечной») номенклатуры до радикальных демократов, патриотов, национал-демократов и др. Тогда эти выборы воспринимались как самые маловажные, а возможно, потому и как самые свободные; угрозы военно-политического реванша уже были обозначены, но казались далекими, как и перспективы получения российским президентом реальных властных полномочий.

Историческая уникальность этих выборов (точнее, всей электоральной «серии» 1989-1991 годов) в том, что они выражали крушение партийно-советской государственной системы (69% опрошенных признавали, что компартия дискредитировала себя), притом что все официальные ее институты как будто сохранялись. К середине 1991 года, правда, были уже отменены цензура и пресловутая статья 6 Конституции СССР, что оформляло гласность и политический плюрализм; но нараставший вакуум власти фактически оставался незаполненным.

Совершенно иную картину представляли тяжелейшие, вымученные *вторые* президентские выборы 1996 года. Формально выбор предстоял между непрочной, во многом скомпрометировавшей себя президентской властью, придерживавшейся курса радикальных реформ и антикоммунизма, и «красным реваншем». Массовую поддержку власть утратила из-за неспособности защитить большинство населения в ходе реформ, поддержку демократически настроенной интеллигенции – из-за все более явного «державного» уклона, чеченской войны и кровавых разборок с Верховным Советом в 1993 году. Общее доверие к Б. Ельцину к моменту выборов в июне 1996 года сохраняли 41% опрошенных (полное – только 9%). Опросы февраля-марта показывали минимальную – хотя все же существовавшую – возможность действующего президента законно сохранить власть. Как позже стало известно, Б. Ельцин готовился тогда сорвать выборы, прибегнув к опасной политической провокации. Поэтому *реальным*

был выбор между различными вариантами сохранения существующего режима.

Важнейшим фактором массового выбора оказался принцип «наименьшего» (или «более привычного») зла, давший президенту некоторый перевес уже в первом туре, в обстановке искусственно раздутой конфронтации с кандидатом коммунистов Г. Зюгановым. Во втором туре пошли в ход административный ресурс и «политтехнологические» средства (внезапное изменение симпатий татарских избирателей, интригующий «перехват» электората А. Лебеда президентскими силами). Решающим доводом для двух третей из голосовавших за Б. Ельцина послужило представление о том, что «иного выбора не существует» (июнь 1996 года, N = 1600 человек). Предпринятая между двумя турами выборов отчаянная попытка радикально изменить окружение Б. Ельцина в пользу реформаторов (А. Чубайса) довольно скоро оказалась неудачной. До конца своего правления первый российский президент не слишком успешно балансировал между «силовиками» и «демократами», державниками и реформаторами. В этой обстановке власть лишалась политической определенности, приобретая все более выраженный административный, «распределительный» смысл; одним из признаков такой трансформации явилось превращение президентской канцелярии (Администрации) в главный институт власти. Б. Ельцин сохранил власть на второй срок, отказавшись от роли радикального демократа, которую он – скорее по карьерным, чем по идейным мотивам – должен был исполнять в конце 80-х и начале 90-х годов.

Третьи президентские выборы (первые «путинские»), выборы 2000 года, проходили при фактически полной смене политических декораций и самого смысла электорального действия. Выбирали не политический курс, не лозунги и не эмоциональные симпатии, а *стиль* правления. Выбирали не «наследника», а скорее «могильщика» стиля предыдущего президента. Причем выбирали практически без сопротивле-

ния, поскольку главный оппонент (стиль предыдущего правления) фактически утратил влияние до начала формальной электоральной кампании. По-военному исполнительный функционер, лишенный политического лица (или профессионально его прячущий), оказался наиболее удобным и для всех групп правящей бюрократии, и для массовых надежд. Принципиальное отсутствие собственной программы долго позволяло команде В. Путина интриговать попеременно с «левыми» и «правыми» или против тех и других, поддерживая видимость симпатии противоположным программам, точнее, массовым ожиданиям. Основной интригой тех месяцев (реализованной еще перед думскими выборами декабря 1999 года) стал разгром, а потом и поглощение наспех созданной партией власти конкурировавшей группы Ю. Лужкова – Е. Примакова, а тем самым – устранение серьезных персональных альтернатив на президентских выборах. Тем самым впервые за постсоветские годы была реализована модель «выборов без альтернативы». Попытки сопротивления этой модели (в том числе через СМИ) оказались неудачными.

Сейчас очевидно, что одним из основных результатов первого президентского срока В. Путина явилась фактическая *деполитизация политического пространства* в стране. Административный стиль правления и соответствующий ему аппарат распределяет материальные и властные ресурсы, а не отстаивает какие-либо идеи; он способен подорвать основы политического плюрализма, просто отбирая идеи у «правых» и «левых», у «патриотов» и «западников», – и присваивая себе реальные или мнимые достижения в их реализации, будь то повышение пенсий, развитие отношений с Западом и т.д.

Примечательные показатели: оценивая качества, которые требуются от президента, в 2000 году наши респонденты на первое место поставили «ум, интеллект» (66%), и только 8% отметили необходимость «идейной убежденности»; в 2004 году аналогичные показатели изменились незначительно –

соответственно 69% и 11%. Рассматриваемые вне «идейности» интеллектуальные качества сводятся к тому качеству ума, которое греческие философы называли «технэ», «ловкостью». (Управление «течением мыслей», о котором некогда писали поэты, явно не востребовано...)

Четвертые президентские выборы (вторые «путинские», 2004 год) вывели на поверхность многие скрытые пружины и механизмы этого стиля правления. К выборам власть пришла не столько с крупными «материальными» достижениями в разных областях жизни общества (об этом – несколько позже), сколько с демонстративными успехами самого стиля и механизма административного управления страной. При достигнутом уровне консолидации правящих элит переизбранию В. Путина на следующий срок реально могла помешать лишь низкая явка избирателей (для противодействия этой угрозе в предвыборные дни были мобилизованы, как известно, все возможные ресурсы влияния на электорат). Несколько неожиданный для наблюдателей и исследователей разгром «левых» (КПРФ) на думских выборах декабря 2003 года одновременно с неудачами «правых» (демократов) явился, по сути дела, побочным результатом перемен, произошедших на российском политическом пространстве (деполитизация, «технологизация») за последние годы. Собственно политические проблемы оказались сдвинутыми на периферию электоральных коллизий, в значительной мере сводились к серии интриг и потаенных спецопераций, смысл которых остался неизвестным ни политикам, ни избирателям (это относится к разнопорядковым по масштабу ситуациям, фигурантами которых по очереди оказывались И. Рыбкин, М. Касьянов, М. Фрадков, С. Глазьев и т.п.).

Как и ожидалось, главной, «большой» интригой выборов стала *сверхзадача обеспечения преемственности власти* на перспективу следующего электорального цикла (к 2008 году) или даже далее. Известно, что ни один режим из существовавших в стране за последнее столетие не был способен

справиться с такой задачей, каждая смена «караула» на вершине выглядела как отрицание действий и деятелей непосредственно предшествующего периода. События предвыборных недель (особенно с отставкой правительства) показали доминирующую озабоченность правящих структур созданием механизма плавной, неконфронтационной преемственности. Можно полагать, что компонентами такого процесса, с которыми обществу, видимо, предстоит познакомиться в недалеком будущем, станут не только подбор и утверждение кандидатуры подходящего «наследника», но и формирование механизма его поддержки (партии и прочих структур власти), устранение возможных конкурентов, определение неких «кондиций» верховной власти со своими спонсорами и т.д. Но уже то, что на первый план задолго до следующего избирательного цикла выходит проблема преемственности власти, означает существование неуверенности в надежности созданного административного механизма со всеми его поддерживающими и контролирующими структурами. А так как озабоченность перспективой явно сосуществовала с текущими интригами, тревоги по поводу возможного массового неучастия в голосовании – с показной перетряской правительства, то стало очевидным отсутствие не только слаженности этого механизма, но и какой-то разработанной программы его действия.

2003-2004 годы продемонстрировали дальнейшее развитие модели «безальтернативных выборов». Если в этом сезоне и были какие-то альтернативы, то на каком-то «подкованном», скрытом от общественного мнения уровне (возможно, с этим связаны сроки и манера перетряски правительства в разгар избирательной кампании). Как «левые», так и «правые» оппоненты боролись лишь за то, чтобы обозначить свое присутствие на официальной политической сцене. Не произошло изменений в расстановке сил, управляющих страной, не появилось и новых, ранее неизвестных средств и способов их деятельности. Просто подтвердили свою значимость те

механизмы власти, которые отрабатывались последние четыре года (на деле даже несколько ранее, с начала «технологической» трансформации политических процессов в середине 90-х годов). Причем с предельной откровенностью и цинизмом, безо всякой «плюралистической» маскировки, без апелляций к демократическим традициям и т.п. Собственно, и на думских, и на президентских выборах видимость конкуренции требовалась только для соблюдения буквы закона и, возможно, для некоторого повышения активности избирателей. Это тоже одно из проявлений того же процесса деполитизации власти, перехода от политических методов управления к административно-технологическим.

Выборы показали, что этот переход сегодня не встречает фактически никакого внешнего сопротивления ни со стороны политических сил, ни со стороны общественного мнения и влиятельных СМИ. Сложился и действует механизм, обеспечивающий безальтернативность нынешних структур и носителей власти. И наконец, несравненно более отчетливо и в гораздо большем масштабе по сравнению с выборами 1999-2000 годов этот электоральный цикл показал возможности «технологического» манипулирования всеми участниками избирательного процесса (избирателями, избранниками, организаторами, информаторами и пр.).

Социальные параметры выборов

Количественные результаты прошедших выборов нуждаются в тщательном и разностороннем рассмотрении. В данном случае ограничимся некоторыми показателями (см. *табл. 1*).

При избрании В. Путина на второй срок молодые люди (моложе 30 лет) оказали ему заметно большую поддержку. Но так как одновременно возросла и поддержка фаворита среди старших возрастов, средний возраст избравших президента остался прежним.

Таблица 1

Голосование на президентских выборах, возрастное распределение голосов, отданных победителю, 1991-2004
(1991-2004, N = 1600, % от числа опрошенных, участвовавших в голосовании, в каждой возрастной группе)

Возраст, лет*	1991	1996	2000	2004
18-19	41	47	32	61
20-24	58	47	29	50
25-29	59	51	28	58*
30-39	67	43	37	52
40-49	68	37	39	54
50-54	68	42	40	53
55-59	64	42	38	62
60 и старше	59	34	37	55
Средний возраст	–	42	46	46

* Использована шкала возрастов по опросу 1991 года.

С каждым электоральным циклом растет число уклоняющихся от участия в президентских выборах.

Обнаруживается небезынтересная тенденция: заметно растет доля неголосующих среди людей старше 40-50 лет, среди более молодых она тоже несколько увеличивается. Если учесть также, что выборы победителя становятся все более «женскими» (в 2004 году среди избирателей В. Путина было 40% мужчин и 60% женщин), то можно предположить, что эмоциональные факторы выбора – в том числе фактор привычки – играют все более важную роль.

После выборов 2000 года 35% из голосовавших за фаворита отметили, что на их решение поддержать своего кандидата повлияли его действия в последнее время, а 50% сослались на то, что у страны «нет другого выбора». А в 2004 году, когда о действиях В. Путина избиратели знали несравненно больше, чем четыре года назад, их указывали реже (21%), а отсутствие другого выбора – чаще (53%). На первый

план выходит *безальтернативность* как самое простое и самое универсальное оправдание лояльного варианта поведения.

Таблица 2

Не участвовавшие в выборах президента, возрастное распределение, 1991-2004, %

($N = 1600$, % от числа опрошенных в каждой возрастной группе)

Возраст, лет	1991	1996	2000	2004
18-19	42	52	49	52
20-24	27	41	57	55
25-29	22	42	33	43
30-39	13	35	37	40
40-49	8	27	26	34
50-54	7	21	21	28
55-59	5	19	30	31
60 и старше	14	19	19	22
Всего	16	29	31	35

Между тем среди объяснений отказа от голосования на первое место выходят *политические* мотивы. В 1996 году их упомянули 43% «отказников», в 2000-м – 59%, а в 2004-м – 62%. Создается впечатление, что именно неучастие в выборах (а не голосование «против всех») становится наиболее распространенным средством выражения политического недовольства в рамках электоральной кампании.

Показатели надежд

Оценить качественную сторону общественных процессов можно, только учитывая разные стороны динамики массовых надежд, – а также, конечно, сопряженных с ними сомнений и разочарований. Согласно известному суждению А. де Токвиля, возмущаются прежде всего те, кто обманут в своих наде-

ждах. Очевидное подтверждение можно найти, в частности, в перипетиях возвышения и падения М. Горбачева, Б. Ельцина. От нескончаемых конвульсий страну спасало – и спасает вновь – то обстоятельство, что сами массовые надежды могут сохраняться на невысоком и даже снижающемся уровне. (А могут и оживляться, например, в атмосфере общеполитических предвыборных и тому подобных ожиданий.)

«Баланс» успехов и неудач оказывается, при самой осторожной оценке, весьма напряженным. Следует обратить внимание на то, что приведенные данные получены незадолго до дня голосования на президентских выборах, т.е. до наступления пика массовой электоральной эйфории, который, как показывает недавний опыт, наступает *после* выборов, точнее, после сообщений об их успешности.

В целом накануне выборов 49% опрошенных сочли, что их надежды, связанные с приходом к власти В. Путина, оправдались (по мнению 9% – «определенно», 40% – «скорее оправдались»), 32% – что эти надежды не оправдались (категоричны здесь тоже 9%); у 14% таких надежд «не было и нет». Соотношение вариантов составляет, таким образом, 49:46. На следующий президентский срок 39% опрошенных возлагают больше надежд, чем на первые четыре года, 28% – столько же, 12% – меньше, 18% не питают надежд. Как и следовало ожидать, больше всего надеются на В. Путина те, кто считает, что их надежды оправдались.

Таблица 3

Достижения и неудачи В. Путина за первые 4 года
*(5-9 марта 2004 года, N = 1600 человек,
 % от числа опрошенных)*

	Достижения	Неудачи	Баланс*
Повышение оптимизма, надежд на скорое улучшение положения дел в стране	13	6	+7
Повышение уровня жизни граждан, рост зарплат и пенсий	24	21	+3
Улучшение отношений России со странами Запада	5	3	+2
Укрепление международных позиций России	4	2	+2
Сотрудничество с другими странами СНГ	3	2	+1
Защита демократии и политических свобод граждан	1	3	-2
Создание приемлемой экономической и политической обстановки для развития частного бизнеса	2	4	-2
Повышение боеспособности и реформа вооруженных сил	2	5	-3
Наведение порядка в стране, поддержание спокойной политической обстановки	5	11	-6
Улучшение отношений между людьми разных национальностей в России	1	8	-7
Экономическое развитие страны	10	18	-8
Укрепление морали и нравственности в стране	0	13	-13
Обуздание «олигархов», ограничение их влияния	5	19	-14
Устранение опасности терроризма в стране	1	25	-24
Борьба с коррупцией, взяточничеством	2	29	-27
Решение чеченской проблемы	1	34	-33

	Достижения	Неудачи	Баланс*
Борьба с преступностью	1	36	-35
Другое	1	2	-1
Не вижу никаких достижений / неудач	15	2	-13
Затрудняюсь ответить	6	9	–

* Разность между показателями «достижений» и «неудач».

Рассматривая побудительные причины голосования на выборах 14 марта, приходится отметить, что В. Путин по-прежнему остается «президентом надежд». 30% голосовавших за него (14% от общего числа опрошенных) объяснили свое решение тем, что президент «успешно руководил страной последние четыре года», 39% (18% от всех) – надеждами на то, что за следующий срок «он может справиться с проблемами, стоящими перед страной», а 29% (13% от всех) – тем, что больше не на кого надеяться.

Тем важнее обратить внимание на *рамки надежд*, выраженных уже после выборов. Опрошенные представляют себе перечень задач, на которых сосредоточит свою деятельность вновь избранный президентом В. Путин, и выражают надежды на успешное их решение следующим образом (см. табл. 4).

Таким образом, даже в обстановке определенного эмоционально-политического оживления, связанной с электоральной кампанией, надежды населения на решение президентом ключевых проблем страны за новый президентский срок оставались сдержанными: как в 2000 году, так и в 2004-м не более половины из числа отметивших ту или иную проблему надеялись на ее успешное решение.

Таблица 4

**Задачи / ожидаемые успехи деятельности
избранного президента***

(Март 2000 и 2004 года, N = 1600 человек,
% от числа опрошенных)

	2000	2004
Рост доходов населения	**	40/19
Спокойная жизнь, без потрясений	**	31/13
Рост производства	33/15	27/12
Укрепление порядка и законности	25/12	28/12
Решение чеченской проблемы	36/25	21/9
Борьба с коррупцией	33/14	21/8
Уменьшение влияния «олигархов»	6/2	20/10

* Перечислены только те позиции, которые были отмечены в 2004 году не менее чем 20% респондентов.

** Вопрос не задавался.

Ни оценки успехов президента за предыдущие годы, ни уровень обращенных к нему новых ожиданий не могут объяснить главный феномен прошедших выборов – их безальтернативность.

«Механизм» безальтернативности

Ключевым моментом здесь является уже упоминавшийся переход к неполитическим, административным средствам управления. Политика всегда означает конкуренцию, борьбу, выражение, отстаивание и согласование интересов определенных общественных сил на различных уровнях. В административном же управлении происходит лишь исполнение полученных указаний, а если имеют место борьба между исполнителями – чаще всего скрытая, подковверная, – то лишь за более выгодное распределение ресурсов. (Конечно, в реальной общественной жизни взаимодействуют различные

типы организации и управления; в данном случае речь идет о гипертрофии одного из них, который может быть эффективен в одних институциональных рамках и неэффективен в других.) В соответствии с давними отечественными традициями, «зачистка» политического пространства от конкурентов – и даже от возможностей конкуренции – неизбежно приводит к тому, что политическая или хотя бы околополитическая конкуренция низводится до административной суеты и подковерной борьбы на различных этажах власти, начиная с верхнего.

Формирование административной системы в общегосударственном масштабе, которое наблюдается после 1999 года, предполагало довольно последовательную ликвидацию разделения интересов и сфер ответственности во всех направлениях – горизонтальном (федерализм), вертикальном (уровни власти), функциональном (ветви власти). Аналогия с привычно-советским режимом очевидна, но это все же только аналогия, не означающая реального воссоздания советских порядков. Труднопреодолимым препятствием на пути всеобщей централизации остается достигнутая независимость хозяйствующих субъектов; отсутствует универсальный механизм партийно-государственного господства, привычки и страхи всеобщей зависимости. Тем яснее характер действия собственно административных рычагов управления.

В такой структуре для политических и персональных альтернатив просто *нет места*. Исключительное положение «первого лица» определяется не его собственными талантами или достижениями – реальными или приписываемыми, – а прежде всего его *статусом* в системе властвования. Именно этот статус, в конечном счете, обеспечивает ту персонализацию массовых ожиданий и надежд, которая отражена в социологических рейтингах. (Сколь ни велика в этом роль направленной политрекламы и СМИ, она все же вторична.)

С трансформацией общественно-политического поля свя-

зана и очевидная переоценка политического *плюрализма*, едва обозначившегося после распада советской системы. В годы политической неустойчивости при М. Горбачеве и Б. Ельцине эмбриональный плюрализм, оппозиционность, определенная «отвязанность» СМИ и общественного мнения были нужны для поддержания демократического фасада (обращенного вовне), а также для внутреннего маневрирования. Для конструкции «управляемой демократии» они излишни, так как обе эти функции практически изжили себя. Наглядная иллюстрация складывающейся ситуации – судьба как «левой», так и «правой» (демократической) оппозиции после 1999 года, особенно после завершения избирательного сезона 2003-2004 годов.

Утрата голосов значительной части избирателей на обоих флангах так и не сложившегося российского политического спектра, как можно полагать, связана с «функциональной» дискредитацией этих образований, т.е. с тем, что власть сначала демонстративно присвоила себе заметную часть идейного багажа своих оппонентов (лозунги заботы об уровне жизни, продолжения реформ, сближения с Западом и пр.), а затем и их электоратов. Слабо организованный, часто поверхностный протест утратил свое значение, а потому и свои позиции. Дело здесь не только в отсутствии у потенциальной оппозиции материальных или организационных ресурсов, сопоставимых с ресурсами государственной административной машины, но прежде всего в том, что оппозиция – все равно в данном случае, «правая» или «левая» – не сумела даже обозначить соответствующие современным обстоятельствам способы противостояния этой машине. Получалось как будто так, что силы оппозиции пытались бороться с современными административно-технологическими структурами – и соответствующими ресурсами – политическими средствами недавнего, но ушедшего прошлого, – тем самым заведомо, заранее обрекая себя на неудачи. Или, скажем, низводя функцию политического оппонента до функции – если не

должности – советника власти.

В феврале 2004 года респонденты следующим образом оценивали перспективы отечественной демократии после думских выборов.

Таблица 5

«С каким из следующих суждений о судьбе демократии в России Вы более согласны?»

*(Февраль 2004 года, N = 1600 человек,
% от числа опрошенных)*

С демократией и демократами теперь в стране покончено	6
Через несколько лет обе партии, называющие себя демократическими, окрепнут и займут свое место в политической жизни страны	19
Эти партии обречены; возможно, появится и завоюет достаточную поддержку какая-то новая партия, движение демократов	24
Демократия чужда российскому образу политической жизни	10
Настоящий защитник демократии в России – президент В. Путин, поэтому никто не может считаться демократом, если стоит в оппозиции	13
Затрудняюсь ответить	28

Стоит обратить внимание на то, что заметная часть, четверть опрошенных, связывает демократические перспективы с новой партией или движением.

Роль политических интриг и провокационных технологий в период электоральных кампаний известна достаточно хорошо и в данном случае особого внимания не требует. После думских выборов 2003 года большинство избирателей достаточно ясно осознавало, какую роль в успехе «Единой России» сыграл административный ресурс, в том числе прямая поддержка со стороны президента. В январе 2004 года только 13% опрошенных сочли, что «Единая Россия» преуспела на думских выборах потому, что предложила привлекательную

программу, 17% видели причину ее успеха в использовании «административного ресурса», а 60% – в прямой поддержке со стороны президента.

Главный показатель тяжелого поражения всего политического плюрализма в 2003-2004 годах заключается отнюдь не в том, что такие-то партии получили слишком мало голосов для того, чтобы пройти в Думу. Даже если бы голосов оказалось на этот раз достаточно, это практически не изменило бы ни характер нынешнего российского парламента, ни политический пейзаж в стране, – в этом, по всей видимости, самое существенное на сегодня и на довольно дальнюю перспективу.

Представляет несомненный интерес роль весьма специфической квазиопозиции, которую на протяжении многих лет играет на российской политической сцене партия В. Жириновского. Только это, как будто совершенно искусственное, образование еще позднесоветского времени способно, во-первых, «упаковывать» потенциал социального протеста, превращая его в фактор лояльной поддержки власти, а во-вторых, создавать образец необузданного политического экстремизма, тем самым позволяя власти сохранять маску центристской респектабельности. Примечательно, что попытки хотя бы полусерьезно дублировать аналогичные функции в новообразовании «Родина» оказались малоудачными, даже опасными для административных управленческих структур. Впрочем, в новой думской ситуации может утратить свою востребованность и ЛДПР.

Для административного управления в его зрелом, оформленном виде «детские» игры политических махинаторов больше не нужны, здесь действуют прямые назначения, перемещения, поручения и тому подобные аппаратные занятия, столь хорошо заметные в последнее время. Технология властвования тоже как бы деполитизируется, превращается в оперативную манипуляцию людьми или должностями и полномочиями.

Внешних (по отношению к самому механизму) ограничений для такой тенденции не видно, в том числе и со стороны сегодняшнего «безальтернативного» общественного мнения. Так, в феврале 2004 года 77% опрошенных (!) соглашались с тем, что Администрация президента «должна контролировать деятельность Государственной Думы». В марте, уже после выборов, 68% опрошенных выразило согласие с тем, что сосредоточение практически всей власти в стране в руках В. Путина «пойдет на благо России», а 54% сочло более эффективным правительство, «которое будет полностью подчинено президенту и его Администрации» (32% предпочло бы правительство, «которое самостоятельно принимает решения и отвечает за свои действия»).

Другой вопрос – насколько (и на какое время) может быть эффективен сам социальный механизм административного, «приказного» управления в масштабах страны, при всех сложностях ее социального, экономического, внешнеполитического развития. Сосредоточение ответственности на одном уровне власти – условном или персонализированном – означает практически низведение государственных решений до уровня аппаратных исполнителей, а политики страны – до уровня межкабинетных интриг. Очевидно также, что такие трансформации всегда стимулируют универсальную безответственность всей иерархии исполнителей. И не менее универсальную ее коррумпированность.

«Люди у власти»

Исключительность позиции президента в общественном мнении, отмеченная выше, выражена в резком различии оценок – с высокими оценками высшего носителя власти соседствуют весьма критические суждения о ее институтах и исполнителях. Так, в марте 2004 года полное доверие президенту выражали 61% опрошенных (при 6% совсем не доверяющих ему), правительству – 12% (против 29%), Думе – 9%

(против 33%). (Заметим, что эти показатели относятся уже к новым, донельзя «президентским» составам парламента и правительства.)

За период между двумя выборами несколько выросли показатели доверия населения к президенту В. Путину.

Таблица 6

«В какой мере Вы доверяете В. Путину
(Март 2000 и 2004 годов, N = 1600 человек,
% от числа опрошенных)

	2000	2004
Полностью доверяю	15	19
Скорее доверяю	48	57
Скорее не доверяю	17	12
Совершенно не доверяю	7	4
Затрудняюсь ответить	13	8

Таблица 7

«Какими словами Вы могли бы выразить свое отношение к В. Путину?»
(Март 2000 и 2004 годов, N = 1600 человек,
% от числа опрошенных)

	2000	2004
Восхищение	2	4
Симпатия	29	34
Не могу сказать о нем ничего плохого	38	37
Нейтральное, безразличное	10	13
Настороженное, выжидательное	12	5
Не могу сказать о нем ничего хорошего	4	5
Антипатия	1	1

Если принять во внимание, что оценки президента в общественном мнении – не эмоциональный, а прежде всего «статусный» показатель, т.е. это оценки исключительного

положения высшего носителя власти в иерархии управления, становятся объяснимыми резкие различия в массовом восприятии В. Путина и всех тех, кто стоит у кормила власти.

Таблица 8

«Как бы Вы расценили людей, находящихся сейчас у власти?»

*(Февраль 2004 года, N = 1600 человек,
% от числа опрошенных)*

Это люди, озабоченные только своим материальным и карьерным благополучием	53
Это честные, но слабые люди, не умеющие распорядиться властью и обеспечить порядок и последовательный политический курс	14
Это честные, но малокомпетентные люди, не знающие, как вывести страну из экономического кризиса	9
Это хорошая команда политиков, ведущая страну правильным курсом	13
Затрудняюсь ответить	11

Наиболее частыми упреками в адрес правящей бюрократии постоянно являются ее эгоизм и коррумпированность. В январе 2004 года 30% опрошенных указали, что за последнее время коррупции в высших органах власти стало больше, 45% – что масштабы коррупции не изменились, и только 13% сочли, что они уменьшились. При этом население чаще замечает коррумпированность «в верхах» (35%), чем в низовых органах власти (11%), почти половина (48%) не видит различий в этом отношении между уровнями власти.

На таком фоне может показаться странным повсеместное – во всех государственных институтах – укрепление позиций «партии власти», т.е. «Единой России», которая, по мнению опрошенных (июнь 2003 года, N = 1600 человек) выражает прежде всего интересы чиновников, олигархов, директорского корпуса и «силовиков». На регулярный вопрос о симпатии

ях к партиям и политическим силам относительно преобладающим ответом стала ссылка на «партию власти» (в начале марта 2004 года так отвечали 21% опрошенных). Но в этом можно видеть скорее признак функциональной деградации политических сил, теряющих массовую поддержку. В условиях господства административных структур на бывшую политическую поверхность выходит организация функционеров и их клиентуры. Думские выборы 2003 года показали, что такая организация, получив реально не больше голосов избирателей, чем все ее участники по отдельности («Единство» и блок «Отечество – Вся Россия») в 1999 году, – около 20%, способна с помощью маневра ресурсами захватить даже конституционное большинство депутатских мест.

Заключительные замечания: опора, поддержка и реальный выбор

Предложенная попытка анализа социальных результатов выборов 2003-2004 годов ограничена рамками изучения общественного мнения. Эти рамки неизбежно узки и – по мере дальнейшего укрепления административных управленческих структур – скорее всего, будут еще более сужаться и деформироваться. Представляется важным в этой связи уточнить некоторые категории исследуемых явлений.

Как показывают все данные наблюдений, существующая властная система пользуется значительной массовой *поддержкой* (доверием, одобрением). Однако *опирается* власть, как всегда, не на опросные «рейтинги», а на государственные институты, на административные структуры. Недавняя история – и не только отечественная – показала целый ряд ситуаций, когда сохранялась система власти, утратившей массовую поддержку, или когда видимая массовая поддержка исчезала сразу после институциональной катастрофы. Как известно, Б. Ельцин, лишившись массового доверия, мог еще 5-6 лет сохранять власть, поскольку действовали соответст-

вующие опорные институты. Ранее в аналогичной ситуации, хотя и не так долго, находился М. Горбачев. Наиболее наглядным примером иной метаморфозы может служить судьба иракской диктатуры: демонстративная популярность и «всенародная любовь» к С. Хусейну – выраженная не в опросах, но в многочисленных единодушных голосованиях – рухнула после разрушения опор власти (в данном случае я не касаюсь средств и других последствий этого разрушения).

Видимая сегодня поддержка президентской власти не обеспечивает ей ни эффективности, ни устойчивости на перспективу. Никакие электоральные успехи, нынешние или предстоящие (в том числе успехи в зачистке электорального пространства от политических «пережитков»), не могут определить направление и механизм движения страны на десятки лет. Правомерно предположить, что чем лучше административно организованы, чем более безальтернативны электоральные процедуры разных уровней, тем меньше зависит от них постоянно необходимый реальный выбор пути, вариантов, способов решения старых и новых проблем страны.

ОТЛОЖЕННЫЙ АРМАГЕДДОН?

Год после 11 сентября в общественном мнении
России и мира

События 11 сентября 2001 года взбудоражили мир на уровне социальных ценностей и ожиданий, может быть, даже сильнее, чем на уровне политических действий. Прямое и опосредованное влияние этих событий на состояние умов, на общественное мнение в разных углах мира имеет свою внутреннюю логику и сохранится надолго, независимо от развития «фактической» стороны дела, т.е. собственно политических, экономических, военных и прочих последствий 11 сентября. На протяжении года можно было заметить значительную – и поучительную – динамику обострений и спадов напряженности, смены моделей восприятия, доверия и недоверия к предлагавшимся трактовкам событий. Как это часто бывает в ситуациях чрезвычайных потрясений, на поверхность общественного внимания – притом в глобальных масштабах – вышли незаметные или неартикулируемые обычно структурные элементы общественных процессов. Как в политическом, так и в массовом сознании недоумения и эмоциональные эффекты первых дней сменились поисками рамок какого-то упорядоченного восприятия смысла происшедшего. Рамки эти в основном оказались «старыми», сформированными из наличного материала и прошлого опыта. Правда, и меры противодействия новому, почти неизвестному противнику до сих пор предлагаются те, что были отработаны в иных условиях, по отношению к иным силам.

Эти явления и составляют предмет исследовательского интереса в настоящей статье. В качестве аналитического и иллюстративного материала помимо данных ряда опросов ВЦИОМа в ней также использованы опубликованные мате-

риалы некоторых зарубежных институтов общественного мнения¹.

Симптоматика шока

Для характеристики первоначальной общественной реакции на события 11 сентября кажется подходящим термин «социальный шок». С его помощью можно описать такое состояние регулятивных механизмов общества, когда обычные способы восприятия, понимания и реагирования на какое-то чрезвычайно сильное и угрожающее внешнее воздействие оказываются неэффективными. В ситуации шока внимание теряет свой предмет, понимание – рамки, воображение – границы. Тем самым происходит отключение обычных защитных систем (распределяющих внимание, восприятие и пр., т.е. обеспечивающих «нормальный» когнитивный и эмоциональный баланс общества) и начинается поиск иных, экстраординарных механизмов. Отсюда – реакции растерянности и как будто всеохватывающей тревоги.

В общественном восприятии масштаб происшедшего определялся не количеством жертв, а скорее предполагаемыми последствиями, далеко выходящими за локальные и национальные границы. По данным опроса Gallup, спустя полгода после события, в марте 2002 года, 80% американцев сочли террористическую акцию 11 сентября «самым трагическим событием» своей жизни (CNN/USA Today/Gallup Poll, март 2002 года). 74% американцев, опрошенных по горячим следам события, заявили, что их жизнь «изменится навсегда», только 21% надеялся на то, что она «вернется в норму» (Ipsos-Reid Poll, и сентября 2001 года). 37% англичан сочли, что после теракта в США мир стал менее безопасным, чем во время войны в Персидском заливе, 41% – менее безопасным,

¹ Все приводимые данные по России получены в регулярных опросах ВЦИОМа (N = 1600 человек). Ссылки на зарубежные исследования даются в тексте.

чем во время вьетнамской войны, 45% – менее безопасным, чем во время холодной войны (MORI, сентябрь 2001 года). Солидные российские газеты сообщали о случившемся под шапками «Армагеддон?», «Третья мировая?» и т.п.

Возможными последствиями событий объявляли то новый всемирный порядок, то новую – или даже «последнюю», грозящую уничтожением человечества – мировую войну. Согласно одному из опросов ВЦИОМа, проведенных в ноябре 2001 года в Санкт-Петербурге, 53% согласились с тем, что сентябрьская атака террористов на США означает «поворотный пункт в истории мировой цивилизации», тогда как 41% усмотрели в случившемся просто «очередную трагедию XX века».

В числе факторов, которые потрясли (правда, по-разному) мировое общественное мнение в различных странах, были:

➔ Неожиданность нападения. В сентябре 2001 года США ни с одной исламской страной (кроме Ирака, причастность которого к событиям 11 сентября ничем не подтверждена) не находились в состоянии конфронтации.

➔ Бесчеловечная жестокость убийства тысяч людей. На этом фоне неизбежная гибель самих террористов выражает не героическое самопожертвование, а только презрение к человеческой жизни, включая собственную. В России только 11% сочли, что нападавшим нельзя отказать в «героизме». Даже в Пакистане 64% городского населения против 26% расценили происшедшее как акт террора, а не «джихад» (Gallup-Pakistan, октябрь 2001 года).

➔ Тщательная продуманность, расчет, рациональность в подготовке и организации (сравнимой по типу – но не по масштабам – с рациональной организованностью известных XX веку форм социально-организованного насилия) варварского преступления.

➔ Неспособность защититься от подобного удара в обществе, обладающем развитыми современными институтами и технологическими системами безопасности; в результате –

невиданное и неожиданное национальное унижение США и предупреждение для всех стран, которые полагаются на демократические институты.

➔ Анонимность не только участников, но и целей акции (как демонстративных, так и неявных, – что отличает акцию 11 сентября от «обычных» террористических действий на Ближнем Востоке, на Северном Кавказе, в Кашмире и т.д.). Отсюда, естественно, возможность самых разнообразных, фантастических, масштабных и ужасающих предположений, в том числе о глобальной войне или грядущей глобальной катастрофе. Ответы на вопросы, кто (дело не в именах, а в силах, организациях, идеях), почему и с какими целями совершил нападение, как представляется, и сейчас отсутствуют и в государственно-полицейском, и в массовом сознании.

Выделим три основных (эмпирически не строго взаимоисключающих) типа эмоционально окрашенных непосредственных реакций на террористический удар 11 сентября.

Во-первых, то, что в сентябрьском опросе ВЦИОМа 2001 года зафиксировано как «сочувствие, возмущение, тревога, страх». Помимо «просто» человеческих компонентов в такой реакции, характерной преимущественно для общественного мнения европейски ориентированных стран, в ней можно усмотреть и некоторые другие составляющие. В том числе стремление к самосохранению, как социальному (в смысле европейской цивилизации), так и индивидуальному. Угроза распространения новой волны террора на другие страны казалась особенно реальной в первые «постсентябрьские» недели. В конце сентября 2001 года 80% опрошенных в России (против 15%) сочли, что террористическая акция является не внутренним делом США, а касается всего мира. Через год, в августе 2002 года, это мнение сохранили 70%, соответственно, доля несогласных выросла с 15% до 26%. Просматривается непосредственная связь между представлениями о глобальной и личной опасности такой акции: и в 2001 году и годом позже чаще всего отмечают всемирную угрозу террора

те, кто видят ее опасность для себя лично. Правда, если сравнить показатели опросов сентября 2001 года и августа 2002 года, получается, что число опасаящихся стать жертвами террора в России практически не изменилось (78% и 76% соответственно). Можно предположить, что в данном случае вербальная реакция, спровоцированная анкетным вопросом, не вполне отражает все стороны отношения населения к опасной ситуации: например, вполне возможно признание опасности на словах при не вполне серьезном к ней отношении в действительности. Примеры подобных диссонансов в отечественном общественном мнении общеизвестны.

Во-вторых, реакции прямо противоположные: злорадный восторг по поводу унижения и поражения сильнейшей великой державы, носителя «мирового зла». Как известно, в том числе из наглядных, телевизионных источников, так реагировали многие и на Ближнем и на Дальнем Востоке. Это прежде всего эмоции значительной части населения в арабских и мусульманских странах (на официально-правительственном уровне почти повсеместно были выражены политическая лояльность и симпатии в отношении США). Кроме того, к этим позициям близки те левые в Европе и Латинской Америке, которые рады всякому поражению центра мирового капитализма, надеясь, что это приблизит его конечную гибель. В России такой была реакция 5% опрошенных в сентябре 2001 года. Можно предположить, что за восторженными или просто одобрительными реакциями на акцию террористов кроется целый пучок мотиваций – от социальной ущемленности до религиозно-политического и национально-фанатизма.

Третья позиция более сложна, а потому и более важна для рассмотрения. При некотором упрощении ее можно представить как определенное сочетание первых двух. В сентябре 2001 года 50% (а в августе 2002 года – 52%) опрошенных в России согласились с тем, что «американцы получили по заслугам», испытав на себе то, что переживали в свое время

люди в Хиросиме, Вьетнаме, Югославии, Ираке и т.д. Насколько известно, подобный довод работает в умах многих, даже европейцев, не говоря о странах азиатских и мусульманских. Так выходит на свет довод потаенного удовлетворения-оправдания, прикрытый всплесками сочувствия и пр., – притом не как акт нарочитого лицемерия, а как выражение сложности, многослойности самого общественного мнения.

Объяснить такую позицию, скажем, скрытым, самодовлеющим «антиамериканизмом» нельзя – хотя бы потому, что ее разделяет значительная часть людей, хорошо относящихся к США, возмущенных актами террора 11 сентября, сочувствующих его жертвам. Из числа опрошенных, обозначивших свое отношение к США как «очень хорошее» и «хорошее», в сентябре 2001 года согласились с формулой «досталось поделом» 44% (против 48%), в августе 2002 года – 46% (против 48%). Из тех, кто считал, что теракты в США «касаются всего человечества», в год до событий одобряли такую формулу 47%, в 2002-м – 46%. Сразу после сентябрьских событий согласие с ней высказали 44% сочувствовавших, 42% возмущенных, 45% встревоженных. Не так трудно понять, почему среди настроенных враждебно заметно преобладает согласие с формулой «досталось поделом»: у испытавших «удовлетворение» террористической атакой доля согласных с этим достигает 96%, у «недоумевающих» – 61%, у плохо относящихся к США – 75% в 2001-м и 67% годом позже. Вопрос в другом: как объяснить, что почти половина симпатизирующих американцам и жертвам террора занимает аналогичную позицию?

В этом парадоксе можно усмотреть очередное подтверждение того, что само общественное мнение является сложным, многослойным образованием, разнородные компоненты которого в одних ситуациях как бы уравнивают друг друга, в других – обуславливают резкие колебания массовых настроений (например, такие, которые мы наблюдаем за последние годы и в отношении к Соединенным Штатам, и в от-

ношении к чеченской войне). При отсутствии устоявшихся, традиционных рамок движения таких настроений, а также факторов их чрезвычайной мобилизации каждая реакция одобрения или осуждения относительна (по модели «да, но...», «нет, но...»). Поэтому в общественном мнении не существует ни простого и примитивного образа США, ни безоговорочных симпатий, ни абсолютного «антиамериканизма»; на этом придется остановиться позже.

«Рутинизация» шока

Рано или поздно всякий шок проходит – человеческий или социальный, каким бы глубоким и масштабным он ни был. В принципе это означает восстановление деятельности когнитивных, эмоциональных, активных механизмов (рамок, средств), которые были «выключены» в шоковом состоянии. Способы такого восстановления могут быть разными: размещение новых, уже несколько ослабленных раздражителей в существующие рамки понимания и, соответственно, привычные термины («старые мехи», «прокрустово ложе» и т.п. – именно такие процедуры, скорее всего, правомерно определять как рутинизацию). Привычная «боль», привычное «удивление» и пр. уже, как известно, не столь разрушительны и опасны. Рутинизация может приобретать и сугубо символические или терминологические формы, когда необычное явление именуют привычными словами или «отделяются» от него с помощью чисто символических процедур. Нужно подчеркнуть, что в качестве таковых иногда выступают не только чисто ритуальные, церемониальные акции, но и вполне «тяжеловесные» политические, финансовые, военные меры, которым придается символическое значение – например, борьбы с «мировым злом», «сатанинскими силами», удар по привычному или воображаемому противнику при неспособности поразить реального врага и пр. Собственно говоря, символическую нагрузку несли как сам террористический

удар 11 сентября, так и большинство контрмер. В результате энергия необычного раздражения как бы расходится по привычным каналам, тем самым обеспечивается – по крайней мере, на время – сохранение существующего баланса и дисбаланса отношений в мире.

Если продолжать осторожные аналогии, можно сказать, что рутинизация не устраняет фактор чрезвычайного воздействия, а как бы прячет, загоняет его вглубь. Взрыв превращается в процесс, чрезвычайная ситуация – в обыденную, война – в серию обычных полицейских операций, социальная катастрофа – в злонамеренную интригу или даже в результат дезинформации. Рутинизация означает не устранение необычного фактора и не его забывание (устранение из значимой социальной памяти), а лишь вытеснение его в сферу знакомого и привычного. Другой, значительно менее распространенный (или труднее реализуемый) способ преодоления социального шока – формирование новых когнитивных и поведенческих инструментов, соответствующее расширение и усложнение рамок восприятия, адекватных новым феноменам.

За год, прошедший после 11 сентября, главным, если не единственным, средством преодоления шока (и в американском национальном, и в российском, и в мировом масштабах) служила его рутинизация. Не имея ни желания, ни времени доискиваться глубоких причин происшедшего, не сумев в кратчайший срок обнаружить и обезоружить конкретную террористическую организацию, ее руководителей и исполнителей, американское политическое руководство – кстати, понукаемое собственным и мировым общественным мнением к немедленным и показательным акциям возмездия – вынуждено было искать предмет для ответного удара буквально «под ближайшим фонарем». Произошло фактическое снижение уровня «цели» от «сатанинской» «Аль-Каеды» до реальных и неспособных оказать сопротивление талибов в Афганистане, соучастие которых в террористических акциях

вряд ли шло дальше укрывательства. (Пока неясно, станет ли следующим этапом рутинизирующего снижения уровня цели удар по иракскому режиму.)

Вполне аналогичные механизмы рутинизации можно обнаружить и в многообразных попытках уложить феномен 11 сентября в какую-то из привычных, отработанных (а потому кажущихся понятными) рамок восприятия и понимания. Одним из вариантов здесь оказывается измельчение или локализация события в серии деталей, привычных – в рамках определенных когнитивных или масскоммуникативных комплексов – стереотипов. Как известно, в качестве предполагаемых виновников, помимо «Аль-Каеды» и бен Ладена, на протяжении года назывались власти, военные, спецслужбы США и России/СССР, сионисты, левацкие группировки в США и Латинской Америке, конкурирующие исламские фракции в арабских странах и т.д. Каждая из таких версий апеллирует к каким-то аргументам и находит своих сторонников. Притом что российская официальная элита демонстративно принимает (и использует в собственных интересах) трактовку событий, предлагаемую администрацией Дж. Буша, в отечественной прессе широкое хождение имеет нарочито антиамериканская версия (организаторами акции объявляются то ли ФБР, то ли американский ВПК и т.п.).

Прямое следствие привычных трактовок событий – попытки свести противодействие им к стандартным военно-полицейским акциям, к тому же испытанным в иных условиях, например, использовать дистанционные средства военных действий («югославского» образца) в Афганистане, возможно, в Ираке.

Другой вариант того же, по существу, явления – идеологически или религиозно обосновываемая «глобализация» явления, когда события 11 сентября пытаются вывести из «природы ислама», из «противостояния цивилизаций» или из установок «мирового терроризма» (явно фантомного понятия, которое находит весьма подходящую почву там, где жи-

вы призраки бесов из «Бесов», «мировых» революций и контрреволюций – и где постоянно требуются оправдания собственного бессилия на чеченском и иных фронтах). Подобная «локализация наоборот» растворяет феномен «сентябрьского» террора в призрачных, лишенных определенности конструкциях².

В данном случае нас, разумеется, интересует не правдоподобность определенных криминологических версий, а «социологическая» структура феномена. К ней можно отнести, кроме мотивации и способов оправдания участников и соучастников, пособников совершенного теракта, характер и истоки их социальной поддержки, использование сложившейся ситуации различными правительствами и политическими силами, непосредственные и дальние реакции общественного мнения на перечисленные компоненты явления. А также и воздействие общественного мнения в разных странах на развитие ситуации, на выработку контрмер, на переоценку стереотипов восприятия целого ряда явлений, на ожидания в отношении лидеров и т.д. Собственно говоря, для понимания социальных последствий какой бы то ни было кризисной ситуации важен не столько ее «первотолчок», сколько возможность ее динамики, которые обусловлены ее собственной структурой, «прочностью», способностью «реагировать на внешний удар» и т.д.

Сферой рутинизации можно считать и эволюцию анти-террористической коалиции, которая была создана (сразу после 11 сентября) как небывалое, казавшееся невероятным единение стремлений и сил почти всех стран мира, вплоть до Китая, России, даже Ливии и т.д. Реальное участие в единст-

² Недавно З. Бжезинский упрекнул американские власти в том, что они говорят о терроризме в «полурелигиозных» терминах «злодеи», «зло», за которыми – «историческая пустота». «Выходит, что бессердечные террористы действуют под влиянием какого-то сатанинского наития, без всякой мотивации... Между тем у каждого теракта есть политическая почва» (Московские новости. 2002. 10-16 сентября. № 35).

венном коллективном действии коалиции – афганской операции – у большинства примкнувших к ней было, как известно, различным. Факторы участия, по всей видимости, тоже – опасение стать жертвой аналогичного нападения, стремление использовать антитеррористическую ситуацию в собственных интересах, уступка американскому давлению, наконец, боязнь выглядеть сторонниками террористов. Показателен разброд в коалиции при повороте следующего предполагаемого удара в сторону Ирака. Похоже, что скоро она разделит участь всех ситуативных военно-политических блоков (XIX-XX веков), члены которых всегда руководствуются собственными интересами, даже когда существует общий противник, и привычно расходятся в разные стороны по завершении кампании.

Актеры и зрители

Модель взаимодействия «актерского» и «зрительского» участия в разыгрываемых на мировой арене событиях представляется пригодной для анализа некоторых существенных сторон рассматриваемой проблемы. (Вослед Т. Парсонсу участники социального действия в социологических текстах обычно именуется *акторами*; в данном же случае доля демонстративности в действиях разных сторон – и террористов, и их противников, а также соучастников, сторонников и т.д. – столь велика и важна, что более уместно говорить об *актёрах*.)

Кроме того, ситуация такова, что на политической сцене, как уже отмечалось, отсутствуют «первичные» актеры, т.е. те, кто задумал и совершил операцию 11 сентября. По сути дела, все, что мы до сих пор знаем об этом, – продукт догадок со стороны простых зрителей (или экспертов, т.е. более квалифицированных зрителей).

Но «зрелищность», эффект наглядности, по всей видимо-

сти, входили в расчет организаторов акции³. Как и выбор целей – зданий, имевших не столько практическое, сколько важнейшее символическое значение для американцев.

В ходе развития политических последствий акции на первый план вышла не столько проблема поисков конкретных виновников, сколько проблема использования создавшейся ситуации для «своих» (с точки зрения различных деятелей и сил – «вторичных» актеров). Соответственно в настроениях «зрителей» главным оказывается не столько осуждение конкретных виновников, сколько оценка действий «вторичных» действующих лиц и организаций. Иначе говоря, важна не сама борьба с предполагаемыми виновниками террора, а одобрение различных инстанций, демонстративно занятых этой борьбой, в общественном мнении своей страны. Это значит, что сами «зрительские» оценки (позиции общественного мнения) – формируемые, как водится, под воздействием масс-медиа и политрекламы – выступают в активной роли укрепления или низвержения авторитетов. Разумеется, это весьма упрощенное представление реальных механизмов взаимодействия и трансформации ролевых функций в системе «актеры – зрители».

Представляет очевидный интерес сопоставление американских и российских «зрительских» представлений о причинах террористической акции.

В сентябре 2001 года российские граждане сочли, что террористами прежде всего двигали «ненависть к США» (45% опрошенных) и религиозный фанатизм (45%), чувство мести за бомбардировки и преследования (29%), безумие (27%), зависть к богатым странам (13%), неприятие всей современной цивилизации (9%). По данным другого опроса (сентябрь-октябрь 2001 года) – религиозный фанатизм (42%),

³ Как выразился один из соучастников или сторонников террористического нападения, «мы использовали самолеты и телевидение...» (Газета. 2002. 11 сентября).

ненависть к США как к символу западной цивилизации (35%), стремление запугать людей, живущим по иным законам и традициям (31%), желание посеять в мире хаос и беспорядки (30%).

В основном, как видим, повторяются в разных вариантах два фактора – ненависть к США и религиозный фанатизм.

А вот как восприняли причины нападения американцы:

Таблица 1

**Общественное мнение США о причинах
акции террористов**

*(Newsweek Poll, 20-21 сентября 2001 года,
% от числа опрошенных)*

	Основ- ная причина	Неоснов- ная причина	Вовсе не причина	Нет ответа
Связи США с Израилем	68	21	5	6
Возмущение военным и экономическим могуществом США	64	22	9	5
Возмущение американским присутствием в Персидском заливе	53	32	11	4
Экономические трудности мусульманских стран, вызванные мировым капитализмом	37	36	20	7
Возмущение американской культурой, кино и пр. в мусульманских странах	28	39	26	7

Согласно другому опросу, проведенному в США в те же дни, в качестве причин ненависти террористов к Америке назывались «демократия и свобода» (26%), поддержка Израиля (22%), ценности и образ жизни американцев (20%), экономи-

ческое влияние США на Ближнем Востоке (11%) (Harris Poll, октябрь 2001 года). В те же дни 32% американцев высказались за то, чтобы ослабить связи с Израилем, чтобы уменьшить опасность террористических нападений на США, 50% с этим не согласились (Newsweek Poll, 13-14 сентября 2001 года).

Между тем в Пакистане при распределении мнений о том, кто несет ответственность за нападение на США, прежде всего называется Израиль (48%), далее сами американцы (25%), заметно реже – Усама бен Ладен (12%) и палестинцы (10%) (Gallup Pakistan, 11-12 октября 2001 года, опрос городского населения в четырех провинциях). Примечательно при этом, что хотя чуть больше половины (51% опрошенных) пакистанцев одобряют поддержку США со стороны президента П. Мушараффа, для 82% Бен Ладен – муджахеддин, т.е. героический воин, и только для 6% – террорист. Вероятно, подобное распределение мнений присуще населению многих мусульманских стран, особенно тех, в которых существуют явные различия между позициями политической элиты, вынужденной считаться с существующей расстановкой сил в мире, и воинственно настроенной контр-элиты, имеющей массовую поддержку. (К сожалению, результаты большого опроса в 12 таких странах, проведенного осенью 2001 года американским Gallup, недоступны для исследования и публикаций.)

Строгое сравнение данных, полученных в разных концах света, конечно, невозможно, тем более что и вопросы ставятся неодинаково. Но общую направленность результатов сопоставить все же можно. Ситуация напоминает известную притчу о слепых, которые с разных сторон ощупывают слона, – у каждого свои представления о предмете. На деле, разумеется, каждая сторона (или группа «зрителей») рассматривает события в свете собственных стереотипов восприятия; если же иметь в виду не просто «рядовых» зрителей, а власть и силу имущих, то в их публично выраженных оцен-

ках неминуемо присутствуют и собственные интересы. Как видно из приведенных выше данных, «израильский» фактор незаметен в представлениях россиян (благо на него давно «не нажимают» власть и массовая пресса), но весьма важен во мнениях американцев и преобладает в мусульманской стране, даже такой образцово «умеренной», как сегодняшний Пакистан.

Как правило, общественное мнение в разных странах, поддерживаемое традицией, формируемое под влиянием массмедиа и политрекламы, обладает большим запасом инерции, поэтому оно служит удобным проводником для возвращения ситуации «на круги своя», к привычным пристрастиям и стереотипам.

После анонимного удара 11 сентября в некотором смысле в роли «зрителей» оказались практически все, в том числе и американская администрация, озабоченная тем, как будут восприняты (прежде всего в собственном населении) ее ответные действия. Даже неуловимый бен Ладен (или те, кто делает заявления от его имени) выдержал паузу, прежде чем заявить о своем отношении к событию. Несколько позже начался уже торг со многими участниками по поводу условий и цены «вторичных» действий (ответных, побочных, искусственно привязанных к акции террористов и т.п.). Так, П. Мушарафф очевидно пытался – возможно, для ослабления радикально-исламистской оппозиции – в обмен на поддержку США получить что-то вроде признания своих претензий на Кашмир. Примеры из области российско-американских отношений вполне очевидны.

Заслуживает внимания еще один аспект «зрительской» модели рассмотрения «постсентябрьского» развития мировых событий. Как отмечалось, «актеры» и «зрители» влияют друг на друга, могут и меняться местами. Но барьер между этими ролевыми позициями всегда в каком-то виде сохраняется. Та рутинизация «антитеррористической» коалиции, о которой говорилось выше, означает неумолимое превраще-

ние соучастников в зрителей, более или менее симпатизирующих реально действующим силам (США и Англии). Но можно ли предположить, что подобный процесс происходит и «на другой стороне», т.е. среди поддержавших или одобрявших теракт и сентября? Очевидно, что никакого явного, даже декларативного «единого фронта» исламских, арабских, радикально-воинственных сил не существовало никогда. Близость настроений не означает единства сил, в том числе и внутри соответствующих стран. Массовые «аплодисменты» террористам, которые были слышны в прошлом сентябре, еще нельзя считать знаком реального антизападного, антиамериканского единения. Поскольку политическая и экономическая элита в мусульманских странах вынуждена – по крайней мере, частично – принимать во внимание связи с развитыми странами Запада, хотя бы для продажи нефти, она сейчас отказывается от открытой поддержки наиболее воинственных настроений.

Выбор Путина

Отвечая в сентябре 2001 года (N = 400 человек) на вопрос, что в первую очередь повлияло на решение В. Путина о поддержке американской позиции, 35% опрошенных москвичей назвали представление о том, что теракты в США «направлены против всей современной цивилизации», 10% – расчет на решение экономических проблем (долги, тарифы), но чаще всего (44%) упоминалась надежда на прекращение западной критики действий российских войск в Чечне.

Можно предположить, что для В. Путина выражение безоговорочной поддержки американских властей явилось не столько непосредственной эмоциональной реакцией на события, сколько средством укрепить позиции России в мире и свои собственные позиции в сообществе мировых лидеров (в G8). И в то же время – способом добиться от США и других западных стран если не одобрения своей чеченской полити-

ки, то ее признания в рамках общей борьбы против исламского терроризма.

Позиция В. Путина получает очень широкую поддержку в общественном мнении российских граждан: в августе 2002 года 77% опрошенных сочли, что В. Путин поступил правильно («определенно» или «скорее»), полностью поддерживав действия США под флагом борьбы с терроризмом. Однако, как видно из ряда опросных данных, такая поддержка сопровождается рядом оговорок.

Уже осенью 2001 года опрошенные стали отмечать различия в позициях президента, других официальных лиц и – что кажется особенно странным на первый взгляд – средств массовой информации. К этому стоит добавить, что общественное мнение явно ощутило различия в оценках ситуации, исходящих из разных источников. Так, 46% опрошенных в октябре 2001 года, считали, что американскую военную операцию поддерживает В. Путин, 35% – что ее поддерживают и другие официальные лица в России, 29% – что такую поддержку выражают и российские СМИ. Пока можно лишь гадать, является ли эта разница результатом продуманного разделения функций между различными центрами власти и влияния, или перед нами конфликт разных позиций внутри российской элиты, возможно, между разными группами давления на президента или между президентом и какой-то (военной, например) частью его собственного окружения.

С конца 2001 года широкое распространение получили суждения о том, что В. Путин пошел на неоправданно большие уступки США, что в антитеррористической коалиции Россия оказалась в арьергарде, в подчиненном положении. Судя по некоторым публикациям, примерно в конце 2001 года В. Путину пришлось столкнуться с сопротивлением своей декларативно проамериканской политике со стороны каких-то групп правящей элиты, возможно, и военных деятелей. С попытками «охладить» отношения с США и оказать какой-то нажим на политику, с которой связал себя В. Путин, связаны

активизация «шпионских» процессов в различных городах, серия официальных нападок на действия американских дипломатов в России, наконец, истерическая антиамериканская кампания вокруг зимней Олимпиады и куриных «окорочков». Не только по тону, но и по стилю, по своей организованности эта кампания, оказавшая сильное – и все еще частично сохраняющееся – воздействие на общественное мнение, как будто воспроизводила худшие образцы времен холодной войны.

Яростная кампания нападок российских политиков и масмедиа на американскую политику в отношении России как будто прекратилась в марте 2002 года, после призыва В. Путина к сдержанности (что, кстати, подкрепляет предположение об организованном характере всей истерии). Остался, однако, довольно густой осадок – готовность к новым пароксизмам воинствующего противостояния, готовые стереотипы языка и стиля, даже готовые сюжеты (те же «окорочка», импорт которых не дает покоя ни московскому мэру, ни общественному мнению в России). Назревающая конфронтация позиций вокруг Ирака, по всей видимости, даст новую почву для возвращения к тому же стилю политических настроений.

Российские демократы немедленно поддержали «американский поворот» В. Путина, видя в нем желанный шаг к демократизации общества по европейско-американским образцам. Скоро стало ясно, что этот шаг имеет несколько иное направление. Заявленное единство российского президента с американским в антитеррористической операции создало впечатление значительного укрепления международного авторитета России, а именно это поле деятельности В. Путина в последние годы представляется общественному мнению наиболее успешным. Обозначившийся рост показателей одобрения деятельности В. Путина был использован президентом и его окружением для укрепления собственных политических и парламентских позиций. В данном случае от неудач коммунистов в парламентских «играх» выиграли от-

нюдь не демократы, а пропрезидентский чиновнический «центр».

В некоторых комментариях политика В. Путина после и сентября 2001 года сравнивается с вынужденным поворотом Сталина к союзу с западными демократиями после 22 июня 1941 года. Определенная аналогия здесь просматривается, хотя и с большими оговорками. У Сталина в тот момент просто не было иного выбора, иного способа спасти собственную власть, кроме как обратиться к военному союзу с западными противниками Гитлера. И во время войны, и сразу же после нее сталинское руководство использовало самые жесткие меры, чтобы не допустить западного демократического влияния на советское общество, особенно на интеллигенцию и молодежь; для этого использовались идеологические кампании, репрессии, технические и политические конструкции «железного занавеса». Вынужденный обстоятельствами кратковременный союз закономерно уступил место длительной холодной войне.

У Путина и его команды был иной выбор и иные риски. Можно было либо участвовать в коалиции во главе с США или остаться в стороне от нее, третьего варианта не существовало. Первый вариант обещал выигрыш в политическом и личном престиже, давал какие-то надежды на облегчение внешних финансовых обязательств, наконец, на уже упоминавшееся изменение оценок чеченской кампании. Вторым вариантом мог принести только проигрыши – международную изоляцию и, возможно, усиление традиционных антизападных сил (коммунистической оппозиции) в самой России.

Положение В. Путина побудило, даже вынудило его избрать и использовать в своих интересах первый вариант. Но вынужденное внешнеполитическое сближение с Соединенными Штатами используется нынешней правящей элитой России как некое прикрытие для того, чтобы сдержать или

ограничить формирование «западных» политических моделей в стране⁴.

Чеченская тема

В более или менее откровенном виде предложение «обменять» поддержку США в борьбе с терроризмом «Аль-Каеды» на поддержку России в чеченской операции повторялось российской стороной несколько раз, начиная с первого послания В. Путина Дж. Бушу 11 сентября 2001 года и до недавних заявлений российского президента и других официальных лиц – в дни, когда отмечалась годовщина сентябрьских событий.

Общественное мнение нередко выговаривает то, о чем политические лидеры решаются только шептать. Ведь в массовом сознании накаплиются, аккумулируются, усиливаются и упрощаются многократно повторенные массмедиа и политическими авторитетами скрытые намеки и осторожные недоговорки. Так, в декабре 2001 года 39% российских граждан надеялись, что, сблизаясь с Западом, Россия получит послабления в выплате своего долга, 49% – что она получит экономическую помощь от западных стран, 55% – что «страны Запада будут более терпимо относиться к действиям федеральных сил в Чечне», а целых 62%, т.е. почти две трети, – что «страны Запада признают чеченских террористов частью мирового терроризма».

На первых порах попытки отнести военные операции в Чечне к борьбе с «международным терроризмом» оказали определенное влияние на российское общественное мнение: в октябре 2001 года возросло число сторонников продолжения таких операций и снизилась доля их противников. Но

⁴ «Через год после начала войны Америки с терроризмом наша борьба может быть просто украдена правительствами других стран и использована ими – для репрессивной внутренней политики», – сетует З. Бжезинский (Московские новости. 2002. 10-16 сентября. № 35).

спустя два-три месяца распределение мнений вернулось к прежним показателям (т.е. к преобладанию сторонников мирных переговоров примерно в пропорции 2:1). Примечательная деталь: готовность отнести чеченских боевиков и сепаратистов к «мировому терроризму» в июле 2002 года выразили 80% опрошенных, но продолжать военные действия хотели бы не более 30%. Видимо, это значит, что жупел «мирового терроризма» за год просто утратил свое мобилизующее действие (рутинизация?).

Уместно отметить, что распространившийся после сентября 2001 года термин «международный терроризм» – пример малосодержательного и даже опасного словообразования. В контексте конкретных событий им обозначается размещение организаторов и исполнителей сентябрьского нападения на США в различных странах. Никто в мире пока как будто не относил к международному терроризму, скажем, террористические акции исламских фанатиков в Алжире, на Филиппинах, в Судане, в Египте или иных (уже христианских) фанатиков в Ирландии, Испании, наконец, «красных» боевиков в Колумбии, Непале и др. Сходные по способу исполнения, по бесчеловечности подобные действия в каждой стране имеют свои внутренние причины – как и факторы поддержки и противодействия. (Правда, в большинстве случаев там делаются попытки – иногда и удачные – отыскать мирный выход из кровавого конфликта.) Единственным исключением служит стремление российских деятелей, погрязших в чеченской войне, искать самооправдания в апелляциях к жупелу международного терроризма.

По всей видимости, идея «глобализации» чеченского конфликта не нашла серьезной поддержки на Западе. Более сдержанное, чем ранее, отношение к чеченской политике России со стороны США, особенно в первые месяцы после сентября, очевидно служило лишь средством привлечения России к коалиции.

«Образ Америки» с разных сторон

События 11 сентября выявили довольно сложный спектр установок по отношению к США – явных и скрытых, часто – смешанных и противоречивых (на разных уровнях). В том числе – недружелюбных, завистливых, мстительных и т.п., артикулированных или неявных. Ориентированных иногда против «всего» «американского», иногда против определенных направлений или стиля политики, образа жизни, поведения по отношению к другим странам.

Почему именно США оказались объектом террористической атаки? Почему страна оказалась уязвимой для удара? Почему столь противоречива (и даже становится все более таковой) мировая реакция и на сами события и, тем более, на меры «возмездия», – в том числе и среди ближайших партнеров Америки? Это лишь самые простые из проблем, которые служат предметом многочисленных дискуссий и публикаций в различных странах⁵.

Не повторяя уже сделанное, я хотел бы рассмотреть лишь некоторые данные, опубликованные в последнее время в России и за рубежом, и высказать некоторые соображения относительно возможной интерпретации этого материала.

Одно терминологическое замечание. Представляется необходимым отметить, что широко распространенное в политической и социально-научной литературе – и потому вполне работоспособное – понятие «антиамериканизм» имеет свои ограничения. Оно пригодно прежде всего для характери-

⁵ См.: *Гудков Л.* Отношение к США в России и проблема антиамериканизма // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 2 [= *Гудков Л.* Негативная идентичность: Статьи 1997-2002 годов. М., 2004. С. 496-551]; *Дубин Б.* Антиамериканизм в европейской культуре после Второй мировой войны // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 3 [= *Дубин Б.* Интеллектуальные группы и символические формы: Очерки социологии современной культуры. М., 2004, С. 286-299]; а также специальный номер влиятельного французского журнала *Esprit*, посвященный миру после 11 сентября (*Esprit*. 2002. Août-septembre).

ки состояния чрезвычайной, военной или псевдвоенной (включая холодную войну и ее пароксизмы, наподобие упомянутых выше) конфронтации, когда все установки примитивизируются до модели «за или против». Как видно, в частности, из указанных работ Л. Гудкова и Б. Дубина, реальный «спектр» или набор «уровней» отношений к Америке (стране, народу, власти, общественной системе) в такую модель никак не укладывается.

Обратимся к недавно полученным (май 2002 года) данным о том, как видятся в общественном мнении россиян факторы, сближающие и отдаляющие друг от друга Россию и США. Более всего, по мнению опрошенных, наши страны сближают «совместная борьба с терроризмом» (51%) и «взаимовыгодный товарооборот» (28%), реже упоминаются «интерес к жизни в другой стране, расширение личных контактов и взаимных визитов граждан для учебы, работы, отдыха» (18%), миротворческая деятельность в различных точках планеты (18%), обмен опытом в науке и высоких технологиях (16%), борьба с болезнями и загрязнением среды (15%). В числе менее значимых (по частоте упоминаний) точек сближения – заинтересованность в экономическом росте и повышении благосостояния (8%), ценности свободного демократического общества (7%) и «стремление сохранять и обогащать ценности современной цивилизации» (5%). Есть и люди (10%), которые убеждены, что «ничто не сближает сейчас наши страны». Отдаляют же Россию и США друг от друга прежде всего «высокомерное отношение американцев к другим странам и народам» (38%), стремление американских властей к расширению своего влияния и контроля во всем мире (36%), попытки США защищать свои интересы в разных частях света с помощью «большой дубинки» (26%), слишком большое различие в уровнях экономики и военной мощи двух стран (25%). Заметно меньше ссылок на «низкопробную массовую культуру» (11%), нежелание США помогать бедным странам (11%), «наследие холодной войны, на-

шей собственной изолированности от всего мира» (10%), взаимную ненависть, подозрительность, неумение сотрудничать с другими странами и народами» (7%), «антироссийскую политику нынешнего руководства США (6%), «непримиримость национальных интересов двух стран, взаимное недоверие и непонимание» (6%). Только 3% не находят ничего, что отдаляет наши страны друг от друга.

Как видим, и в позитивных, и в негативных оценках США преобладают практически-политические и практически-экономические проблемы и методы. Причем на первом месте – сугубо актуальные обстоятельства (положительный – совместная борьба с терроризмом, отрицательный – стиль американской внешней политики). Весьма редко упоминаются национальные ценности, интересы, культурные факторы, а также ситуации, в которых ответственность отнесена к обеим странам (наследие холодной войны, недоверие, подозрительность). Общественное мнение, как обычно, фиксирует внимание на сиюминутном, не придавая значения причинам, историческим корням определенных отношений.

Присмотримся теперь к данным, показывающим, с какими представлениями связан образ США в общественном мнении России и Франции.

Таблица 2

«Какие слова, на Ваш взгляд, более всего подходят для описания Соединенных Штатов Америки?»
(% от числа опрошенных)

	Россия*		Франция**	
	место	%	место	%
Богатство	1	57	5	39
Прогресс	2	41	6	34
Могущество	3	39	2	66
Свобода	4	36	8	16
Насилие	5	20	1	67
Падение нравов	6	17	9	14

	Россия*		Франция**	
	место	%	место	%
Империализм	7	16	6	23
Неравенство	8	16	3	49
Расизм	9	12	4	42
Молодость	10	8	10-11	7
Наивность	11	4	10-11	7
Великодушные	12	3	12	4

Источник:

* опрос ВЦИОМа, август 2002 года;

** опрос Sofres, июнь 2000 года.

Получается, что в России заметно выше, чем во Франции оценивают *богатство, прогресс, свободу* в США. А французы гораздо больше внимания обращают на такие черты американской жизни как *насилие, могущество, неравенство, расизм, империализм*, а также *наивность*. Примерно одинаково часто в обеих странах отмечают «падение нравов» американцев. Таким образом, во Франции, общественные порядки которой не столь далеки от американских, значительно чаще выделяют те особенности США, которые представляются нежелательными⁶. Следует принять во внимание, что, по

⁶ Как отметил известный французский публицист Филипп Роже, «Франция, единственная из европейских стран, которая никогда не воевала с США, с давних пор имеет самый высокий в Европе уровень антиамериканизма»; автор полагает, что дело в особенностях интеллектуальной культуры французов (Esprit. 2002. Août-septembre. P. 176). Ср. также аналогичную трактовку проблемы в упомянутой статье Б. Дубина. Небольшой добавочный штришок: в августе 2002 года во Франции обнаружили только 3% опрошенных, желавших, чтобы США остались единственной сверхдержавой, а 91% сочли, что такой статус должна приобрести и Европа (в среднем по европейским странам соотношение мнений – 14:65) (Worldviews 2002 Survey of European Public Opinion & Foreign Policy, <http://www.worldviews.org>).

всем данным, во французском обществе остаются весьма влиятельными идеи социального равенства и справедливости. Для россиян же, как будто стремящихся позабыть собственное социалистическое прошлое, наиболее приметными оказываются те характеристики Америки, которые вызывают у них зависть. (Ведь по результатам опросов общественного мнения в России больше всего завидуют богатым...) А традиционные объекты советской критики США – неравенство, расизм, империализм – явно отошли на второй план в массовых представлениях об этой стране.

Согласно исследованию, проведенному во Франции в ноябре 2001 года, в целом 65% французов отметили, что они испытывают скорее симпатии к США, только 5% выразили антипатию, 29% не выразили ни тех, ни других чувств. Примечательно, что в этой стране симпатизируют Штатам скорее левые, чем правые, более всего рабочие и коммерсанты. По мнению французов, США играют скорее позитивную роль в развитии демократии и прав человека в мире, а также в снижении международной напряженности, но скорее отрицательную роль – в поисках решения израильско-палестинского конфликта и в экономическом развитии бедных стран (Sofres).

Вернемся, однако, ближе к обсуждаемой теме.

Вот как представляли американцы оценку населением других стран ответственности США за происшедшие события (см. *табл. 3*).

По данным опроса в шести европейских странах, проведенного в августе 2002 года, 55% европейцев сочли одним из поводов для теракта 11 сентября американскую внешнюю политику (Financial Times. 2002.4 September).

Таблица 3

«Согласны ли Вы с тем, что, по мнению многих людей, США сами несут ответственность за ненависть к ним, которая привела к террористическому нападению?»
(Pew Research Center Survey, 21-25 сентября 2001 года, % от числа опрошенных)

	В Западной Европе	На Ближнем Востоке
Да, так считают	38	59
Нет, так не считают	47	25
Затрудняюсь ответить	15	14

Чем объясняется столь широкое – даже по мнению американцев – распространение негативных установок в отношении США?

Западноевропейцев, исторически солидарных с США, раздражают расчет американских властей на использование собственного военного и экономического могущества, неумение вести осторожные политические игры, нежелание считаться с мнением и интересами других стран, вынужденность следовать в фарватере американской политики.

В бывшем *третьем мире* многим представляется, что Америка силой и давлением навязывает им непривычный образ жизни. Единственно существенный в этом мире религиозный фактор – исламский – дает идеологическую опору этим настроениям.

Наконец, *в России* к этим факторам добавляется горечь собственных поражений в стремлении к мировому величию, в попытке влиять на развивающиеся страны. К этому комплексу подавленности также добавляется вынужденное следование американской политике.

В мире достаточно велик ресурс взаимного недружелюбия, подозрительности, зависти и пр. (все эти характеристики межличностных отношений для отношений межгосударственных, межнациональных и т.п. – не более чем метафоры).

Но ни одна страна в современном мире, по крайней мере после окончания советско-американского противостояния, не может собрать такую массу и такое «качество» негативных отношений к себе, как США.

Проще всего, следуя неизжитым в массовом и социально-научном сознании рудиментам «классового подхода», представить себе, что движущей силой здесь является черная зависть бедных к богатым (самым богатым), слабых – к сильным (самым сильным), отсталых, «недомодернизованных» – к самым передовым и т.д. Но, насколько можно судить, в сентябрьских событиях, действовали (и аплодировали им) не самые бедные и отсталые. Возможно, здесь больше пригодилась бы не одномерная, линейная модель общественного развития (прогресса, модернизации), а что-то вроде модели столкновения разных способов или путей такого развития.

Но ссылка на «негативные оценки» слишком слаба, чтобы хоть как-то объяснить то чудовищно расчетливое и чудовищно бесчеловечное – по обычным меркам человеческой жизни – безумие, которое двигало «актерами» 11 сентября. Никакая «нелюбовь», никакая обида или ссора между людьми или народами не объясняет перехода поведения за «рамки», определяемые культурой, цивилизацией, обычным и писаным правом. Значит, действует некая совершенно иная система стандартов и норм. Вопрос в том, кто носитель этой, условно говоря, «контрцивилизации» – некая организованная замкнутая группа типа секты, партии, движения заговорщиков или «иная» половина человечества.

Другая сторона проблемы, о которой, по всей видимости, стали больше задумываться где-то к концу минувшего годичного периода, – содержание действий самой «американской силы» до и после сентябрьских событий. Исключительность положения США, объяснимая историей и современной мощью, заключается в том, что эта страна до недавнего времени (до Второй мировой войны) не участвовала в мировых делах, не имела своей внешней политики, а сейчас способна

действовать по известному принципу – наличие сверхсилы избавляет от необходимости осторожности, ловкости, маневра, соотнесения с другими, т.е. того, что обычно входит в понятие политического искусства. И уже потому способна плодить недоброжелателей, в том числе из числа партнеров и союзников.

И поэтому именно США оказались мишенью террористической атаки, направленной – если верить наиболее распространенным интерпретациям – против всей современной цивилизации или каких-то наиболее одиозных ее проявлений. Как и любая иная акция массового террора, удар 11 сентября был направлен, скорее всего, на то, чтобы посеять смятение и страх среди населения и элиты. А также на то, чтобы демонстративно унижить сильнейшую державу, показав миру ее уязвимость.

Спустя год

Развитие событий на протяжении года после 11 сентября позволяет проверить предположения о социальном значении сентябрьского теракта. Ожидания какого-то коренного поворота в мировых и общественных отношениях оказались ошибочными – и для положения США в мире, и для мировых «линий разлома» по осям «Восток – Запад» (теряющей значение) и «Север – Юг» (значение которой явно растет). Это относится и к отношениям России с Соединенными Штатами и всем «Западным миром». Но эти страны и «мир в целом», поскольку можно пользоваться таким термином, отнюдь не вернулись «на круги своя», т.е. к положению, существовавшему до «того» сентября. (Как известно, ничто в мире не движется «по кругу», никто и ничто не возвращается в исходную точку.) Если последствия пережитой встряски не всюду заметны сегодня, они могут стать видны позже, на каких-то следующих этапах, в иных формах.

В *Соединенных Штатах*, судя по опросам общественного

мнения, на уровне повседневной жизни сохранились повышенные опасения в отношении авиаперелетов, небоскребов, а также мигрантов, но в целом жизненные привычки и настроения вернулись к привычным стандартам. Исследования не показали возрастания роли религии или роста общей тревожности, хотя представления о большой вероятности новых террористических акций сохраняются – в октябре 2001 года этим были встревожены 43% населения, в сентябре 2002-го – 38% (Gallup Poll Analysis, и сентября 2002 года). Последнее, видимо, означает, что «актуальный» страх стать жертвой террора трансформировался в «потенциальный», в представление об отдаленной возможности события.

Особый узел проблем американской жизни – отношение к ограничению личных свобод при усилении мер общественной безопасности. Практика всякой «борьбы» понуждает к использованию чрезвычайных мер, вопрос в том, как они воспринимаются (и чем сдерживаются). Так, по мнению 53% опрошенных российских граждан, усиление мер безопасности и возможность большего вмешательства в частную жизнь со стороны властей не создают угрозы гражданским правам; 52% считают такое вмешательство допустимым. Отвечая на подобный вопрос, поставленный в США («Насколько беспокоит Вас то, что новые меры, направленные на борьбу с терроризмом, могут привести к ограничению наших личных свобод?»), 63% опрошенных американцев сообщили, что такое вмешательство их беспокоит, 35% – что не испытывают беспокойства (Associated Press Poll, 2-6 августа 2002 года). Согласно опросам в ряде европейских стран и США, проведенным в августе 2002 года, ограничения гражданских и личных свобод после и сентября ощущалось повсеместно, сильнее всего, естественно, в США, где это отметили 30% (Gallup Poll Analysis, 9 сентября 2002 года). В сентябре 2001 года ограничение некоторых гражданских свобод признавали необходимым 63% американцев (при 32% несогласных с

этим), в июне 2002-го – 49% против 45% (Gallup Poll Analysis, 11 сентября, 2002 года).

В отношении американцев к институтам государства, к президенту Дж. Бушу, ФБР и др. можно усмотреть такие феномены, как «символическое доверие» и «реальные оценки» (определенных действий) – известные по российским исследованиям последнего времени. Рейтинги президента (уровень одобрения деятельности), стремительно взлетевшие в сентябре 2001 года почти до 80%, за год опустились примерно до 65%, что означает все же чрезвычайно высокую поддержку населения. Понятно, что «взлет» показателей обусловлен не столько действиями, сколько позицией, декларацией решительного противостояния терроризму, импонировавшей общественным ожиданиям в чрезвычайной ситуации.

Между тем «реальные» оценки действий властей в противостоянии терроризму показывают скорее отрицательную динамику на протяжении года (после подъема, обусловленного, видимо, ходом событий в Афганистане). Ниже приводятся данные, полученные двумя американскими исследовательскими институтами.

Таблица 4

«Кто выигрывает в войне с терроризмом?»
(Gallup Poll, % от числа опрошенных)

	США	Никто	Террористы	Затрудняюсь ответить
Ноябрь 2001 года	53	33	11	3
Январь 2002 года	66	25	7	2
Май 2002 года	41	35	15	9
Август 2002 года	37	46	14	3

Таблица 5

**«Побеждают ли США и союзники в борьбе
против терроризма?»**

(Fox News/Opinion Dynamics Poll, % от числа опрошенных)

	Да	Нет	Не знаю
Октябрь 2001 года	47	32	21
Ноябрь 2001 года	67	15	18
Сентябрь 2002 года	36	43	21

Эти результаты сопоставимы с полученными в российских опросах ВЦИОМа. В августе 2002 года антитеррористическую операцию США и союзников считали успешной 24% россиян, неуспешной – 62%. Как можно предполагать, нарастание пессимистических оценок антитеррористической операции вызвано тем, что организаторы акции и сентября не обнаружены, сохраняются возможности для повторения подобных нападений; кроме того, в освобожденном от власти талибов Афганистане сохраняется неустойчивое положение. Лишь 15% американцев в августе 2002 года сочли войну против террористических организаций в Афганистане успешной, 12% – неудачной, а 70% сочли, что об этом «слишком рано говорить» (Pew Research Center Survey, 14-25 августа 2002 года).

В последнее время стали падать и общие показатели положения в США, которые отслеживаются по опросным данным. С июля 2002 года соотношение оценок общего курса страны стало преимущественно отрицательным. На такие показатели очевидно оказывают влияние также экономическое положение в стране, коррупционные скандалы и пр. В этих условиях для поддержания высокого уровня общественного доверия президенту приходится искать варианты демонстративно активных действий, по сути дела – символических. В определенной мере с этим связаны планы акций против иракского режима.

На уровне *национальной общности* США сохраняется, между тем, состояние символической патриотической мобилизованности (то, что называют там «равнением на флаг», rally around the flag). Этот традиционный для США общественный механизм сыграл важную роль в предотвращении массовой паники после 11 сентября, в организации сбора пожертвований, торжественно-траурных церемоний памяти погибших и др. 50% опрошенных в августе 2002 года сочли, что после 11 сентября «Америка изменилась к лучшему», 15% – что произошли изменения в худшую сторону, 28% – что на деле изменений не произошло (Associated Press Poll, 2-6 августа 2002 года). В том же ключе находится, по всей видимости, и распределение оценок действий различных структур в борьбе с терроризмом. В сентябре 2002 года действия президента Дж. Буша в этой области одобряли 75% опрошенных, конгресса – 67%, а «американского народа» – 85%. Символическое сплочение граждан служит основой символического авторитета президента.

Правда, и здесь в последнее время наблюдаются определенное ослабление эмоциональной мобилизации. В сентябре 2002 года 34% опрошенных американцев отмечали, что «чувства патриотизма и добрососедства» немного поблекли, 30% – что эти чувства поблекли в некоторой мере, 10% – что это произошло в значительной степени, 3% – что такие чувства исчезли совсем; и только 19% сочли, что никакого увядания этих чувств не произошло (Fox News Poll, 8-9 сентября 2002 года).

Предметом дискуссий остается вопрос о том, как повлияло развитие событий после 11 сентября на *российско-американские отношения*. Отмечая первую годовщину террористического нападения на США, политический обозреватель А. Тимофеевский утверждал: «За год, прошедший после 11 сентября, Россия продвинулась на Запад больше, чем за

последние сто лет...»⁷. Вряд ли можно подтвердить такой вывод какими-либо фактами. Колебания общественных настроений и тона массмедиа в течение года показали, что ни массовое население, ни элита, включая политическую и журналистскую, не готовы к серьезному повороту в отношениях с Америкой. Инерция противопоставления интересов вопреки всем декларациям на высших уровнях (а также и на уровне массовых опросов) слишком сильна, чтобы покончить со стереотипами холодной войны.

В декабре 2001 года 57% опрошенных россиян полагали, что отношения между Россией и США за последние месяцы улучшились (по мнению 28% – ухудшились); в июне 2002 года улучшение отношений после терактов в США усматривали 53% опрошенных, ухудшение – 36%. Между этими точками – провал февраля-марта 2002 года («олимпийский» скандал), когда отношения как будто опустились до точки замерзания и только 7% опрошенных отмечали сближение двух стран, а 34% – ухудшение отношений; 37% считали наши страны союзниками на мировой арене, а 38% – противниками (данные марта 2002 года). Если такие «загогулины» в оценках возможны, то до реальной близости – весьма и весьма далеко.

На первых порах, в начале американских действий в Афганистане, в России, при всех оговорках официальных источников и массмедиа, преобладало желание успеха операции. Сейчас явно доминируют другие чувства: опасения в отношении возможного усиления влияния США и своего рода злорадство по поводу того, что США увязнут в Афганистане или в Ираке примерно так, как это случилось с российскими/советскими силами в том же Афганистане, а потом в Чечне. Если всерьез принимать поспешно, без обоснования выдвинутый в сентябре 2001 года политический тезис об «общих интересах» противостояния новому терроризму,

⁷ Консерватор. 2002. 6-12 сентября. № 2.

нужно бы желать партнеру не провала, а продуманных и успешных действий.

Кстати, в американском общественном мнении оценка роли России в противодействии международному терроризму в последнее время заметно ухудшилась. В ноябре 2001 года 51% опрошенных американцев (против 32%) полагали, что Россия сделала «достаточно много» для содействия США в борьбе с терроризмом, а в сентябре 2002 года содействие России считали «достаточным» только 29%, недостаточным – 63% (Newsweek Poll).

Конечно, разного рода взаимные интересы и обмены, в том числе на индивидуальном уровне, шаг за шагом, вопреки всем конъюнктурным колебаниям, сближают страны. Если искать момент «решающего поворота», то его, скорее всего, стоит отнести к далекому 1989 году, все последующие сдвиги в этом направлении были попытками осуществить начатое тогда.

Не стали более тесными и простыми за год и отношения между США и *европейскими странами*. Сразу после событий сентября 2001 года было продемонстрировано единство западных стран против общей угрозы, но после этого «медового месяца» (выражение из аналитического доклада Sofres), все более явными становятся расхождения в оценках дальнейших действий, реакция на вынужденное следование предложенному США курсу. Так, даже в Англии проводимую премьером линию на полную поддержку американских действий поддерживает несколько более трети населения (MORI).

Что же касается стран *арабских и мусульманских*, то, насколько можно судить, их реакция на происходящее после и сентября значительно осложнилась. Политические (и военнополитические) элиты, связанные с западной экономикой, смогли как будто пригасить явные выражения массового антиамериканского протеста, большинство из этих стран осудило теракты и даже объявило о солидарности с США. В то

же время произошла резкая активизация действий боевых сил, выступающих под флагами исламского джихада в таких странах, как Израиль и Индия (Кашмир). Причем по отношению к Израилю стали использоваться организованные атаки террористов-камикадзе (аналогичные акты в Чечне носили, по-видимому, спонтанный характер).

Проблема современной и потенциальной роли ислама как неоднозначного фактора общественного развития на значительной части сегодняшнего мира, естественно, привлекает большое внимание аналитиков и самого общественного мнения. Судя по опросным данным и ряду публикаций, мнения о неизбежной связи мусульманства как такового с террористическими действиями и организациями не разделяются большинством опрошенных в западных странах (распределение мнений в Израиле может быть иным, но это особая проблема). Соответственно, политика в этих странах исходит из допущения, что радикально-воинственные группы и течения в мусульманском мире могут и должны быть отсечены от его более умеренных вариантов. Как утверждает известный французский исламовед О. Руа, «исламская радикализация и терроризм находятся на обочине мусульманского мира, как в географическом, так и в социологическом плане»⁸.

Согласно опросам, в декабре 2001 года 17% американцев полагали, что действия террористов исходят из учения ислама, но 72% видели в них «извращение ислама» (Newsweek Poll). Следующие данные показывают, как американцы представляли себе настроения мусульманского населения разных стран (см. *табл. б*).

Сразу после событий в США стала обсуждаться проблема отношения к арабам, в том числе живущим в Америке. 32% опрошенных в сентябре предлагали взять их под особый надзор, но подавляющее большинство, 62%, согласилось, что нельзя ставить под подозрение целые национальные группы

⁸ Esprit. 2002. Août-septembre. P. 73.

(Newsweek Poll, 13-14 сентября 2001 года). По данным более позднего опроса, 37% американцев сочли, что уровень доверия к арабам в стране снизился, 61% – что он не изменился (CNN/US Today/Gallup Poll, 8-9 марта 2002 года).

Таблица 6

«Кому, по Вашему мнению, симпатизируют...»

(Harris Poll, 19-25 сентября 2001 года,

% от числа опрошенных)

	США	Террористам	Никому	Не уверен
Американские мусульмане	76	11	3	10
Американские арабы	73	13	2	10
Правительства мусульманских стран	46	35	4	15
Мусульмане в других странах	42	38	3	17
Арабы на Ближнем Востоке	29	50	4	16

В то же время 48% американцев (против 30%) выразили беспокойство в связи с тем, что стремление правительства США опереться на «дружественные, но диктаторские» режимы на Ближнем Востоке может привести к росту поддержки исламских экстремистов среди «простых людей» в этих странах (Newsweek Poll, декабрь 2001 года).

Самая черная фантазия, взбудораженная событиями 11 сентября, – картина смертельной войны между неким условным «Югом» (бывший третий мир, развивающиеся страны во главе с агрессивными исламистами) против условного «Севера» (США плюс Европа, возможно, и Россия). В «западной» терминологии, это война прогрессивного или «цивилизованного» человечества против современного «варварства», в терминологии воинствующего мусульманства – война пра-

ведной «исламской цивилизации» против несправедной, безбожной и т.д. «иудеохристианской цивилизации». Согласно результатам опроса, угроза развязывания новой мировой войны (сразу после событий, в сентябре 2001 года) казалась реальной 41% москвичей. В массовом воображении наиболее вероятной представляется такая расстановка сил, в которой союзу США, России и других стран противостоит «мусульманский мир» (29%); на перспективу противостояния США и их союзников с мусульманскими странами без участия России указали 26% (данные ноября 2001 года). Примечательно, что вариант войны России с западным блоком как будто исчез из поля массового зрения.

Опасность новой «войны миров» отражается, хотя и заметно слабее, и в последних опросных данных (см. ниже). Материал для работы воображения в таком направлении, конечно, имеется, но это не повышает вероятности самого события. Можно вообразить очередную мировую схватку не как войну «окопную» или «танковую», по уже известным образцам, а как нескончаемую серию террористических актов нарастающей силы, направленных против наиболее развитых стран. Для того чтобы такая угроза стала реальной, требуется, среди прочего, существование некой хорошо организованной, сплоченной и могущественной боевой силы. До такого образца современному исламскому миру все же далеко.

Российское общественное мнение следующим образом оценило изменения ситуации за минувший год (см. *табл. 7*).

Спустя год после террористического нападения на США эмоциональные оценки происшедшего притупились, представления – рутинизировались, образ новых опасностей подобного масштаба в массовом сознании остался, но потускнел, отодвинулся на дальний план. Можно допустить, что, случись сегодня что-либо подобное, его восприятие в разных странах и на разных уровнях оказалось бы значительно менее тревожным. «Привычка свыше нам дана» – даже по отношению к самым чудовищным событиям. Но причины «тех» со-

бытий сохранились, как и люди, организации, массовые страсти, к ним причастные, а также им противостоящие. На уровне глубинных факторов, корней, противостояние может быть лишь долгим и трудным. Фигурально выражаясь, «последний бой», Армагеддон образца XXI века, оказывается растянутым во времени, причем это время не политических акций, а скорее цивилизационных периодов.

Таблица 7

**«Как Вам кажется, за время,
прошедшее с 11 сентября 2001 года...»**
(Август 2002 года, N = 1600 человек,
% от числа опрошенных)

<i>Россия и Соединенные Штаты стали</i>	
ближе друг к другу	35
ни ближе, ни дальше	53
дальше друг от друга	6
<i>Страны мира</i>	
сплотились перед угрозой мирового терроризма	34
единства не удалось достичь	47
отдалились друг от друга	8
<i>Угроза подобных террористических актов</i>	
уменьшилась	12
не изменилась	50
увеличилась	31
<i>Опасность новой мировой войны</i>	
уменьшилась	16
не изменилась	46
увеличилась	27

Подытоживая приведенные выше данные и предположения, можно сказать, что события 11 сентября 2001 года обозначили новую опасность, грозящую человечеству. Минувший после этих событий год приковал внимание политиков и аналитиков к ряду проблем, которые ранее часто недооцени-

вались или считались локальными, преходящими. Но все конкретные действия, предпринятые или начатые кем бы то ни было за это время, равно как и многочисленные политические декларации, касались лишь видимой «верхушки айсберга», почти не затрагивая его основания, т.е. причин и истоков наблюдаемых событий.

К тому же такое направление действий, как заявленное на уровне политического руководства России сплочение «цивилизированных сил» против «современного варварства» – принципиально важное для развития положения в мире, в частности, для преодоления внутренней и внешней изолированности России от мировых процессов, – было лишь обозначено, но далеко не реализовано. Иного, скорее всего, произойти не могло – при наличных политических и общественных предпосылках, при данном раскладе действующих на отечественной и мировой арене сил. Проблемы цивилизационного уровня не могут преодолеваться никакими политическими или военно-политическими и тому подобными акциями, да и требуемые для этого сроки превосходят время политических расчетов и даже политического воображения. Тем более важно попытаться перенести подобную проблематику в поле социально-научного анализа.

«Конфликт цивилизаций»?

Одним из следствий шока 11 сентября явилось оживление интереса массмедиа и околонаучной литературы к понятиям «цивилизаций», «миров» – никогда и никем не разработанных до научной убедительности и ясности, принадлежащих скорее словарю социально-исторической публицистики. Не разбирая соответствующие дефиниции, ограничусь тем «рабочим» уровнем определенности, который кажется достаточным для интересующего нас анализа «лавиновых» процессов в мировом сообществе, наглядно обнаруженных в «пост-сентябрьский» год. Цивилизационные феномены, как они

видны в современном социологическом анализе, – это некоторая устойчивая обособленность установок, стереотипов, ценностных и поведенческих норм, характерных для сообществ, сформировавшаяся в различных социально-исторических условиях, в рамках различных религиозных, этических, государственных образований. Разделяющие рамки, очевидно, можно трактовать по разным основаниям, используя различные масштабы, оптику и пр. В соответствующих (практически-релятивистских) контекстах правомерным может быть сопоставление «восточной» и «западной» цивилизации, «христианской (или иудеохристианской)» и «мусульманской», «индуистской» и др., античной и средневековой и т.д. Жесткие и абсолютизированные деления, предлагавшиеся, например, А. Тойнби, относятся к теоретически реконструированному историческому прошлому. Только в такой ретроспективной исторической модели и можно обнаружить обособленно существующие цивилизационные структуры.

Сегодня же мы наблюдаем и переживаем совершенно иной феномен – взаимодействие людей и групп из давно расколотых, утративших замкнутость цивилизационных образований, захваченных модернизационными процессами на различных фазах (и, как представляется, на различных «линиях», путях развития). Это взаимодействие, как показал минувший век, весьма сложно, противоречиво, взрывоопасно, возможно даже, смертельно опасно не только для «либерального» проекта человечества, но и для самого существования последнего. Сталкиваются интересы, привычные нормы и ценности «старожилов» современного мира и «новоприбывших», стремящихся (а точнее, вынужденных) приобщаться к результатам (благам, инструментам, нормам, ограничениям) этого мира, не пройдя многовековой исторической «подготовительной школы». Самые тяжелые конфликты ценностей и претензий складываются – на протяжении примерно столетия – у «порога» современного мира. Оговорюсь еще раз: различия «старых» и «новоприбывших» его обитателей –

условны, подвижны; под определенным углом зрения к числу «новоприбывших» относится не только бывшая сфера европейской колонизации, но и Россия, и ряд других европеизированных стран. Как условен и образ «порога», каких-то врат современности. Даже ООН, воплощающая стандарт образцово-универсального политического сознания, выдает «аттестат зрелости» (гражданской, цивилизационной) странам, находящимся на разных путях и фазах модернизации.

Последний термин далеко не столь ясен, как казалось сторонникам моделей универсального прогресса. Модернизация иногда представляется некоторой универсальной осью, с которой соотносятся изменения в экономической, социальной, технической, коммуникативной, межличностной и прочих сферах во всем мире примерно за два-три последних столетия. Но модель такой оси не обязательно предполагает «однолинейность» реальных процессов изменений, возможность сопоставления различных стран, обществ, институтов с помощью какой-то единой меры, универсального индикатора. Можно ведь представить себе, что различные страны и общества *разными путями*, в разных исторических, политических, религиозных и прочих обстоятельствах, даже в разном порядке осваивают институциональные характеристики модернизации. Ни «технического», ни «экономического» детерминизма в глобальном масштабе не существует, поскольку инструментальные и консуматорные (конечные, потребляемые) блага оказываются доступными на разных уровнях развития – скажем, как ракетно-ядерное вооружение в Китае или экономические блага и банковская система в Саудовской Аравии и т.д. Разумеется, это возможно только потому, что никакие пути трансформаций, как бы своеобразны они ни были, не могут быть обособленными друг от друга. Как раз на их *пересечении* возникают самые острые проблемы современности, вплоть до воображаемой «войны миров»; по-видимому, в этом котле и оформились те заряды напряженности, претензий, ненависти, которые вырвались наружу

11 сентября. Кто бы ни были исполнители или организаторы террористической акции, за их спинами – не просто зависть и ненависть «бедных», обращенная против «богатых», а скорее претензии «новопришедших» к «уже устроившимся», облаченные в полевую форму религиозного фанатизма.

В известной книге С. Хантингтона неоднократно повторяется тезис о двух типах модернизации – «западной» и «незападной»⁹. Нынешнее «исламское восстание» (resurgence), по мнению автора, означает «принятие модерности, отрицание западной культуры и новое обращение к исламу как руководству к жизни»¹⁰. Тезис представляется плодотворным, это, видимо, наиболее интересная позиция в книге, хотя дихотомия «Запад – не-Запад» слишком упрощает проблему. В нее не укладываются ни «тоталитарная» модернизация в советском, китайском, германском, итальянском и других вариантах, ни разнообразие «исламской» модернизации, например, в Иране, Эмиратах, Магрибе и т.д. Представление о различных типах модернизации нуждается в обстоятельной разработке.

Различные страны и сообщества могут приобщаться к современной цивилизационной модели, в принципе, потому, что эта модель универсальна, точнее, может служить универсальной «шапкой» для разных типов общества. Это не особая цивилизация, типологически сопоставимая с рядом других, а «суперцивилизация», накладывающая свои институты на разные основы и варианты. На первых порах и до сего времени она выглядит не как единство, а лишь как взаимосвязь различных социальных структур (как бы «интерцивилизация»).

В конце XIX – начале XX века весьма острой была про-

⁹ «Модернизация не обязательно означает вестернизацию... Модернизация укрепляет (незападные) культуры и уменьшает относительную мощь Запада. В принципе мир становится более современным и менее западным» (Huntington S.P. The Clash of Civilization and the Remaking of World Order. N.Y., 1997. P. 78).

¹⁰ Ibid. P. 109-110.

блема инкорпорации в европейско-американское общество рабочих; существовали опасения (или надежды) относительно того, что этот слой, на лидерство в котором претендовали революционные террористы – анархисты и другие крайне левые, – может взорвать общество. На протяжении столетия эта проблема была решена. Сто лет спустя еще большую остроту приобрела проблема эффективной инкорпорации в общество (в мировом масштабе, т.е. в сообщество развитых цивилизованных стран) бывшего третьего мира. Возможно, для ее успешного решения – если считать его возможным – потребуется более одного столетия. С проявлениями этой проблемы, как представляется, столкнулся мир 11 сентября 2001 года.

УРОКИ «АТИПИЧНОЙ» СИТУАЦИИ

Попытка социологического анализа

«Открытый перелом» социальных структур как аналитическая ситуация

Давно известно, что в условиях глубоких общественных кризисов скрытые механизмы и пружины социальных процессов как бы приобретают прозрачность, становятся более доступными для исследования. Это вновь подтверждает развитие ситуации вокруг Ирака весной 2003 года, по-разному затронувшее структуры политических отношений и общественного мнения в мировом масштабе, в ряде регионов и стран. Понятно, что в данном случае нас интересуют прежде всего происходящие и вероятные сдвиги в неустойчивом распределении установок российского политического сознания и общественного мнения. Как показывают, в частности, данные опросов последних месяцев, кризис стимулировал в России сложную цепную реакцию переосмысления и переоценки многих массовых симпатий и антипатий. При этом на поверхности общественного мнения в наглядном, развернутом виде часто выражаются скрытые «под ковром» коллизии, свойственные официальным институтам или структурам. Правда, выражение это часто получается довольно сложным, запутанным, что весьма поучительно как для оценки «момента», так и для понимания самого механизма действия общественного мнения, причем не только в наших условиях.

Масштабы кризиса во времени и в пространстве

Нетрудно заметить, что третье столетие подряд начинается с попытки нового передела общемировых – в разных рамках – политических отношений. В начале XIX века – это были наполеоновские войны, определившие облик европейской

политической модернизации примерно на столетие. В начале XX – мировая война и последовавшие за ней катаклизмы, одним из главных результатов которых явился выход на пути модернизации неевропейских стран. Кризис, обозначенный террористической акцией 11 сентября 2001 года в США и продолженный развитием ситуации вокруг Ирака в 2003 году, возможно, определит расстановку сил и линий мировой напряженности на XXI век.

Как это бывает обычно, параметры социальных событий как во времени, так и в пространстве не могут ограничиваться непосредственными последствиями, намерениями участников, региональными масштабами конкретного конфликта и т.п. Определяющим служит значение событий, их место в процессах более широкого плана. В данном случае такими параметрами служат *историческое время и общемировое, глобальное пространство.*

«Широкие» хронологические рамки нынешнего политического кризиса – это время вынужденного пересмотра той системы мировых связей, которая сложилась после Второй мировой войны и распада колониальной системы, более «узкие» (и отчасти более случайные, субъективные) – предпосылки и последствия террористической атаки 11 сентября 2001 года в США. (Последствия другого перелома второй половины XX века – распада социалистической системы – в этой ситуации остаются на втором плане и особой роли не играют.) Как бы ни оценивать американские действия по отношению к Ираку в плане их оправданности, продуманности, успешности и пр., несомненно, что они разрывают привычную для второй половины прошлого столетия – а потому казавшуюся прочной, хотя бы символически, для общественно-мнения – международно-нормативную систему, которую воплощали известные правила большинства и единогласия в институтах ООН, воплощавших привилегии держав-победительниц в мировой войне и равноправие «массы» деколонизированных стран.

Процессы политической деколонизации XX века вывели на мировую арену страны так называемой «неевропейской» (вторичной) модернизации, т.е. получившие доступ к «чужим» техническим, экономическим, информационным, мобилизационным и прочим средствам современного мира, обладающие громадным демографическим потенциалом и природными ресурсами, – но не прошедшие собственного пути политической, гражданской, личностной модернизации, не имеющие современных гражданских структур. Средством самоутверждения амбициозных режимов (псевдотрадиционных или демонстративно-революционных, националистических, квазитоталитарных по организации, часто также социалистических по лозунгам) оказываются мобилизация завистливой мести по отношению к спокойно-благополучному «Западу». В результате возникает новый раскол мира, – возможно, значительно более глубокий и опасный, чем пресловутое противостояние «двух систем» в 50-80-х годах XX века.

Если пользоваться терминологией А. Тойнби, удар 11 сентября можно назвать знаком «вызова» устаревшему мировому порядку, последующие действия США и «коалиции» (переменного состава) – поисками «ответа» на этот вызов. Но это, конечно, всего лишь условная, обобщенная схема процессов, которые, по-видимому, лежат в основе наблюдаемых акций и их восприятия в политическом и массовом сознании. Этого круга проблем приходилось касаться на предыдущем витке событий¹. Тогда речь шла о восприятии общественным мнением, в том числе российским, всемирной «антитеррористической коалиции», – которой суждено было остаться преимущественно символическим феноменом. Сейчас в повестке дня иная расстановка сил, хотя общее направление действий остается прежним.

¹ См. статью «Отложенный Армагеддон? Год после 11 сентября в общественном мнении России и мира» в настоящей книге.

«Географические» масштабы кризиса далеко выходят за пределы группы стран, непосредственно в него вовлеченных, или отдельного «горячего» региона. Под влиянием кризиса неизбежно оказывается вся система межгосударственных и межрегиональных отношений в современном мире, система стереотипов политического и массового сознания в различных его углах, а также система действующих в этих отношениях и в общественном мнении нормативно-ценностных представлений, «правил игры». В «огне» иракского конфликта сгорает и мелькнувшее было осенью 2001 года противопоставление «антитеррористического альянса» цивилизованных стран обезумевшим «противникам цивилизации», но также и единство самого образа «Запада» (даже Европы, даже НАТО внутри этого «Запада»), не говоря уже о недолговечной близости России и США. И никакие из этих разрывов, расколов, коллизий нельзя свести к случайным – и потому довольно легко исправимым с помощью дипломатических маневров, косметических компромиссов и т.п. – недоразумениям или ошибкам недалководных политиков; даже удачные попытки «замазать трещины» не способны их ликвидировать. Реанимировать «привычную» («ооновскую» или «натовскую») систему мировых альянсов – или заменить их новыми – вряд ли удастся, поскольку таких мощных стимуляторов, как противостояние времен мировой и холодной войн, нет. А сугубо утилитарные коалиции «слабых» вокруг «сильного», возникающие в противовес неэффективным старым альянсам, в порядке вознаграждения за поддержку и т.п., – лишь стимулируют переоценку последних.

Поэтому завязавшийся вокруг Ирака кризисный узел сказывается на внутривнутриполитической ситуации в США, на отношениях США с их старыми и новыми союзниками в Европе и Азии, на европейско-американском соперничестве, на перспективах мирового влияния Китая, на внутриарабских альянсах и коллизиях и пр. А в России под сильнейшим влиянием иракского кризиса оказываются не только внешнеполити-

ческие и внешнеэкономические ориентации государства, но и политическое самоопределение власти, механизмы массовой мобилизации, – и, конечно, чеченский узел. На восприятии этой группы проблем в российском общественном мнении мы остановимся несколько позже.

Мораль и прагматика, политика и наука: разница позиций

В политическом сознании – в том числе и российском – после падения иракского режима наблюдаются признаки явного поворота от нормативных (моральных, международно-правовых) оценок американских действий в Ираке к инструментальным (прагматически-политическим): признание свершившихся фактов, осторожное полуодобрение – в рамках демонстративного сохранения «стратегического партнерства» и уже сугубо прагматического стремления использовать результаты чужих побед. Стоит заметить, что до сих пор слабее всего сказываются подобные сдвиги в общественном мнении, которое вновь демонстрирует качества инертности, стабильности устоявшихся установок, а также – что не менее важно – стабильности однажды принятого (или навязанного массмедиа) угла зрения. Так, если в апреле 2003 года резко изменились содержание и тон официальных реакций на события со стороны президента и правительства России, а в определенной мере и со стороны российских СМИ, то массовые установки в отношении США и их действий стали еще более жестко-негативными, перелом в настроениях обозначился только к концу мая. Между тем представляется важным, что наблюдаемый на уровне официальной политики сдвиг – это не столько переоценка, изменение мнений или критериев суждения о происходящих процессах, сколько *«прагматическое» изменение самой «точки» зрения, позиции наблюдателя.* А именно переход от суждений о нормативной (или ситуативной) оправданности/неоправданности амери-

канской акции к признанию ее как свершившегося факта и попыткам сориентироваться в новой ситуации. Из поля мирового политического внимания как бы разом выпали вопросы о том, насколько опасным был иракский режим, имелось ли у него на самом деле искомое оружие массового поражения и т.п.

Было бы совершенной нелепостью упрекать каких бы то ни было политиков в «прагматичности»: политическая деятельность *всегда* по природе своей прагматична, т.е. ориентирована на решение узкопрактических задач в хронологических рамках текущих интересов или данного электорального цикла. «Правильность» всякой политики, тем более международной, измеряется ее (предполагаемыми или реальными) успехами, а не соблюдением «правил».

Необходимая, хотя и недостаточная, предпосылка научного, социологического анализа – отказ как от морализации, так и от прагматизма в подходе к социальным феноменам. Обличения, оправдания, оценка успехов и поражений – неизбежны, правомерны в рамках морали, политики, просто эмоционально нагруженного человеческого восприятия событий и действий. Но жребий науки, по определению Спинозы, состоит в том, чтобы *понимать*. В данной ситуации и ей подобных это значит понимать *социальный механизм* событий и их *социальное значение*. Возможно, когда-нибудь историки, биографы, психологи смогут представить всю цепочку намерений, переживаний и поступков, связанных с ними крупных и мелких расчетов, амбиций, страстей, которая вела Дж. Буша-младшего и его команду от 11 сентября 2001 года к афганской операции, а от нее к иракской. Социологическая задача – принципиально иная: выяснить, как сработал запущенный «социальный маховик», к каким социально значимым сдвигам в общественной жизни и общественном сознании это привело. Здесь мы, упрощенно говоря, переходим от представлений об окказиональных и ситуативных факторах, сыгравших роль неких «перволочков» в цепи событий, – к

пониманию реально возможных и реально значимых перемен различного социального масштаба и уровня.

Проблема масштаба событий вновь приводит к различию политического и социологического подходов. Политическое «зрение» ограничено рамками определенной, в какой-то мере желаемой или планируемой операции (например, низвержение или утверждение режима), социологическое обязано принимать во внимание дальние и сложные последствия. Политика измеряет успех и «цену» операции, соотнося замыслы с ближайшим результатом, в лучшем случае учитывая непосредственные потери «в живой силе и технике», как писали в военных сводках. С позиций социологических важно принимать во внимание и отдаленные последствия, и косвенные, накопленные потери. Успех или неуспех определенной операции не обеспечивает победы в «войне» социально-исторического масштаба, относительная легкость успеха операции (нередко говорящая лишь о слабости одной из сторон) ни в какой мере не гарантирует закрепления достигнутого. В политике, как и в общественном мнении («своем»), победителей не судят; в истории – судят, а в социологическом анализе все это требуется понимать. Мировая, российская и недавняя история предоставляют неограниченный материал для размышлений в этом направлении.

Чем бы ни объяснялась поразительная легкость падения режима Саддама Хусейна (устрашение, сговор, комбинация того и другого), она очевидно показывает принципиальную слабость революционно-диктаторских режимов «восточного» типа по сравнению с традиционными или консервативно-диктаторскими режимами (Иран, Афганистан...), т.е. с режимами, уходящими корнями в исторически устоявшиеся социальные структуры. Слабыми, даже чисто демонстративными оказываются механизмы персонификации власти и массовой воинственно-политической мобилизации населения, которыми настойчиво пугали телезрителей в разных странах. Весьма показателен чуть ли не моментальный переход («пере-

ключение») массовых настроений от показной восторженной лояльности режиму и вождю к столь же показному отрицанию всех этих символов – и (уже реальному) массовому растаскиванию казенного имущества. Это еще раз подтверждает, что под современные политические («культовые») пирамиды заложен основательный заряд лицемерия, лукавства, оруэлловского «двоемыслия».

Стремительность падения режима сама по себе не облегчает установления европейских образцов государственности и демократии. «Освободить», в принципе, можно лишь того, кто уже *был* свободным, кто *желает и умеет* им быть. Применительно к обществу, стране это означает наличие институциональных, в том числе и личностных, предпосылок гражданских, политических, экономических свобод. При отсутствии таковых крушение определенной системы господства приводит поначалу к утверждению иного ее варианта, часто еще более деспотичного, клерикального, патерналистского, националистического, децентрализованного, архаичного и т.п. История дает множество примеров таких сдвигов, когда падение относительно новой или навязанной верхушки приводит к активизации и выдвигению на первый план более древнего «субстрата» общества. Стоит вспомнить опыт постсоветского развития в странах Центральной Азии или пример избавленного от власти талибов Афганистана, а также уроки бесчисленных переворотов в новых африканских странах. Неадекватны встречающиеся иногда ссылки на эффект послевоенных трансформаций в Германии или Японии: первая до нацизма прошла довольно длительный и серьезный путь либерального развития, во второй имелись исторические предпосылки индивидуализма и либерализма. Не менее важно и то, что «демократической оккупации» в этих странах предшествовало тягчайшее поражение в многолетней тотальной войне, разрушившее социально-политические институты и, по меньшей мере, подорвавшее господствовавшую систему политических ценностей и авторитетов.

Уроки нынешних структурных переделов в Ираке несомненно имеют и «обратную силу» для понимания процессов в послевоенной (после Второй мировой войны), постколониальной и постсоветской ситуациях.

«Российский фронт» далекой войны

Все развитие событий вокруг иракского узла оказывается весьма болезненным и чреватым трудными последствиями для России. Если оставить в стороне сугубо экономические аспекты (нефть, цены, долги и пр.), то можно выделить такие основные области: невиданно резкий рост антиамериканских настроений, фактический распад «контртеррористической коалиции» образца сентября 2001 года, а в связи с этим – вынужденная переоценка положения в Чечне. В более широком плане, за пределами региональных «восточных» рамок, последствия, возможно, еще более серьезны, поскольку поставленная под сомнение – если не опрокинута – система международных договорных отношений, сформированных после 1945 года (ООН, НАТО, Хельсинки и др.), в частности, хотя бы номинально определяла место России в мировых структурах. Все эти сдвиги неизбежно оказывают влияние на многие стороны внутрироссийских процессов, в том числе – на факторы национальной идентификации, мобилизации, оценки власти и ее носителей.

Излишне пояснять, что в данном случае нас интересует только та сторона «российского фронта» событий, которая выражена в общественном мнении и доступна для изучения с помощью анализа опросных данных.

Отношения с США и «новый» антиамериканизм

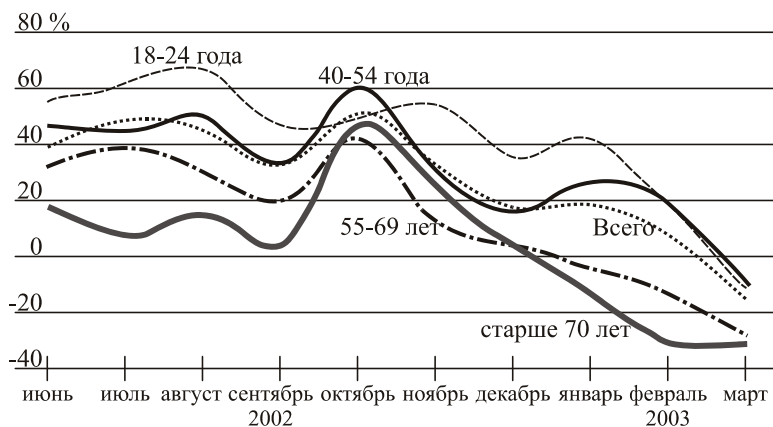
Никогда еще за время наблюдений (с 1992 года) индекс отношений к США в российском общественном мнении не опускался столь низко: если в апреле 1999 года (югославский

кризис) разность позитивных и негативных оценок составляла -17, в апреле 2003-го она достигла -38. Правда, в обоих случаях резкое падение показателей оказалось недолгим. На рисунках 1 и 2 отражена динамика компонентов названного индекса – по возрастным группам (рис. 1) и по уровню образования респондентов (рис. 2).

Рисунок 1

Индекс отношения к США по возрастным группам, 2002-2003

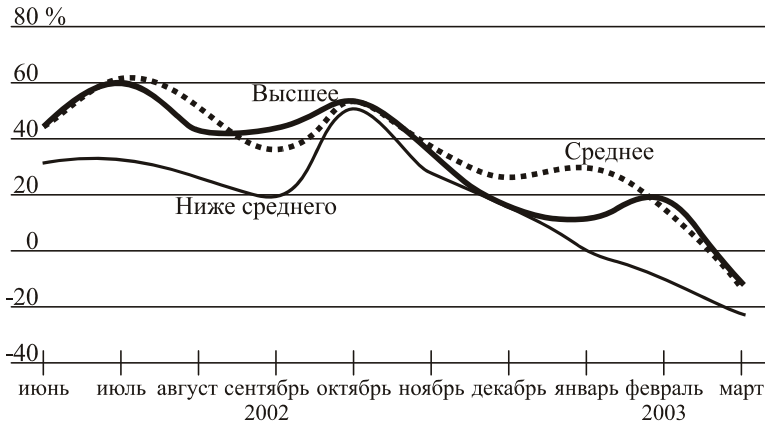
(разность между числом опрошенных, выбравших позитивные и негативные суждения, N = 1600 человек, %)

Как видим, за последний год наблюдались два момента предельной консолидации оценок США в выделенных социальных группах: наиболее *позитивная* – после событий на Дубровке (апелляция к контртеррористической коалиции на пике античеченских настроений) и наиболее *негативная* – как реакция на американские акции в Ираке. В обеих точках разница позиций молодых и пожилых, в разной мере образованных становится минимальной.

Индекс отношения к США по образовательным группам, 2002-2003

(разность между числом опрошенных, выбравших позитивные и негативные суждения, N = 1600 человек, %)

Негативные оценки США возобладали во всех без исключения возрастных, образовательных, политических группах. В качестве примера достаточно привести распределение мнений в партийных электоратах в момент наибольшего обострения антиамериканских настроений в обществе (см. табл. 1).

Прежде всего бросается в глаза весьма низкий уровень дифференциации позиций сторонников различных партий (особенно если оставить в стороне избирателей КПРФ). Как ни странно, наименьший уровень антиамериканских настроений (см. столбец индексов) показывают отнюдь не демократы, а сторонники В. Жириновского, – вероятно, менее отягощенные морально-политическими установками и привычно поддающиеся циничной демагогии лидера.

Таблица 1

«Как Вы в целом относитесь к США?»

(Апрель 2003 года. N = 1600 человек, % от числа опрошенных в каждой электоральной группе)

	Хорошо*	Плохо**	Индекс***
КПРФ	19	55	-36
«Единая Россия»	30	68	-38
СПС	35	62	-27
«Яблоко»	34	64	-30
ЛДПР	39	57	-18
Всего	27	66	-39

* Сумма ответов «очень хорошо» и скорее хорошо».

** Сумма ответов «скорее плохо» и «очень плохо».

*** Разность между позитивными и негативными оценками.

Показательно, что военная операция США в Ираке вызвала «возмущение, негодование» у 89% избирателей КПРФ, 91% – «Единой России», 89% – СПС, 86% – «Яблока» и опять-таки менее всего – у 70% сторонников ЛДПР. Среди «западников» (высказывающихся за укрепление связей со странами Запада) такие настроения разделили 84%, а среди «антизападников» (за дистанцирование от Запада) – 85% (март 2003 года, N = 1600 человек). Последние данные допускают двойное толкование: то ли это признак слабости, декларативности нашего отечественного «западничества», которое в критической ситуации склоняет голову перед патриотическими настроениями, то ли – что было бы весьма важно – признак того, что общественное мнение учится отделять оценки конкретной *политики* (в данном случае политики американского руководства) от оценок «западной» системы, образа жизни, цивилизации. Возможно, обе трактовки имеют смысл.

Поразительная близость позиций всех электоратов, должно быть, означает не результат некой «новой консолидации»,

а скорее изначальное отсутствие реальной идейно-политической структурированности и дифференциации в российском обществе. «Негативная» идентификация разнородных массовых сил («все против...») – не *результат* какого-то достигнутого согласия, а исходная *предпосылка* слабости политических структур. Иначе, вероятно, обстоит дело в партийных верхах, которые формулируют различные доводы в пользу своих позиций, объясняя антиамериканский уклон международно-правовыми и нравственными нормами и угрозой российским национальным интересам (более прагматический вариант – угрозой экспорту нефти и т.п.). Основу видимого сегодня «антиамериканского» единодушия подавляющего большинства российского общества следует видеть, разумеется, в истоках всего современного идеологического комплекса – глубочайшем переживании «державной» обиды (комплексе «державной» неполноценности), равно доминирующем над всеми вариантами отечественного массового сознания. Этим оно принципиально отлично, например, от массового самоопределения таких новых демократий, как Польша, Венгрия, Болгария, которые ищут опору и защиту своего положения в покровительстве сильнейшего, т.е. США. И тем более – от установок «неамериканского» Запада (Франции и др.), с переменным успехом стремящегося конкурировать с могущественным партнером.

Распределение мнений о действиях российских властей (в апреле, т.е. в пиковый момент напряженности общественных настроений) видно из следующей таблицы.

Очень малая доля опрошенных была склонна, идя «против течения», выступать за поддержку американской операции. Массовое (скорее символическое) давление на власть шло практически с одной стороны и выражалось в требовании более решительного противостояния американским действиям. Нарушителем единодушия выступил президент, которому пришлось в первую очередь считаться с реалиями внешнеполитического и внешнеэкономического положения

страны (и собственного имиджа в мире). Возникла непривычная для российского общества, но весьма важная для его перспектив коллизия между возмущенными настроениями (не только массовыми, но и элитарно-политическими) и «государственным» прагматизмом.

Таблица 2

**Оценки действий руководства России
в иракском конфликте**

(Апрель 2003 года, N = 1600 человек, % от числа опрошенных
в каждой электоральной группе)

	Разумные, правиль- ные	Решитель- нее против США	Поддер- жать США	Затруд- нились ответить
Всего	45	38	3	14
КПРФ	46	45	3	7
«Единая Россия»	47	35	2	16
СПС	60	28	4	8
«Яблоко»	50	30	13	7
ЛДПР	44	38	6	12

Обратимся к динамике показателей оценок действий США (см. табл. 3). Изменения на протяжении насыщенного событиями месяца – минимальны. Ни падение Багдада и иракского режима, ни примирительные заявления В. Путина относительно необходимости сохранения партнерства с США (и последовавшее после этого некоторое изменение тона российских СМИ) в апреле-мае не оказали заметного влияния на общественные настроения в России. В этом можно видеть некую «инерцию» общественного мнения, сохраняющего свои позиции без учета сдвигов в политике правящей элиты. При этом «инерция падения» (оценок США) оказывается значительно сильнее «инерции стабильности» (сохранения характерного для последнего времени распределения оценок). Вряд ли такие особенности можно объяснить

соотношением эмоциональных и рациональных факторов в соответствующих суждениях, т.е. «ударным» влиянием непосредственных переживаний. Любые, даже самые резкие массовые эмоциональные реакции формируются в рамках существующих в общественном мнении стереотипов, поэтому в наблюдаемой готовности всех слоев общества поддаться настроениям озлобленности и враждебности по отношению к США можно видеть признак того, что соответствующие стереотипы доминируют над стереотипами дружелюбия и взаимопонимания.

Таблица 3

«С какими чувствами Вы относитесь к военной кампании США в Ираке?»

(2003, N = 1600 человек, % от числа опрошенных)

	Март	Апрель
С одобрением	2	3
С возмущением, негодованием	83	80
Ни одобрения, ни возмущения	9	11
Недостаточно знаю об этом	5	4
Затрудняюсь ответить	2	2

Таблица 4

«Определения, которые в наибольшей степени подходят для США»

(N = 1600 человек, % от числа опрошенных)

	2001, ноябрь	2003, апрель
Богатая страна	61	48
Стремится прибрать к рукам все богатства мира	40	61
Сильная военная держава	51	43
Бесцеремонно вмешивается в дела других стран, навязывает им свои порядки и ценности	51	61

Продолжение табл. 4

	2001, ноябрь	2003, апрель
Демократическая страна	19	10
Страна социального неравенства, эксплуатации	8	5
Лидер мирового научного и технического прогресса	17	11
Насаждает погоню за наживой, низменные вкусы, безнравственность	15	18
Союзник России в борьбе с угрозой мирового терроризма	17	10
Поддерживает реакционные режимы и терроризм в разных странах	4	5
Гарант мира на всей Земле	3	1
Злейший враг народов развивающихся стран	11	15
Главный военный и политический противник России	18	17
Затрудняюсь ответить	2	1

Образ США в российском массовом сознании в ноябре 2001 года явно определялся атмосферой начала операции в Афганистане, в апреле 2003-го – впечатлениями после окончания прямых военных действий в Ираке.

Как видим, «негативные» признаки упоминаются заметно – хотя и в разной мере – чаще, а «позитивные» – реже. Но в наибольшей мере выросли только два показателя: опасения относительно стремления США «прибрать к рукам все богатства мира» и упреки во вмешательстве в чужие дела, т.е. преимущественно *ситуативные* оценки, связанные с политической конъюнктурой момента. Негативная волна накрывает также как будто безоценочные позиции (богатая страна, сильная держава, демократическая страна, лидер научно-технического прогресса...), но мало задевает «классовые» ха-

рактеристики (неравенство, эксплуатация, погоня за наживой; в электорате КПРФ лишь 7% в 2003 году обращают внимание на социальное неравенство, эксплуатацию в США, в электоратах «Единой России» и СПС также по 7%). Резко упала поддержка официального тезиса о союзнике в борьбе с «мировым терроризмом», но – что весьма примечательно – не возросла доля считающих США «главным противником» России.

Стоит отметить, что общественное мнение даже в пароксизме антиамериканских настроений как бы само себя сдерживает: во-первых, представлениями о необходимости сближения со странами Запада (такую позицию поддержали 78% опрошенных в марте, в том числе 72% сторонников КПРФ и 78% из возмущенных американскими действиями), а во-вторых, надеждами на то, что «все будет спущено на тормозах» и российско-американские отношения со временем вернуться к докризисному состоянию. Не лишено интереса сопоставление таких надежд в момент югославского кризиса и сейчас.

Таблица 5

«Что нас ждет в отношениях с США после кризиса?»

(N = 1600 человек, % от числа опрошенных в соответствующей группе)

	1999, апрель	2003, март
Из числа тех, кто хорошо относится к США*		
Рост напряженности	25	23
Все будет «спущено на тормозах»	58	60
Из числа тех, кто плохо относится к США**		
Рост напряженности	38	33
Все будет «спущено на тормозах»	39	49
Всего		
Рост напряженности	32	28
Все будет «спущено на тормозах»	45	53

* Сумма ответов «очень хорошо» и «в основном хорошо».

** Сумма ответов «скорее плохо» и «очень плохо».

Создается впечатление, что всплеск антиамериканских настроений в марте-апреле 2003 года оказался не столь сильным, как четыре года назад. Видимо, это в значительной мере связано с различиями в позиции российского руководства в кризисные периоды: в 1999-м – резкая риторика Б. Ельцина и Е. Примакова, в 2003-м – значительно более осторожная позиция В. Путина. Между прочим, общественное мнение отмечает отличия позиции Путина от позиции других российских политических деятелей и СМИ (хотя и в *меньшей* мере, чем в период искусственного «околоспортивного» обострения начала 2002 года).

Таблица 6

**«Как в целом относятся к военной операции
США в Ираке...»**

(Апрель 2003 года, N = 1600 человек,
% от числа опрошенных)

	Поддерживает	Сдержанно	Отрицательно
Президент В. Путин	2	39	53
Большинство других официальных лиц в России	2	30	56
Российские СМИ	2	25	63

Различия позиций усматриваются преимущественно в степени *сдержанности*: положение президента (чей имидж, как видно по ряду исследований, в значительной мере опирается на представления об успешности его акций на международной арене) вынуждает его быть прагматически осторожным в оценке американских действий.

В мае 2003 года общественные настроения стали меняться, пик антиамериканизма явно миновал. Хотя оценки американских действий в Ираке и их мотивов оставались резко негативными, почти такими же, как в марте-апреле, показа-

тели общего отношения к США заметно улучшились (см. *рис. 1, 2*).

Подводя итоги сказанному, можно полагать, что нынешний взрыв антиамериканских настроений означает не столько воинственную *мобилизацию* российского общества, сколько его *фрустрацию* (замешательство, растерянность), неспособность справиться с возникшей ситуацией. Общественному мнению в общем и целом свойственно предельное упрощение любой задачи, оценки, действия. Когда возникает привычное намерение «негодовать и протестовать», зная, что нет никаких сил и средств для его осуществления, или когда требуется – официально предписывается – «решительно осудить» чьи-то действия, но при этом проявлять сдержанность и сохранять «стратегическое партнерство», массовое сознание неизбежно приходит в состояние ступора, его регулятивные механизмы просто отказывают. Последствия этого многообразны. Одно из них – *отсутствие воинственной мобилизации общественных настроений*, подобной той, что имела место в России весной 1999 года – и которая, по всей видимости, сыграла важную роль в известных политических переменах осени того же года.

Судьба «антитеррористической» коалиции 2001 года

Фактически коалиция, провозглашенная сразу после и сентября 2001 года, утратила смысл и прекратила существование еще до начала собственно иракской кампании, когда выяснилось, что страны, поддержавшие лозунги борьбы с «международным терроризмом», не имеют единого представления о целях и средствах такой борьбы. Когда США, не сумев заручиться поддержкой ни структур ООН, ни членов НАТО, решили действовать собственными силами, привлекая к соучастию лишь немногих согласных, это заметно изменило весь расклад существующих в мире после Второй мировой войны организаций и институтов. Это значит, что

новой напряженности не выдержала давно утратившая свое первоначальное значение ООН – результат согласия держав-победительниц в мировой войне, а также НАТО, противостоявшее советской экспансии в годы холодной войны. Создание же каких-то новых международных значимых структур или решительное изменение способов деятельности ООН при сегодняшнем раскладе мировых сил и интересов – просто нереально. Налицо также своего рода фрустрация, замешательство на уровне международной системы отношений.

Для России последствия этих перемен значительны и многообразны. Ведь если обесценивается ООН, Россия утрачивает титульный статус великой мировой (т.е. имеющей право вето в главных мировых вопросах) державы. А обнаружившаяся в ходе иракского кризиса разобщенность стран НАТО подтверждает, что фактор советской/российской угрозы перестал играть консолидирующую роль в западном обществе. Участие же России в «антитеррористической» коалиции 2001 года – носившее в основном символический и демонстративный характер, не переходившее в реальное сближение государств, – нужно было политической верхушке страны для того, чтобы продемонстрировать партнерство с ведущей мировой державой (хотя общественному мнению всегда было ясно, что в этом альянсе у нашей страны лишь второстепенное место). И, естественно, для того, чтобы представить собственные малоуспешные и малопопулярные на Западе действия в Чечне звеном общей борьбы с «мировым терроризмом» (о сомнительности этого жупела приходилось писать ранее), а тем самым хотя бы частично конвертировать западную критику своей чеченской политики в ее одобрение или признание. Как показывает ход событий, этот расчет оправдывался лишь отчасти и ненадолго.

Чеченские кривые: новые тенденции

Как обычно в последние годы, в чеченском узле концентрируются все основные линии российской реальности. Новые моменты в развитии ситуации появились с конца минувшего года, после событий на Дубровке в Москве. Резкий всплеск общественных настроений в пользу продолжения военных акций оказался кратковременным, в последующие месяцы практически непрерывно нарастал численный перевес сторонников мирного урегулирования, к концу апреля 2003 года достигший невиданного ранее уровня 71:17, а в мае даже 71:14. Можно полагать, что на такую динамику общественного мнения оказали влияние две группы факторов. С одной стороны, это относительно сдержанная реакция российских властей на ситуацию с заложниками в Москве. Отвергнув призыв захватчиков к выводу войск из Чечни, российское руководство, видимо, сознавая исчерпанность силовых средств влияния на положение в этой республике, впервые не поддавшись привычному соблазну требовать ужесточения зачисток, бомбежек и пр. На сцену вышел некий «промежуточный» вариант урегулирования, центральными пунктами которого стала легитимизация существующей в Чечне про-российской региональной администрации (А. Кадыров и др.) через референдум. В российском обществе этот вариант был встречен сначала довольно сдержанно, но позже осторожные надежды на его эффективность стали заметнее.

В данном контексте важно обратить внимание на изменения другой, международной составляющей чеченской ситуации. Нараставшая конфронтация позиций вокруг Ирака фактически обесценила попытки отнести чеченскую войну к борьбе с мировым терроризмом. С конца 2002 года, особенно после событий на Дубровке, западная критика российских силовых акций снова активизировалась, особенно в Европе, в ОБСЕ и др. Поскольку соучастие России не предлагалось и не требовалось США для операций в Ираке, то теряло смысл

и лукавое международное оправдание российских акций на Кавказе.

Несостоявшаяся национальная мобилизация?

Наиболее важный предварительный «российский» итог конфликта вокруг Ирака (если, еще раз напомним, иметь в виду социальные его аспекты) – в том, что не получилось ожидавшейся агрессивно-националистической мобилизации общества. Из-за неопределенности ориентиров такой мобилизации, из-за вынужденного прагматизма власти, из-за тона СМИ, сменивших агрессивность на растерянность. Опасения в отношении повторения ситуации 1999 года, когда резкое обострение антиамериканских настроений послужило как бы прологом политических перемен в России, не подтвердились.

По своей социальной и психологической природе общественно-политическая мобилизация непременно должна предполагать *противостояние* с некими враждебными силами. («Позитивная» мобилизация невозможна по определению, все мобилизационные ситуации, которые приходилось переживать нашему обществу в его истории, связаны с борьбой *против* злейших врагов – внешних или внутренних, реальных или вымышленных.) Как показывают исследования, для российского общественного мнения традиционно имеет большое значение внешний противник (бывший классовый, сейчас скорее национально-державный), на роль которого, скорее всего, подошли бы США и их союзники. Но этот привычный вариант при нынешних международных зависимостях России – и столь важных для имиджа ее президента связях с G8 и пр. – становится почти невозможным. Нереален у нас и тот вариант национальной мобилизации против исламского терроризма, который характерен для американского общественного мнения после и сентября 2001 года. Здесь сказывается и традиционное (сейчас скорее рудиментарное) положение России среди стран бывшего третьего мира, и оп-

ределенная двусмысленность в российских оценках терактов в США (об этом приходилось писать ранее: половина опрошенных сочла, что американцам «досталось поделом»), и, наконец, настойчивое стремление вывести Ирак из-под подготовленного США удара. Кроме того, как уже отмечено выше, практически полностью исчерпал себя мобилизационный ресурс чеченской войны.

Как можно полагать, с этим связано выраженное в недавнем президентском послании российскому парламенту стремление определить позитивные факторы национальной мобилизации (которая тем самым превращалась бы в *консолидацию*). Трудно судить пока, может ли таким фактором послужить, например, удвоение ВВП за десятилетие.

Таким образом, недавно еще работавшие факторы национальной мобилизации шаг за шагом превращаются в факторы национальной *фрустрации*. Это уже сейчас осложняет политическую картину страны, в частности, приводит к определенному ослаблению массовой поддержки власти, президента и партии, претендующей на роль ведущей. При этом именно расхождение между сравнительно сдержанной позицией президента и резко антиамериканскими настроениями большинства населения в иракском конфликте служит важнейшим фактором «давления» на президентские рейтинги. Видимо, те же факторы влияют и на заметные колебания уровня возможной электоральной поддержки «Единой России».

В заключение стоит заметить, что всякая национальная мобилизация – феномен чрезвычайной, военной, катастрофической ситуации, когда страна и население вынуждены жертвовать многими благами и долгосрочными интересами ради преодоления острого кризиса. Мобилизация не может быть ни постоянной, ни долгосрочной. Вряд ли стоит огорчаться тому, что в сегодняшней России плохо работают социально-мобилизационные факторы. Вполне может обойтись без них и власть, по крайней мере на период ближайшего из-

бирательного цикла (2003-2004) инерции массовой поддержки, скорее всего, будет достаточно для сохранения основных позиций существующей политической структуры, даже при нарастающей фрустрации отдельных компонентов ее поддержки.

ВОССТАНИЕ СЛАБЫХ

О значении волны социального протеста 2005 года

Волна массовых протестов против так называемой «монетизации» социальных льгот, прокатившаяся по стране в начале года, побуждает по-новому ставить ряд проблем социологического анализа современного российского общества, искать адекватные средства понимания необычных, «нештатных» ситуаций и действий различных участвующих в них сторон. Это касается способов и мотивов осуществления социальной политики власти, поведения общественных слоев и групп, непосредственно или косвенно затронутых пересмотром льгот, наконец, попыток организованных политических сил использовать сложившуюся кризисную ситуацию в собственных интересах. Имеются основания полагать, что в данном случае перед нами кризис, глубоко затронувший механизмы отношений между властными инстанциями и обществом.

Действия властных структур до и в период кризиса обнаружили удивительную – правда, лишь на первый взгляд – недальновидность и непредусмотрительность, а также неспособность власти оценить серьезность сложившейся ситуации и адекватно реагировать на нее. Многочисленные исследования и аналитические разработки неизменно показывали, что российский человек (наследующий прочные традиции «человека советского»), обладая огромным потенциалом социального терпения и приспособляемости, чаще всего предпочитает адаптацию к обстоятельствам, даже «понижающую», но не возмущение и протест. Потребовались чрезвычайные и мощные усилия, чтобы парализовать такие установки и побудить людей к массовым выступлениям – причем именно тех, от которых менее всего можно было ждать активных действий, – наиболее обездоленных, пожилых, малообеспеченных. Как это ни странно на первый взгляд, таким факто-

ром стали действия самой государственной власти. В то же время в напряженной обстановке массовых выступлений стали очевидными и принципиальные ограничения и противоречия сегодняшнего социального протеста.

«Кому это понадобилось?» Механизм государственных решений

В рамках обычной логики трудно объяснить, почему высшие правительственные инстанции решили без всякой видимой надобности в пожарном порядке вводить в действие заведомо плохо подготовленный и заведомо непопулярный закон о замене льгот, даже не пытаясь объяснить населению его смысл, рассеять сомнения отдельных групп «льготников» и т.д. Предупреждений о грядущем массовом недовольстве имелось предостаточно, в том числе и полученных в опросах общественного мнения (уже в сентябре 2004 года до 70% опрошенных одобряло протесты против готовившихся мер). В массовом сознании – вопреки всем официальным декларациям – возобладало простейшее объяснение: власть решила «сэкономить бюджетные средства за счет самых обездоленных слоев населения» (так считали 51% в январе 2005 года, N = 1600 человек). Значительная часть опрошенных выражала недоумение таким стремлением экономить при редкостном «нефтяном» обилии денежных средств у государства. Скорее всего, объяснение следует искать не во внешних, в том числе экономических, обстоятельствах, а в самой логике действий нынешней российской власти за последнее время. Прежде всего, именно в последнее время (примерно на протяжении года) стало ясно, что государственная власть, чиновники всех рангов действуют по своей собственной «вертикальной» логике: на каждой ступеньке властной иерархии требуется устремлять взоры лишь вверх, ища одобрения со стороны вышестоящего начальства; принятие во внимание интересов и мнений населения при этом не имеется в виду,

не предполагается также внимание к проблемам легитимности, эффективности, дальним последствиям акций и т.д. Это правило действует во многих сферах и коллизиях, например в так называемой административной реформе или в обуздании губернаторов, но именно в ситуации вокруг замены льгот оно становится предельно очевидным. Другой важный принцип современной властной логики – при всех неудачах и неуверенности в проведении провозглашенного курса любой ценой поддерживать видимость решительности и последовательности действий. Налицо претензии на «современность» или даже «либерализм» акций, которые на деле способны лишь дискредитировать принципы модернизации и либерализма. Стоит отметить еще одно правило сегодняшней административной логики: явные провалы в какой-либо сфере немедленно компенсировать (точнее, прикрывать) показными акциями в других областях. Например, не умея признать неудачи кавказской политики, обнаруженные событиями в Беслане, власти пытаются отвлечь от них внимание борьбой с конституционным принципом федерализма. А за неудачи в «борьбе с бедностью», в «удвоении ВВП», создании конкурентоспособной экономики и т.п. приходится расплачиваться пенсионерам, льготникам и их родственникам (по опросным данным, в зону действиями закона о замене льгот попадает около половины населения России). Таким образом, решение о монетизации льгот никак нельзя считать необоснованным или несвоевременным, оно вполне укладывается в современную административную «логику», а его последствия – в «логику» отношений власти и общества («народа»).

Шок монетизации

Как и следовало ожидать, первые общественные реакции на пресловутый закон оказались резко негативными.

Таблица 1

«Какие чувства вызвало у Вас начало замены льгот денежными компенсациями?»
*(Январь 2005 года, N = 1600 человек,
 % от числа опрошенных)*

Одобрение	7
Понимание	12
Недоумение	21
Обиду	8
Возмущение, негодование	25
Никаких особенных чувств	25

Понятно, что негативные чувства чаще выражали люди старших возрастов – 13% из тех, кто старше 55 лет, испытали обиду, а 30% – возмущение, негодование; среди самых молодых, до 25 лет, 40% ничего не испытывали, но недоумения (22%) и возмущения (20%) среди них в сумме оказалось немногим меньше средних показателей.

Наибольшее недовольство населения (мнение 42% в среднем в январе, среди самых старших – 47%) вызвали малые суммы компенсаций, т.е. непосредственно потребительские последствия «реформы» (сама проблема отнятия привычного оказалась где-то на втором плане). Реже отмечали поспешность в принятии закона (32%), его несовершенство (25%), то, что людям не разъяснили его последствия и преимущества (24%). Когда спустя месяц, в разгар выступлений протеста, правительство решило срочно увеличить компенсации и скидки на оплату проезда в общественном транспорте некоторым категориям льготников, только 15% признали эти меры достаточными для возмещения потерь имевшим ранее льготы, а 74% – недостаточными (февраль 2005 года, N = 1600 человек). В марте только 16% против 64% (от числа утративших льготы) сочли, что полученные компенсации покрывают потери, понесенные с отменой льгот.

Представляется, однако, что эти потери не могут выра-

жаться только в определенных денежных суммах. Утраченным оказался тот тип отношений между властью и населением страны, который сложился еще в советский период. Привычные льготы компенсировали отсутствие реальной оплаты труда и адекватных средств поддержки социально слабых групп, поддерживая в массовом сознании образ «отечески заботливого» (патерналистского) государства. А этот (по сути, глубоко фальшивый) образ служил важной опорой массовой покорности власти.

Оценки населением мер по «монетизации» из месяца в месяц несколько изменялись: сказываются разъяснительно-пропагандистская работа властей и СМИ, а также срочные выплаты, частичное возвращение некоторых льгот. При всем этом негативное отношение к акции неизменно преобладает.

Таблица 2

«Поддерживаете ли Вы решение о замене льгот?»

(2005, N = 1600 человек, % от числа опрошенных)

	Январь-1*	Январь-2**	Февраль	Март	Май
Целиком поддерживаю	12	12	15	12	13
По большей части поддерживаю	21	25	27	26	28
По большей части против	23	25	21	24	22
Целиком против	34	29	26	26	22
Затрудняюсь ответить	10		11	12	15
Соотношение «за» и «против»	33:57	37:54	42:47	38:50	41:44

* 20-25 января.

** 22 января – 2 февраля.

В основе резко негативной реакции всех групп населения на «монетизацию» – прежде всего представления о том, что

эта акция значительно ухудшит положение наиболее обездоленных, пойдет во вред стране и негативно скажется на благосостоянии самих опрошенных, вне зависимости от возраста. (В мае 26% опрошенных полагали, что «монетизация» улучшит положение самых обездоленных, 43% – что приведет к ухудшению их положения, 13% сочли, что «реформа» привела к улучшению положения их семей, 20% отметили ухудшение, 39% не заметили изменений.)

Решительное неприятие закона о замене льгот во всех возрастах показывает, что ситуация вокруг монетизации касается *всего населения, всего общества.*

Отсюда и масштаб акций публичного протеста, волна которых прокатилась по всей стране, и весьма широкая поддержка таких акций в различных слоях населения.

Масштабы массовых протестов

В сентябре 2004 года, при первых известиях о готовящихся мерах по замене льгот, 14% опрошенных отмечали, что в их городе или районе проходили какие-либо акции массовых протестов, в январе 2005 года о них сообщали 30%, в феврале – 37% (видимо, это наиболее высокий показатель), в марте – 28%, в мае – 18%. Сколько-нибудь надежно оценить число их участников с помощью общенационального выборочного опроса трудно, в разные месяцы о собственном участии в протестах сообщали менее 0,5% опрошенных, что соответствует примерно 200-400 тысячам взрослых граждан страны. Сообщалось, что 12 февраля, во время организованной оппозиционными партиями «всероссийской акции протеста», в различных выступлениях принимали участие около 200 тысяч человек. Для того чтобы представить воздействие выступлений протеста на общественные настроения в стране, важно принять во внимание масштабы *одобрения и поддержки таких выступлений* в общественном мнении, а также *заявленных в опросах намерений принять участие* в них.

Таблица 3

Отношение к акциям протеста
(2005, N = 1600 человек, % от числа опрошенных)

	Январь	Февраль	Март	Май
Поддерживаю	41	37	33	32
С пониманием, но не поддерживаю	41	41	44	44
Решительно против	10	13	16	12
Затрудняюсь ответить	8	9	8	12

Таблица 4

«Если такого рода выступления протеста состоятся в Вашем городе, районе, Вы лично примете в них участие?»
(2005, N = 1600 человек, % от числа опрошенных)

	Январь	Февраль	Март
Определенно да	12	10	8
Скорее да	14	13	13
Скорее нет	31	32	30
Определенно нет	36	38	44
Уже участвовал в них	0,4	0,4	0,2
Затрудняюсь ответить	7	6	5

В следующих таблицах представлено отношение различных возрастных групп к акциям протеста.

Сочувственное отношение к акциям протеста (если считать как «поддерживающих», так и «понимающих») высказывают 70-80% опрошенных во всех возрастных группах. О намерении участвовать заявляют значительно реже и преимущественно люди старшего возраста. Как известно, в феврале-марте 2005 года появилась информация об участии в выступлениях наряду с пенсионерами и «льготниками» студентов (поскольку военное ведомство поспешило внести свой вклад в общественную ситуацию, предложив отменить отсрочки от призыва), молодежных организаций разных направлений и т.д.

Таблица 5

**Отношение к акциям протеста
(возрастное распределение)**

*(2005, N = 1600 человек, % от числа опрошенных в каждой
возрастной группе)*

	18-24 года		25-39 лет		40-54 года		55 лет и старше	
	ян-варь	март	ян-варь	март	ян-варь	март	ян-варь	март
Поддерживаю	26	19	37	23	42	31	31	40
С пониманием, но не поддерживаю	47	50	46	50	39	48	34	36
Решительно против	12	18	9	19	10	14	9	15
Затрудняюсь ответить	15	13	8	8	9	7	6	9

Таблица 6

**Намерения принять участие в акциях протеста
(возрастное распределение)**

*(2005, N = 1600 человек, % от числа опрошенных в каждой
возрастной группе)*

	18-24 года		25-39 лет		40-54 года		55 лет и старше	
	ян-варь	март	ян-варь	март	ян-варь	март	ян-варь	март
Определенно да	4	3	7	3	12	9	20	11
Скорее да	9	9	11	8	16	15	16	15
Скорее нет	32	32	36	32	27	32	29	30
Определенно нет	49	51	39	53	35	40	28	37
Затрудняюсь ответить	6	5	7	4	10	4	7	7

Как обычно, заявления опрошенных о возможности собственного участия в акциях протеста отражают не реальные или потенциальные масштабы таких акций, а преимущественно состояние общественных настроений. Дополнить приведенные выше показатели можно данными исследований типа «Мониторинг».

Таблица 7

Протестные выступления в общественном мнении

(N = 2100, % от числа опрошенных*)

	2004, май	2004, ноябрь	2005, январь	2005, март	2005, май
<i>Насколько возможны сейчас в Вашем городе, сельском районе массовые выступления против падения уровня жизни, в защиту своих прав?</i>					
Вполне возможны	19	23	25	36	32
Маловероятны	68	60	57	45	54
<i>Если такого рода массовые выступления состоятся, Вы лично примете в них участие?</i>					
Скорее всего, да	21	23	27	27	24
Скорее всего, нет	66	63	57	57	58
<i>Возможны ли в Вашем городе/сельском районе выступления протеста с политическими требованиями?</i>					
Вполне возможны	18	21	21	27	24
Маловероятны	67	59	58	52	55

* Данные о затруднившихся ответить не приводятся.

В марте 2005 года возможность массовых выступлений отмечали почти в два раза чаще, а собственное участие в них допускали в полтора раза чаще, чем год назад. Политические выступления считали возможными также в полтора раза чаще. Майские данные обнаруживают некоторый спад протестных настроений, которые, впрочем, в это время все же заметно более распространены, чем год назад.

Заметны сдвиги в общественных настроениях, выражен-

ные в приведенных показателях и при относительно небольшой численности участвующих в акциях протеста (к тому же сами эти акции практически всегда сводились к выражению тех же настроений протеста, возмущения, требований). Каких-либо иных функций современный социальный протест – поскольку он остается стихийным, т.е. является преимущественно эмоциональной массовой реакцией – и не может исполнять.

Наиболее активной его формой в ряде регионов, как известно, служила блокада протестующими улиц и дорог. (Видимо, подобные действия сейчас играют примерно такую же роль, как баррикады в массовых выступлениях XIX – начала XX века.) В конце января почти половина опрошенных (47% против 41%) считали такие способы протеста оправданными. Среди самых пожилых одобряли блокаду даже 53% (не одобряли только 38%). Это еще раз показывает, что за нынешними социальными протестами – не амбиции молодых, а отчаяние самых обездоленных, пожилых людей.

Кто виноват?

Таблица 8

«Кто прежде всего несет ответственность за обострение социальной ситуации в стране в связи с заменой льгот?»
(2005, N = 1600 человек, % от числа опрошенных)

	Январь	Февраль	Март
Президент В. Путин	23	22	18
Правительство	38	37	41
Отдельные министры, готовившие закон о замене льгот (М. Зурабов и др.)	14	16	15
Государственная Дума	12	11	10
Местные власти, губернаторы	5	6	6
Провокаторы, подстрекатели, которые подбивают граждан протестовать	1	3	2
Сами льготники, пенсионеры, не сумевшие разобраться в новых законах	1	2	3

Распределение тех же суждений по возрастным группам добавляет некоторые штрихи к образу «виновников» в общественном мнении.

С возрастом крепнет представление о вине президента и становятся более редкими упреки «правительству в целом». Вброшенная в общественное сознание в первые же дни массовых протестов версия относительно «подстрекателей» так и не получила заметного признания.

Таблица 9

«Кто прежде всего несет ответственность за обострение социальной ситуации в стране в связи с заменой льгот?» (возрастное распределение ответов)
(Март 2005 года, N = 1600 человек, % от числа опрошенных в каждой возрастной группе)

	18-24 года	25-39 лет	40-54 года	55 лет и старше
Президент В. Путин	20	20	23	28
Правительство в целом	44	40	37	36
Отдельные министры	11	16	12	15
Государственная Дума	11	23	15	10
Местные власти, губернаторы	7	5	7	4
Провокаторы, подстрекатели	4	1	1	1
Сами льготники, пенсионеры	1	1	3	1

«Партийные» взгляды на массовые протесты

Во всех без исключения партийных электоратах (т.е. среди склонных поддержать данную партию на возможных будущих выборах) принятие закона о замене льгот вызвало преимущественно негативные реакции.

Таблица 10

«Как Вы лично относитесь к акциям протеста?»
 (Март 2005 года, N = 1600 человек, % от числа опрошенных
 в каждой электоральной группе)

	все	КПРФ	ЕР	СПС	«Яб- локо»	ЛДПР	«Роди- на»
Поддерживаю	30	53	24	18	35	42	34
С пониманием	45	36	49	50	57	32	47
Решительно против	16	11	21	26	8	17	9
Затрудняюсь ответить	9	1	6	6	10	11	8
Эмоциональ- ные реакции на принятие закона о замене льгот*	19:54	8:78	27:44	13:30	21:44	23:38	23:65

* Соотношение долей опрошенных, выразивших позитивные (одобрение, понимание) и негативные (недоумение, обида, возмущение) чувства.

Таблица 11

**«Если такого рода выступления протеста состоится в
 Вашем городе, районе, Вы лично примете в них участие?»**
 (Март 2005 года, N = 1600 человек, % от числа опрошенных
 в каждой электоральной группе)

	все	КПРФ	ЕР	СПС	«Яб- локо»	ЛДПР	«Ро- дина»
Определенно да	7	16	5	9	8	13	5
Скорее да	12	25	9	9	12	17	15
Скорее нет	32	28	35	14	37	27	32
Определенно нет	44	27	47	66	43	36	48
Затрудняюсь ответить	4	3	4	3	—	8	—

Неудивительно, что наибольшие показатели недовольства «монетизацией», поддержки выступлений протеста и заявленной готовности в них участвовать отмечены среди избирателей компартии, а затем среди электората «примкнувших» к ней в стремлении использовать в своих интересах настроения протеста ЛДПР и «Родины». Но негативные реакции на «реформу» и сочувственное отношение к протестам преобладают также в электорате «Единой России», депутаты которой обеспечили принятие пресловутого закона. Это, кстати, показывает, что массовые сторонники «Единой России» (в отличие от своих штабов и активистов) отнюдь не отличаются идеологическим единством.

Шумные демонстрации в поддержку протестов позволили лево-популистским партиям привлечь к себе общественное внимание. Отвечая на вопрос, какие партии наиболее активно отстаивают права «льготников», респонденты чаще всего упоминали КПРФ (27%), «Родину» (12%), «Единую Россию» (8%), ЛДПР (7%), по 2% указали «Яблоко» и национал-большевиков; 25% опрошенных таких партий вообще не знают, а 29% затруднились ответить (январь 2005 года, N = 1600 человек).

Не может не броситься в глаза сдержанность реакций и позиций избирателей демократических партий – «Яблока» и СПС (особенно последних). Эта ситуация требует особого рассмотрения.

Демонстративное молчание демократов

В некоторых регионах в массовых выступлениях протеста представители СПС и «Яблока», а также их молодежных организаций оказывались вместе со сторонниками КПРФ, «Родины», ЛДПР, НБП и др., но не как инициаторы, а скорее в роли примкнувших. Но сами эти партии и их лидеры предпочитали осторожно отмалчиваться, видимо, считая, что это действия «чужого» электората, который используют в своих

интересах политические оппоненты демократов. В таких суждениях можно обнаружить оттенок инфантильного интеллигентского снобизма и даже некоторую долю опасений в отношении «низовых» реакций. Тем самым как будто воспроизводится «исконная» и порочная российская триада «власть – народ – интеллигенция», в рамках которой просвещенная публика, опасаясь разгула массовой стихии, обрекала себя на изоляцию и беспомощность. И оставляла социально слабых (пожилых, пенсионеров, льготников) под влиянием консервативного популизма. Такая ситуация имеет свои исторические корни, но никак не может считаться нормальной. Консервативные и патриотические популисты с определенным успехом могут использовать массовое недовольство в интересах собственной популярности лишь потому, что им это позволяет и сегодняшнее состояние российского общества, и существующее в нем разделение партийно-групповых интересов (которое закрепляет бюрократическая авантюра «реформы льгот»). Как известно, «проблема пенсионеров» имеется практически во всех развитых странах, где эта группа составляет, как и в России, около трети населения и служит не социальной базой «левых» авантюристов или консерваторов, а скорее опорой социальной стабильности и политического центризма. Конечно, никакая власть и никакая политическая партия не может в одночасье решить проблему нормальной обеспеченности пожилых и социально слабых. Но подготовить, просчитать, обосновать, разъяснить людям реальную *программу ее решения*, рассчитанную на определенную перспективу, способны – а значит, и *обязаны* – только грамотные «либералы». Ведь только такую программу можно противопоставить нынешнему бюрократическому авантюризму, дискредитирующему либеральные принципы.

Ожидания и лозунги

По данным массовых опросов, наибольшую поддержку населения получили следующие требования, выдвинутые в ходе протеста против «монетизации»:

Таблица 12

Требования противников «монетизации»
(Январь-февраль 2005 года, N = 1600 человек,
% от числа опрошенных)

«Обеспечить исполнение закона о замене льгот на денежные компенсации таким образом чтобы соблюсти интересы "льготников"»	54
Приостановить осуществление закона и доработать его так, чтобы люди не пострадали	31
Оставить закон в действии, но «в срочном порядке решить все возникшие проблемы, если необходимо, внести в закон какие-то поправки»	24
Отменить этот закон и оставить льготы в том виде, как они были до его введения	20
Оставить закон в действии, но увеличить объем компенсаций	20

Неудивительно, что самыми массовыми оказались довольно сдержанные требования (точнее даже, пожелания) сугубо экономического порядка. Ничего другого неорганизованное («стихийное», как иногда говорят) движение поддерживать не могло.

Правда, с самого начала в поле общественного внимания оказалась и проблема отставок «виновников». 29% предлагали освободить от своих должностей «министров, плохо подготовивших закон и меры по его введению», а 18% – отправить в отставку все правительство (в феврале, когда в Думу вносилось предложение об отставке кабинета, мнения опрошенных разделись строго поровну: 35% считало, что Дума поступила правильно, отказавшись от вотума недоверия, и

столько же – что это было ошибочно), 11% – отправить в отставку губернаторов и других чиновников на местах, «не сумевших предотвратить массовые протесты». Парадоксально, что 10% требовали привлечь к ответственности «provokatorov, zachinshchikov besporядков», в существование которых, как мы видели ранее, почти никто не поверил...

Имеют значение и те требования протестующих, которые – не получая статистически значимых размеров поддержки – многократно повторялись в ходе выступлений в различных регионах, были, так сказать, «перед глазами» участников, зрителей и противников акций протеста, а потому оказывали определенное влияние на общественные настроения, возбуждая, мобилизуя их. Вскоре после начала массовых выступлений появились призывы к отставке не только «наиболее виноватых» министров, но всего правительства и президента, роспуска Государственной Думы. Мотивировались такие призывы чаще всего популистскими, а то и националистическими суждениями (вплоть до обвинений в «геноциде» со стороны «нерусских министров»). Неорганизованная масса быстро приобретает качества толпы, легко поддающейся воздействию самой примитивной и самой привычной демагогии. В действиях такой толпы действительно можно усмотреть и темную тень «русского бунта», переходящего в погром против «чужих» и более просвещенных¹.

¹ «Поскольку КППФ оказалась организатором подавляющего числа митингов, то именно коммунисты формулировали основные политические требования, звучавшие на митингах. <...>

Кроме того, "под прицелом" оказался и Владимир Путин. <...> Калининградские коммунисты даже предложили выбрать новым президентом главу Беларуси Александра Лукашенко...

Впрочем, на митингах озвучивались и куда более радикальные лозунги. Акции протеста использовались для реанимации сталинистских настроений. В Петербурге использовался лозунг "При Сталине цены снижали, при Путине цены растут. При Сталине нас уважали, при Путине быдлом зовут".

Чтобы понять реакцию власти на выступления с протестами, следует принять во внимание такие чрезвычайно важные факторы, как нарастающие (примерно с осени 2004 года) признаки неуверенности, даже растерянности в политических верхах, а также чрезвычайно тревожную реакцию российской власти на перемены в Украине («оранжевую революцию»). Видимо, в этих условиях властные структуры не решились на такие радикальные шаги как, скажем, признание собственной ответственности за неудачу с «монетизацией», отмену или замораживание негодного закона и т.д. Президент предпочел остаться в стороне от публичного обсуждения возникшего кризиса. Даже привычный для бюрократической иерархии, не только отечественной, вариант демонстративной расправы с непосредственными виновниками до последнего времени не использовался, – возможно, во избежание опасного вопроса об ответственности высшего уровня власти. (Не исключено, что нарочитое отмежевание от политики собственного правительства в президентском послании этого года может быть истолковано в контексте подготовки такого сценария выхода из ситуации.)

В ход был пущен как будто более осторожный вариант

В Калининграде на митинге был лозунг "Правление Путина – правление национальной измены". Несмотря на участие в митингах представителей демократических и либеральных партий, практически открыто распространялась "патриотическая" литература. Во Владимире распространялась листовка с крупным заголовком "Россия для русских", подписанная лидером местных националистов И. Артемьевым. В ней объяснялось, что бедность вызвана "перевесом нерусских в правительстве": это "еврей Фрадков, немец Греф, грузин Зурабов", а также воздействием "еврейско-олигархического капитализма", который якобы объявил своей целью геноцид русского народа и открыл "чеченским ордам" путь в Россию. В Нижнем Новгороде использовался лозунг "Иудиной власти – Иудин конец", а в Саратове – "Монетизация льгот – это холокост, который президент устроил своему народу". Таким образом, возрождался лозунг о якобы имеющем место геноциде русского народа» (Социальный взрыв и общественно-политические процессы в современной России: Обзорный доклад Московского бюро по правам человека. М., 2005).

реакции на социальный взрыв. Неудачность «реформы» признана как бы вполголоса, притом как всего лишь «недоработка». От поиска «подстрекателей» вскоре отказались, опасаясь излишнего и явно неэффективного нагнетания страстей; к масштабным силовым действиям (наподобие использованных в Новочеркасске в 1962-м или недавно в Андижане) нынешние российские власти явно не готовы. Некоторые льготы (например, транспортные) частично вернули, хотя бы временно, а суммы компенсаций отдельным категориям «льготников» увеличили, но расплачиваться за это заставили местные бюджеты. Фактически приостановили намеченные ранее – и серьезно беспокоящие население – меры по реформированию ЖКХ, здравоохранения, образования.

Итоги и уроки пройденного этапа

Волна социальных протестов, поднявшаяся в начале 2005 года, явно спадает. Напряженность в обществе уменьшилась, но не исчезла. Последствия происходившего за последние месяцы в большинстве регионов России сказываются – и в обозримом будущем будут сказываться – на социально-политических процессах и общественных настроениях. Основным итогом, видимо, является изменение общественной атмосферы в России. При всех возможных колебаниях политического курса и массовых настроений, парадно-благостная картина всеобщего «одобрям-с» не вернется. Десятки тысяч непосредственно вкусили немислимый, даже невообразимый ранее «запретный плод» прямого предьявления своего счета всем уровням власти; значительно больше людей узнали о возможности этого. Власть публично показала свою слабость, не решаясь ни прибегать к запугиванию «бунтарей», ни признавать собственные ошибки (как-никак для того и другого требуется уверенность в собственных силах). Свою слабость обнаружили и протестующие, отступив перед обещаниями и подачками, что явилось неизбежной расплатой за

неорганизованность, «стихийную» ограниченность массовых протестов. Остался опыт проведения массовых выступлений. И опыт наметившегося перехода от узкоэкономических (точнее даже, потребительских, «иждивенческих») требований к общеполитическим. В ходе массовых выступлений появились признаки совместного участия в них совершенно различных политических сил² (что находит продолжение в совместных же акциях в защиту парламентаризма, свободы слова и т.д.). Наконец, немаловажно и то, что «пензионерские» поначалу выступления привлекли едва ли не самую аполитичную общественную группу – молодежь. А за акциями «льготников» последовали многотысячные социальные протесты студентов. По-видимому, реакцией на распространение общественных протестов стали организованные публичные акции ультралоялистов («идуших», «наших» и т.п.).

Заключительные замечания: «стихийное» и организованное в массовых движениях

Перемены в ряде стран на постсоветском пространстве за последние примерно полтора года представляют набор вари-

² Помимо КПРФ в митингах принимали участие «Родина». РКРП, Союз офицеров, Авангард красной молодежи. Партия пенсионеров. Движение в поддержку армии, движение С. Глазьева «За достойную жизнь», руководимое сенатором-«антисионистом» Н. Кондратенко движение «Отечество». Практически повсеместно в качестве партнера коммунистов по организации митингов выступали партия «Яблоко» и НБП В Бугуруслане, Орске и Оренбурге объединились представители КПРФ, «Родины» и ЛДПР. В Петрозаводске на митинг, организованный «Яблоком» и КПРФ, пришли представители СПС, члены НБП и ЛДПР. Встречались и более необычные примеры партнерства. Так, прошедший 20 февраля в Казани пикет пенсионеров был организован КПРФ, анпиловской «Трудовой Россией» и местной националистической организацией Татарский общественный центр (Социальный взрыв и общественно-политические процессы в современной России: Обзорный доклад Московского бюро по правам человека М., 2005).

антов и уровней организованности, направленности, успешности социально-политических перемен при значительной и неоднозначной роли массового участия в них. Среди этих вариантов нет ни сугубо «стихийных», ни полностью «организованных». Вопрос в *уровне* организованности и идеологизированности, роли различных факторов из традиционных или модернизационных арсеналов. На одном полюсе оказывается «оранжевое» движение в Украине, почти предельно цивилизованное, тщательно подготовленное, довольно удачно подчинявшее факторы национального или исторического самоутверждения модернизационным ориентирам; на другом – события в Киргизии, где смена власти сопровождалась взрывами как будто неконтролируемого (точнее, контролируемого на уровне низовых, привычных страстей и норм) поведения толпы, клана, сообщества «своих» и т.п. Российские протесты образца 2005 года в такой ряд не укладываются. Как уже отмечалось, они изначально были весьма далекими от общеполитических задач. Общественное мнение не приняло официальной версии об ответственности политических противников или даже агентов враждебных сил из дальнего зарубежья или из стана «оранжевых» и т.п. По данным опроса января 2005 года, 59% сочло, что развернувшиеся выступления против замены льгот «стихийны», а 18% – что они организованы противниками В. Путина. Под именем «стихийного» в данном случае кроется непосредственная реакция на ущемление «законных» (привычных) прав плюс, конечно, влияние консервативно-популистских лозунгов.

С таким уровнем организованности массовых протестов связана и ограниченность их непосредственных социально-политических функций. Они не были способны и не стремились уподобляться «разноцветным» революциям, ориентированным на изменения во властных структурах. Но в сверхполитизированной системе общественных отношений, унаследованной с советских времен, всякое выступление с экономическими требованиями, тем более массовое, затрагивает

всю властную иерархию. В данном случае несомненный политический эффект массовых выступлений – замешательство и паника (страх повторения соседних потрясений).

Одно из последствий социальных протестов 2005 года заключается в том, что обществу задан определенный и, скорее всего, значимый на перспективу образец массовых действий. Простого повторения социально-исторических событий не бывает; если этот образец (как новая «волна» или как более или менее стабильный тип взаимоотношений общества и власти) окажется востребован, то, возможно, например, на иных уровнях организованности и направленности.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ: ПЕРЕСТРОЙКА В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ И В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Неюбилейные заметки

Сегодняшний интерес к судьбе социально-политического перелома, начатого около 20 лет назад, связан не столько с условно «круглой» датой (строго говоря, начало перемен датируется скорее 1987 годом), сколько с обострением общественного внимания к современному значению и возможным перспективам реальных последствий этих событий. Поэтому целесообразно выделить две различные, хотя и взаимосвязанные, плоскости изучения названной проблемы. Во-первых, плоскость, связанную с «субъективной» памятью – представленной в общественном сознании и отраженной в исследованиях общественного мнения памятью о перестройке. Во-вторых, плоскость памяти «объективной», т.е. плоскость наследия перемен в современной общественной реальности, в социальных отношениях, процессах, институтах.

Обратимся сначала к памяти общественного мнения.

Стоило ли начинать?

Таблица 1

**«Было бы лучше, если бы все в стране оставалось
как до 1985 года?»**

*(1994, N = 3000 человек; 1999, 2003, N = 2000 человек,
% от числа опрошенных)*

	1994	1999	2003
Согласен	44	58	44
Не согласен	34	27	35
Затрудняюсь ответить	22	15	21

В январе 2005 года около половины опрошенных (48% против 40%) соглашалось, что «было бы лучше, если бы все

в стране оставалось как было до начала перестройки (до 1985 года)». Распределение мнений по возрастным группам таково.

Таблица 2

«Было бы лучше, если бы все в стране оставалось как до 1985 года?»

(Январь 2005 года, N = 1600 человек,

% от числа опрошенных в каждой возрастной группе)

	Все	Возраст, лет			
		18-24	25-39	40-54	55 и старше
Совершенно согласен	26	8	17	28	42
Скорее согласен	22	16	20	26	24
Скорее не согласен	24	28	32	23	16
Совершенно не согласен	16	24	17	16	10
Уровень согласия*	48:40	24:52	37:49	54:39	66:26

* Соотношение числа «согласных» и «несогласных».

В поддержку своей позиции респондентами приводились следующие аргументы.

Таблица 3

«Почему Вы согласны с тем, что было бы лучше, если бы все в стране оставалось как до 1985 года?»

(N = 2000 человек, % от числа опрошенных)

	1999	2003
Мы были сильной, единой страной	37	26
В стране был порядок	32	26
Отношения между людьми были лучше	22	17
У людей была уверенность в завтрашнем дне	43	24
Цены были невысокими и стабильными	30	20
Больше заботились о культуре, образовании, науке	7	4
Жить было интересней, веселей	10	6

Примечание: некоторые респонденты отмечали более одного варианта ответа.

Рассмотрим эту аргументацию в разрезе возрастных групп.

Таблица 4

«Почему Вы согласны с тем, что было бы лучше, если бы все в стране оставалось как до 1985 года?»

(возрастное распределение ответов)

(N = 2000 человек, % от числа опрошенных в каждой возрастной группе)

		Возраст, лет			
		16-24	25-39	40-55	55 и старше
Мы были сильной, единой страной	1999	18	28	43	52
	2003	9	16	31	44
В стране был порядок	1999	14	26	34	46
	2003	11	17	26	45
Отношения между людьми были лучше	1999	20	21	24	23
	2003	7	14	25	45
У людей была уверенность в завтрашнем дне	1999	30	37	45	52
	2003	9	14	28	38
Цены были невысокими и стабильными	1999	20	25	29	42
	2003	8	13	20	34
Больше заботились о культуре, образовании, науке	1999	5	5	6	11
	2003	2	1	4	7
Жить было интересней, веселей	1999	8	7	14	10
	2003	1	4	6	10

Примечание: некоторые респонденты отмечали более одного варианта ответа.

На распространенность различных доводов прежде всего влияет многократно отмеченный барьер 40-летия. Апелляции к «сильной, единой стране», «порядку», уверенности в будущем и низким ценам значительно чаще встречаются в старших группах, а ослабевают преимущественно у молодых.

Таблица 5

«Вы согласны, что было бы лучше, если бы все оставалось как до 1985 года?»

(Январь 2005 года, N = 1600 человек, % к числу опрошенных, по столбцу)

	Приспособились к переменам последних 10 лет	Вскоре приспособимся	Никогда не сможем
Совершенно согласен	29	17	38
Скорее согласен	18	11	24
Скорее не согласен	29	26	14
Совершенно не согласен	20	16	8
Затрудняюсь ответить	15	11	16

Таким образом, критерием оценки перелома 1985 года в глазах людей служит их собственная приспособленность к переменам (которые рассматриваются как результат перестройки).

Подкрепляет это соображение следующая таблица.

Таблица 6

«Вы согласны, что было бы лучше, если бы все оставалось как до 1985 года?»

(Январь 2005 года, N = 1600 человек, % к числу опрошенных, по столбцу)

	Дела в стране идут в правильном направлении	По неверному пути
Совершенно согласен	14	33
Скорее согласен	21	25
Скорее не согласен	27	21
Совершенно не согласен	23	12
Затрудняюсь ответить	15	9

Более странной на первый взгляд кажется корреляция, обнаруживаемая в следующей таблице.

Таблица 7

«Вы согласны, что было бы лучше, если бы все оставалось как до 1985 года?»

(Январь 2005 года, N = 1600 человек, % к числу опрошенных, по столбцу)

	Одобрят деятельность Путина как президента	Не одобряют
Совершенно согласен	21	36
Скорее согласен	22	24
Скорее не согласен	26	19
Совершенно не согласен	18	12
Затрудняюсь ответить	13	9

Получается, что одобряющие деятельность нынешнего президента в основном не согласны с тем, что «было бы лучше, если бы все оставалось как до 1985 года», а не одобряющие (как известно, это в основном сторонники компартии), напротив, скорее согласны с этим. Получается, что Путин и его режим выглядят как будто «наследниками» перестройки? Такой вывод был бы неоправданно примитивным, своего рода «коротким замыканием» концов и начал перемен последнего 20-летия. Перестройка открыла определенный набор, пучок неоднородных возможностей развития, которые в дальнейшем использовались разными силами в различных направлениях. В таком смысле и нынешняя ситуация использует один из появившихся вариантов.

Обратимся теперь к аргументации противников ностальгии по ситуации «до 1985 года».

Таблица 8

**«Почему Вы не считаете, что было бы лучше,
если бы все оставалось как до 1985 года?»**

(возрастное распределение ответов)

*(2003, N = 2000 человек, % от числа опрошенных в каждой
возрастной группе)*

	Все	Возраст, лет			
		15-24	25-39	40-54	55 и старше
Страна находилась в культурной и информационной изоляции	19	22	29	17	8
Страна была нищей, на все продукты и товары существовал дефицит	20	24	27	21	10
Люди не имели возможности политического выбора, правила партноменклатура	9	9	12	11	4
Не было возможности заработать хорошие деньги и занять достойное место в обществе	16	20	23	14	8
В стране не было свобод слова, выезда за границу, собраний и демонстраций	11	16	15	10	5
Жить было скучно, не было перспектив в жизни	5	9	8	3	3

Таблица 9

«Какую роль сыграли в жизни нашей страны реформы, начатые в 1985 году М. Горбачевым под флагом перестройки?» (возрастное распределение ответов)
*(Январь 2005 года, N = 1600 человек,
 % от числа опрошенных в каждой возрастной группе)*

	Все	Возраст, лет			
		18-24	25-39	40-54	55 и старше
Значительную положительную	3	5	5	3	1
В целом положительную	18	27	23	17	11
Незначительную	12	16	15	10	8
В целом отрицательную	37	23	33	45	39
Значительную отрицательную	19	9	14	17	31
Затрудняюсь ответить	11	21	10	7	10
Уровень одобрения*	21:56	32:32	28:47	20:24	19:70

* Соотношение числа считающих, что перестройка сыграла положительную роль, и считающих, что эта роль была отрицательной.

Только у самых молодых положительные и отрицательные оценки реформ уравновешены; во всех других возрастных группах преобладает отрицание.

Таблица 10

«Какую роль сыграли в жизни нашей страны реформы, начатые в 1985 году М. Горбачевым под флагом перестройки?»

(распределение ответов по партийным симпатиям)

(Январь 2005 года, N = 1600 человек,

% от числа опрошенных в каждой электоральной группе)

	Комму- нисты	Демо- краты	Пат- риоты	Партия власти
Значительную положительную	0	5	0	4
В целом положительную	4	36	25	23
Незначительную	5	13	15	18
В целом отрицательную	49	25	34	26
Значительную отрицательную	35	14	19	20

Примечательно, что даже среди симпатизирующих демократам мнения о роли реформ делятся практически поровну (41:39). Также заметим, что эти «общие» оценки перестройки существенно отличаются от оценок конкретных перемен. В большинстве случаев они давно и устойчиво признаются положительными!

Таблица 11

«Что принесли России...?»

(% от числа опрошенных)*

	1994		1999		2003	
	Боль- ше поль- зы	Боль- ше вреда	Боль- ше поль- зы	Боль- ше вреда	Боль- ше поль- зы	Боль- ше вреда
Свобода слова, печати	53	23	47	32	49	33
Многопартийные выборы	29	33	21	50	29	40

	1994		1999		2003	
	Больше пользы	Больше вреда	Больше пользы	Больше вреда	Больше пользы	Больше вреда
Свобода выезда за рубеж	45	23	43	23	61	18
Свобода предпринимательства	44	28	50	25	63	19
Право на забастовки	23	36	32	26	41	24
Сближение с Западом	47	19	38	23	55	22

* 1994 – «Советский человек»-2, N = 3000 человек;

1999 – «Советский человек»-3, N = 2000 человек;

2003 – «Советский человек»-4.

Возможно, мы сталкиваемся здесь с такой же методологической аберрацией, которая видна в «общих» и «конкретных» оценках, например, деятельности В. Путина (только с обратным знаком): общие оценки высоки, конкретные, по отдельным направлениям – негативны. Видимо, в оценках разного уровня люди пользуются различными критериями. «Общие» оценки в большей мере зависят от установок СМИ, «конкретные» – от собственного (или знакомого) опыта. Кроме того, в общественном мнении, вероятно, отсутствует или не развито представление о связи событий разного плана. Странно хвалить отдельные свободы и порицать реформы, которые сделали их возможными. Как будто действует тот же механизм, который отображен в старых баснях: не все понимают, на каком древе произрастают приятные плоды...

Таблица 12

«Какие события, изменения, произошедшие в годы перестройки, Вы считаете наиболее значительными?»

(возрастное распределение ответов)

(Январь 2005 года, N = 1600 человек,

% от числа опрошенных в каждой возрастной группе)

	Все	Возраст, лет			
		15-24	25-39	40-54	55 и старше
Возможность свободно высказываться («гласность»)	40	41	40	45	36
Прекращение политических репрессий, освобождение диссидентов, возвращение доброго имени А.Д. Сахарову	22	14	21	26	23
Возможность свободно выезжать за рубеж		43	41	36	
Острые дискуссии на ТВ, в печати	19	14	23	19	17
Появление демократических движений, клубов, партий	11	12	13	8	12
Конкурентные выборы в органы власти	7	12	16	18	13
Трансляция по ТВ заседаний Съезда народных депутатов	7	2	5	10	7
Обновление руководства страны	21	23	22	24	15
Отмена 6-й статьи Конституции (о руководящей роли партии)	13	12	12	12	14
Развитие кооперативов и малых частных предприятий (ИТД)	23	29	28	21	17
Наращивание экономического кризиса и дефицита	24	18	19	25	29
Сближение со странами Запада	12	14	14	12	10

Продолжение табл. 12

	Все	Возраст, лет			
		15-24	25-39	40-54	55 и старше
Перемены в странах Восточной Европы, распад социалистического лагеря, воссоединение Германии	14	17	12	15	13
Движение за независимость в ряде республик СССР	12	10	11	14	13
Наращение конфликтов в руководстве страной	12	10	11	13	12
Появление угрозы распада СССР	34	25	30	37	40
Применение вооруженных сил против национальных движений в Тбилиси, Баку, Риге, Вильнюсе	8	5	5	12	8
Конфликт вокруг Нагорного Карабаха	16	10	14	22	15

Остановимся еще на отношении к главному деятелю перестройки.

Таблица 13

«Как Вы сейчас в целом относитесь к М. Горбачеву?»

(возрастное распределение ответов)

(Январь 2005 года, N = 1600 человек,

% от числа опрошенных в каждой возрастной группе)

	Все	Возраст, лет			
		15-24	25-39	40-54	55 и старше
С восхищением	0	0	1	0	1
С уважением	9	8	8	11	8
С признательностью	2	2	3	2	1

	Все	Возраст, лет			
		15-24	25-39	40-54	55 и старше
С симпатией	6	5	8	7	4
С раздражением	11	6	8	12	13
С неприязнью	12	7	8	13	15
С презрением	4	3	2	4	8
С отвращением, ненавистью	7	12	4	6	14
Затрудняюсь ответить	5	10	4	5	3

Две функции перестройки

Если рассматривать перестройку в целом как перелом в жизни страны, а не как совокупность отдельных, более или менее удачных шагов и деклараций, то можно выделить две принципиальные функции этого перелома – разрушительную (она же высвобождающая) и конструктивную. Результаты их реализации существенно различны. Основные успехи перестройки, в том числе отмечаемые общественным мнением, – это разрушение советской модели, освобождение жизни, политики и мышления от стереотипов (единомыслия, непогрешимости, противостояния всему миру и др.). Одно из условий относительной легкости разрушительной работы перестройки – претензия советских идеологических структур на целостность, для которой любая, даже самая благонамеренная и осторожная попытка изменения каких-то деталей конструкции оказывалась разрушительной. Для исполнения «разрушительных» функций на первых порах еще годился старый партийно-государственный механизм. Гораздо более сложными оказались конструктивные задачи: для их эффективного выполнения не нашлось ни соответствующих интеллектуальных ресурсов, ни необходимых средств. Отсутствие способов закрепить достигнутые перемены – необходимых

социальных институтов и механизмов массовой поддержки – постоянно питало неуверенность в успехе перестройки.

Слабость «механизма»

Как показывают многочисленные свидетельства, изначально перестройка задумывалась как серия действий с помощью существующих партийно-государственных структур, официально подчиненных М. Горбачеву. Но использование такого механизма для совершенно несвойственных ему функций неизбежно вело к его дискредитации и саморазрушению. Хотя почти до самого конца своего правления М. Горбачев и его команда критиковали не социализм, не коммунистическую партию, а как будто только «застой» и сталинизм, подспудно происходил и подрыв «основ». Получалось, что М. Горбачев «сжигал мосты» перед собой!

«Ползучий» реванш?

Более серьезное испытание выпало наследию перестройки уже в последние годы. В частности, потому, что носителями новейших реверсивных тенденций выступают теперь не просто представители «старой» элиты, а структуры и силы, воплощающие более глубокий распад «советского» материала, использующие определенные достижения перемен времени перестройки и последующих реформ (в сочетании с советскими и досоветскими традициями державности, произвола, личной власти и пр.). В конечном счете любая эпоха оставляет за собой не только следы собственных успехов и неудач, но также продукты распада (или «полураспада») эпох предшествующих. В такой ситуации разрушительное наследие перестройки просто недостаточно.

«Два прыжка» или «мосты» через пропасть?

Когда-то У. Черчилль упрекал Н. Хрущева, говоря что тот-де пытался «перепрыгнуть пропасть в два прыжка». Подобный упрек можно было бы адресовать и М. Горбачеву – конечно, лишь в порядке шутки. Говоря всерьез, никаким смелым «прыжком» пропасть между страной, которая досталась в управление М. Горбачеву, и тем, что считается «нормальным» обществом, преодолеть нельзя. Но нет такой пропасти, через которую – при соответствующих затратах времени и усилий – нельзя было бы проложить «мост». Исторические примеры таких сооружений хорошо известны: в некоторых бывших колониях (например, в Индии) на сложном пути к современной жизни заранее сооружались необходимые правовые, государственно-политические и прочие институциональные «переходы». Начинания перестройки такую роль играть не могли, потому что как раз создания обязательных институтов не подразумевали.

Слово и дело

Главным и общепризнанным завоеванием, делом перестройки, как мы видели (*табл. 12*), явилась «гласность» – высвобождение Слова, ранее скованного или запретного. Этим пьянящим Словом и заполнилась политика, публицистика, литература и массовая информация тех лет. С этим связано небывалое внимание к телевидению и печати, публичной (и зрелищной) политике. Слово, неожиданно ставшее публичным, не только казалось, но и было Делом, более того, оно оттесняло на второй план, а то и вовсе подменяло собой практические дела. Решение насущных проблем нередко ограничивалось разговорами о них. Понятно, что социальный ресурс такого Слова довольно быстро, примерно за два года, оказался исчерпанным.

Цена дарованных свобод

«Освободительные» перемены времен перестройки не были результатом напряженной борьбы каких-то общественных сил или организаций. Вне зависимости от того, какая добрая воля или какая внутренняя коллизия в правящей верхушке служила тому побудительным толчком, «свободы» воспринимались людьми как дар свыше, а тем самым обесценивались в общественном мнении. «Платить» за подаренное пришлось значительно позже, когда достижения перестройки оказались под угрозой. Гласность как будто стала привычной, довольно высоко она ценится и сейчас. Но практически никто не готов сейчас не только «выйти на площадь», но хотя бы заявить о своем несогласии с травлей независимых СМИ – как и с наступлением на всеобщие выборы и т.д.

Зрелище перестройки

Один из самых ярких и показательных моментов перестройки – I съезд народных депутатов СССР, сопровождавшийся прямой трансляцией заседаний по телевидению. (Тогда опрошенные называли это самой интересной телепрограммой года, сейчас, как видно из *табл. 12*, мало кто это захватывающее зрелище вспоминает.) Образ открытого, публичного политического действия представлялся полной противоположностью всему стилю «кабинетной» политики предшествующих лет, но на деле Съезд был не столько властной, сколько декоративной структурой, где состязались ораторы (впервые страна видела блестящие образцы публичной риторики и целую плеяду ораторов, умеющую работать «на публику»), а не политические лидеры. Как известно, призыв А. Сахарова объявить Съезд высшей властью в стране не нашел отклика. Съезд остался зрелищем, где «публика» (и та, что была в зале, и та, что сидела у экранов телевизоров) сле-

дила за актерами на «сцене» (на трибуне), а «серьезные» решения принимались, как и прежде, за кулисами. Позже Б. Ельцин наследовал эти приемы и эффектно использовал зрелищность политических жестов (публично подписанный указ и т.п.), – что скорее дискредитировало, чем утверждало действительно публичную политику...

«Переход на личности»

Как всякий общественный перелом, перестройка вывела на общественную сцену ряд своеобразных личностей со своими вкусами, амбициями и пр. (что резко отличало стиль бурных лет перемен от тягучего времени безликих функционеров), занявших те ролевые ниши, которые сформировались на политической сцене, – например, «консерваторов», «радикалов», «смутьянов» и т.д. По сути дела, на шумевшие узлы личных противостояний (М. Горбачев – Е. Лигачев, Б. Ельцин – М. Горбачев) были скорее функциональными оппозициями таких ролевых ниш, чем собственно личными конфликтами.

Нерешаемые задачи

Как уже приходилось отмечать, отвергая «устаревшие» средства решения социальных проблем, перестройка ничего не предлагала взамен. В результате постоянно появлялись «тупиковые» проблемы, не имевшие решения. Это относится к межнациональным конфликтам и национально-государственным претензиям: не решаясь прибегать к испытанным в прошлом средствам массированного насилия (если их, следуя традиции, и применяли в нескольких ситуациях 1989-1991 годов, то как будто стыдливо и скрытно). Новых и адекватных средств (например, продуманных планов, рассчитанных на опережение ситуации, переговорных механизмов и пр.) у М. Горбачева не было, как не было желания их отыскать.

Триумф и крушение

Главный успех перестройки – провал консервативного заговора («путча») в августе 1991 года. Страна, вооруженные силы и даже партийные структуры оказались неспособными последовать за заговорщиками. Но этот успех означал в то же время крушение самого «партийного» механизма перестройки, а вместе с тем и конец политической деятельности «главного механика», М. Горбачева. Перестройка завершилась не поражением в противостоянии с консервативными оппонентами или необузданными авантюристами, а истощением собственных ресурсов. Впрочем, так же решались и судьбы предыдущих периодов нашей истории (и не только «застоя»).

Снова об общественной памяти

Возвращаясь к оценкам перестройки в общественном мнении, приходится признать, что состояние последнего сейчас исключает не только исторически справедливую, но хотя бы более или менее взвешенную оценку перелома. Два фактора могут со временем изменить положение: во-первых, реальные позитивные перемены в жизни большинства, во-вторых, изменения в системе исторического и социального воспитания населения. В ближайшем будущем этого ждать не приходится.

ПАРАДОКСЫ И СМЫСЛЫ «РЕЙТИНГОВ»: ПОПЫТКА ПОНИМАНИЯ

Суэта вокруг рейтингов как показатель социально-политической ситуации

Демонстративное внимание прессы, политического чиновничества, его «технологической» obsługi и т.п. к «рейтинговым» результатам массовых опросов – характерная черта публичного стиля последнего времени, когда поиски решений общественно значимых проблем подменяются возней вокруг «имиджа» институтов и причастных к ним фигур. Никакого отношения к изучению общественной ситуации и общественного мнения это, разумеется, не имеет. Искусственно раздуваемые страхи (или, с другой стороны, столь же необоснованные надежды), связываемые с ожиданиями катастрофических перемен «рейтингов» в ту или иную сторону, отнюдь не способствуют пониманию ситуации и возможных вариантов ее развития. Кроме того, неграмотное обращение с разнопорядковыми индикаторами время от времени приводит к нелепым курьезам и мнимым сенсациям. В том же ряду находится такое распространенное занятие, как поиски «виновников» нежелательных показателей.

Другая и, пожалуй, более значимая парадоксальная ситуация – удивительная для многих наблюдателей устойчивость основных параметров опросных данных. Чтобы разобраться в этом, приходится принимать в расчет универсальные особенности массового сознания – инерционность, адаптивность и пр., а также характер и функции таких его компонентов, как образы фаворитов и антигероев в катаклизмах современной российской реальности. Было бы непростительным упрощением полагать, что «высокие показатели вместо высоких достижений» нужны только для самоутешения политических неудачников, поскольку для ориентации в

реальной политике они не требуются. Но в нынешней неустойчивой ситуации границы между реальными политическими акциями и их демонстративными суррогатами столь же стерты, как и различия между политическими чиновниками и полит-рекламщиками, имиджмейкерами и прочими функционерами внутри-аппаратных игр. За высокие рейтинги своих фаворитов упорно, вопреки очевидности, словно за якорь спасения, держится и «массовый» человек, общественное мнение. Это явление хорошо отслеживается по многим исследованиям.

Особенности российских рейтингов

Существуют серьезные различия между социальными значениями рейтингов общественного мнения (получаемых по схожей или одинаковой исследовательской технологии) в плюралистических, конкурентных обществах и в нашей современной ситуации, ориентированной на преодоление даже зачаточных форм политической конкуренции, не успевших привиться в 90-х годах. Рейтинги западных лидеров – работающий инструмент любой электоральной или внутрипартийной и т.п. конкуренции различных сил и персонажей. (Некоторое приближение к этому мы отслеживали в середине 90-х, сопоставляя рейтинги Б. Ельцина и Г. Зюганова как политических соперников или, в ином контексте, президента Б. Ельцина и премьера В. Черномырдина.) На сегодняшней принципиально «безальтернативной» политической сцене ничего подобного нет, а единственно значимый рейтинг лидера (президента) исполняет совершенно иную функцию – подтверждение его имиджа в собственных и «массовых» представлениях. (Фигурально выражаясь, результатам изучения общественного мнения здесь уготована роль того волшебного зеркальца, которое обязано было показывать, «кто на свете всех милее...», – со всеми вытекающими отсюда последствиями.)

С этой особенностью «главного» нашего рейтинга, как представляется, связана и его видимая, «тефлоновая» (ничего «не прилипает») стабильность. В западных обществах общественное мнение постоянно – при помощи массмедиа – следит за успехами и провалами политиков, в том числе и фаворитов, что немедленно выражается в зигзагах массовых симпатий и соответствующих рейтингов, существенно влияющих на популярность и судьбы лидеров. У нас же рейтинги выражают в первую очередь не оценки определенных действий данного лидера, а состояние комплекса массовых ожиданий, надежд, иллюзий, связанных с ним. Поэтому прямого участия общественного мнения в общественно-политической жизни не существует, а любая массовая реакция на конкретные политические ситуации и действия преломляется через «призму» упомянутого выше комплекса – и остается весьма слабой, практически малозаметной.

Таким образом, в общественном мнении действует известный в социологии принцип примата субъектной установки перед «объектной» информацией: рейтинг показывает не то, что люди непосредственно «видят», а что они готовы или хотели бы «видеть». Люди в массе скорее держатся за собственные иллюзии, чем опираются на «реалии» опыта (особенно если собственный опыт отсутствует). Отсутствие успехов не «обваливает» рейтинг фаворита, а стимулирует поиски «виновников». Такой прием – перекладывание ответственности за неудачи с фаворита на других (ими могут оказаться и зарубежные недоброжелатели, и нерадивые чиновники, и собственное правительство) – также создает впечатление неколебимости рейтингов «первого лица».

Чтобы разобраться в деталях «механизма» наблюдаемых рейтинговых показателей, попытаемся, во-первых, выяснить, чей комплекс надежд и иллюзий стоит за определенными показателями, во-вторых, рассмотреть «качество», содержание соответствующих ожиданий и пр., в-третьих, подойти к проблеме перспектив этого механизма и его функций.

Обширный материал для анализа представляют ежемечасные показатели общего *одобрения/неодобрения* деятельности основных фигур политического поля (президента, премьер-министра, правительства; оценки других федеральных и региональных деятелей в данном случае не рассматриваются). Такие показатели (в англоязычных текстах – *job approval*) обсуждаются публично чаще всего, выражаются наиболее крупными цифрами (т.е. имеют наиболее обширную – и, как мы увидим позже, наименее однородную – массовую базу). С показателями одобрения полезно сопоставлять (в плане их качества и массовой опоры) различные рейтинги *доверия*. В наших опросах регулярно применяется такой прием, как предложение назвать 5-6 деятелей, пользующихся у респондентов *«наибольшим доверием»*. Несколько реже (раз в 3-4 месяца) выясняется, *в какой мере доверяют* президенту, насколько *успешными/неуспешными* являются его действия в разных сферах, а также каков уровень *надежд* и *опасений*, связываемых с ним. Использованы и некоторые другие данные исследований. В ряде случаев оказывается полезным рассмотрение специально построенных по рейтинговым данным *индексов* (разности между процентами одобряющих и не одобряющих, надеющихся и не надеющихся и т.п.). Примечательно, что каждый из представленных рейтингов как будто занимает свою специфическую ступеньку в иерархии оценок. Это значит, что каждый из них имеет свою специфическую массовую опору и свои качественные характеристики. Что, как мы увидим дальше, и делает плодотворным их сопоставление.

Социальная «опора» рейтингов В. Путина

Обратимся к социальному составу групп опрошенных, отличающихся оценками одобрения/неодобрения и доверия В. Путину.

Таблица 1

Состав групп по характеру оценок В. Путина
 (Май 2005 года, N = 1600 человек, % от числа опрошенных в каждой социально-демографической группе)

	Все	Одобр- яю*	Не одобр- яю	«Наи- большее доверие»**	Полное дове- рие***
Все	100	69	29	39	12
Мужчины	46	67	32	37	11
Женщины	54	71	27	41	13
Возраст, лет					
18-24	14	83	16	39	14
25-39	28	81	18	44	11
40-54	29	60	38	33	9
55 и старше	29	60	39	39	15
Средний возраст респондентов, лет	45	42	50	44	47
Образование					
Высшее	16	69	29	39	10
Среднее	56	70	28	37	11
Ниже среднего	28	66	33	42	17

* Одобряют деятельность Путина как президента.

** Доля относящих Путина к числу деятелей, пользующихся наибольшим доверием.

*** Доля указавших «полное доверие» при ответе на вопрос, «в какой мере Вы доверяете В. Путину».

Одобрят деятельность президента женщины чаще, чем мужчины, молодые чаще, чем пожилые, более образованные чаще, чем малообразованные. Не одобряющие – скорее мужчины, пожилые, менее образованные. Состав групп по степени (столбцы 4 и 5) доверия примерно такой же, за одним примечательным исключением: малообразованные чаще выражают доверие.

Одобрение деятельности президента преобладает во всех группах по уровню дохода и возможностям его увеличить. Более преуспевшие одобряют чаще.

Таблица 2

Уровень доходов и показатели одобрения В. Путина

(Январь 2005 года, N = 1600 человек,
% от числа опрошенных, по столбцу)

	Все	Одобряю	Не одобряю
	100	66	29
<i>Получили ли такие люди, как Вы, возможность увеличить свои доходы, зарплаты?</i>			
Да	11	86	10
Скорее да	27	79	19
Скорее нет	38	61	33
Нет	30	51	43
<i>Семейный доход</i>			
Низкий (до 3000 руб.)	14	55	36
Средненизкий (3000-5000 руб.)	20	69	29
Средневысокий (5000-9000 руб.)	18	68	29
Высокий (свыше 9000 руб.)	16	63	32

Примечание: данные о затруднившихся ответить здесь и далее не приводятся.

Рисунок 1

Рейтинги одобрения и доверия В. Путина, 2004-2005

(N = 1600 человек, % от числа опрошенных)

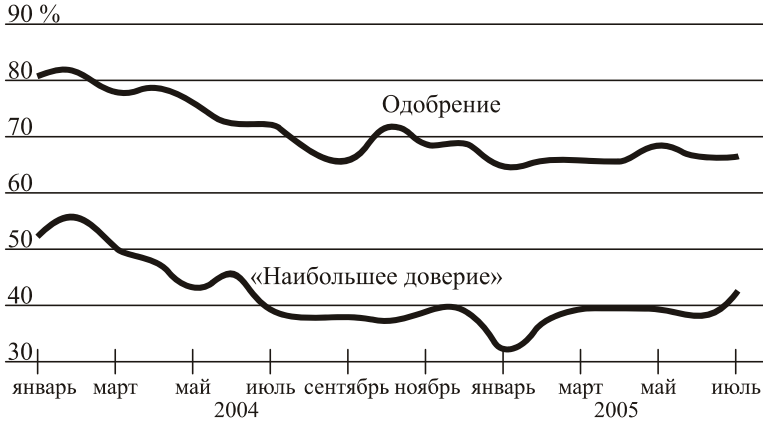
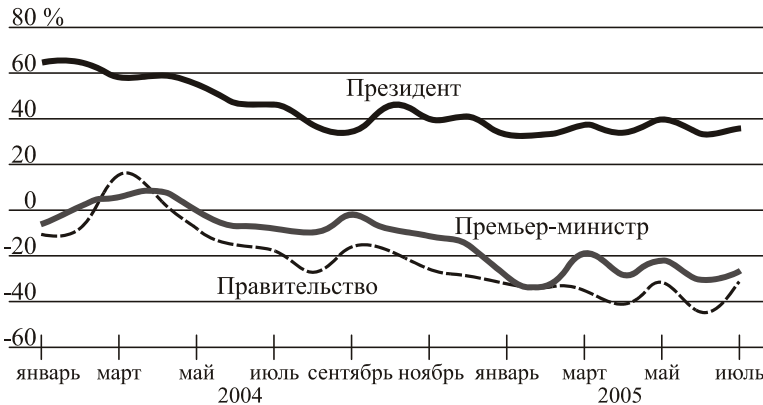

Рисунок 2

Индексы одобрения/неодобрения президента, правительства и премьер-министра, 2004-2005
(разность между числом опрошенных, выбравших позитивные и негативные суждения, N = 1600 человек, % от числа опрошенных)

Проблема «качества» рейтингов

Качеством (качественным содержанием) показателей можно считать набор установок, оценок, позиций и т.д., характерных для различных групп одобрения и доверия в сопоставлении с аналогичными данными для всех опрошенных и тех, кто заявляет о неодобрении деятельности президента.

Таблица 3

Общие оценки положения и показатели одобрения

В. Путина

(Май 2005 года, N = 1600 человек, % от числа опрошенных по группам, по столбцу)

	Все	Одобрению	Не одобрению	«Наибольшее доверие»	Полное доверие
	100	69	29	39	12
<i>Дела в стране идут...</i>					
...в правильном направлении	37	46	11	55	62
...по неверному пути	51	38	81	33	25
Уверены в завтрашнем дне*	34	43	17	44	47
Не уверены в завтрашнем дне**	64	55	81	52	51

* Сумма ответов «да» и «скорее да».

** Сумма ответов «нет» и «скорее нет».

Среди всех опрошенных явно преобладают представления о том, что, страна движется по «неверному пути». В группе «одобряющих» Путина соотношение мнений почти строго обратное, но и здесь «правильность» пути усматривают менее половины. В обеих группах, «доверяющих» Путину, о «правильном» пути говорят более половины, но даже в наиболее оптимистичной и наиболее пропрезидентской (столбец

5) группе четверть считает путь страны неверным. Что же касается уверенности в завтрашнем дне, то ее выражает меньшинство во всех выделенных группах, более половины в каждой из них такой уверенности не имеют.

Таблица 4

Отношение к замене льгот и акциям протеста и показатели одобрения В. Путина
(Май 2005 года, N = 1600 человек, % от числа опрошенных, по столбцу)

	Все	Одобрению	Не одобрению	«Наибольшее доверие»	Полное доверие
	100	69	29	39	12
Поддерживаю замену льгот*	41	56	10	51	55
Не поддерживаю замену льгот*	44	39	56	36	33
Поддерживаю акции протеста против замены льгот	32	25	48	26	25
Отношусь к ним с пониманием	44	47	35	49	43
Решительно против акций протеста	13	15	8	15	21

* «Полностью» или «в основном».

Большинство «одобряющих» Путина поддерживает «монетизацию» льгот, но не слишком уверенно – около 40% против этой меры, среди «наиболее доверяющих» и полностью доверяющих отрицательные оценки реформы разделяют около трети. Притом более 70% во всех группах позитивно относятся к массовым протестам (поддерживают или «понимают»). Настроено решительно против них почти одинаково мало во всех группах, кроме полностью доверяющих.

Обратимся теперь к степени доверия лично Путину в выделенных группах.

Таблица 5

Личное доверие В. Путину и показатели его одобрения
(Май 2005 года, N = 1600 человек, % от числа опрошенных, по столбцу)

	Все	Одобрю	Не одобряю	«Наибольшее доверие»
	100	69	29	39
Полностью доверяю	12	17	1	22
Скорее доверяю	57	71	24	71
Скорее не доверяю	19	7	48	4
Совершенно не доверяю	6	1	18	0
Затрудняюсь ответить	6	4	9	3

Таким образом, если из всех опрошенных полностью доверяют Путину 12%, то из одобряющих его деятельность – 17%, т.е. всего в полтора раза больше, среди «наиболее доверяющих» – 22%. Почти три четверти одобряющих президента «скорее доверяют» ему. Полное доверие чаще всего выражают самые молодые (18-24 года) – 14% и пожилые (55 лет и старше) – 15%, наибольшая доля не доверяющих (30%) наблюдается в группе 40-54 лет.

Таблица 6

Причины доверия В. Путину и показатели его одобрения
(Июль 2005 года, N = 1600 человек, % от числа опрошенных,
по столбцу)

	Все	Одобрению	Не одобрению	«Наибольшее доверие»
	100	69	29	39
Люди убедились, что В. Путин успешно и достойно справляется с решением проблем страны	16	22	3	26
Люди надеются, что В. Путин в дальнейшем сможет справиться с проблемами страны	36	44	20	42
Люди не видят, на кого другого они еще могли бы положиться	42	32	64	30
Затрудняюсь ответить	6	2	13	2

Ссылки на успехи президента довольно редки даже среди положительно к нему относящихся. Как одобряющие, так и «наиболее доверяющие» в первую очередь указывают надежды на будущие действия президента, в среднем же самое распространенное объяснение массового доверия – «больше не на кого положиться»... Таблица 7 позволяет сделать вывод, что этот довод чаще упоминается тогда, когда реже упоминают успехи и надежды на них.

Таблица 7

**«Почему, скорее всего, многие люди доверяют
В. Путину?»**

(N = 1600 человек, % от числа опрошенных)

	2001, июль	2002, октябрь	2003, август	2004, июль	2005, июль
Люди убедились, что В. Путин успешно и достойно справляется с решением проблем страны	14	21	15	16	16
Люди надеются, что В. Путин в дальнейшем сможет справиться с проблемами страны	43	44	46	40	36
Люди не видят, на кого другого они еще могли бы положиться	34	31	34	41	42
Затрудняюсь ответить	9	4	5	3	6

В текущем 2005 году доля прибегающих к доводу «безальтернативности» достигла максимального значения.

Определенный интерес представляет и сопоставление сугубо эмоциональных оценок собственного отношения к президенту в различных группах.

Таблица 8

Эмоциональное отношение к В. Путину и показатели его одобрения

(Май 2005 года, N = 1600 человек, % от числа опрошенных, по столбцу)

	Все	Одобрю	Не одобряю	«Наибольшее доверие»	Полное доверие
	100	69	29	39	12
Восхищение	5	6	1	7	18
Симпатия	27	37	6	48	56
Не могу сказать о нем ничего плохого	36	41	22	38	25
Нейтральное, безразличное	13	9	22	4	–
Настороженное, выжидательное	7	3	14	1	–
Не могу сказать о нем ничего хорошего	9	2	28	–	–
Антипатия, отвращение	2	0	6	–	–

И в целом, и среди одобряющих Путина преобладает сдержанное отношение к личности президента («ничего плохого», «нейтральное», «настороженное»). «Восхищение», «симпатия» на первом месте в группах доверия, только в последней из них (столбец 5) эти эмоции охватывают большинство.

Посмотрим теперь, в какой мере поддерживают действия Путина в различных группах одобрения и доверия.

Таблица 9

Отношение к деятельности В. Путина и показатели его одобрения

(Июнь 2005 года, N = 1600 человек, % от числа опрошенных, по столбцу)

	Все	Одобрению	Не одобрению	«Наибольшее доверие»
	100	69	29	39
Полностью разделяю взгляды и позиции В. Путина	18	26	2	31
Готов поддерживать В. Путина, пока он готов проводить демократические и рыночные реформы в России	21	28	4	33
Раньше В. Путин нравился, но в последнее время в нем разочаровался	14	7	28	4
До сих пор В. Путин очень нравился, но надеюсь, что в дальнейшем он будет полезен России	7	6	6	5
Поддерживаю В. Путина за неимением других достойных деятелей	22	26	14	24
Не являюсь сторонником В. Путина	13	3	35	2
Нужно поддерживать кого угодно, только не В. Путина	2	0	5	0

Даже в группе «наибольшего доверия» к Путину полностью согласны с его взглядами чуть менее трети. Во всех категориях преобладают либо условная поддержка президента («пока он...»), либо ссылки на отсутствие «других достойных».

Значение «размытых» критериев

Представленные выше материалы исследований позволяют сделать вывод о том, что за демонстративными показателями одобрения/доверия, на основе которых составляются соответствующие рейтинги, не просматриваются какие-либо достаточно четко определенные позиции, согласованные мнения, ценностные установки. Значительная часть «одобряющих в целом» деятельность Путина готова лишь условно его поддерживать, притом нередко потому, что не видит, на кого другого можно положиться. Даже заявляющие о «полном доверии» к президенту разделяют многие сомнения в правильности избранного пути движения страны. Изрядная «ложка дегтя», присутствующая во всех категориях позитивного отношения к нему, существенно обесценивает все выражения поддержки. Поэтому показатели позитивного отношения к Путину (одобрения, доверия) практически близки к хорошо известному по прошлому опыту ритуально-послушному (или лукаво-послушному) «одобрям-с». Неопределенность самих критериев «одобрения» придает видимость массовой поддержки рейтинга, одновременно лишая его смысла. Но в этой неопределенности – еще один механизм пресловутой стабильности «главного» рейтинга.

Показатели «эрозии» рейтингов

Рассмотрим подробнее некоторые – далеко не редкие – случаи, когда в ответах респондентов, демонстрирующих положительное отношение к своему фавориту, обнаруживаются отрицательные оценки и мнения на его счет. В этом и состоит наблюдаемая *эрозия, вырождение* «рейтингов».

Таблица 10

Успехи и неудачи В. Путина и показатели его одобрения.

«Насколько успешно, на Ваш взгляд, на протяжении последних лет В. Путин справлялся с проблемами (Май 2005 года, N = 1600 человек, % от числа опрошенных, по столбцу)»

	Все	Одобрению	Не одобрению	«Наибольшее доверие»	Полное доверие
	100	69	29	39	12
Наведения порядка в стране					
Успешно*	45	59	13	64	82
Безуспешно**	53	38	85	33	16
Подъема экономики, роста благосостояния граждан					
Успешно*	33	43	10	48	73
Безуспешно**	64	54	87	48	22
Защиты демократии и политических свобод граждан					
Успешно*	40	51	5	57	69
Безуспешно**	50	39	77	36	23
Укрепления международных позиций России					
Успешно*	64	74	42	80	85
Безуспешно**	30	22	51	17	8
Разгрома боевиков в Чечне					
Успешно*	35	41	22	47	66
Безуспешно**	60	54	75	48	28
Политического урегулирования положения в Чечне					
Успешно*	29	35	15	40	56
Безуспешно**	63	56	81	51	30

Примечание: данные о затруднившихся ответить здесь и далее не приводятся.

* Сумма ответов «очень успешно» и «довольно успешно».

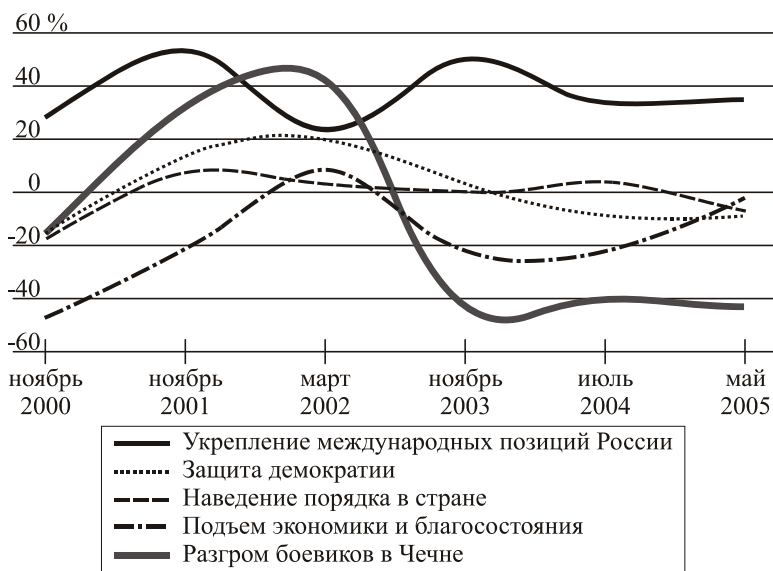
** Сумма ответов «без особого успеха» и «совершенно безуспешно».

Для всех категорий опрошенных представляются почти бесспорными (небольшая доля отрицающих все же есть) только успехи международной активности президента. Во всех других областях мнения о безуспешности его действий если и не преобладают, то разделяются значительной частью опрошенных, в том числе и показательно одобряющих.

Рисунок 3

«Насколько успешно В. Путин справляется с проблемами...» 2000-2005

(разность между числом опрошенных, выбравших суждения «успешно» и «неуспешно», N = 1600 человек, % от числа опрошенных)

Особенно наглядно выступает внутренняя эрозия одобряющих показателей при оценках чеченской ситуации.

В мае 2005 года (N = 1600 человек) 35% опрошенных ответили, что для улучшения работы судов в России нужно

прежде всего, чтобы суды «не зависели от президента и других властей», только 9% – чтобы суды «выполняли указания президента». Среди «одобряющих» соотношение таких мнений мало отличается от средних показателей – 31:11, среди выразивших «наибольшее доверие» – 66:22, только среди полностью доверяющих Путину мнения делятся почти поровну – 46:39. На фоне нынешней масштабной – и достаточно успешной – кампании по подчинению судебной власти исполнительной такое распределение суждений особенно важно. Еще один пример из той же «судейской» сферы. Сочувствие М. Ходорковскому в мае (по данным того же опроса) выразили 17% всех опрошенных, столько же из числа одобряющих и из числа не одобряющих Путина, 20% из наиболее ему доверяющих и 21% из полностью доверяющих.

Таблица 11

Беспокойство деятельностью В. Путина и показатели его одобрения. «Что Вас беспокоит в деятельности В. Путина?»

(Май 2005 года, N = 1600 человек, % от числа опрошенных, по столбцу)

	Все	Одобряю	Не одобряю	«Наибольшее доверие»	Полное доверие
	100	69	29	39	12
<i>Что он до сих пор не предложил никакой конкретной экономической и политической программы</i>					
Не беспокоит*	32	39	21	48	65
Беспокоит**	53	57	73	29	29
<i>Что он не смог решить чеченскую проблему / завершить военные действия в Чечне</i>					
Не беспокоит*	20	24	11	27	36
Беспокоит**	77	73	87	70	60

	Все	Одобр- ряю	Не одоб- ряю	«Наи- большее доверие»	Полное доверие
Как говорят, может установить жесткую диктатуру, опирающуюся на силовые структуры					
Не беспокоит*	46	50	34	53	62
Беспокоит**	47	43	58	39	30

* Сумма ответов «совершенно не беспокоит» и «не могу сказать, что беспокоит».

** Сумма ответов «в какой-то мере беспокоит» и «очень беспокоит».

Из приведенного ряда тревог остановимся на одной позиции – опасениях в отношении военно-полицейской диктатуры. Такой вариант событий беспокоит примерно половину опрошенных, около 40% одобряющих и «наиболее доверяющих» Путину и почти треть в самой «надежной» группе полностью ему доверяющих.

В завершение раздела возьмем отношение различных групп опрошенных к самой общей оценке ожиданий от президента.

Таблица 12

**«Усталость» от В. Путина и показатели его одобрения.
«Согласны ли Вы с тем, что население России уже устало
ждать от В. Путина каких-то положительных сдвигов в
нашей жизни?»**

(Апрель 2005 года, N = 1600 человек,
% от числа опрошенных, по столбцу)

	Все	Одобр- ряю	Не одоб- ряю	«Наибольшее доверие»
	100	66	31	39
Согласен	58	50	83	45
Не согласен	37	45	15	51
Затрудняюсь ответить	5	5	3	4

Как опрошенные в целом, так и «одобряющие» в большинстве своем согласны с тем, что «устали ждать», только в категории «наибольшего доверия» с небольшим перевесом преобладают несогласные с этим утверждением. На протяжении ряда лет соотношение согласных и несогласных с таким мнением выглядело следующим образом: декабрь 2000 года – 47:49, июнь 2001-го – 47:43, июль 2003-го – 51:40, апрель 2004-го – 57:37; нынешнее соотношение (58:37) означает наибольший уровень признания «усталости ждать».

Признаки общего кризиса

Ряд полученных в последнее время данных массовых опросов дает основание полагать, что общественное мнение не только отмечает неудачи и провалы власти в различных областях, но нередко усматривает и приметы *общего кризиса* всей системы доверия и поддержки в отношении власти и лидера, которая сформировалась после 1999 года. Это относится прежде всего к характеристикам положения в стране, нынешних властных структур, правящей элиты.

Таблица 13

Оценка ситуации в стране и показатели одобрения В. Путина. «Что сейчас, по Вашему мнению, происходит в стране?»

(Май 2005 года, N = 1600 человек, % от числа опрошенных, по столбцу)

	Все	Одобр- яю	Не одобр- яю	«Наи- большее доверие»	Полное доверие
	100	69	29	39	12
Становление авторитарного режима	8	8	8	7	1
Наведение порядка	20	26	8	30	30

	Все	Одоб- ряю	Не одобряю	«Наи- большее доверие»	Полное доверие
Нарастание беспорядка, анархии	43	33	64	26	32
Становление демократии	12	16	5	22	14

Примечание: данные о затруднившихся ответить здесь и далее не приводятся.

Как видим, ни сторонники, ни оппоненты президента в равной мере не принимают всерьез вариант «авторитарного режима», несколько чаще респонденты (в основном восторженные выразители «наибольшего доверия») считают, что в России происходит «становление демократии». Главной темой оказывается «порядок» – его наведение или разрушение. Преобладают (за исключением той же категории «наибольшего доверия», где официальные лозунги котируются выше практического опыта) мнения о нарастании беспорядка.

«Наведение порядка» чаще всего отмечают те, кому от 25 до 39 лет (28%), реже всего – пожилые, 55 лет и старше (14%). А «нарастание беспорядка» во всех возрастах упоминается чаще других содержательных ответов: 54% в самом старшем возрасте, 22% в самом младшем (в последнем случае 31% затрудняется ответить).

Примерно такие же, как сейчас, показатели «нарастания беспорядка» наблюдались в конце 90-х годов, т.е. на закате предыдущего политического режима. (Так, в марте 1998 года эту характеристику положения в стране указали 48% опрошенных, N = 1500 человек; в сентябре 1998-го – 58%, в феврале 1999-го – 62%, в марте 2000-го – 37%, N = 1600 человек.) Причем нынешнее возвращение к «разбитому корыту» растущего беспорядка общественное мнение отмечает после

череды неустанных и болезненных усилий по формированию, укреплению и перетряхиванию властной «вертикали».

Таблица 14

Мнения о «вертикали власти» и показатели одобрения В. Путина

(Июнь 2005 года, N = 1600 человек, % от числа опрошенных, по столбцу)

	Все	Одобр- ряю	Не одобряю	«Наи- большее доверие»	Полное доверие
	100	69	29	39	12
Как Вы считаете, власть в России сейчас находится...					
Под контролем народа	6	8	3	8	14
Под контролем узкого круга лиц, неподконтрольных народу	83	80	88	80	66
Как Вы считаете, укрепление «вертикали власти» производится...					
Ради укрепления порядка в стране и возрождения России	18	20	13	49	49
Чтобы президентское окружение могло в своих личных интересах контролировать все, происходящее в стране	21	18	29	35	32

Таблица 15

Оценка «людей, находящихся у власти» и показатели одобрения В. Путина. «Как бы Вы расценили людей, находящихся сейчас у власти?»

(Июнь 2005 года, N = 1600 человек, % от числа опрошенных, по столбцу)

	Все	Одобрению	Не одобрению	«Наибольшее доверие»
	100	69	29	39
Это люди, озабоченные только своим материальным и карьерным благополучием	64	57	79	53
Это честные, но слабые люди, не умеющие распорядиться властью, обеспечить порядок и последовательный политический курс	11	13	7	12
Это честные, но малокомпетентные люди, не знающие, как вывести страну из экономического кризиса	10	12	7	13
Это хорошая команда политиков, ведущая страну правильным путем	6	9	2	11
Затрудняюсь ответить	9	10	6	10

Когда массовое внимание переключается с единственного и неповторимого фаворита на чиновников, «...толпой стоящих у трона», негативные эмоции захлестывают уже все без исключения группы, включая одобряющих Путина и наиболее доверяющих ему. К данным *таблицы 15* можно добавить

показатели, полученные в начале того же года. 31% сочло, что окружение Путина волнуют проблемы страны, а 55% – что только «личные материальные интересы» (январь, N = 1600 человек).

От этой темы – прямой переход к универсальной проблематике *коррупции*. В декабре 2004 года (N = 1600 человек) 64% опрошенных назвали наиболее серьезной проблемой для России «*коррупцию в органах государственной власти*». (Для сравнения: только 7% в качестве наиболее серьезной проблемы указали «нарушение крупным бизнесом налогового законодательства»...) Тогда же 51% (против 7%) выразили мнение, что за последние пять лет «воровства и коррупции среди государственных чиновников стало больше».

В заключение темы – сравнение *электоральных предположений* опрошенных из различных групп одобрения и доверия.

Таблица 16

**Выборы 2008 года и показатели одобрения В. Путина.
«За какого кандидата в президенты скорее всего
проголосуют в 2008 году?»**

(Май 2005 года, N = 1600 человек, % от числа опрошенных,
по столбцу)

	Все	Одоб- ряю	Не одобряю	«Наи- большее доверие»	Полное доверие
	100	69	29	39	12
За кандидата, предложенного В. Путиным	27	37	6	43	56
Принципиально за другого кандидата	24	13	48	12	10
Зависит от обстоятельств	35	35	33	31	22

Примечание: данные о затруднившихся ответить не приводятся.

Только в численно небольшой группе «полностью доверяющих» Путину преобладает готовность поддержать предложенного им преемника, среди всех прочих категорий предпочтение принципиально другого или сомнение в выборе указывается чаще или, по крайней мере (у «наиболее доверяющих») не реже.

Таблица 17

Отношение к «третьему сроку» В. Путина и показатели его одобрения. «Если В. Путин останется на посту президента и после 2008 года, это будет...»

(Июль 2005 года, $N = 1600$ человек, % от числа опрошенных, по столбцу)

	Все	Одобрю	Не одобряю	«Наибольшее доверие»
	100	69	29	39
Чрезвычайно полезно, спасительно для России	9	12	2	15
Скорее полезно для России	37	49	11	53
Вряд ли что-нибудь изменит	29	25	37	22
Скорее будет вредно для России	13	6	27	4
Будет очень вредно, губительно для России	5	1	13	1
Затрудняюсь ответить	8	7	11	5

«Чрезвычайно» полезным продолжение правления Путина даже самые доверяющие ему люди считают довольно редко, около половины из них отмечают более сдержанный вариант («скорее полезно»). Правда, и противники Путина предпочитают умеренно негативные суждения («вряд ли изменит», «скорее вредно»).

Итоги и перспективы

При рассмотрении проблемы «рейтингов» нельзя ограничиваться видимой (демонстративной) поверхностью явления. Если принимать во внимание тот комплекс общественных отношений и механизмов общественного мнения, который отчасти сказывается в рейтинговых показателях, многие «секреты» таких показателей приоткрываются. Загадочная (относительная) стабильность рейтингов президента объяснима приматом иллюзий и надежд на фаворита, механизмом «перераспределения» ответственности между ним и прочими носителями властных полномочий (чиновниками, правительством), а также рассмотренной выше неопределенностью самих критериев массового одобрения и доверия. Отсюда возможность нарастающей эрозии (вырождения) качества «рейтингов» под поверхностью стабильно высоких показателей. В этой ситуации вряд ли стоит ждать «обвала», «опрокидывания» таких показателей, более правдоподобна перспектива хронического их внутреннего «загнивания». Воздействие на «рейтинговую» поверхность очевидных для общественного мнения крупных политических провалов власти (как операция в Беслане или пресловутая «монетизация» льгот) сравнительно невелико и кратковременно, через два-три месяца оно почти незаметно. Менее заметны пока, но более значимы факторы, деформирующие саму структуру отношений внутри иерархии власти, структуру общественного доверия. Принципиально важен и фактор исчерпания ресурсов доверия, ожиданий, терпения – а также ресурса уверенности в себе у самих носителей власти вплоть до верховной (или даже начиная с них).

В сегодняшних условиях к сказанному следует добавить хотя бы краткие ссылки на два весьма значимых момента, влияющих на перспективу отношений между властью и обществом. Первый из них – предстоящие президентские выборы. При отсутствии реально работающих демократических

институтов каждая смена персонала на верхнем уровне иерархии государственной власти неизбежно означает политический кризис, неопределенность, повышенную нервозность, ожидания или опасения смены типа правящей элиты, возникновения ситуаций, выходящих за пределы даже прагматически весьма «растянутого» правового поля. Сейчас к этой «традиции» кризисного перехода добавляется весьма серьезный фактор, с недавних пор выступивший на поверхность в разных точках всего постсоветского политического пространства, – исчерпание тех временных, переходных институциональных и персональных вариантов организации, которые повсеместно использовались после развала советской системы власти. На всем этом пространстве, от России до Центральной Азии (Балтия не в счет), система новой власти конструировалась из наличного материала – фигурально выражаясь, из «гнилых досок», скрепляемых «ржавыми гвоздями», из остатков обветшавших социальных институтов и кадровых ресурсов прошлого строя. Нынешние «оранжевые» и тому подобные, «окружающие» Россию потрясения вне зависимости от своих национальных форм, степени организованности, успешности и пр. подтверждают неизбежность замены всех этих «временок» социально-политическими конструкциями, ориентированными на стабильные современные образцы, и, соответственно, подвижки или перемены в правящей элите. Раздражение и панический страх российской политической верхушки со всей ее политтехнологической услугой перед «оранжевой» опасностью, по сути дела, подтверждает универсальное значение «постсоветского» кризиса. В определенной перспективе его развитие не может не повлиять и на основы всех возможных рейтинговых показателей.

СЕГОДНЯШНИЙ ВЫБОР: УРОВНИ И РАМКИ

Катаклизмы последнего времени вынуждают рассматривать ближнюю и более отдаленную перспективу (а задним числом и «обратную» перспективу) в плане возможного или утраченного *выбора* ориентиров и средств их достижения. Как обычно, по крайней мере для отечественной истории, взаимосвязанными оказываются проблемы выбора разных масштабов – от персонально-политического и электорального до исторического. Экстраординарная острота нынешней проблемной ситуации в значительной мере обусловлена исчерпанием всего спектра социальных (в том числе социально-психологических, политических, моральных, персональных и пр. – вплоть до «галлюциногенных»...) ресурсов, которые определяли параметры российских перемен за два десятилетия. В такой ситуации само обсуждение проблемы выбора все явственнее выступает уже не как увлеченный поиск «*входа*» на какой-то спасительный (иллюзорно-спасительный) путь, а как отчаянный поиск возможного *выхода* из очередного (и отнюдь не иллюзорного) тупика.

Непременным компонентом публичной дискуссии с разных сторон служат сейчас апелляции к состоянию общественного мнения, в том числе представленному в опросных и тому подобных данных. Возникает и понятный социальный запрос к исследователям на оценку более или менее приемлемых альтернатив, а также, естественно, уместности и адекватности использования самого инструментария анализа – как эмпирического, так и методологического.

Соблазн «переходности»

Осевая парадигма последнего двадцатилетия, питательный бульон целого набора разочарований и утешений – представление о том, что страна быстрее или медленнее, с

большими или меньшими потерями движется к некоторому наперед заданному состоянию (к «рынку», к «демократии», к «модернизации», к «Европе», к «глобализации» и т.п.; знак оценки таких перемен в данном случае не рассматривается) – это метафора, но столь привычно-укорененная, что трудно поддается содержательному анализу. Принципиальная дефективность такого представления заключается в том, что конечный «результат» движения как бы заранее определен, а достичь его можно разными усилиями, с разных сторон, при различных соотношениях добровольного и принудительного выбора. Традиционные для отечественной социальной мифологии с позапрошлого века (генетически связанные с установкой на «догоняющее» развитие) образы неумолимо идущего «поезда» и «мостика» по дороге к непременно светлому будущему вполне укладываются в эту парадигматику. Все ее варианты прямо или косвенно редуцируются к злополучной формуле цели, оправдывающей средства. Но в предельных (социетальных) масштабах действует прямо противоположная связь событий: средства («затраты») определяют *реальные* результаты. Перенестись в некое «завтра» удастся только в сладких снах и фантастических романах, в действительности каждое будущее состояние строится из сегодняшних ресурсов, усилий, жертв, устремлений и ожиданий. И – уже как бы в соответствии с канонами классической политэкономии – уплаченная социальная, моральная и прочая «цена» неизбежно переносится на полученный «продукт».

Кстати, те же замечания вполне относятся и к представлениям о «возврате» к некоторой точке прошлого. По оси социального времени нельзя перемещаться ни вперед, ни назад, но порой удается в какой-то форме воспроизвести, реконструировать, имитировать институты и нравы прошлых времен – тем более что существенные их компоненты сохраняют влияние и после разрушения своей основы. Поэтому оценка реальных или утраченных возможностей социально-исторического выбора не может напоминать путевую карту, это

лишь попытка представить значение определенных позиций или «полей» в условиях бездорожья.

Эти достаточно банальные соображения практически преломляются в ситуациях российских потрясений последнего (и не только последнего) времени, когда за развалом отживших структур следует не столько формирование более эффективных и современных социальных институтов, сколько возникновение тупиков, химер, опасных новообразований «старого» образца и тому подобных феноменов. Поэтому исследовательским императивом становится необходимость разностороннего анализа рамок и критериев наблюдаемых социальных трансформаций.

«Постклассический» фон

Строительство социально-исторических тупиков нельзя считать сугубо отечественной привилегией или проклятием, просто они более заметны в рамках российского опыта, хотя присутствуют во всем мире, особенно же в «третьем». Все варианты происходящего в России разворачиваются на фоне и в рамках современных мировых процессов, которые утратили свою «классическую» определенность. Прошло время, когда казалось достаточным представлять перемены глобального масштаба с помощью универсальных дихотомий типа «прогресс – реакция», «модернизация – традиция», «капитализм – социализм», «Восток – Запад», «глобализм – изоляция», «диктатура – демократия», «свобода – несвобода» и т.д. Содержательность подобных оппозиций утрачивает свою однозначность.

Ни один уголок в мире, ни одна сфера человеческой жизни не остается сегодня вне влияния промышленного, интеллектуального, научно-технического, постиндустриального прогресса. И нигде его результаты не являются однозначно позитивными. Подобно тому как каждый успех научного знания порождает новые проблемы и загадки, каждый прак-

тический успех человечества порождает новые проблемы и напряженности в социальной, экологической, политической, моральной, междивизиационной и прочих областях отношений. Экономический, технологический, промышленный детерминизм, питавший прогрессистскую мысль с начала XIX века, утратил свои универсальные претензии.

Аналогичным образом подверглось практической переоценке противопоставление «традиционных» и «модернизированных» цивилизаций, которое имело смысл в периоды колониальной («цивилизационной») экспансии, а потом – во время ее преодоления (т.е. примерно с середины XIX до середины XX века). В нынешних напряженных – до террористического безумия – отношениях «межмирового» порядка (т.е. отношениях преимущественно между бывшими «первым» и «третьим» мирами) «западной» цивилизации противостоят не традиционалистские социальные структуры, а тот феномен, который С. Хантингтон называет «незападной модернизацией»¹.

Речь идет, по сути дела, о ситуациях, когда плоды процессов модернизации – не только технические, но организационные, социально-технологические, идеологические – становятся деструктивной силой в зонах межгосударственных, междивизиационных, внутригражданских разломов, где теряют силу традиционные регулятивы массового поведения. В этом плане можно обнаружить принципиальное родство сегодняшних атак на центры западной цивилизации, совершаемых под флагами воинственного ислама, и «антизападных» переворотов, потрясавших XX век под иными идеологическими флагами в России, Италии, Германии и др. Историческую их базу составили побочные течения и продукты процессов массовизации и модернизации, повернутые против их мейнстрима.

Противостояние *«двух мировых систем»* в 50-80-х годах

¹ См.: Хантингтон С Столкновение цивилизаций. М., 2003.

прошлого века было преимущественно идеологическим фантомом, прикрывавшим попытку военно-политического вызова сложившимся («капиталистическим») формам модернизации со стороны ее маргинального варианта. Никакой связи с социальными конфликтами (между «трудом» и «капиталом») в развитых странах, а значит, и никакой «классовой» подоплеки эта конфронтация не имела. Попытки привлечь на сторону советского блока деколонизируемые страны оказались безуспешными. Создать «социалистическую цивилизацию», которая явилась бы действенной альтернативой существующих тенденций мирового развития, не удалось. Вынужденный отказ от военно-политических вызовов остальному миру лишил политическую верхушку России всяких оснований представлять себя значимым «полюсом» мирового сообщества. Никакой реальной «глобальной», «геополитической», «всемирно-исторической» и тому подобной катастрофы не произошло в результате крушения советского режима и его амбиций. Катастрофа задела лишь иллюзорный мир социальной мифологии, до некоторой степени, впрочем, создававшийся с двух сторон².

Проблемы и противоречия, придающие глобально-прогрессивным тенденциям характер болезненных катаклизмов, не исчезли, а скорее обострились и выступили на передний план после «самоустранения» со сцены одного из державных колоссов. Сейчас уже трудно принять всерьез эмоциональную формулу «конец истории», брошенную Ф. Фукуямой в горячке «околоперестроечных» переживаний³. Уст-

² По недавнему утверждению И. Валлерстайна, известного экономиста, испытавшего определенное влияние западных трактовок марксизма, «коллапс Советского Союза стал геополитическим бедствием для США», поскольку «с уходом коммунизма господствующие мировые элиты потеряли возможность контроля над трудящимися массами» («Гибель СССР – трагедия для Соединенных Штатов»: Интервью с Иммануилом Валлерстайном // Апология. 2005. № 4).

³ См.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004.

ранение *фантома* мирового противостояния и – тоже иллюзорной – опасности глобализации советско-тоталитарной модели вынуждает более трезво и детально разбираться в неоднозначности плодов перемен региональных и мировых масштабов, реально происходящих в различных компонентах современного мира. В частности, приходится признавать, что либерализм утверждается в мире не как достигнутое состояние, а только как признанный, но не единственный ориентир, как некая более или менее общезначимая тенденция. (Пересмысление упомянутой выше фантомной дихотомии лишает смысла оценочные его определения – «западный», «буржуазный» и т.п.) Притом как тенденция, которая может утверждаться, лишь постоянно трансформируясь. Индустриальное общество в XIX веке как бы «научилось» быть *либеральным* (т.е. вынуждено было принять гражданские права и свободы как условие современного экономического роста), в XX веке ему пришлось стать еще и *социальным* (т.е. признанным компонентом развития стало обеспечение достойного качества жизни и социальной защищенности для большинства населения), а в XXI веке, по всей видимости, придется стать *глобальным*: чтобы выжить, придется найти способы включить в свою орбиту все регионы и типы мирового развития. В поиске эффективных решений этой проблемы жизненно заинтересованы как «классические» центры современной модернизации («развитые» регионы), так и вся обширная ее периферия (догоняющие, маргинальные, локальные, вторичные и прочие «неклассические» варианты развития; понятно, что в этом ряду Россия занимает заметное место).

Дифференциация траекторий регионов, относившихся условно к третьему миру, – нефтяное процветание Эмиратов, экономические прыжки азиатских «драконов», политическая модернизация «латиносов», Индии и пр. при глухих тупиках тропической Африки и радикальных режимов (очевидно также, что общества, причислявшиеся недавно к «соцлаг-

рю», испытывают разнонаправленные импульсы) – покончила со стереотипами противопоставления «Запада» и «Востока», в ином повороте – «Севера» и «Юга». Прорывы к современности – при всех их издержках – оказываются принципиально возможными в странах и регионах с различными историческими, культурными, религиозными корнями. И, с другой стороны, принципиально неоднозначными (социально, морально, экологически, психологически) даже в регионах, как будто наиболее созревших для эффективного развития.

Изоляционистские, «антиглобалистские» лозунги и движения, заметные в последние годы (кстати, видимо, вдохновляющие отечественных сторонников «самобытности» как из властных структур, так и из популистской оппозиции, из ярых противников «засилья мигрантов» и т.п.) – маргинальная реакция на противоречивую по последствиям, но все более значимую взаимосвязанность регионов и экономик, а также на неизбежные процессы трансрегиональных перемещений населения.

Преодоление идеологического фантома «дуалистической» модели мира приводит не к «унитарной» (или «однополюсной»), т.е. устремленной к той же унитарности) его модели, а к представлению о все более взаимозависимом и все более *разнообразном мире*. Это значит, что для определения «своего» места (своей страны, региона, позиции) непригодна простейшая («одномерная») система координат, недостаточно указать точку на линии или одно из полей на условной игровой доске, приходится принимать во внимание координаты рассматриваемого явления в «многомерном» пространстве, т.е. через ряд параметров (например, таких, как уровень и тип развития, источники роста, характеристики экономической системы и ее ресурсов, в том числе интеллектуальных, характер социальной организованности, нормативно-ценностных механизмов, государственных институтов, морального и национального самосознания и т.д.). Вне контекста даже такие привычно используемые показатели, как со-

отношение форм собственности, развитие рыночных механизмов, функции политического плюрализма и пр., утрачивают значение. Вопрос о том, какие из подобных индикаторов могут быть достаточно эффективными при решении определенных аналитических задач, конечно, требует особого рассмотрения.

Российские координаты

В исследованиях общественного мнения довольно регулярно отслеживаются суждения о желаемом (или возможном) пути дальнейшего развития страны, ее общественного и государственного устройства. Варианты реакции, заданные соответствующими размежеваниями социально-политических позиций, сводятся к противопоставлению «общего» и «своего особого» путей; идеал возвращения к собственному прошлому – разновидность второй из этих позиций. (Так, в июне 2005 года 66% против 21% опрошенных считали, что демократия нашей стране нужна, 24% предпочли бы видеть демократию по «западному» образцу, 16% по советскому, 45% – «свою, особую» [N = 1600 человек]. Очевидно, что доминирующее представление вполне соответствует сегодняшним официально принятым установкам.)

Таблица 1

«Какая демократия нужна России?»

(Июнь 2005 года, N = 1600 человек, % от числа опрошенных в каждой возрастной и электоральной группе)

	Как в развитых странах Европы, Америки	Как была в Советском Союзе	Совершенно особая, соответствующая традициям и специфике России
<i>Возраст, лет</i>			
18-24	36	9	48
25-39	29	9	50

	Как в разви- тых странах Европы, Америки	Как была в Совет- ском Союзе	Совершенно особая, соответствующая традициям и спе- цифике России
40-54	22	14	36
55 и старше	16	29	39
Партийные электораты			
КПРФ	8	36	33
«Единая Россия»	34	10	46
СПС	61	0	28
«Яблоко»	37	0	50
ЛДПР	21	15	46
«Родина»	20	23	49

«Спецификой» отечественной демократии чаще всего – примерно для трети опрошенных – представляется сосредоточение власти в руках президента, возможность продления его полномочий, государственный контроль над экономикой и СМИ.

Можно отметить несколько факторов, способствующих тому, что «изолирующий» патриотизм не только явился универсально-распространенным, но и стал исполнять функции «эрзац-идеологии» в прагматичной, постидеологической обстановке.

Установка на противопоставление «своего» «чужому» исторически закреплена в наиболее древних и примитивных структурах массового сознания и способна сохраняться в различных условиях и в различных идеологических, политических, даже сакрализованных облачениях. Если в советский период настойчивое противопоставление чужим образцам и влияниям собственных порядков провозглашалось предпосылкой грядущей всемирной экспансии последних, то сейчас как на политическом, так и на массовом уровнях заметно лишь стремление самоизолироваться от универсальных об-

разцов. Произошедший где-то в 30-х годах XX века с утверждением прагматического сталинизма переход от показного революционного интернационализма к державному патриотизму и национал-шовинизму оказался поэтому достаточно простым и эффективным. Как и переход от государственно-идеологических приемов их легитимации к прагматически-чиновничьим. Характерные для зари перестройки апелляции к общечеловеческим ценностям, строительству «общеевропейского дома» и т.п. легко уступили место стереотипам нового противостояния – привычного для значительной части населения, удобного для правящей элиты (поскольку не требуется перемен в устоявшихся механизмах, приемах, кадровых структурах), вполне соответствующего уровню нынешних политических и экономических связей страны с остальным миром. Во всех случаях преобладающим оказывался не самый эффективный или перспективный, а наиболее примитивный, требующий минимальных усилий (как «сверху», так и «снизу») вариант выбора – для властной иерархии он иногда представляется наиболее эффективным. Ссылки на «особое» положение или предназначение России в сочетании с грузом неподъемных амбиций (и попытки избавиться от болезненного комплекса «имперской» неполноценности, оправдывая реально занимаемую ею сегодня маргинальную позицию в «обозе» мирового развития в роли «топливозаправщика», на каком-то сто с лишним месте по шкалам экономических и гражданских свобод, состоянию человеческого потенциала и пр.) на деле прикрывают неспособность и нежелание найти выход из глухого тупика, в котором оказалась страна.

Поскольку экономическая или коммуникативная изоляция страны по традиционным образцам просто нереальна (хотя бы из-за экспортных источников доходов), усилия власти и согласных с ней фракций общественного мнения направлены на то, чтобы обеспечить себе положение некой политической резервации в современном мире, т.е. чего-то

среднего между мировыми координатами Кувейта и Китая, которых в цивилизованном мире принимают, не ожидая от них установления либеральных порядков и соблюдения прав человека, то есть как заведомо чужих, как пришельцев из прошлого. Сомнительно, чтобы выбор подобной позиции оказался для России прочным и перспективным. Постоянно декларируемое у нас на официальном и на массовом уровнях стремление укреплять связи с миром, входить в структуры мирового сообщества нуждается в проверке по шкале исторического времени: существенно, в каком качестве (используя известный образ, при «каком тысячелетье на дворе») может оказаться страна в глобальной сети взаимосвязей.

«Левые» лозунги и критерии

Вспышка массовых протестов, вызванных скандальной «монетизацией» льгот в начале 2005 года, привлекла общественное внимание к постановке извечных и болезненных социальных проблем экономического роста. В соответствии со сложившимся на отечественной политической сцене разделением функций, демонстративное обращение к этой проблематике используется прежде всего силами социально- или патриотически-популистской направленности, представляющими себя «левыми»; в политической риторике и публицистике внимание к социальным нуждам людей связывается с этими силами или с малозаметными в России организациями социал-демократической ориентации. Такое мнение присутствует и в яркой газетной статье М. Ходорковского⁴. В некоторых комментариях прессы недавние социальные инициативы президента трактовались как «левая» тенденция в государственной политике.

Между тем постановка социальных проблем далеко не всегда как-то связана с действиями «левых», особенно в оте-

⁴ Ведомости. 2005. 1 августа.

чественных условиях. Политический спектр с противопоставлением «правых» и «левых» был характерен для европейских парламентских учреждений XIX – начала XX века, сейчас он во многом трансформировался; применимость же соответствующих категорий для российской политической системы весьма сомнительна. При этом практически нигде не прослеживается прямой связи между действиями политически «левых» и социальными программами. В Германии, Англии, Франции социальная политика формировалась скорее центристскими и консервативными политическими течениями⁵. Тем более это очевидно в отношении США, где политически организованных «левых» практически не слышно, а масштабные программы социальной помощи (например, адресованной бедным и больным) разрабатывались республиканскими администрациями.

Принципиально такая ситуация объясняется тем, что «левые» политики, особенно радикальные «левые», стремились, по крайней мере на словах, не к совершенствованию существующей общественной системы, а к ее низвержению, в то время как центристы и консерваторы были заинтересованы в жизненности этой системы, ослаблении социальной напряженности. Истоки социал-реформистских политических моделей часто усматривают в либеральной социальной философии⁶.

Наиболее значимой представляется сугубо практическая взаимозависимость этих некогда противостоявших друг другу течений. Современное развитое индустриальное (и постиндустриальное) общество нуждается в социально защищенных и адаптированных работниках, что и выражается в социальной политике, обширных социальных акциях и программах. Современная индустриальная система нуждается в

⁵ *Мартин Э.* Социальное обеспечение в Великобритании и Франции // Свободная мысль – XXI. 2005. № 8.

⁶ См.: *Канто-Спербер М.* Философия либерального социализма // Неприкосновенный запас. 2004. № 6.

реформистских, «неразрушающих» способах постановки и решения своих социальных проблем. С другой стороны, реформистская социал-демократия может быть успешной только в рамках политического и экономического либерализма. Как известно, при всех вариантах взаимной политической конкуренции либерализм и социал-демократия в Европе эффективно дополняют друг друга, а в американских моделях политического устройства как бы делегируют свои конфликтные и согласительные функции триаде власти-бизнеса-профсоюзов. Видимые на российской политической сцене, в том числе и в демократической ее части, шумные столкновения «либеральных» и «социал-демократических» установок (скорее как лозунгов и ярлыков) показывают, сколь далека пока эта сцена от современных образцов, насколько увязла она в незавершенном – для нас – XIX веке.

На российском политическом поле, разделенном между крайними противниками, практически никогда не было места для социально-реформаторских сил. Известно, с каким презрением относились отечественные радикальные социалисты (не только большевики) к борьбе «за копейку», т.е. за повышение оплаты труда. Почвы для социально-реформаторских течений не было ни до 1917 года, ни после 1991-го: все группы, называвшие себя социал-демократическими в последние годы, вместе взятые, не набирали и 1% общественной поддержки. Нынешняя КПРФ фактически наследует не «левые» политические течения, а организацию старой правящей номенклатуры. Профсоюзы не были в советское время и не смогли стать сейчас реальной социальной силой. Ответственность за социальную политику – и за ее провалы – по-прежнему целиком лежит на власти. Стремясь уменьшить базу поддержки компартии, «партия власти» заимствует ее лозунги, но никак не становится «левой».

Пока такая ситуация сохраняется, трудно представить появление на политической сцене какой-то особой реформа-

торской силы, которая выступала бы инициатором социальной политики.

В последнее время общественное внимание привлекли выступающие под эпатажно-«левыми» лозунгами молодежные группы (НБП, АКМ, РВС и др.), не имеющие отношения к социальному реформаторству. В известной мере имитируя европейских гошистов 60-х годов прошлого века, они формируют некоторую обочину социальных процессов.

В ходе одного из недавних опросов (август 2005 года, N = 1600) 26% высказались за приход к власти «левых» (социалистов, социал-демократов, коммунистов – оговорки относительно условности отнесения этих течений к «левым» высказаны выше), возразили против этого 47%. Из сторонников КПРФ такой вариант одобрили бы 67%, «Родины» – 49%, ЛДПР – 25%, «Яблока» – 22%.

Уроки несостоявшегося референдума

В июне 2005 года в ходе одного из всероссийских исследований выяснялось отношение населения к вопросам, предлагавшимся КПРФ для референдума (не состоявшегося, поскольку ЦИК счел их не соответствующим законодательству) (см. *табл. 2*).

Очевидно, что руководство КПРФ, стремясь получить массовую поддержку представленных позиций (что, как видно по опросу, было вполне возможным), преследовало свои политические цели. Другая проблема – реальное значение тех лозунгов, которые готово поддержать заметное большинство российских граждан. Предложения об увеличении оплаты труда, базовых пенсий и т.д., с которыми большинство населения просто не может не согласиться, никак не связаны с «левым» политическим курсом.

Таблица 2

**«В какой мере Вы согласны со следующим
высказыванием?»**

(Июнь 2005 года, N = 1000 человек, % от числа опрошенных)

	Согла- сен*	Не со- гла- сен**	Не знаю, за- трудняюсь ответить
1. Минимальный уровень оплаты труда должен быть установлен на уровне не ниже прожиточного минимума	90	9	1
2. Размер базовой части пенсии по старости должен быть установлен на уровне не ниже прожиточного минимума	93	5	2
3. Закон о замене льгот денежными компенсациями должен быть заменен; законом должно быть установлено право гражданина на выбор между льготами и денежными компенсациями	79	10	11
4. Размер оплаты жилья и коммунальных услуг в сумме не должен превышать 10% совокупного дохода совместно проживающих членов семьи	92	4	4
5. Необходимо отменить положения нового Жилищного кодекса, ухудшающие условия реализации конституционного права на жилище	78	6	16
6. Государство должно восстановить дореформенные сбережения граждан	91	4	5
7. Необходимо обеспечить право на общедоступное и бесплатное дошкольное, среднее, профессиональное и высшее образование	97	2	1

Продолжение табл. 2

	Согла-сен*	Не со-гла-сен**	Не знаю, за-трудняюсь ответить
8. Необходимо сохранить отсрочки от призыва на военную службу, действовавшие на 1 января 2005 года	74	12	14
9. Недра, леса, водные и другие природные ресурсы, электростанции, предприятия ВПК, железные дороги, высоковольтные ЛЭП и магистральные трубопроводы должны находиться исключительно в государственной собственности	91	5	4
10. Необходимо восстановить государственную собственность на землю, кроме подсобных хозяйств, приусадебных, дачных, садово-огородных и гаражных участков	83	10	7
11. Необходимо установить повышенный налог на личные доходы, превышающие 10-кратный прожиточный минимум	58	29	13
12. Необходимо принять законы, устанавливающие нормы ответственности, вплоть до отставки президента, правительства и губернаторов за снижение уровня жизни населения	87	5	8
13. Необходимо принять законы, предусматривающие право избирателей на отзыв депутатов, избираемых руководителей органов исполнительной власти всех уровней и президента	85	5	10

Продолжение табл. 2

	Согла-сен*	Не со-гла-сен**	Не знаю, за-трудняюсь ответить
14. Руководители областей, краев и республик Российской Федерации должны избираться непосредственно гражданами этих субъектов Федерации	81	9	10
15. Не менее половины депутатов Государственной Думы должны избираться по одномандатным округам	61	38	1
16. Каждая политическая партия, представленная самостоятельной фракцией в Государственной Думе, должна иметь право на один час эфира в неделю для изложения своей позиции на одном из государственных телеканалов	69	14	17
17. Вопрос не может быть вынесен на референдум исключительно в случае, если он противоречит Конституции РФ	61	38	1

* Сумма ответов «совершенно согласен» и «скорее согласен».

** Сумма ответов «совершенно не согласен» и «скорее не согласен».

Российское общественное мнение вряд ли допускает использование критериев «лево-правого» политического спектра. Постоянно заметные в нем симпатии к «социально ориентированным реформам», усилению государственного контроля над распределением (ценами) и даже над СМИ, как и требования вернуть в государственную собственность (т.е. под контроль правящей бюрократии) недра, трубопроводы,

ЛЭП и пр., – признаки ностальгии по советскому псевдопопулистскому патернализму, а не «левого» уклона. Притом действующей преимущественно на декларативном уровне. Действительно же недостает людям с начала бурных 90-х и донине серьезной, обоснованной, рассчитанной на перспективу социальной политики. Если эти симпатии и влияют на социально-экономические решения власти, то скорее довольно мало и опосредствованно, через расчеты и амбиции окол властных групп влияния. Официальные инстанции (ЦИК в том числе) не допустили проведения предлагавшегося референдума не из-за своих «правых» склонностей, а просто не желая давать «левой» оппозиции козыри массовой поддержки, в какой-то мере еще и учитывая ограниченность подлежащих переделу бюджетных ресурсов. Никакие подарки и подачки населению, которые во все времена делают или обещают любые власти ради укрепления собственных позиций (образец сегодняшних предложений в этом духе – приемы В. Жириновского, швыряющего пачки денег в толпу), не связаны с каким-либо курсом или идеологией. А радикально-«левого» передела власти и собственности никто всерьез не предлагает, «левая» оппозиция опасается его не меньше власти. Это наводит на мысль о том, что перед нами не выбор «курса» и, тем более, не выбор «идеологии» или принципов, а – единственно существенный в наличных обстоятельствах – выбор *стиля* жизни и деятельности власти, населения, да и оппозиции, т.е. *стиля* общественно-политической жизни в стране. Для характеристики современной ситуации и вариантов ее преодоления этот термин представляется весьма важным, а потому заслуживающим особого внимания.

«Инерция стиля»: компоненты и последствия

Длющийся вариант российского исторического выбора (в принципе все еще завершающего «наш» затянувшийся XX век) недостаточно рассматривать на фрагментарном уровне

как набор событий, акций, переживаний и т.д. Но и какой-то внутренней (да и декларативной) сверхзадачи, по постановке и реализации которой этот отрезок можно было бы оценивать, не просматривается. Главным «принципом» характерной для него политики и морали можно считать воинственную беспринципность, ориентированную на краткосрочный практический успех, даже на эффект (впечатление в глазах высшего начальства) в любой области и любой «ценой» достигаемый. Поэтому определяющим признаком этого времени и его фигурантов служит преимущественно, если не исключительно, *стиль* их деятельности. Под стилем в данном случае (применительно к политическому периоду, политической деятельности) можно понимать прежде всего характерные способы связи целевых установок и используемых для их реализации средств, критериев оценки тех и других. Наиболее очевидны в данной ситуации такие его компоненты, как сведение политики к технологии, управления – к манипуляциям. Отсюда и снижение уровня социальных, политических, региональных международных проблем до административно-технологического (включая обращения к «силовым» структурам и соответствующим приемам). Условием деятельности подобной «технологизированной» схемы оказывается предельное упрощение ее компонентов – фактическая отмена конституционного разделения властей (вертикального, горизонтального, функционального, независимости суда, массмедиа и т.д.), устранение нормативно-ценностного (морального, правового) социального контроля, подмена общезначимых норм текущими указаниями, приправленными известной долей личного произвола и пристрастий. Следствия известны – глубокий цинизм и всеохватывающая коррумпированность властных структур, разлагающие все общество⁷.

Все шаги в этом направлении ни в государственных

⁷ См.: Гудков Л. Цинизм «непереходного общества» // Вестник общественного мнения. 2005. № 2.

структурах, ни в населении не встретили сколько-нибудь заметного сопротивления. Однако сейчас стали видны опасные – для власти и общества – ловушки сложившейся ситуации. Понижение уровня управления общественными процессами неизбежно приводит саму систему управления к деградации и внутренней нестабильности. В конце 90-х «технологический» стиль, подкрепляемый имиджем нового лидера, выигрывал в общественном мнении в сопоставлении со сложившимся образом власти советского времени и переломных лет. Сейчас явно преобладают другие сопоставления: во-первых, ретроспектива достигнутого за последние годы (уровень, глубина, устойчивость, соответствие ожиданиям), во-вторых, перспектива предстоящей смены президентского «караула». Как известно, сохранение высокого уровня одобрения деятельности президента опрошенные чаще всего объясняют не его успехами, а *безальтернативностью* его положения («больше не на кого надеяться»). Такое распределение суждений (в сопоставлении с преобладанием негативных оценок всех иных институтов и функционеров власти) обнаруживает аномальную конструкцию властной иерархии, в которой первое лицо государства обречено на отсутствие разделения ответственности, конкуренции, опоры и – что в последнее время все явственнее выступает на передний план – «нормальной» преемственности.

Получается, что носитель верховной власти, ближе всего за последние полвека подходящей к ее авторитарной модели, больше, чем любой из его предшественников за это время, скован собственным «технологическим» окружением. И навязанным собственным положением грузом заведомо неподъемных амбиций. Отсутствие средств идеологического или традиционного прикрытия вынуждает дополнять ориентацию на «технологическую» эффективность реанимацией – точнее, всего лишь *имитацией* – отработанных в совершенно иных условиях (в персоналиях – от Сталина до Брежнева) моделей державного величия, непогрешимости, показной са-

моуверенности и столь же показного могущества власти. С удаленной наблюдательной позиции политическая сцена представляется театром масок, где исполнители главных ролей выступают в облачениях действующих лиц прошлого времени (притом, конечно, мифологизированного). Правящая административная бюрократия (от центральной администрации донизу) старается играть роль бюрократии «идеологической» (цековской, партийной), министры – роли запуганных наркомов, прокурорские чиновники разных уровней – исполнительных энкавэдэшников, губернаторы – обкомовских секретарей, вотчинных «хозяев», президент федерации – всесильного генсека; никто из них не раскрывает свои исторические имена (за исключением одной спецслужбы, чиновники которой – должно быть, страха публичного ради – любят прикрываться масками чрезвычайек давних лет). *Инерция стиля*⁸ никому успехов не сулит и показывает, что собственного лица и стиля, которых можно было бы не стыдиться, очередное бесцветное время не приобрело. Как и давно искомой «динамической» стабильности, которая измеряется не экономическими показателями и не усидчивостью чиновников, а способностью к «плавной» смене исполнителей и поколенческих когорт в структурах власти без разрушающих потрясений и неожиданностей. За последние сто лет только два периода отечественной истории, «хрущевский» и «брежневский», отметились попытками – в обоих случаях неудачными – такую стабильность обеспечить. В существующей ситуации, при слабости институциональных механизмов, обещания соблюдать конституционные нормы укрепляют сомнения в их реальности (если и не в искренности). По всей вероятности, страну где-то около 2008 года (возможно, конечно, на пару лет раньше или позже) ждет очередной трудный политический перелом с неоднозначными последствия-

⁸ «Ты весь изменился, а мыслишь как раньше... Самое страшное – это инерция стиля» (*Коржавин Н.* Время дано. М., 1992. С. 72).

ми – с первоначально политкорректными обещаниями «продолжать дело...» и последующими яростными отмежеваниями от предшественника. Можно предположить, что важнейшим предметом социально-политического выбора при смене верховного караула в ближней перспективе (нескольких лет) станет именно *стиль* правления. На публичную поверхность вынесены два крайних варианта такого выбора – «бонапартистский» и «рутинизирующий». Первый предполагает выдвижение внесистемного лидера, способного опираться на собственную харизму, возможно, дополнять массовую поддержку опорой на некоторую особую структуру (условно говоря, «лейб-гвардию»). Необходимыми условиями реализации такого варианта является острый, публично признанный кризис власти («наполеоны» и «наполеончики» приходят только на развалины) и воинственно-политическая мобилизация общества. Во втором варианте допускается «законопослушная» стабилизация социально-политических механизмов при минимизации возможностей для личного произвола и, соответственно, коррупции (в том числе политической) на различных уровнях. Как известно, поклонники «мобилизационного» выбора акцентируют реальные или надуманные угрозы и опасности, адепты «рутинизации» – экономические и внешнеполитические достижения последних лет. Те и другие имеют возможность использовать различные стороны существующей ситуации и современного общественного мнения.

Тем не менее трудно допустить, что какой-либо из крайних вариантов назревающего политического перехода может быть осуществлен полностью и сразу. Тем более что любой из них начинается не с проблемы смены действующих лиц, а с проблемы коррекции стиля при неизменной расстановке персоналий.

АТТРИБУТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ*

* Воспроизводит текст раздела II из книги «Ищем человека», М., 2006.

МЕХАНИЗМЫ И ФУНКЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОВЕРИЯ

Несколько лет назад проблему общественного доверия мне пришлось рассматривать в основном в связи с ростом и падением показателей доверия к политическим деятелям (Б. Ельцину, А. Лебедю, Г. Явлинскому) в электоральной ситуации 1996 года¹. Вновь интерес к проблеме возник, конечно, прежде всего в связи со стремлением объяснить динамику и перспективы отношения населения к президенту В. Путину. Другая сторона проблемы – доверие и недоверие населения к социальным институтам. Логика анализа приводит к вопросам о природе общественного доверия, о его функциях в современной социально-политической ситуации, а также о факторах, которые воздействуют на соответствующие показатели. Одна из задач настоящей статьи – стимулировать интерес к более глубокому анализу проблем общественного доверия и, в частности, определить функции и пределы воздействия этого фактора в современном российском обществе.

Многозначность термина

Находящийся в обиходе термин «доверие» (trust/confidence) обозначает пучок неоднородных отношений и установок. Так, доверие к властным *институтам* предполагает делегирование полномочий, одобрение курса, лояльность, надежду на достижение каких-то позитивных изменений, готовность дожидаться этих изменений и т.д. Далекое не всегда о характере общественного доверия можно судить по соответствующим заявлениям опрошенных. Скажем, характер де-

¹ Левада Ю. Факторы и фантомы общественного доверия // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996. № 5 [= Левада Ю. От мнений к пониманию: Социологические очерки, 1993-2000. М., 2000. С 112-124].

нежного обращения (в потребительском секторе) позволяет утверждать, что сейчас масса населения, как и предусмотрено законодательством, использует рубли в качестве средства для повседневных платежей. Однако в то же время, по данным многократных опросов, сберегать доходы люди чаще всего предпочитают в наличных долларах: «перспективное» доверие к валюте выше, чем к рублям или банковским счетам.

За показателем доверия к отдельным *деятелям* можно разглядеть такие различные феномены, как персонализация института (отождествление исполнителя с должностью; в нашей реальности это относится к должности и персоне президента), отношение к имиджу, признание заслуг, харизматические надежды, сопоставление с другими по принципу «меньшего зла» и пр. В минимальной мере присутствуют в подобных показателях реальные оценки реальных действий определенных политических фигур и должностных лиц. Тем более что подобные оценки зависят от типа и масштаба ожиданий в отношении этих лиц. Массовые ожидания, в свою очередь, определяются характером общественной системы, историческими обстоятельствами («норма» или «перелом»...).

Очевидно, что человек не может определять свое положение в какой-либо общественной системе только на основе индивидуального опыта и рационального расчета. Он неизбежно принимает «на веру», основываясь на традиции, чужом опыте, общем мнении и пр., «подлинность», надежность социальных норм и институтов, личных связей, установок «других», дальновидность лидеров и т.д.

Категория «доверие» обозначает самое общее, а потому и самое неопределенное, позитивное отношение человека к социальным феноменам разного рода. Различные виды и степени доверия как бы определяют собственные координаты человека в этом мире (в таком определении участвуют и от-

рицательные значения переменной, т.е. недоверие, сомнение, отрицание).

Сопоставление трудносопоставимого: Россия и США

Сравним данные опросов общественного мнения о доверии населения двух стран к социальным институтам (*табл. 1*). Сопоставление данных по разным странам неизбежно может быть лишь условным. Различия в уровнях доверия к президенту связаны с назревшим электоральным соперничеством в США перед ноябрем 2000 года. Нужно отметить, что в американском исследовании речь идет скорее об отношении к институту, должности президента – к Белому дому, – а не к определенному лицу. В нашей ситуации такое отделение функции от ее носителя малореально. Значительно более высокое доверие к парламенту (конгрессу) США, по сравнению с отношением к Государственной Думе, обусловлено длительными традициями «президентского» парламентаризма, большими полномочиями палат и др. Требуется особого анализа доверие к институту вооруженных сил. В России этот показатель уступает лишь доверию к церкви, а в США, где власть и население постоянно демонстрируют приверженность религии, армии доверяют заметно больше, чем церкви («организованной религии»). В обоих случаях, видимо, действует представление об армии как символе государственной мощи и влияния страны в мире. Особый интерес представляют различия в отношении к СМИ: в России преобладает доверие к массмедиа, в США – критические установки, недоверие.

Таблица 1

Уровень общественного доверия к институтам в России и в США

(Россия: март 2001 года, N = 2409 человек; США: июнь 2000 года, N = 752 человека % от числа опрошенных)

Социальный институт	Россия			США		
	Полное доверие	Неполное доверие	Отсутствие доверия	Полное доверие	Неполное доверие	Отсутствие доверия
Президент	52	31	8	31	33	33
Парламент	9	41	35	32	47	24
Армия	33	30	18	63	25	9
Церковь	41	21	12	47	27	21
СМИ	28	43	17	21	40	38

Примечание: данные о затруднившихся ответить не приводятся.

Источники: Россия – опрос ВЦИОМа; США – Newsweek Poll.

Индексы доверия

Показатели доверия к основным социальным институтам регулярно отслеживаются в опросах ВЦИОМа (Левада-центра) и публикуются в журнале «Мониторинг общественного мнения» (с 2004 года – «Вестник общественного мнения»). В интересах наглядности представляется целесообразным использовать конструируемые на основе опросных данных *индексы доверия*. Строятся эти индексы таким же образом, как и индексы потребительских или социальных настроений: из числа определенно положительных оценок («полностью доверяю...») вычитается число негативных оценок (в процентах); чтобы избежать отрицательных величин, к полученному результату добавляется 100; половинчатые оценки («отчасти доверяю...») не учитываются.

Отметим некоторые черты динамики таких индексов

(рис. 1). Наиболее заметные колебания испытывал индекс доверия к президенту в 1997-2000 годах: все более резкое падение доверия к президенту Б. Ельцину и взлет доверия к президенту В. Путину. Показатели доверия к правительству В. Черномырдина до 1998 года колебались в унисон с индексом доверия к президенту Б. Ельцину, пребывание во главе кабинета популярного в то время Е. Примакова подняло индекс доверия к правительству, следующий пик доверия к исполнительной власти связан с приходом В. Путина.

Рисунок 1

Динамика индексов общественного доверия, 1994-2001

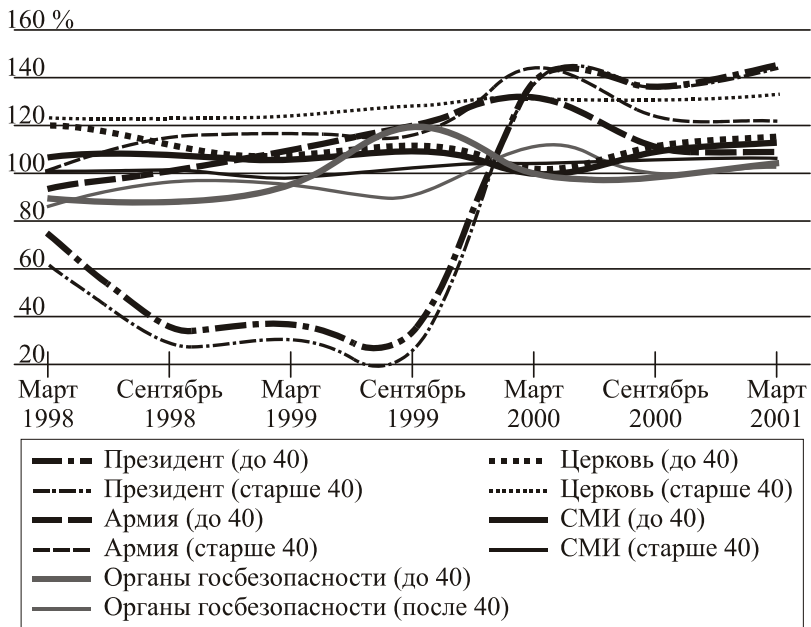
Индекс доверия к парламенту изменялся, видимо, в связи с надеждами и разочарованиями в отношении каждого нового состава Думы. Подъем доверия к армии на переломе 1999-2000 годов, а затем снижение этого индекса отражает дина-

мику общественных мнений о ходе нынешней чеченской кампании. Некоторый подъем доверия к органам госбезопасности в начале 2000 года обусловлен ростом интереса к этому институту после прихода к власти нового президента. Индексы доверия к церкви, к правоохранительным ведомствам (суд, милиция, прокуратура), а также и к СМИ значительных изменений за годы наблюдений не претерпели.

С помощью такого инструмента, как индексы доверия, можно наглядно представить особенности отношения различных групп населения к различным социальным институтам. Для примера ограничимся индексами доверия за три последних года к некоторым институтам в двух возрастных группах – до и после 40 лет (рис. 2).

Рисунок 2

Динамика индексов общественного доверия по возрастным группам 1998-2001

Таким образом, индекс доверия к президенту практически не зависит от возраста опрошенных. Только в период пика недоверия к Б. Ельцину в старших группах этот индекс был несколько ниже. Индекс доверия к церкви, разумеется, выше в старших возрастных группах. Но другие приведенные индексы (доверие к армии, органам госбезопасности, СМИ) имеют свои нетривиальные «возрастные» особенности.

Доверие к *армии* почти всегда выше у тех, кому за 40 лет. Единственное исключение – осень 1999 года, когда возрастные различия в этом индексе исчезли. Это, несомненно, эффект «героического» (штурмового) периода новой чеченской войны. Индекс доверия к службам госбезопасности, напротив, почти неизменно выше у более молодых (примечательно наибольшее расхождение показателей осенью 1999 года: максимальные значения – у более молодых, и минимальные – у старших). Что же касается динамики индекса доверия к *СМИ*, то в младших группах он заметно колеблется, в старших – медленно возрастает.

Рассмотрим теперь более обстоятельно распределение показателей доверия и недоверия к некоторым социальным институтам в группах по возрасту, образованию и социальным ориентациям весной 2001 года (*табл. 2*).

Максимум доверия к *президенту* (при общем высоком его уровне) демонстрируют самые молодые и самые пожилые, менее образованные женщины, удовлетворенные своим положением, сторонники продолжения экономических реформ. Чаще всего высказывают недоверие президенту лица, имеющие высшее образование, а также недовольные своим положением и ходом реформ. Получается, что контингент доверяющих президенту – это прежде всего менее образованные, «простоватые» сторонники существующих институтов. У них значительно выше среднего все показатели доверия к армии, органам госбезопасности, церкви (!), СМИ и, соответственно, заметно ниже уровень недоверия к этим институ-

там. К соотношению различных показателей доверия к президенту придется вернуться позже.

Армии, как мы уже видели, больше доверяют пожилые, которым не угрожает военная служба и на которых сильнее действуют воспоминания о славном военном прошлом, а чаще не доверяют молодые, т.е. как раз люди призывного возраста. Другое существенное измерение доверия/недоверия к армейскому ведомству – уровень образования: более всего доверяют малообразованные, а не доверяют – лица с высшим образованием.

Таблица 2

Доверие и недоверие к институтам в марте 2001 года

(*N* = 2400 человек, % от числа опрошенных в каждой социально-демографической группе)

Группа	Полное доверие					Недоверие				
	президенту	армии	органам госбезопасности	церкви	СМИ	президенту	армии	органам госбезопасности	церкви	СМИ
Всего	52	33	22	41	29	8	18	19	12	17
Возраст										
До 29 лет	54	29	26	37	35	6	25	17	13	16
30-49 лет	48	32	21	38	22	8	19	21	13	19
50 лет и старше	55	37	21	46	29	8	13	19	10	16
Образование										
Высшее	43	28	22	32	16	10	28	29	18	28
Среднее	52	30	22	38	27	7	20	19	13	18
Ниже среднего	56	39	23	48	34	7	12	15	8	12
Пол										
Мужчины	50	35	26	38	25	9	19	22	15	18
Женщины	54	32	20	43	31	7	17	17	9	17

Группа	Полное доверие					Недоверие				
	президенту	армии	органам госбезопасности	церкви	СМИ	президенту	армии	органам госбезопасности	церкви	СМИ
Какое из приведенных выражений более всего соответствует сложившейся ситуации										
«...можно жить»	71	34	28	42	43	2	21	18	6	12
«...можно терпеть»	57	36	26	43	29	5	16	15	12	15
«терпеть... уже невозможно»	36	30	14	38	21	16	20	29	15	25
Рыночные реформы сейчас нужно продолжать, или их следует прекратить										
Нужно продолжать	62	37	28	44	34	7	20	19	11	16
Нужно прекратить	39	34	19	38	25	14	18	25	17	24
«Наибольшее доверие» к В. Путину*	88	43	33	47	38	0	12	11	7	12

* Указавшие В. Путина в числе 5-6 деятелей, вызывающих наибольшее доверие.

Иной характер, как можно заметить, имеет доверие к *органам госбезопасности*. Чаще всего его отмечают самые молодые, и это, скорее всего, связано с навеянной кинобоевиками романтикой подвигов разведчиков и т.п., притом что в реальных условиях участвовать в подобных действиях мало кому приходилось. Уровень образования практически не отражается на доверии к спецслужбам, недоверие чаще всего высказывают высокообразованные.

Полное доверие к *СМИ* демонстрируют в первую очередь более молодые и менее образованные. Критическое отношение к этому институту сильнее проявляется у наиболее обра-

зованных и у людей старшего возраста (30-50 лет). Опыт и культура – как и во всем мире – способствуют более осмысленному, более критическому отношению людей к массмедиа. Согласно данным *таблицы 1*, в США они получают значительно более сдержанные оценки, чем в России. Массовое уважение к СМИ (преимущественно, конечно, к телевидению) в российском обществе – признак его неразвитости. Отсюда и такие функции наших медиа, как претензия на идейное лидерство (ныне почти ушедшая) и сменившие ее ожидания массово-развлекательного характера².

Динамика доверия к лидерам и претендентам

История последних лет дает чрезвычайно интересную для разностороннего анализа серию взлетов и падений общественного доверия к политическим деятелям, стоявшим у власти или стремившимся к ней. (Поскольку, как отмечено в начале статьи, доверие правомерно трактовать как наиболее общее выражение одобрения с некоторой долей условности, постольку динамику данных относительно одобрения и доверия к отдельным лицам можно выстраивать в один ряд.)

Регулярные опросы ВЦИОМа 1989-1993 года типа «Факт» (объем выборки от 1200 до 2300 человек) позволяют представить динамику отношения к Б. Ельцину в первые годы его общероссийской политической карьеры. Индекс одобрения построен по той же методике, которая использована в индексе доверия («позитив» минус «негатив» плюс 100).

На этот период деятельности Б. Ельцина приходится два очевидных пика одобрения, связанных с его избранием председателем Верховного Совета РСФСР в 1990 году и действиями в период путча 1991 года (*рис. 3*). После этого преоб-

² См.: Дубин Б. От инициативных групп к анонимным медиа: массовые коммуникации в российском обществе // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 6. Осень.

ладающими стали негативные оценки деятельности президента (рис. 4).

Рисунок 3

Индекс одобрения деятельности Б. Ельцина, 1989-1993

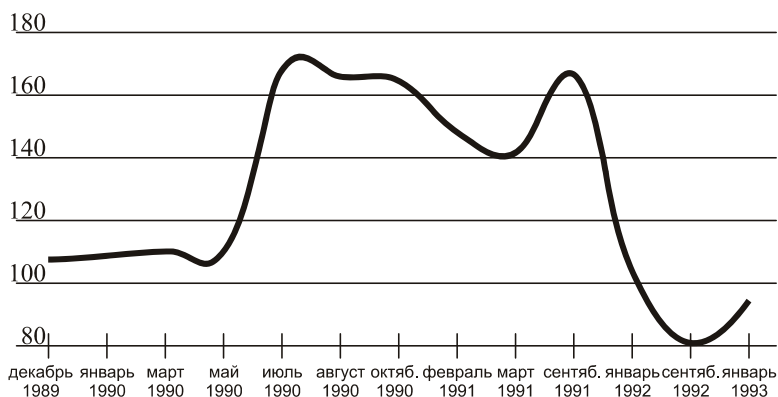
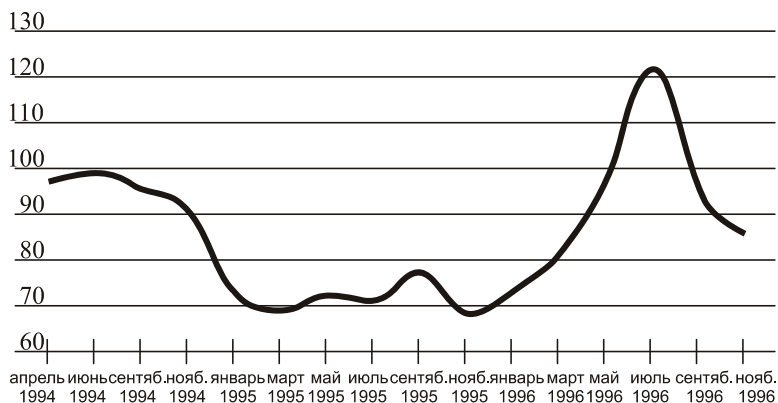

Рисунок 4

Индекс одобрения деятельности Б. Ельцина, 1994-1996

Оценки действий президента были преимущественно негативными, единственным исключением стали выборы 1996 года (голосование по принципу «лучший из худших»). Самый существенный предварительный вывод из наблюдений за динамикой одобрения/неодобрения: *в России пребывание политического деятеля у власти не связано с уровнем массового доверия или одобрения его деятельности*. К попытке объяснить этот феномен мы обратимся несколько позже.

Группа «наибольшего доверия» как показатель динамики оценок

На протяжении ряда лет в опросах ВЦИОМа разного типа («Мониторинг» и «Экспресс») респондентам предлагается назвать, без заранее подготовленного списка, 5-6 деятелей, вызывающих наибольшее доверие. Получаемые данные оказываются чувствительными индикаторами общественного доверия.

По исследованиям типа «Мониторинг», пиковые значения этого показателя у деятелей, выдвигавшихся в последние годы на политическую арену, хорошо прослеживаются на *рисунке 5*.

В принципе рисунок кривой подъема-спуска общественного доверия примерно одинаков во всех приведенных случаях.

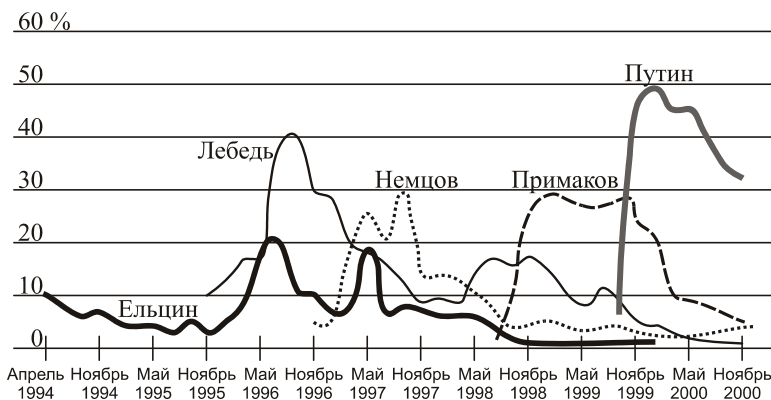
Отмеченная ранее многозначность категории доверия делает необходимым сравнение эффективности различных методических средств ее анализа. Оказывается, например, что отнесение определенного деятеля к группе «наибольшего доверия» отнюдь не тождественно «полному доверию» к нему. Как видно из данных *таблицы 2*, из назвавших В. Путина деятелем, вызывающим «наибольшее доверие», полное доверие к нему испытывают 88%. А из указавших «полное доверие» к В. Путину в том же исследовании к числу вызывающих «наибольшее доверие» его отнесли 63%. По данным

другого опроса, проведенного также в марте 2001 года (N = 1600 человек), из тех, кто относит В. Путина к деятелям, вызывающим «наибольшее доверие», в целом одобряли его деятельность на посту президента 94%, полностью доверяли ему 20%, скорее доверяли 71%, не доверяли 6%.

Рисунок 5

Политические деятели, вызывающие наибольшее доверие, 1994-2000

(N = 1600 человек, % от числа опрошенных)

Поэтому, как это бывает и с другими индикаторами состояния общественного мнения, различные показатели «доверия» целесообразнее использовать в динамических рядах или в разрезе социальных групп.

Социальная структура «наибольшего доверия» к В. Путину

В качестве примера рассмотрим динамику «наибольшего доверия» к В. Путину в социально-демографических группах.

Таблица 3

**«Наибольшее доверие» к В. Путину в группах по возрасту
и образованию, 1999-2001**

(N = 2400 человек, % от числа опрошенных в каждой
социально-демографической группе)

	1999		2000					2001			
	Сентябрь	Ноябрь	Январь	Март	Май	Июль	Сентябрь	Ноябрь	Январь	Март	Май
Средние значения	6	45	49	45	45	39	34	32	39	37	33
Возраст, лет											
До 20	*	31	49	43	38	46	32	38	40	50	35
20-29	*	44	46	54	43	39	35	29	33	31	32
30-39	*	45	48	58	43	29	31	28	31	34	28
40-49	*	47	48	59	39	38	29	31	35	38	25
50-59	*	49	49	56	50	42	31	32	37	36	41
60-69	*	50	55	59	43	41	38	38	55	35	41
70 и старше	*	38	53	48	59	42	39	31	48	45	45
Образование											
Высшее	*	38	44	63	45	34	35	30	36	33	37
Среднее	*	45	53	52	44	39	33	33	41	38	31
Ниже среднего	*	48	47	56	45	40	33	31	38	37	40

* Численно небольшие группы.

Общая тенденция, как можно предполагать, состоит в том, что доля опрошенных, которые назвали нынешнего президента в числе нескольких лиц, вызывающих наибольшее доверие, достигавшая почти половины от их общего числа, снижается примерно до одной трети. Из приведенных выше данных (см. рис. 5) видно, что такого уровня индикатор «наибольшего доверия» достигал и у других деятелей, правда, ненадолго. Особенность «линии Путина» в данном случае – исключительно быстрый «набор высоты» и устойчивое поддержание ее.

Разброс значений по выделенным группам в среднем за полтора года невелик. Чаще всего отмечают наибольшее доверие к президенту в самых младших и самых старших возрастах.

Функции и пределы общественного доверия

Главная проблема изучения каких бы то ни было индикаторов в конечном счете состоит в понимании функций изучаемого явления в определенной системе. Все показатели доверия к институтам и лицам, получаемые в массовых (да и любых иных) исследованиях, как уже отмечалось, обладают значительной мерой неопределенности. Жесткой связи между величиной и значением показателей не существует: при одном и том же уровне индикаторов доверия их значение («качество») может изменяться, скажем, преобладание компонентов надежды может смениться преобладанием привычной лояльности и т.п.

Привлекшее большое внимание в последнее время сопоставление двух процессов – катастрофического падения общественного доверия к Б. Ельцину и стремительного роста доверия к В. Путину – создало у многих наблюдателей иллюзию чуть ли не решающего значения «рейтингов» доверия для судьбы политических лидеров. Отсюда и преувеличенный интерес к динамике отношения общественного мнения к личности и деятельности нынешнего президента, наблюдаемый, кстати, как среди его сторонников, так и среди критиков. Между тем, как показывает опыт, не существует жесткой связи между уровнем общественного доверия к определенному деятелю и его шансами приобрести или сохранить властные позиции.

Выделим два как бы крайних варианта «качества» общественного доверия в отношении политического лидера: доверие как лояльность (к существующему порядку) и доверие как надежда на изменение (для упрощения вектор перемен не

рассматривается). Очевидно, что «застойное» терпеливо-безразличное доверие к таким деятелям, как Л. Брежнев, относится к первому типу, а доверие к М. Горбачеву, позже к «раннему» Б. Ельцину – ко второму. Причем, растратив ресурс доверия-надежды, Б. Ельцин не обрел доверия-лояльности. С этим связан и длительный кризис доверия к этому лидеру, который отражен в исследованиях общественного мнения (см. *рис. 3 и 4*).

Действующий президент, как известно, в том числе из многих исследований, получил массовое доверие как воплощение надежд на перемены (разного направления, но это другая проблема). Ресурс доверия такого типа заведомо ограничен даже при относительно благоприятной экономической конъюнктуре. В наличных сложных общественных условиях никакой лидер не может обеспечить себе путь «от победы к победе». Новому президенту и его команде это, по-видимому, стало ясно уже в начале 2000 года, буквально на следующий день после прихода к власти. С этим, видимо, связано стремление постоянно расширять сферу поисков успеха (реорганизация управления, «война» с олигархами и подобные начинания первого года президентства). Ограниченность возможностей использования такого ресурса доверия также не вызывает сомнений. Создается значительный разрыв между стабильно высоким уровнем общего доверия («одобрения в целом» или надежд на способность президента решать проблемы страны) и довольно скромными оценками реальных достижений в различных сферах. Попыткой преодолеть этот разрыв можно считать заметное в последние месяцы использование символических средств мобилизации общественного доверия (манifestации, изображения и т.д.). Идеал застойно-стабилизирующего – и тем максимально выгодного для политической элиты – доверия пока представляется труднодостижимым.

И наконец, о проблеме общественного доверия как ресурса власти. Доверие может служить таким ресурсом при ряде

условий и оговорок. Любая власть использует – насколько может в своих интересах – доверие людей к институтам, деятелям, а также движениям, лозунгам и пр., но никогда не опирается исключительно на массовое доверие. В условиях конкурентной плюралистической системы барометр общественного доверия постоянно используется для соизмерения влияния соперничающих сил, шансов на переизбрание и пр. Ничего подобного в нашей истории после 1917 года не было. В постсоветской истории политический плюрализм играл преимущественно подсобную или просто декоративную роль, временами возникало острое политическое противостояние, но регулярной политической оппозиции как института не существовало. (Недавно опубликованные мемуарные сочинения показали еще раз, сколь мало значили для Б. Ельцина и его окружения оппозиционные силы и настроения, даже если бы они отражали мнения большинства³.) Поэтому долгие годы (по крайней мере в 1993-1999 годах) могла действовать президентская власть, утратившая общественное доверие, и в то же время на политической сцене могли выступать политики, пользующиеся значительным массовым доверием, но не имевшие шансов на вхождение во власть. При всех различиях в стиле поведения и личном имидже В. Путин пришел к власти прежде всего не как соперник, а как легитимный преемник Б. Ельцина. (С известным правом можно проецировать такое соображение на прошлое: Б. Ельцин был преемником М. Горбачева, который, в свою очередь, наследовал власть от предшествующих партийно-государственных лидеров.) В новых условиях конкурентная политическая среда обесценилась еще больше и превратилась в предмет «технологических» манипуляций. Отсюда и возможность поддерживать атмосферу «общего» доверия к первому лицу власти и сохранять на символически высоком уровне соответствующие рейтинги, на которых почти не ска-

³ См.: Эпоха Ельцина. М., 2001.

зываются реальные неудачи и просчеты правящей команды. В этой ситуации болезненно трепетное отношение к рейтингам со стороны носителей высшей власти можно, видимо, считать признаком их неуверенности в перспективе, преобладающего внимания к внутриаппаратной (не публичной) конкуренции. В контексте настоящей статьи это дает содержательный материал для анализа способов действия и использования общественного доверия.

ЛЮДИ И СИМВОЛЫ

Символические структуры в общественном мнении

Названная тема довольно сложна и многообразна, в данном случае представляется возможным лишь наметить определенные контуры для ее обсуждения и дальнейшей разработки.

Как известно, в изучении общественного мнения наибольшие трудности – но и наибольший интерес – вызывает интерпретация получаемых в ходе опросов данных. В массах показателей с трудом различимы непосредственные эмоции, отголоски стереотипов массмедиа, привычные словесные формулы, демонстративные структуры и т.д. От возможностей анализа этого разнообразного «материала» зависит понимание устойчивости, трансформаций, направленности феноменов общественного мнения и той социальной реальности, с которой они связаны.

Общественное мнение непосредственно оперирует не «вещами» и явлениями социальной жизни, а представляющими их знаками или символами. (В семиотических исследованиях символ обычно трактуется как «знак знака», вторичная, более обобщенная и специализированная знаковая структура.) Для того чтобы подойти к рассмотрению символических структур, специфичных для общественного мнения, придется затронуть некоторые проблемы функционирования таких структур в общественных системах, в социальном действии.

Символом может служить объект (предмет, действие, явление, текст, изображение и пр.), если и поскольку он обозначает (замещает, представляет) для какой-то системы социальной коммуникации – в интересующем нас случае для общественного мнения – какой-то другой объект, явление и т.д. Современные антропологи, отчасти корректируя известную формулу Б. Франклина (toolmaking animal), утверждают,

что человек по самой природе своей – это *symbolmaking animal*, т.е. животное, не только «производящее орудия труда», но и «производящее символы», умеющее их использовать. Люди не могут жить ни в одной системе социального общения (коммуникативной системе), не используя принятых в данном обществе, группе, социальной среде символических «указателей» допустимого и запретного, своего и чужого и пр. Для собственных, личных, семейных надобностей человек может создавать и свои символы (или придавать значения символов каким-то действиям, предметам), действующие в соответствующих пределах.

Трудно назвать человеческое действие, которое (помимо утилитарного значения) не имело бы символического значения, не обозначало бы уровень социальных притязаний, не служило бы демонстрацией статуса и пр. Это относится даже к действиям в таких «естественных» ситуациях, как принятие пищи, ношение одежды, жилище, обращение с детьми, работа, общение и т.д. Существует обширный набор действий, которые имеют преимущественно или исключительно символическое значение (например, бытовой этикет или официальный протокол; в таких действиях важно соблюдение определенной процедуры). Проблема перехода от «содержательного» символа к «пустому» интересна для понимания процессов символических трансформаций, о которых речь пойдет позже.

В человеческом обществе ни один предмет, ни одно действие, в том числе эмоциональное, словесное, не существует вне целого набора своих значений. Символ можно, видимо, представить как значение, утратившее связь со своим предметом, «оторвавшееся» от него. Символы могут быть «материальными» (вещь, предмет), понятийными, словесными, изобразительными, звуковыми.

Ранее приходилось писать о том, что общественное мне-

ние конструируется из стереотипов и комплексов¹. Говоря о символах, мы как бы рассматриваем эти явления с другой стороны – со стороны их значений. В символических структурах можно усматривать краткое («архивированное» или упрощенное) представление какой-то сложной знаковой структуры, текста. Но символ может представлять и отдельные элементы сложной структуры – ключевые слова, лозунги, иногда выраженные в изображениях, жестах, мелодиях. Символы упрощают реальность, избавляют человека от необходимости самостоятельно в ней разбираться, поэтому служат инструментами «автоматизации» социальных действий. Только с их помощью можно «включить» сложные цепи межчеловеческих взаимодействий, которые не способны переработать никакое индивидуальное сознание. Огромное большинство повседневных и массовых акций «запускается» с помощью триггерных символических структур.

Работая с материалами общественного мнения, приходилось отмечать, что глубина или объем памяти этой коммуникативной структуры весьма ограничены. В ней не может уместиться ни одна теория, идеологическая или религиозная система, поэтому общественное мнение оперирует приметными символами таких систем. Подобная роль символов иногда вырабатывается долгим историческим опытом, иногда приписывается им искусственно. Так, во время прошлых (1995 года) думских выборов в избирательных бюллетенях название каждой партии сопровождалось специальным значком (явное заимствование из политической практики малограмотных стран), – если это для кого-то и имело смысл в ходе голосования, то забылось на следующий день.

Символы можно в некотором приближении сравнить с видимой вершиной айсберга (или с буйком, обозначающим

¹ *Левада Ю.* Комплексы общественного мнения // Мониторинг общественного мнения. 1996. № 6; 1997. № 1 [= *Левада Ю.* От мнений к пониманию: Социологические очерки, 1993-2000. М., 2000. С. 216-249].

какой-то подводный предмет). С помощью такого сравнения проще уяснить, что непосредственной связи (в том числе и причинно-следственной) между отдельными символами не существует. Этим, кстати, объясняются многие видимые парадоксы общественного мнения. Необъяснимые переходы от доверия к недоверию или наоборот, поддержка политики, которая недавно отвергалась, и тому подобные пертурбации в наблюдаемых данных могут быть показателями изменений, которые коренятся на других уровнях.

Символическое действие. Символ и ритуал

Символическую природу имеют социальные действия самого разного вида, если и поскольку их смысл состоит в том, чтобы обозначать, указывать, представлять какое-то иное действие, отношение и т.п. Это значит, что в качестве символов может выступать не только любой «предмет», но, в принципе, и любая акция. Тем самым последняя не лишается своего утилитарного (или экспрессивного) значения. В производстве, в семейной, политической, культурной и прочей жизни человек не только добивается определенных «материальных» результатов, но утверждает себя в отношениях с другими, обозначает свой статус, свою приверженность одним символическим структурам и отмежевание от других. Опять-таки практика работы с данными опросов показывает, как трудно бывает отличить, насколько, допустим, намерение голосовать в пользу определенного кандидата означает поддержку линии данного конкретного деятеля или символизирует приверженность электората к привычным лозунгам, именам, отвержение других и пр.

«Чисто» символическое действие, лишенное иных (утилитарных, экспрессивных) значений, именуется обычно ритуальным или церемониальным. Эти термины не вполне идентичны. За ритуалами исторически стоят обряды, т.е. действия, принадлежащие определенному культу, обращен-

ные к сакральным ценностям. В современных условиях ритуалы часто носят сугубо светский, «гражданский», «официальный» и прочий характер и лишь элементами своих процедур напоминают о своем сакральном происхождении (ритуалы, знаменующие рождение, смерть, память, статусные перемены). Церемониал же, скорее всего, сакрального происхождения не имеет, а искусственно создается для обозначения каких-то явлений, которым придается важное значение в государственных структурах (приемы, приветствия, парады и т.д.) или в специализированных группах (военных, молодежных). Та же электоральная процедура может рассматриваться как церемониальная; по-видимому, для значительной части наших граждан со времен советских безальтернативных выборов она и является таковой, т.е. набором привычных действий, создающих ощущение причастности к общественной жизни.

Особый тип символов, в том числе и символических действий, традиционно представлен в различных сферах искусства – изобразительного, драматического, музыкального. Символы выступают там элементами специфического, игрового действия, отгороженного (по крайней мере, символически) от «реальной» жизни. В современной, условно говоря, постмодернистской реальности символические границы нередко оказываются размытыми; в результате на политической сцене широко используются театральные приемы, вплоть до фарса и клоунады, – их примеры хорошо известны по практике нашей Госдумы. Параллельно пассивное соучастие в политических акциях приобретает черты, характерные для зрительского соучастия («зрительской игры») в современных эстрадных или спортивных акциях. (И, конечно, интригующее многих зрелище «реальной жизни» за стеклянными барьерами в нашумевшем телешоу – своего рода спектакль для зрителей, а также для участников.)

Стоит заметить, что характеристика символического действия как «игрового» отнюдь не лишает его серьезности,

значения, которое может быть и трагическим; речь идет только об определенной конструкции, структуре действия, способах его восприятия. И точно так же отнесение какого-либо действия к «чисто символическому» не лишает его социального значения. Но означает такое действие не то, что записано на его «вывеске», а что-то иное. Так, «чисто» церемониальное приветствие означает соблюдение некой нормы отношений, приличия, протокола; обычно демонстративное значение имеет несоблюдение такой нормы.

Миф и ритуал

Между различными школами социальной антропологии давно идет дискуссия относительно исторической первичности «идеологического» (миф) или «ритуального» (обрядовое действие) в древнейших культурах. Согласно одним исследователям, ритуал – это как бы театрализованный миф, согласно другим, миф – своего рода развернутое описание ритуальных процедур и отношений. В трактовке Э. Дюркгейма и его школы именно ритуальное действие, сакрализующее отношение человека к обществу как высшей реальности, служит основой социальных связей. Причем священные ритуалы культов в современном обществе заменяются светскими, политическими.

Наиболее существенным для изучения символических действий является социальное значение священных и светских ритуалов.

Для русского православия издавна было характерно «обрядовое», т.е. установка на обрядовую сторону культа как основу его массового воздействия, при относительном невнимании к идейной (богословской, теоретической) стороне веры. Защитники официального православия ссылались на византийскую традицию, в которой обрядам, убранству и самой архитектуре храмов придавалось решающее значение для сохранения устоев религиозности. Эти давние споры по-

зволяют проиллюстрировать вполне современную и вполне социологическую (равно как и социально-психологическую) проблему коллективного ритуального воздействия на человека. Многочисленные исследования показывают, сколь большое влияние на отдельного человека может оказывать непосредственно контактная, «малая» (коллективно-психологическая) группа особенно в ситуации массового направленного возбуждения, как это обычно бывает в традиционных ритуалах. Именно этот прием, с большим или меньшим эффектом, воспроизводят и светские, политические, групповые ритуалы.

Имеются основания полагать, что традицию «обрядоведения» восприняли – и довольно эффективно использовали – большевики после утверждения своего господства и особенно после преодоления собственного утопизма. Чем меньшую роль в политике играли идейные установки правящей верхушки (по сравнению с прагматическими ориентациями на державное величие), тем большее значение придавалось символической и обрядовой стороне властвования. Коллективные акции всевозможных «массовок», демонстраций, собраний и съездов разных уровней превращались в символические церемонии. Примечательно, что партийно-политические ритуалы действовали не в мифологической (или идеологической) системе, а в реальной системе власти, господства, подкрепляемой карательными мерами. Важнейшую роль в системе политического ритуализма играл, разумеется, культ непогрешимого вождя (в периоды угасания системы подмененный культом памяти бывшего лидера или апелляцией к «мудрой партии»).

Возможно, нуждается в пояснении такое понятие, как социальный или социально-политический миф. В обиходном (светском, конечно) и публицистическом словоупотреблении – кстати, с «подачи» примитивного богоборчества – мифом именуется всякое ложное утверждение, неверная информация, несостоятельная гипотеза или теория и т.п. Никакого

отношения к пониманию или преодолению социальной мифологии такие определения не имеют. Социальные мифы – это теоретические (идеологические, «утопические» в терминологии К. Манхейма) конструкции, воспроизводящие на светском и современном материале структуру и некоторые функции первоначальных, культовых образцов. Дело не в том, имеются или нет в социальном мифе какие-то «правильные» или «неправильные» компоненты, а в том, какую конструкцию они образуют и как используются. Образцы таких мифологических конструкций (или типов) немногочисленны, все они давно описаны антропологами – это мифы о сотворении, грехопадении, спасении, искупительной жертве, равенстве и неравенстве, об избранных народах, о героях и подвижниках и пр. В любых вариантах светской мифологии эти древние образцы воспроизводятся на современном материале, следы такой модернизации обнаруживаются в различных идеологиях – от либеральных до социалистических и националистических. И в любых вариантах социальная мифология – возможно, и независимо от воли своих сторонников – превращается в предмет веры, в символическую структуру, которую можно принимать или отвергать, но которая не подлежит рациональному суду. Исследование мифологии или идеологии возможно только извне, с позиций объективной науки.

Символические конструкции как «материал» общественного мнения

На том уровне коммуникативных систем общества, который выявляется в массовых опросах (иногда он именуется «массовым сознанием», «обыденным сознанием»), исследователи имеют дело скорее с «массовыми» (массово-значимыми) символами оценок, переживаний, установок, чем непосредственно с самими этими явлениями. Причем с символами, так сказать, стандартизованными, соответствующими

действующим эталонам-стереотипам. На массовое восприятие действуют раздражающие, тревожащие, восторгающие и прочие *символы* событий, а не сами эти события (причисляем к ним и события идейного плана). Сложные идеологические конструкции действуют на общественное мнение только через свои символические выражения – лозунги, лица, обозначения и т.п. Современная технологическая политическая пропаганда («PR»), в отличие от своих предшественников начала и середины XX века, стремившихся «нести в массы» свои программы и концепции, умеет достаточно цинично использовать это обстоятельство. И не только не смущается вульгарностью массового восприятия любого идеологического материала, но именно на такое восприятие и ориентируется.

Иногда, впрочем, в роли символических «раздражителей» оказываются символы иного порядка, как бы «вторые производные» от символических феноменов – например, в недавней ситуации массового обсуждения государственной символики России.

Предельная простота символических структур (разумеется, не имеющая никакого отношения к туманной многозначности эстетических феноменов эпохи символизма), воспринимаемых и воспроизводимых в общественном мнении, – одно из условий их феноменальной стабильности. Как известно из исследовательской практики, общественное мнение, по крайней мере в конкретных вопросах, в элементарно-символическом представлении, в основном работает по принципу простейшей контактной схемы «да – нет» (одобрение-осуждение и т.п.), средние варианты ответов чаще всего означают уклонение от выбора. Только при сопоставлении ряда ответов, особенно в некоторой динамике, становится заметна более основательная неуверенность общественного мнения (принцип «да, но... – нет, но...»).

С этой элементарностью символического представления, как можно полагать, связана и «непротиворечивость» обще-

ственного мнения, т.е. наличие в нем взаимоисключающих суждений, не вступающих в противоречие друг с другом.

Функции символических структур

В принципе символические образования действуют во всех сферах человеческой жизни и поэтому могут представлять самые разнообразные ее компоненты – но в упрощенном, «архивированном» виде.

Первейшей из функций символов, вероятно, можно считать обозначение принадлежности в смысле разделения «своих» и «чужих». Далее стоит отметить функцию определения статуса в социальной иерархии (высшие – низшие), профессиональной группе, ориентиров (целей, рамок, норм) деятельности, авторитетов (моральных, должностных, сакральных).

Символами принадлежности прежде всего являются категории (или понятийный аппарат), обозначающие восприятие человеком социальной реальности как разделенной на «свое» и «чужое», «наше» и «не-наше» и т.д. Социальные «наполнители» такого фундаментального разделения могут быть семейными, клановыми, классовыми, государственными, профессиональными и пр. (одна из модных сегодня тем – «цивилизационные» барьеры). Характером разделительных линий определяются и рамки идентификации с одной «половиной» и отчуждения от другой. А затем (логически, не исторически) выступают на сцену традиционные или специально сконструированные символические «значки» принадлежности – термины, слоганы, эмблемы, официальные или конспиративные. Конечно, первоначальные разграничения – чем бы они ни были вызваны – обозначались лишь такими примитивными и фундаментальнейшими барьерами, как табу, развернутые обоснования появились значительно позднее.

Категории и «значки» принадлежности, как известно, проходят проверку в катастрофических обстоятельствах.

Критическая ситуация, возникшая после чудовищных актов террора 11 сентября 2001 года в США, ставит (точнее, обостряет) заново чуть ли не все основные проблемы сближений и разграничений, или конвергенции и дивергенций, в мировом масштабе. На экранной поверхности последних месяцев – противостояние символов: звездно-полосатого американского флага на улицах США, на лацканах пиджаков, и портретов Усамы бен Ладена на бурных мусульманских митингах. Основные проблемы возникают, конечно, на иных уровнях, главная из них – какого типа разграничения обозначены в таком противостоянии. Пока не предложено убедительных объяснений происходящему, их роль исполняют отсылки к понятийным символам («заговоров» против современной цивилизации, «столкновения» непримиримых цивилизаций, «просто» преступных «заговоров» и пр., впрочем, предложенный набор не слишком велик).

По-видимому, значение символических средств принадлежности особенно велико, когда сама принадлежность к определенной общности является проблемой. В какой-то мере этим объясняется большая – и довольно успешная – роль символов в утверждении национального единства разнородного американского общества. Попытки же символического закрепления советской общности (например, с помощью таких понятийных форм, как «мы советские люди», а также значков, флажков, портретов) в конечном счете оказались безуспешными. Должно быть, в одном случае происходили процессы сближения социальных и этнических групп (вынужденные, трудные и противоречивые), в другом – процессы разъединения и взаимного отчуждения (под общим «колпаком» принудительной однородности). К этому добавляется другой, сугубо исторический фактор – характерная для американцев, молодой нации, привычка «играть» в собственную историю с помощью символизированных фигур, событий, флагов и пр.

Исключительное значение символов принадлежности

присуще обычно специализированным, искусственно сконструированным социальным общностям – военным и т.п., которым подражают молодежные группировки. Современная всеобщая мода на камуфляж как символ «окопной» суровости пришла – через несколько этапов – на смену блеску эполет и звону шпор и играет в принципе такую же роль.

Другая ось символизации социальных явлений – *временная*. Подобно тому как индивидуальная человеческая память размечает собственную жизнь знаменательными событиями, социальная память – как официальная, так и неофициальная, массовая – выделяет в истории моменты чрезвычайной важности или приписывает им такое значение. Чаще всего это «первоначальные» события («начало» истории страны, народа, государства, политического строя) и связанные с ними судьбоносные победы или поражения, героические подвиги и т.д. Реальность или фантастичность событий и персонажей исторической мифологии не имеет значения.

В российской исторической мифологии роль первоначальных символов играли легенды о призвании варягов, об Иване Сусанине, в советской – о «штурме» Зимнего дворца и пр. Зарубежные аналоги таких первоначальных событий – от легенды о Ромуле и Реме до символизированных событий 4 июля в США, 14-го – во Франции и т.д. В современной же России начало исторических координат отсутствует. Не признавая старых, царских, советских, «первоначальных» символов, страна не получила никаких новых (маловероятно, что таковым станут считать инаугурацию очередного президента). Примечательно, что в августе 2001 года из всех государств бывшего Союза только в России никак официально не отмечалось десятилетие событий 1991 года. Бесславный провал переворота ГКЧП, означавший конец партийно-советской системы, не стал ни государственным, ни народным праздником. По данным опроса (июль 2001 года), 45% россиян видят в этом событии просто эпизод борьбы за власть в высшем руководстве страны, еще 25% – трагическое собы-

тие, и только 10% – победу демократической революции... Между тем отсутствие признанного «начала» – тоже важный символ, означающий неопределенность, неустойчивость, неясность перспектив нынешнего режима.

Еще одна ось символического самоопределения общества – *пространственная*, имеющая особенное значение для российского существования и самосознания во все времена. Отечественная мифология «бескрайних» просторов и «неисчерпаемых» природных богатств постоянно выступала естественным символом величия страны и закреплена в бесчисленных текстах – от официозных до иронических («страна у нас большая, порядку только нет», «от моря до моря, от края до края...»), «широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек» и т.п., до последнего произведения С. Михалкова включительно). Символика богатств, не требующих усилий для своего создания, очевидно внесла свою лепту в оправдание экстенсивной экономики, живущей за счет естественных ресурсов и неспособной освоить обширные территории на Востоке и Севере. Но пространственный фактор в отечественной истории и мифологии имеет, как известно, и другое измерение – геополитическое или межцивилизационное. Превращение этого исторического обстоятельства в символ «предназначения» России – превращение, которым занимаются многие отечественные и зарубежные теоретики (и которое в общественном мнении и политических дебатах выражается в представлении об «особом пути» страны), означает всего лишь стремление оправдать собственную отсталость и пассивность.

Символизация и ее уровни

Сравним три формулы обиходного словоупотребления: (1) некоторое явление (событие, произведение, действие) «стало символом», (2) какое-то явление осталось «только символом», (3) что-то «перестало быть символом». В первом

случае имеется в виду повышение значения частного, локального явления до уровня общезначимого, важного. Такую трансформацию можно считать символизацией. Во втором случае явление, обозначенное символом, утрачивает свое «реальное» (внесимволическое) содержание, происходит как бы опустошение символа. Но если символ утрачивает «предметное» значение, он не обязательно лишается всякого смысла и может стать архивным объектом, предметом исторической памяти, эстетического восприятия, культуры и пр. (как, например, изображения богов и героев давних времен). В третьем случае явление, предмет лишаются символического значения, сохранив утилитарное. Так, символами индустриального развития когда-то считались трактор, автомобиль, самолет, символом престижа – собственный автомобиль и т.п. Сейчас это скорее символы того времени, когда подобные предметы считались символами.

Подобные «дефинитивные» проблемы нередко, особенно в эпохи незавершенных переходов, приобретают весьма актуальное, даже эмоционально насыщенное значение. Пример – напряженная полемика последних лет о символах и памятниках советского периода (причем преимущественно о восстановлении таковых на прежних местах).

К символическим трансформациям можно отнести также *сакрализацию* и *десакрализацию* символов. Значение священных или сакральных в социальной, политической, культурной сферах (т.е. в мире светских, нерелигиозных отношений) приобретают символы исключительной важности, неприкасаемые, далеко вынесенные за пределы каких бы то ни было сомнений и критики. Идеологизированный – по крайней мере, в своих собственных определениях – советский строй всегда нуждался в сакрализованных идеологических авторитетах (к которым кроме признанных классическими авторитетов причисляли политически одобряемых писателей, исторических персонажей и др.).

Сомнения в непогрешимости персонажей из такого спи-

ска не допускались, – если, впрочем, сомневаться не считала нужным сама высшая власть – главный реальный носитель непогрешимого авторитета в обществе. А потому после падения этого последнего возникла ситуация, когда рациональная критика бывших сакральных символов оказалась допустимой, но как будто утратившей смысл. Памятники оказалось проще сломать, чем переоценить, превратив их из священных символов в исторические. И точно так же священные еще вчера имена, события, произведения было проще осмеять и забыть, чем переоценить, превратить в предмет изучения их содержание и влияние. Результат оказался ненадежным или даже двусмысленным. Изгнанные со священного пьедестала авторитеты сохранили свое влияние (по крайней мере, символическое) на значительную часть населения. Так, по опросным данным, большинство российских граждан после десяти лет шумной борьбы с символами прошлого позитивно оценивает деятельность В. Ленина и Октябрьскую революцию 1917 года.

Правда, положительные оценки бывших авторитетов не означают возвращения их сакрально-символического значения. Не имеют шансов приобрести его и нынешние политические деятели, даже при высоком уровне общественного доверия. Изменились, по всей видимости, необратимо, сами возможности сакрализации социального пространства. Между прочим, это связано с видимым возрождением церковности. В свое время советские власти вели яростную борьбу с церковью как носителем конкурентного сакрального авторитета, стремясь утвердить собственную монополию на высшие ценности. Происходившее с конца 80-х признание церкви государством фактически означало отказ государства от претензий на такую монополию, а тем самым и от притязаний на сакральность своих устоев.

После падения священных символов и авторитетов советской эпохи, а вместе с ними и мифологии «трудовых подвигов», после десакрализации революционного переворота

1917 года и т.д., единственным средоточием сакральных символов и мифов оказалась Великая Отечественная война. Песенная формула «священная война», появившаяся в первые дни боев, приобрела затем вполне серьезный, отнюдь не метафорический смысл. И в сталинские, и в брежневские годы не допускались малейшие сомнения в правильности предвоенной политики, в официальных данных о потерях, в мифах о героях и подвигах (сочиненных или раздутых пропагандой) и т.д. Сейчас официальных запретов на такие темы нет, но существует сильнейшее «табу» общественного мнения, не желающего расставаться с последним символом исторического величия².

Война за символы и «символические войны»

Символические моменты всегда играли заметную роль в конфликтах и войнах различного масштаба. Иногда они исполняли роль триггерного (спускового) механизма, как, например, выстрел Гаврилы Принципа перед Первой мировой, иногда давали символическое прикрытие или даже являлись оправданием конфликта (войны «за престиж» – англоаргентинская за Фолклендские острова или советско-китайская за остров Даманский), предлагали средства психологической мобилизации (например, с помощью стандартного лозунга Первой мировой «За Бога, царя и отечество!», превращенного в следующей войне в «За Родину, за Сталина!»).

Значительную роль в самых реальных и самых тяжелых военных действиях могла иметь ориентация на символически важные объекты (как в защите, так и в ударе). Например, ожесточенная оборона Сталинграда, несомненно, была связана с названием города, а такие акции последних дней вой-

² См.: Гудков Л.Д. Победа в войне: к социологии одного национального символа // Мониторинг общественного мнения. 1997. № 6 [= Гудков Л. Негативная идентичность: Статьи 1997-2002 годов. М., 2004. С. 20-58].

ны, как «штурм Берлина» или «штурм рейхстага», получали, помимо военного и политического, еще и символический смысл удара по «логову врага», как тогда говорили.

Кстати, все пароксизмы «идеологической борьбы», которыми исполнена история советской системы (и близких к ней структур в Китае и др.), были не теоретическими спорами, а жестокой, нередко смертельной схваткой вокруг «одобряемых» и «отвергаемых» символов господства.

Наконец, очевидно, что символическое значение имел удар террористов-камикадзе по Всемирному торговому центру в Нью-Йорке и сентября 2001 года, символу престижа страны и мирового рынка. Возможно, организаторы этой акции полагали, что удары по экономическим или военным объектам были бы не столь болезненными для американского общества и мирового цивилизованного сообщества в целом.

Символические переходы: некоторые примеры

Позволительно сопоставить некоторые символические переходы, совершенно различные по масштабу и значению, но сходные по механизму осуществления.

Сейчас мало кто помнит, что где-то в конце 20-х, в разгар очередной антицерковной кампании, советскими властями была официально запрещена, как «кулацкий праздник», новогодняя елка. Но спустя несколько лет, в 1936 году, в Политбюро решили запрет отменить и традиционный праздник советизировать, нагрузив его соответствующей символикой (звезды, эмблемы и пр.). Праздник немедленно стал всеобщим (и, как известно по опросам, и сейчас остается самым распространенным). Произошло что-то вроде «воскрешения» «похороненного», но не утратившего привлекательности символа – правда, вполне десакрализованного, лишенного связи с Рождеством.

Нечто подобное имело место в конце 50-х, когда, после

долгой официальной опалы, ради укрепления семьи власти (с «комсомольской» подачи) принялись поощрять ношение обручальных колец. Давний обычай за короткий срок получил широчайшее, практически всеобщее распространение. Однако, как свидетельствует динамика числа разводов, укрепления института брака не произошло. Символический акт ношения колец отчасти имеет ограниченное личностно-нравственное значение, но не более того.

Самый заметный и самый дискуссионный за последнее время пример символической трансформации связан с видимым возрождением религиозной жизни и церкви. К православию в конце 2000 года причисляли себя около половины опрошенных, к неверующим – 35%; данные о других конфессиях статистически непредставительны. (В 1991 году, когда восстановление церкви и церковности уже началось, соотношение этих групп было почти зеркально противоположным: 32% православных и 61% неверующих.) Вопрос в том, что реально означает в настоящее время декларация о конфессиональной принадлежности. Согласно одному из опросов 2000 года, из числа считающих себя православными только 42% утверждали, что твердо верят в существование Бога, 31% – что иногда ощущают такую веру, 18% – что верят не в Бога, а в некую высшую силу, 3% заявили, что не верят в Бога, еще 3% не знают, существует ли он. В то же время из числа считающих себя неверующими только 41% утверждают, что не верят в Бога, 16% не знают, существует ли он, 19% верят в высшую силу, 17% иногда, а 3% постоянно веруют в Бога. Грани между верой и неверием, как видим, сильно размыты, доля верующих в населении составляет около одной трети. Если же попытаться проверить по опросным данным состояние «обрядоверия», оказывается, что из относящих себя к православным регулярно (раз в неделю) посещают церковь 3%, раз в месяц – 6%. Массового «обрядоверия» как будто не заметно. Наконец, в 1995 году лишь 1% опрошенных, а в 2000-м – около 3% (из православных –

5%) полагали, что православие может быть идеей, которая сплотит общество.

Складывается предположение о том, что наблюдаемое оживление религиозной жизни и заметный рост «воцерковления» граждан России в значительной мере является символическим феноменом. Как отмечено выше, само по себе обращение к символам веры и церкви имеет свое немаловажное социальное и социально-психологическое значение. Но вряд ли свидетельствует о реальном религиозном возрождении³.

Три этапа советской символики

В символике советского периода представляет интерес смена наборов специально заявленных, демонстративных символов (изображений, ритмов, стилей и пр.) с переходом от революционно-мировых претензий к изоляционистским и державным. Но еще более важна фактическая, не всегда демонстрируемая переоценка или переосмысление «понятийных» символов времени. Так, термин «диктатура пролетариата» несколько десятилетий служил, с одной стороны, политическим символом традиционно-идеологической приверженности власти, а с другой стороны – псевдонимом партноменклатурного господства (второе, конечно, было неизмеримо более важным). Аналогичные роли играли такие термины-символы, как «советская демократия», «поджигатели войны», «преимущества социализма» и т.п. Оценивая значение подобных символических структур, неправомерно ограничиваться обличительными характеристиками («фальшивые», «обманчивые», «лукавые»). «Фальшивых» социальных символов (если, допустим, относить к ним те, которые скрывают или искажают значение своих предметов) – несчетное множество. Но в социологическом плане существен сам ме-

³ См.: *Дубин Б.* Религиозная вера в России 90-х годов // Мониторинг общественного мнения. 1999. № 1.

ханизм «работы» символических структур. Ведь дефинитивная функция символа – обозначать некий предмет – не единственная и даже часто не основная. Обращение к символическим конструкциям упрощает отношение человека к социальной реальности, избавляет его от самостоятельных усилий понимания, оценки и пр., используется как доказательство лояльности по отношению к какой-то традиции, идеологии, социальной группе или институту. На первом этапе, примерно до конца 20-х, доминировали понятийные, словесные, изобразительные символы революционно-международного содержания. Ни нэп, ни «социализм в отдельно взятой стране» не изменили ситуации; «модными» оставались символические облачения вчерашнего дня, т.е. символизация и словарь революционного перелома. В понятийном арсенале это «борьба классов», надежды на «мировую революцию», на войну между «империалистами» (даже на поднимавший голову фашизм как «канун пролетарской революции») и т.п. На уровне лозунгов – призывы к «пролетариям всех стран», «международной солидарности» с угнетенными и как будто готовыми восстать немецкими, китайскими, индийскими и прочими рабочими, «наш ответ Чемберлену» (шумная кампания в связи с разоблачением в Англии секретных инструкций Коминтерна) и т.п. На этом фоне призывы к овладению грамотой, хранению денег в сберкассе или к «американской деловитости» (кстати, это выражение И. Сталина 1924 года) казались второстепенными. Эстетический стиль – плакат, призыв, брутальность авангардного искусства, довольно примитивный конструктивизм. «В наши дни писатель тот, кто напишет марш и лозунг» (В. Маяковский). Личный (предельно обезличенный) стиль – гимнастерки, френчи (у начальства), красные косынки, короткие стрижки. Еще почти нет орден, бюрократы «в ручках все и значках нагрудных» (тоже Маяковский). Собственный стиль кино – «Броненосец "Потемкин"», формальная поэтика революционного противостояния. Культа В. Ленина – портреты, поэмы, мавзолей.

30-е годы – другой этап и другой символический ряд. Понятийные символы – индустриализация, строительство социализма, борьба с внутренними врагами. Международная солидарность, мировая революция, Коминтерн и т.п. уходят со сцены. История «классовой борьбы» (по М. Покровскому) превращается в отечественную, российскую, государственную. Лозунги – «Догнать и перегнать», «Пятилетка в четыре года», «Не болтай!». Рекламный журнал (редакторы – М. Горький и М. Кольцов) – «СССР на стройке». Эстетика «победившего социализма» – «всех ярче сверкают улыбки», «и смотрит с улыбкою Сталин, советский простой человек» (заключительный куплет популярной песни). На портретах 1937-го самый страшный человек года, Н. Ежов, тоже ласково улыбается. Суровый брутализм, конструктивизм, прочий «формализм» отвергнуты, поскольку не соответствуют духу времени и «непонятны массам». Формируется пропаганда успеха, стиль успеха (на деле – заемный, «советский» ампир, классика и т.п.). При этом наличие реальных достижений не требуется, важны символы. Приобретает популярность массовая, бодрая, маршевая песня. Со второй половины десятилетия «реабилитируется» семья (вводится запрет абортов), а вместе с ней – лирика личных радостей (впрочем, не лишенных производственной основы – «Свинарка и пастух» и пр.). Место «класса» как субъекта действия занимает человек. Не «средний», не «обычный», а специальным образом представленный, преимущественно в двух ипостасях – «руководителя» и «образцового работника». К первому ряду – легендарные люди-киносимволы, Чапаев, Киров, «Максим». Во втором – отраслевые «передовики» и герои-летчики, герои-полярники. В официальной пропаганде того времени, как и в массовом сознании, тогда и доньше стерлась разница между выдвиженцами «отобранными» (в том числе из людей достойных) и «назначенными» (в каждой отрасли требовался образец, и только один). Вторых, между прочим, запомнили лучше: по одному из опросов 2001 года, А. Стаханова «хо-

рошо знают» 61% россиян, И. Мичурина – 66%, «челюскинцев» – 57%, О. Шмидта – 42%.

К концу 30-х утвердилась в символике эпохи еще одна ипостась человека – «враг», «изменник», «шпион». С этим, кстати, связано и то, что больше всего из героев этого времени помнят легендарного доносчика Павлика Морозова (81%). Конечно, как и всех других, его «помнят» благодаря пропаганде.

Но главным символом эпохи, разумеется, стал «вождь». В 20-х годах принято было говорить о «вождях» во множественном числе (ср. в иронических строках поэта «нам, мол, с вами думать неча, если думают вожди»). Позже, официально с начала 1934-го, политическая верхушка стала описываться словами – «вождь» и «соратники». Первый плакат с изображением «вождя», работы В. Дени, 1929 год: над заводскими трубами лицо человека с трубкой в зубах. К концу десятилетия, после невероятно пышного юбилея 1939 года Сталин уже «отец народов», «корифей науки» и т.д.; в ходу термин «сталинская эпоха». Другой идеологемы время не имело. Символические ссылки на «основоположников» были возможны только через призму цитат из речей вождя.

Военное время существенных изменений в символы 30-х не внесло. Основные символические поля – «война и победа», «народ и вождь». Война трактуется как сугубо отечественная, вне мирового и антифашистского контекста. Наиболее памятна сейчас героика самопожертвования (Н. Гастелло, А. Матросов, З. Космодемьянская, несколько меньше знают разведчиков Р. Зорге, Н. Кузнецова). Патриотическая линия в истории, философии, литературе безусловно преобладает. Формируется представление о победе 1945 года как главном символе национального исторического самознания⁴.

Первая попытка вырваться из заколдованного символического (и не только символического) круга самоизоляции в

⁴ Гудков Л.Д. Указ. соч.

годы «оттепели» через своего рода «возвращение к истокам» – воспроизведение некоторых образов «революционной» романтики 20-х и начала 30-х. Доведенная до пределов нелепости эта струя привела к возникновению задачи «построить коммунизм» не позже 1980 года. Приоткрыта форточка во внешний мир: подглядеть, как «там», но не допустить чуждого влияния. Лозунг – «Догнать и перегнать», правда, преимущественно в ракетно-космической области (перенесение лозунга в производство молока, мяса, кукурузы имело скорее пародийный смысл). Лозунг международной «антиимпериалистической солидарности» – неудачная попытка прибавить третий мир к «соцлагерю» (уже неустойчивому после 1953 и 1956 годов). Новая волна отобранных и назначенных передовиков («маяков», ныне позабытых – сейчас две трети опрошенных не знают, кто такая В. Гаганова). Ампириный стиль отвергнут в пользу предельного утилитаризма («пятиэтажки», они же «хрущобы» – самый массовый символ эпохи). Попытка «антисталинской» романтизации образов революции и Ленина (М. Шатров, Е. Евтушенко и др.). Державный сталинский культ заменен совершенно искусственным ленинским. Осторожное признание молодежного стиля, моды, джаза. Общий итог – старые символы расшатаны, новых нет.

Стабилизационная, лукаво-прагматическая эпоха брежневского «застоя» никаких собственных значимых символов не создала и не нуждалась в них, достаточно было ритуально-юбилейных заклиний (т.е. символов не каких-нибудь действий, а просто принадлежности к идеологической традиции). Основное орудие идеологического поворота 1964-1965 годов – обращение к отработанной уже символической связке «война – победа», частичное оправдание сталинской военной стратегии, возвращение к торжествам 9 мая, чествования «маршалов победы». Идеологические проработки – в основном в виде «точечных ударов» по отдельным нарушителям спокойствия. Подобная тактика применялась «органами» и в отношении диссидентов. Основная символически значи-

мая акция, определяющая характер всего долгого периода, – подавление «пражской весны» 1968 года и диссидентского движения в стране.

Перестройка и позже: поиски собственной символики

Короткая эпоха горбачевской перестройки непрерывно меняла собственное символическое «лицо»: от «ускорения» и «трезвости» к отработанным лозунгам «революционной» романтики («перестройка – продолжение Октябрьской революции» – главный юбилейный слоган 1987 года, в унисон с ним – новое дыхание антисталинских обличений), затем к «социализму с человеческим лицом» и далее – к «общеевропейскому дому» и «общечеловеческим ценностям». Последовательность этих символов – скорее логическая, чем историческая, реально они почти сосуществовали друг с другом. Успешные, при всех возможных оговорках, символические события эпохи – гласность, I съезд депутатов, падение Берлинской стены. Символы поражений – кровавые акции 1989-1991 годов от Тбилиси до Риги, провал путча ГКЧП и конец Союза ССР. Персонализированный символ эпохи – сам М. Горбачев, вознесенный на пьедестал массовых надежд в 1988-1989 годах и сброшенный оттуда в 1990-1991-м.

После освобождения прессы, литературы и искусства от обязательного контроля уже, видимо, нельзя связывать с политическим периодом какой-то определенный стиль. В перестроечные годы доминирует критика прошлого при несколько наивных ожиданиях от настоящего. Позже предметом критики с разных направлений становится «все» – при все более благостных оценках старой, дореволюционной и допетровской России.

Символические «метки» правления Б. Ельцина – сочетание признаков демократии и державности, популистских обещаний и военно-политических авантюр (Чечня). Официальная символика (орлы, дворцы, церемониалы, церковные

благословения и пр.) – скорее псевдомонархическая, чем демократическая. Лозунги «обновления социализма» отвергнуты, вместо них – объявленный официально поиск «национальной идеи», который ничего не дал. Массовый же поиск (данные ряда опросов общественного мнения) постоянно выдвигал на первые места «законность и порядок» (реальный акцент, конечно, на первом слове) и «стабильность».

Новый политический период, начатый в конце 1999 года и все еще не определившийся до конца, ищет уже не национальную идею, а государственные символы (что само по себе является символом державности). Наиболее шумной и поучительной оказалась, понятно, борьба вокруг музыки государственного гимна, точнее, вокруг предложения принять в таком качестве музыку А. Александрова, известную еще по «гимну партии большевиков» (1939) и гимну Советского Союза (1943; после 1956 года он исполнялся без слов, с 1977-го – с новыми словами), а позднее служившую мелодией гимна народно-патриотических сил, а также гимна российско-белорусского союза. Именно этот «ретроспективный» исторический контекст бравурной музыки сделал ее предметом острой критики со стороны демократов, видных интеллигентов и др.⁵, которые восприняли возвращение старого гимна как символический шаг к реабилитации тоталитарного режима. Драматические коллизии завершились полным – и весьма поучительным – поражением противников староновой мелодии, а точнее – поражением всей интеллигентской демократии в борьбе с властью предрежашей. Авторитет президента, циничный нажим аппаратных «технологов», покорность парламента и массовая апатия (плюс восторженная поддержка реставраторов старого порядка) сделали свое дело. Тем самым был отработан механизм для следующего символически значимого шага – разгрома НТВ и ряда прочих непослушных СМИ. Действие разворачивалось примерно по

⁵ См.: За Глинку! Сборник информационных материалов. М., 2000.

тому же сценарию, правда, с помощью судебных механизмов, при неудачных попытках сопротивления со стороны тех же сил и при таком же всеобщем безразличии.

В годы президентства Б. Ельцина символической (квазиидеологической) осью режима было искусственно, иногда даже провокационно раздутое противостояние власти (и поддерживавших ее демократов) и компартии. Прежде всего, это был не конфликт идеологий или политических линий, а оппозиция символов прошлого и настоящего. Особую роль внутри этого символического конфликта играл незатухающий скандал вокруг мавзолея Ленина (в какой-то момент чуть не ставший предлогом для развязывания гражданской войны).

Хаотическим годам перемен новое правление (В. Путина) прежде всего попыталось (или было вынуждено) противопоставить лозунги «порядка», а тем самым – новую символическую ось «порядок – хаос». Символ привился, хотя порядка прибавилось немного. В последнее время на первый план как будто выдвинулась другая ось, «Россия – мир», по существу – вопрос о перспективе страны. Если противостояние «власть – компартия» означало соотнесение символов настоящего и прошлого, то ось «Россия – мир» символизирует соотнесение настоящего с вариантами будущего. Волею обстоятельств, особенно после сентября 2001 года, власть (президент) оказалась перед необходимостью декларировать выбор «западного» варианта будущего и перехода от конфронтации с США к новому союзу. Это далеко не поворот, пока – только символ, который может стать знаком длительного и трудного поворота, но и может остаться лишь вынужденной декларацией.

ВАРИАНТЫ АДАПТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Проблема «устройства» человека в изменившихся социальных условиях неоднократно изучалась и обсуждалась¹. Начиная с мая 2001 года в программу социально-экономического мониторинга ВЦИОМа включается вопрос, как люди представляют себе собственное положение в современной ситуации – в какой мере они считают себя приспособленными или не приспособленными к произошедшим переменам, с какими вариантами адаптации (активными и пассивными) они соотносят собственное поведение в наличных условиях. До конца 2001 года было проведено пять таких замеров (включая дополнительный опрос, проведенный в октябре), которые позволяют сделать некоторые выводы и предположения о значении полученных данных и самого предложенного методологического инструмента.

Таблица 1

«Какое из следующих высказываний точнее всего описывает Ваше отношение к нынешней жизни?»
(2001, N = 2400 человек, % от числа опрошенных)

Группа	Высказывание	Май	Июль	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь
I	Я никак не могу приспособиться к нынешней жизни	15	14	14	15	15
II	Я свыкся с тем, что пришлось отказаться от привычного образа жизни; жить, ограничивая себя в большом и в малом	27	29	27	30	30

¹ См.: Левада Ю. Человек приспособленный // Мониторинг общественного мнения. 1999. № 5 [= Левада Ю. От мнений к пониманию: Социологические очерки, 1993-2000. М., 2000. С. 467-488].

Группа	Высказывание	Май	Июль	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь
III	Мне приходится «вертеться», хвататься за любую возможность заработать, лишь бы обеспечить себе и близким терпимую жизнь	28	26	26	25	26
IV	Мне удалось использовать новые возможности, чтобы добиться большего в жизни	7	7	8	5	7
V	Я живу, как и раньше, – для меня в последние годы ничего особенно не изменилось	15	17	16	16	16
	Затрудняюсь ответить	8	7	9	9	6

Первый, наиболее очевидный вывод – устойчивая повторяемость распределения опрошенных по выделенным исследователями группам (типам поведения). Респонденты достаточно четко определяют свою принадлежность к ним, и это позволяет рассматривать результаты отдельных исследований как представительные для всего ряда, а также использовать при анализе объединенный массив данных.

Прежде всего стоит обратить внимание на количественные параметры выделенных групп. Большинство опрошенных (около 55%) относит себя к примерно равным по численности группам II и III, т.е. к тем, кто «свыкся» с понижением уровня жизни или «вынужден вертеться». Около 30% – к двум «крайним» группам (I и V – «не могут приспособиться» или «живут как раньше»), которые также количественно почти равны. Наименьшая группа (IV), 7-8%, – умеет «использовать новые возможности», приблизительно такова же доля отказывающихся отвечать.

Эта типология поведенческих групп несколько отличается

ся от сходной типологии, использовавшейся ВЦИОМом ранее в рамках программы «Советский человек».

Таблица 2

«В сложное, переходное время люди по-разному устраивают свою жизнь. А что Вы сами делаете в этом отношении?»

(1994, N = 2900 человек, 1999, N = 2000 человек,
% от числа опрошенных)

Группа	Высказывание	1994	1999
А	Я не могу приспособиться к нынешним переменам	23	33
Б	Приходится «вертеться», подрабатывать, браться за любое дело лишь бы обеспечить себе и детям терпимую жизнь	30	38
В	Удается использовать новые возможности, начать серьезное дело, добиться большего в жизни	6	5
Г	Живу, как жил раньше, для меня ничего особенно не изменилось	26	16
	Затрудняюсь ответить	16	9

Изменение набора вариантов ответа делает невозможным строгое сравнение типологических групп в разные годы. По всей видимости, остаются почти неизменными рамки групп В («удалось добиться большего...»), Г («живу как раньше...»), а также доля затруднившихся ответить. Можно предположить, что ко вновь выделенной группе II (привыкли «ограничивать себя») отнесла себя значительная часть тех, кто в 1994 году идентифицировал бы себя с группами А или Б. Но введение новой позиции позволило различать более пассивные и более активные типы «понижающей» адаптации (соответственно группы II и III).

Чтобы представить реальный «вес» этих групп в современном обществе, обратимся к соответствующим данным.

Таблица 3

**Варианты адаптивного поведения в различных
социальных группах**

(Ноябрь 2001 года, N = 2400 человек,
% от числа опрошенных, по столбцу)

	I	II	III	IV	V	Все
Всего	15	30	26	7	16	100
<i>Возраст, лет</i>						
До 20	5	15	17	8	39	7
20-29	5	20	32	16	20	20
30-39	11	19	43	9	12	18
40-49	10	25	39	5	14	16
50-59	19	41	26	4	10	12
60 лет и старше	28	48	5	1	14	26
<i>Образование</i>						
Высшее	6	20	31	19	17	15
Среднее	11	29	31	7	15	47
Ниже среднего	22	36	18	3	17	38
<i>Тип поселения</i>						
Москва и Петербург	6	26	25	15	20	10
Большие города	15	22	24	12	21	17
Средние города	14	34	28	6	12	21
Малые города	15	29	29	5	15	27
Села	18	35	24	4	15	26
<i>Социально-профессиональный статус</i>						
Руководители	8	14	16	33	24	3
Специалисты	7	21	38	14	14	12
Служащие	10	14	44	10	16	7
Квалифицированные рабочие	10	19	44	8	14	16
Неквалифицированные рабочие	5	30	43	5	12	6
Учащиеся	1	20	9	12	39	7
Пенсионеры	28	51	5	1	13	30
Домохозяйки	12	27	27	5	20	6
Безработные	16	28	31	4	14	8

Распределение позиций, представленное в таблице, вряд ли нуждается в обстоятельных комментариях. Самые молодые часто не видят перемен просто потому, что им не с чем сравнивать свое положение, да и их самостоятельная жизнь едва начинается. В 20-30 лет большинство относит себя к группам II, III и V, после 50 – к группам II и III, после 60 – к группам I и II. Для имеющих высшее и среднее образование самая характерная группа – группа III («вертеться»), для низкообразованных – группа II («свыклись»). Деадаптированных (группа I) больше всего в селах, больших и средних городах, среди пенсионеров и безработных. Смирившихся с ограничениями собственных запросов – среди пожилых, пенсионеров, сельских жителей. К малочисленной «преуспевающей» группе IV чаще всего относят себя руководители, специалисты, высокообразованные, учащиеся. Примечательно, что в нее попадает относительно большая (10%) доля населения крупных и средних, но не столичных городов (видимо, действуют разные критерии самоотождествления с такими типологическими группами).

Рассмотрим социально-демографические характеристики (социальный потенциал) выделенных групп.

Таблица 4

Социальный потенциал различных «адаптационных» групп

(Ноябрь 2001 года, N = 2400 человек, % от числа опрошенных, по столбцу)

	I	II	III	IV	V	Затруднились ответить	Все
N, человек	358	737	643	172	394	142	2447
Доли опрошенных	15	30	36	7	16	6	100
Мужчины	46	43	48	55	42	46	46
Женщины	54	57	52	45	58	54	54

Продолжение табл. 4

	I	II	III	IV	V	Затруд- нились ответить	Все
<i>Возраст, лет</i>							
До 20	2	4	5	8	18	21	7
20-29	7	14	24	47	25	26	20
30-39	13	11	30	25	13	20	18
40-49	11	13	24	12	14	18	16
50-59	16	16	12	6	7	2	12
60 лет и старше	51	42	6	2	7	2	12
Средний возраст	56	52	38	31	41	35	44
<i>Образование</i>							
Высшее	6	10	17	39	15	18	15
Среднее	35	45	56	47	45	52	47
Ниже среднего	59	46	26	14	39	31	38
<i>Тип поселения</i>							
Москва и Петербург	4	6	9	20	12	14	10
Большие города	17	12	15	27	22	20	17
Средние города	20	24	23	18	16	18	21
Малые города	27	26	29	18	25	28	27
Села	32	30	23	16	25	19	26
<i>Социально-профессиональный статус</i>							
Руководители	2	1	2	14	4	3	3
Специалисты	6	9	18	24	11	14	12
Служащие	5	3	12	11	7	6	7
Квалифицированные рабочие	10	10	27	18	14	14	16
Неквалифицированные рабочие	2	6	10	5	5	6	6
Учащиеся	0	4	2	11	16	21	7
Пенсионеры	58	51	5	3	26	14	30
Домохозяйки	5	6	7	4	8	10	6
Безработные	9	7	9	4	7	10	8

Как видим, группа I (наименее адаптированные) – самая старшая по возрасту (более половины – старше 60 лет, средний возраст – 56 лет), в ней менее всего лиц с высшим образованием (6%) и почти две трети – с образованием ниже среднего. Здесь же наименьшая доля столичных жителей.

Группа II (пассивная адаптация, «свыклись») немногим «моложе» – 42% старше 60 лет при среднем возрасте 52 года, в ней самая высокая доля женщин, заметно больше высокообразованных, чем в предыдущей группе, а распределение по типам поселений почти соответствует среднему по всему населению (но доля столичных жителей меньше средней).

Группа III (более активная адаптация, «приходится вертеться») заметно моложе: средний возраст – 39 лет, более половины – от 30 до 50 лет, только 6% – старше 60. Здесь большинство составляют мужчины. Значительно выше и образовательный потенциал – доля высокообразованных на среднем уровне, доля среднеобразованных – наибольшая, низкообразованных – меньше, чем в любой другой группе.

Группа IV (удаётся «добиться большего») – самая молодая, большинство – до 30 лет при среднем возрасте 31 год, самая «мужская» (55%) и самая высокообразованная (более трети). В плане расселения здесь есть примечательная особенность – повышенное представительство больших и средних городов и самая малая доля сельского населения. Напомним, что за весь период наблюдений эта группа остается самой малочисленной: скорее всего, она является не авангардной, не «всеобщим образцом», а специфически возрастной; это позиция, которую проходит в молодые годы определенная часть населения.

По сути дела, типологический ряд от группы I к группе IV подобен шкале состояний с повышающимся социальным потенциалом.

Группа V такую шкалу явно нарушает (но если поменять местами группы IV и V, шкала сохраняется). Средний возраст здесь – 35 лет, но преобладают женщины, доля высоко-

образованных уступает лишь группе IV. По социальному потенциалу эта группа также отстает только от «преуспевшей» группы IV.

Категория затруднившихся ответить по потенциалу близка к средним показателям. В дальнейшем она не рассматривается.

Таблица 5

Социальный статус различных «адаптационных» групп
(Ноябрь 2001 года, N = 2400 человек, % от числа опрошенных, по столбцу)

	I	II	III	IV	V	Все
«К какому слою Вы могли бы отнести себя?»						
К низшему слою	39	22	5	0	5	15
К низшей части среднего слоя	31	36	29	16	23	29
К средней части среднего слоя	19	36	51	54	54	42
К высшей части среднего слоя	0	1	5	20	6	5
К высшему слою	0	0	1	4	0	0
Субъективный социальный статус*						
Высокий статус	4	4	6	27	16	9
Средний	43	61	75	69	68	64
Низкий	52	34	18	5	15	27

* Укрупненные показатели 10-ступенчатой «лестницы» социальных статусов.

Картина распределения статусных позиций показывает, что в группе I относительно чаще относят себя к «низшему» социальному слою и к низшей ступени социальной лестницы.

В группе II (пассивная адаптация) почти четверть опрошенных относит себя к «средней» части среднего слоя и более высоким слоям; несколько выше показатель статуса.

В группе III (более активная адаптация, «приходится вертеться») почти треть идентифицируется с «вышесредними»

социальными слоями.

В группе IV («преуспевшие») наивысшие показатели статусных самооценок и самоидентификации.

Показатели группы V («без изменений») несколько ниже.

Заметим, что регулярно используемые в программе социально-экономического мониторинга индикаторы субъективного социального статуса довольно четко и наглядно демонстрируют шкалу характеристик выделенных групп. При этом очевидно, что во всех выделенных поведенческих группах большинство размещает себя на средних ступенях статусной иерархии.

Доходы и образ жизни

Обратимся к показателям, характеризующим уровень доходов и потребления в различных поведенческих группах.

Таблица 6

Доходы «реальные» и «воображаемые»
(Ноябрь 2001 года, N = 2400 человек, по столбцу)

	I	II	III	IV	V	В среднем
Состав семьи, число человек	2,5	2,4	3,1	3,1	2,9	2,8
Работают в семье, число человек	1,5	1,6	1,7	2,1	1,8	1,7
«Реальные» доходы, руб.						
Месячный заработок	2021	2181	2432	4038	3538	2694
Общий доход семьи	2518	3307	4326	9659	5452	4389
Доход на душу	808	909	785	1302	1220	962
Доход на душу, % от среднего	84	94	82	135	127	100
«Воображаемые» доходы (представления о...), руб.						
«Нормальный» доход	4619	4590	5722	8627	5373	5451

	I	II	III	IV	V	В среднем
«Прожиточный минимум»	2406	2545	2557	3282	2754	2626
Уровень «бедности»	1265	1337	1322	1697	1306	1348
Уровень «богатства»	15766	19006	27361	43286	104558	37138
«Хорошая» зарплата*	5203	4982	6961	4047	6178	5918

* Ответы на вопрос: «Какую зарплату Вы сочли бы для себя хорошей?» (июль 2001 года, N = 1600 человек).

Может показаться странным, что разница в семейных и душевых доходах даже между «крайними» по шкале группами не столь велика – самая «богатая» группа IV по доходу на человека менее чем в два раза, богаче самой бедной группы I. Примерно таково же и соотношение «воображаемых» доходов (представлений о «нормальном» доходе и т.д.; исключения составляют несколько фантастические представления об уровне богатства). Объясняется это, видимо, тем, что в обобщенных показателях по каждой из выделенных групп усредняются, сглаживаются данные о дифференциации доходов респондентов. Как обычно, в репрезентативных массовых опросах за пределами видимости остаются крайние позиции – самые бедные и самые богатые. Поэтому во всех представленных группах уровни семейных и душевых доходов невысоки (35-60 долларов на человека в месяц по нынешнему курсу).

Отметим, что «семейная нагрузка» в наиболее бедных группах (I и II) относительно меньше, чем в более активных (III-V). Дифференциация связана не столько с «нагрузкой», сколько с трудовым потенциалом (числом работников, квалификацией).

Источники доходов

В *таблице 7* представлены данные об основных источниках денежных доходов семьи в течение месяца (как правило, тех, которые указывают более 1% опрошенных).

Таблица 7

Основные источники дохода по «адаптационным» группам

(Ноябрь 2001 года, N = 2400 человек)

	I	II	III	IV	V	Все
Зарплата от основной работы, %	20	25	43	46	37	34
Размер, руб.	2414	2937	3445	7627	4887	3841
Зарплата от дополнительной и неоформленной работы, %	6	3	10	21	8	5
Размер, руб.	659	937	1673	1580	1079	1265
Доходы от бизнеса, ИТД, %	1	1	5	5	4	3
Размер, руб.	1869	1634	1917	4634	6587	3162
Пенсия, %	37	32	12	10	22	37
Размер, руб.	1577	1614	1524	1487	1779	1602
Стипендия, %	1	3	4	7	5	4
Размер, руб.	931	385	630	455	650	612
Помощь родственников, %*	2	3	3	3	4	3
Доходы от продажи с/х продуктов со своего участка, %	1	1	1	1	3	1
Размер, руб.	945	461	1692	0	680	1115

** Размер помощи родственников не выяснялся.*

Таким образом, для всех без исключения выделенных адаптивных групп основные источники дохода – работа по найму и пенсия, т.е. такие же, которые были обычными в предшествующие годы и десятилетия. Понятно, что более молодые (III – V) больше работают и больше зарабатывают, более пожилые (I и II) чаще рассчитывают на пенсии, и т.д. Доходы от бизнеса, включая индивидуальный, получают все-

го 3% опрошенных, причем средний размер предпринимательского дохода в самой продвинутой группе IV составляет немногим более 200 долларов в месяц на бизнесмена.

Материальное положение семьи

Материальное положение семьи опрошенные в различных адаптивных группах представляют следующим образом.

Таблица 8

Оценки материального положения семьи
(Ноябрь 2001 года, N = 2400 человек, % от числа опрошенных, по столбцу)

	I	II	III	IV	V	Все
Очень хорошее	0	0	0	5	0	0
Хорошее	1	3	4	19	11	6
Среднее	23	46	57	60	69	51
Плохое	54	40	33	8	14	33
Очень плохое	21	8	4	1	2	7

На протяжении года, как показывают данные опросов, положение семьи значительно улучшилось только в группе IV, скорее улучшилось в V, во всех остальных (как и в среднем по всем опрошенным) отмечено ухудшение, особенно резкое, естественно, в группе I.

Таблица 9

«Удачники» и «неудачники»: изменение материального положения семьи за год

(Ноябрь 2001 года, N = 2400 человек, % от числа опрошенных, по столбцу)

	I	II	III	IV	V	Все
Скорее улучшилось	5	8	12	45	19	13
Осталось без изменений	41	54	53	42	64	52
Скорее ухудшилось	49	34	29	11	14	29
Затрудняюсь ответить	5	5	6	3	3	5

При объяснении главных причин изменений к лучшему в группе IV чаще всего (43%) ссылаются на то, что кто-то из членов семьи стал больше зарабатывать, нашел дополнительную работу или начал работать, в группе V такой довод приводят 16%. Ухудшение положения в группе I объясняют прежде всего ростом цен (42%), в группе II на этот фактор указывают 28%, в III – 20%. На увеличение семейных расходов в связи с необходимостью лечения и т.п. в группе I ссылаются 18%, там же 13% утверждают, что просто не могут приспособиться к ситуации.

Нетрудно догадаться, что ожидания перемен в положении семьи на следующий год в каждой адаптивной группе служат прямым продолжением оценок прошлых изменений: улучшения скорее ждут те, кому стало лучше, и наоборот.

Таблица 10

Ожидаемые изменения положения семьи в ближайший год
(Ноябрь 2001 года, N = 2400 человек, % от числа опрошенных, по столбцу)

	I	II	III	IV	V	Все
Скорее улучшится	2	9	16	51	17	14
Останется без изменений	41	47	40	35	53	43
Скорее ухудшится	32	25	13	5	9	18
Затрудняюсь ответить	25	19	31	9	21	25

Уровень потребления и образ жизни

Перейдем теперь к «материальному» наполнению положения адаптивных групп, т.е. к характеру расходов и уровню потребления. Сопоставим данные о вариантах приспособительного и потребительского поведения.

Таблица 11

Типы потребительского поведения
(Ноябрь 2001 года, N = 2400 человек, % от числа опрошенных, по столбцу)

	I	II	III	IV	V	Все
1. Мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на продукты	58	27	12	4	6	22
2. На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает серьезные затруднения	37	55	48	13	35	43
3. Денег хватает на продукты и одежду, но покупка вещей длительного пользования является проблемой	4	16	36	46	45	27
4. Мы можем без труда приобретать товары длительного пользования, но для нас затруднительно приобретать действительно дорогие вещи	1	2	3	35	13	7
5. Мы можем позволить себе достаточно дорогие покупки – квартиру, дачу и многое другое	0	0	0	2	1	0

70% опрошенных относят себя к «средним» потребительским группам (2 и 3), значительная доля состоятельных отмечена только в адаптивных группах IV и V, доля «богатых» (5) заметна только в группе IV, т.е. просто ничтожна. (Из других данных того же опроса известно, что в беднейшей потребительской группе 1 чаще всего относят себя к «низшему слою», в потребительских группах 2,3 и 4 – к «низшей части среднего слоя».)

Рассматриваемые адаптивные группы заметно различаются и по способам распоряжения семейными доходами. В группах I – III от 60% до 84% все деньги расходуют на текущие нужды, не более 4-10% могут регулярно делать сбере-

жения. В группах IV и V менее половины (соответственно 31% и 47%) опрошенных расходуют все на текущие нужды, остальные стараются кое-что сберечь. Только в «преуспевшей» IV группе качеству товаров уделяют больше внимания, чем их стоимости, для всех остальных на первом месте – доступная цена.

Социальные настроения и ориентации

Социальные настроения и ориентации удобно измерять по методике, используемой при построении индексов социальных и потребительских настроений (из позитивных значений ответов на соответствующий вопрос вычитаются негативные; чтобы не оперировать с отрицательными числами, к полученным данным добавляется 100).

Таблица 12

Социальные настроения в адаптивных группах
(Ноябрь 2001 года, N = 2400 человек, значения индексов,
по столбцу)

	I	II	III	IV	V	Все
Настроение	59	100	117	181	164	116
Насколько устраивает жизнь	33	68	87	146	123	84
«Все не так плохо, можно жить»	91	150	163	192	185	153
Продолжать реформы	67	101	132	165	144	117
Наладится ли жизнь в течение года?	34	70	85	114	101	80
Намерение участвовать в протестах	79	54	68	31	39	57

Очевидно резкое отличие всех настроений и намерений в наиболее дезадаптированной группе I по сравнению со всеми остальными. Более благополучные группы IV и V довольно близки друг другу по большинству позиций. В принципе все положительные оценки нарастают от I к IV (если, как отмечалось выше, V поместить между III и IV). Единственное исключение – заявленное намерение протестовать, которое в

группе III выше, чем в группе II. Это объясняется просто: к протесту – хотя бы вербальному – скорее склонны активные («вынуждены вертеться»), чем пассивные («смирились...»). Но и в этой группе преобладают позитивные оценки собственной жизни и экономических реформ.

Из числа *проблем общества* рост цен, а также безработица более всего тревожат самых дезадаптированных (группа I, соответственно 81% и 76%), менее всего – «преуспевшую» группу IV (42%). Преступность больше тревожит группу II (напомним, что это преимущественно пожилые женщины, которым пришлось «свыкнуться» с ухудшением собственного положения). Несправедливость распределения чаще беспокоит опрошенных из группы I (30%), реже всего – «преуспевших» (группа IV – 19%). В то же время коррупция и чеченская война меньше тревожат группу I (по 18%) и сильнее всего – молодежную и «преуспевшую» группу IV.

Жизнь *собственной семьи* респондентов в группе I чаще всего осложняют низкие доходы (85%), плохое здоровье (49%), отсутствие перспектив в жизни (26%). В группе II главные тревоги те же, но несколько слабее выражены (соответственно 81%, 50%, 16%). В группе III на доходы жалуются 76%, на здоровье – только 20%. В «преуспевшей» группе IV доходы беспокоят только 37%, на второе место здесь выходит недостаток свободного времени (26%).

Часто используемое в исследованиях ВЦИОМа распределение предпочтений применительно к адаптивным группам выглядит так (см. *табл. 13*).

Неожиданностей нет. Главная установка «нашего» человека – на «уверенность» при скромном заработке – сильнее всего выраженная в самых пожилых и обездоленных группах (I и II), доминирует во всех группах за исключением IV. Стремление «много работать и хорошо зарабатывать» без особых гарантий характерно для всех активных групп (III – V), как и установка на «собственное дело». Но значительно

распространена (четверть опрошенных) эта установка только в малочисленной группе IV.

Таблица 13

Что бы Вы предпочли, если бы могли выбирать?
(Ноябрь 2001 года, N = 2400 человек, % от числа опрошенных, по столбцу)

	I	II	III	IV	V	Все
Сравнительно небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	62	57	42	33	38	47
Много работать и хорошо зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее	17	20	39	34	34	28
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	3	6	11	25	13	10
Затрудняюсь ответить	18	17	8	8	17	14

Политические установки

Как правило, степень адаптации людей к сложившейся в стране ситуации соответствует и степени принятия ими соответствующих политических реалий.

Таблица 14

Политическая обстановка и доверие к президенту
(Ноябрь 2001 года, N = 2400 человек, % от числа опрошенных, по столбцу)

	I	II	III	IV	V	Все
Оценка политической обстановки в России						
Благополучная	1	2	1	4	3	2
Спокойная	5	16	12	29	26	16
Напряженная	61	66	72	52	47	62
Критическая, взрывоопасная	17	7	8	5	8	9
Индекс*	89	111	105	128	121	109

	I	II	III	IV	V	Все
Наибольшее доверие В. Путину**	26	42	38	48	47	39
Оценка деятельности В. Путина***	5,2	6,1	5,9	6,4	6,0	6,0

* Рассчитано по методике расчета индекса социальных настроений.

** Из списка деятелей вызывающих наибольшее доверие.

*** Среднее значение по 10-бальной шкале.

Естественно, более молодые и наиболее благополучные (группы IV – V) лучше оценивают как общую обстановку, так и деятельность президента, а наименее адаптированные (группа I) чаще считают положение критическим и дают относительно низкие оценки президенту. Стоит обратить внимание на то, что в группе II («вынуждены смириться», пассивная адаптация) положение в стране и действия президента характеризуют несколько лучше, чем в «беспокойной» группе III («приходится вертеться», более активная адаптация).

Таблица 15

Отношение к реформам

(Ноябрь 2001 года, N = 2400 человек, % от числа опрошенных, по столбцу)

	I	II	III	IV	V	Все
Реформы продолжать	14	29	45	71	55	39
Реформы прекратить	47	28	13	5	11	22

В этом вопросе различие позиций адаптивных групп весьма велико: резко негативная в I, половинчатая во II, уверенное преобладание поддержки реформ в III – V. Несколько иначе выглядит разница во мнениях относительно социальных протестов.

Таблица 16

Социальный протест: возможность и участие
(Ноябрь 2001 года, N = 2400 человек, % от числа опрошенных, по столбцу)

	I	II	III	IV	V	Все
Считаю возможными выступления с экономическими требованиями	22	20	21	19	19	20
Готов принять в них участие	23	17	21	9	15	18
Считаю возможными выступления с политическими требованиями	20	17	22	28	21	20

В оценке возможности экономических протестов в своих регионах дифференциация между адаптивными группами почти незаметна. Но заявленная готовность участвовать в выступлениях заметно выше в самой дезадаптированной группе I и ниже всего – в IV. Последняя группа, как мы видели ранее, наиболее лояльна, поэтому в ней, видимо, с тревогой отмечают возможность политических протестов.

Обратимся к расстановке партийных симпатий.

Таблица 17

«Какая партия выражает интересы таких людей, как Вы?»
(Ноябрь 2001 года, N = 2400 человек, % от числа опрошенных, по столбцу)

	I	II	III	IV	V	Все
«Женщины России»	3	2	5	3	3	3
«Яблоко»	1	2	4	3	4	3
«Единство» – «Отечество»	2	14	12	17	14	11
ЛДПР	5	4	8	8	8	6
КПРФ	38	23	10	6	9	18
СПС	0	2	5	10	9	4
РНЕ	0	1	3	0	0	1
Никакая	36	34	27	29	29	31
Затрудняюсь ответить	13	16	22	22	22	20

Здесь различие между группами становится очевидным. В группе I безусловно преобладают сторонники КИРФ, в группе II значительно возрастает роль блока «Единство», в группе III сторонников компартии значительно меньше, заметна роль демократических партий (СПС и «Яблока»), но особенно – партии Жириновского. Примечательно, что ЛДПР имеет влияние в наиболее активных и относительно благополучных группах III – V. Во всех группах партийный выбор готова сделать половина опрошенных, остальные не видят партий, которые выражали бы их интересы, или затрудняются ответить.

Религиозная принадлежность

Религиозная принадлежность не может считаться дифференцирующей характеристикой для различных адаптивных групп.

Таблица 18

«Какую религию Вы исповедуете?»

(Июль 2001 года, N = 2400 человек, % от числа опрошенных, по столбцу)

	I	II	III	IV	V	Все
Неверующие	39	33	37	41	42	37
Православные	51	56	49	46	48	50
Другие конфессии	6	3	5	8	7	13
Не посещаю церковные службы	66	60	61	59	65	66
Посещаю не реже раза в месяц	5	8	5	5	4	5

Данные по всем группам мало отличаются от средних. Можно отметить лишь, что более молодые и образованные несколько менее религиозны, а в «женской» группе II чаще посещают церковь.

Предложенная в мониторинговом опросе методика изучения пяти выделенных адаптивных групп оказывается дей-

ственным инструментом, позволяющим рассмотреть многие характерные особенности социального поведения человека в современных общественных условиях. Этот инструмент имеет несомненные преимущества перед использовавшимся ранее (в исследованиях по программе «Советский человек»). Но, как и любая иная типология, он неизбежно сглаживает «острые углы», т.е. различия внутри выделенных групп. Поэтому за рамками типологического анализа остаются крайние позиции, а вместе с ними как узлы наибольшей напряженности, так и «точки роста», образцы и механизмы возможного развития существующей ситуации, динамика положения активных социальных групп. Для анализа таких проблем требуются другие инструменты.

**«ИСТИНА» И «ПРАВДА»
В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ**
Проблема интерпретации понятий

*Истина есть великое слово и еще более великий предмет.
Если у человека еще здоровы дух и душа, при звуках этого
слова его грудь должна вздыматься выше.*

Гегель

*Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман*

Пушкин

При анализе данных социологических исследований неоднократно – в различных контекстах – приходится сталкиваться не только с проблемой правдивости или «искренности» получаемых ответов, но и с массовой интерпретацией самих категорий истины и правды.

Согласно многолетним наблюдениям, первая группа проблем представляется как будто инвариантной по отношению к социальному контексту: доля правдиво отвечающих достаточно велика, а заведомо неискренние ответы в значительной мере «гасят» друг друга. На эту особенность массового поведения опираются все массовые опросы, как выборочные, так и сплошные (актуальный пример – переписи населения). Это относится в первую очередь к «незаинтересованным» опросам, т.е. непосредственно не затрагивающим интересы и симпатии респондентов; в «заинтересованных» ситуациях (выборы, референдумы) создается несколько иная, эмоционально напряженная связь между декларативным и реальным поведением (например, между заявлениями и реальными намерениями, первоначальными намерениями и итоговыми действиями). Здесь играют значительную роль такие факторы, как неуверенность и колебания настроений электората, относительная рациональность предпочтений, информаци-

онная ситуация, различного рода давления на его выбор и т.д. В данном случае этот круг проблем можно оставить без рассмотрения. Ограничусь лишь одним замечанием, которое подкрепляется опытом различных электоральных исследований и пригодится в дальнейшем анализе: как правило, «заинтересованный» ответ дается в пользу *относительно* лучшего – или *наименее худшего* – варианта.

Проблема истины или «правды» (об особенностях употребления этих терминов речь пойдет несколько позже) применительно к положению человека в социальной системе более сложна. С помощью данных массовых опросов нетрудно подтвердить довольно банальное суждение о том, что практически в любом социальном диалоге на микро- и на макроуровнях ни одна из сторон не является вполне искренней: правящие и подданные, воспитатели и воспитанники, участники социальных и групповых взаимодействий не говорят друг другу «всей» правды – то ли преследуя свои собственные интересы, то ли ради утешения, успокоения и т.п. другой стороны (как известно, эти варианты не исключают друг друга). В массовых социально-политических опросах мы, естественно, сталкиваемся преимущественно с диалогом «власти» с «людьми» и постоянно убеждаемся в том, что люди не получают полной и правдивой информации от власти, причем достаточно хорошо знают об этом и, более того, довольно охотно мирятся с этим. Или даже, выражаясь известной поэтической формулой, «низким истинам» предпочитают «возвышающий обман». Но констатировать столь очевидные феномены ради простого обличения власть предержащих и власти покорных – непродуктивно, неинтересно, и обращать внимание на это стоит лишь для того, чтобы подойти к таким проблемам, как допустимые рамки и «цена» подобного обмана и самообмана в наличной ситуации, как соотношение неустранимых «допусков» с претензиями или иллюзиями в определенных условиях.

Для начала – несколько типовых ситуаций, возникших в ходе опросов общественного мнения в последние годы.

Ситуация 1: «Говорят ли ("они") нам правду?»

Информационный повод – сильное и все еще непреодоленное смятение в умах в связи с гибелью «Курска», точнее – в связи с тем, как это событие было представлено общественному мнению. Ведь это был первый случай, когда действия президента В. Путина большинство оценило как неадекватные (и сразу после события, летом 2000 года, и год спустя, в 2001 году). В этой связи президент потерял 10% поддержки, но, как известно, довольно быстро наверстал упущенное.

Смятение в умах в данном случае явилось прямым результатом растерянности и разноголосицы в верхах (президент, прокуратура, флотское командование), что нашло отражение в содержании и тоне освещения инцидента в масс-медиа. Несмотря на все принятые, в том числе на высшем уровне, экстраординарные меры по успокоению родственников, даже после подъема корпуса лодки и похорон жертв в общественном мнении остался тяжелый осадок. В частности, устойчиво преобладает мнение, что власти не говорят народу правду о случившемся (так считали 76% в июле 2001 года, причем из одобряющих деятельность президента – 74%, из неодобряющих – 85%) и даже что «мы никогда не узнаем правды» о случившемся (67% в ноябре 2001 года).

Пожалуй, наиболее показательным, что позицию «не говорят правды...», «никогда не узнаем правды...» разделяет большинство поддерживающих президента В. Путина. Это значит, что люди, одобряющие деятельность президента, как бы заранее готовы к тому, что «правды» по такому болезненно острому вопросу им не дадут и не дадут. Очевидно, перед нами не просто привычно «слепая» поддержка власти, а го-

товность «закрывать глаза» на привычную неискренность этой власти.

Еще одна сторона той же проблемной ситуации – *уровни* или *мера* «правды», которые становятся доступны массовому сознанию: констатация факта (ср. известный ответ В. Путина на вопрос американского журналиста о случившемся с подлодкой – «она утонула»; впрочем, путь к такой констатации оказался далеко не простым – кто не помнит, что в первые дни население получало официальную информацию в терминах «авария», «жертв нет», «установлена связь»), затем поиски виновных (первым намеком на их существование явилась президентская «зачистка» адмиральского корпуса через полтора года после события). Далее, видимо, следует анализ причин, факторов и обстоятельств катастрофы; пока общественному мнению явлен лишь один отрицательный их результат – отсутствие такого фактора, как «иностранный подлодка».

Очевидно, что последовательность и временная протяженность представления обществу различных уровней информации обусловлена не столько техническими, сколько социально-политическими обстоятельствами (интересы структур власти, военных, ВПК и др.). В этой связи неизбежно возникает вопрос об информированности самих различных властных структур, прежде всего президентской, пользующейся особым вниманием и доверием общества. Согласно ряду опросов последних лет, в общественном мнении существует довольно устойчивое представление о том, что президент получает от своего окружения преимущественно неполную и неверную информацию (по ряду опросных данных 2000-2001 годов, такое мнение разделяли более половины населения).

Укорененное в мифологемах отечественной истории представление о том, что от «первого лица» всегда скрывают «правду», в данном случае исполняет понятную функцию освобождения верховного правителя (в нынешних условиях,

очевидно, президента) от ответственности за неудачи управления, в то же время сохраняя за ним в общественном мнении роль благодетеля. (Как известно по опросным данным, президента чаще считают ответственным за повышение зарплат и пенсий, а правительство – виновным в росте цен...) Тем самым поддерживается традиционно-«фольклорная» картина власти.

Ситуация 2: Чечня

Информационная картина чеченского конфликта в массовом сознании россиян не менее сложна – и как минимум не менее поучительна. В годы первой кампании 1994-1996 годов официальное освещение происходящего вызывало – в значительной мере, под влиянием тогдашних СМИ – очевидное неприятие со стороны большинства населения. Сейчас, при изменившейся ситуации на российском информационном поле, официальным сообщениям по-прежнему в населении мало доверяют (согласно данным одного из опросов 2001 года, лишь 27% в той или иной мере доверяют сообщениям российских СМИ из Чечни, 66% – не доверяют им), но других источников информации фактически не имеют. Результатом оказывается крайне противоречивая картина «правды»: подавляющее большинство соглашается с тем, что федеральным силам в Чечне противостоят бандиты и наемники, что жестокости наподобие «зачисток» и бессудных расправ по отношению к ним вполне оправданны; в то же время сообщениям об успехах не верят, операции войск и действия президента по отношению к чеченской проблеме считают безуспешными, публикуемые данные о потерях «своих» – недостоверными и т.д.

Отсюда и преобладание пессимистических суждений относительно возможных результатов конфликта (чаще всего упоминается возможность его распространения на другие регионы Северного Кавказа). И отсюда же, конечно, устойчи-

вое преобладание установок на мирное урегулирование как единственно возможный выход из безнадежной ситуации. Если выразаться предельно кратко, то недоверие к получаемой информации рождает растерянность, а она, в свою очередь, стремление уйти от конфликтной ситуации.

Впрочем, обнаруживается – причем не у большинства общественного мнения, а скорее у элитарных, более ответственных его фракций – стремление уйти от самой информации о происходящем. Примером может служить обстановка дискуссий вокруг фильма «Покушение на Россию», созданного при поддержке Б. Березовского. В данном случае нас интересуют не оценки содержания фильма (по мнению 43% респондентов в одном из мартовских опросов 2002 года, причастность ФСБ к взрывам домов в 1999 году нельзя исключать), а суждения относительно дальнейшего расследования дела и массового показа кинокартины. Как выяснилось, 39% опрошенных считают необходимым продолжать расследование «до полного выяснения истины, сколько бы времени и сил оно ни заняло», несколько меньше (33%) полагают, что «мы никогда не узнаем всей правды; это расследование надо прекратить, чтобы не будоражить общество», 16% уверены, что в этом событии очевиден «чеченский след», и остается лишь найти виновных, остальные (12%) затруднились ответить.

Из общего числа опрошенных 53% (против 35%) хотели бы, чтобы «фильм Березовского» был показан по центральному телевидению. Наибольший интерес к фильму проявили самые молодые респонденты. Несколько неожиданным кажется, что из партийных электоратов только на правом фланге большинство против показа киноленты: среди избирателей СПС такую позицию выражают 51% (против 46%), среди избирателей «Яблока» – 49% (против 31%). Возможно, это объясняется недоверием к спонсору фильма.

Ситуация 3: Отечественная война 1941-1945 годов

В июне 2001 года более двух третей (68%) против одной четверти (25%) опрошенных признали, что не знают всей правды об этой войне.

С постановкой такого вопроса мы переходим от «правды на злобу дня» к иным – и далеко не только историческим – планам постановки интересующей нас проблемы. По сути дела, события последней «большой» войны XX века – не ушедшие в историю, а делящиеся факторы, продолжающие влиять на формирование национального самосознания. Оценка этих событий, предпосылок, последствий, потерь, деятелей войны и т.д. за минувшие 50 лет постоянно актуализируется со сменой общественно-политической конъюнктуры, с пересмотром доминирующего идеологем, с доступностью источников и пр. А поскольку «та» война и победа, по данным ряда исследований, остаются в глазах населения главным событием отечественной истории XX века, да и всей истории России (о причинах такого мнения немало сказано¹), то суждения по ее поводу непосредственно касаются социально-исторического самоопределения народа, общества (т.е. как бы ответов на серию мировоззренческих вопросов типа «кто мы?», «где мы?», «с кем и против кого мы?»). Или, иными словами, не «правды фактов», а «правды смыслов» – и даже, в пределе, «правды Смысла» в наиболее обобщенном его виде.

Как известно, коллизии с этой темой с разной интенсивностью происходят непрерывно на протяжении всех послевоенных лет. Сталкивали «большую правду» военных событий («всемирно-историческую», «генеральскую») с «малой» («окопной», «лейтенантской», «солдатской»), «нужную»

¹ См.: Гудков Л.Д. Победа в войне: к социологии одного национального символа // Мониторинг общественного мнения. 1997. № 6 [= Гудков Л. Негативная идентичность: Статьи 1997-2002 годов. М., 2004. С. 20-58].

(выгодную, удобную) с «ненужной» (опасной, дезориентирующей) и пр. и пр. В оные времена по этому поводу раздавались прямые указания и наказания, попозже и донныне действуют скорее – и довольно сильно – механизмы косвенного давления.

Соблазн «возвышающего (или утешительного, спасающего, удобного...) обмана», в данном случае легендарно-героического образа большой войны, действует и «сверху» и «снизу», он удобен для многих людей и общественных групп. Довольно редкие (в основном локализованные конъюнктурными сдвигами) попытки избавиться от военно-героической мифологии доселе встречают сильнейшее, в том числе «внутреннее», «низовое», сопротивление. К тому же, как свидетельствует опыт последних десятилетий, разоблачение определенных мифологических структур отнюдь не выводит общественное сознание из мифологических рамок.

Ситуация 4: о цензуре и свободе мнений

В последнее время, в связи с известными переменами в условиях деятельности СМИ, в опросах общественного мнения неоднократно ставился вопрос об отношении к публичной разноголосице в прессе и о возможности установления каких-то форм цензуры.

Согласно одному из всероссийских опросов 2001 года, 53% согласны с тем, что «для того, чтобы разобраться в происходящих событиях, необходимо знать различные точки зрения», 36% полагают, что «разноголосица сбивает с толку, СМИ должны освещать события с единой, правильной точки зрения». По поводу публикации критических материалов о деятельности высших чиновников 42% опрошенных сочли, что «нужно говорить всю правду о нашей жизни, какой бы она ни была», но 41% предпочли бы «взвешенную» подачу такой информации, чтобы она не нанесла вреда стране, а по мнению еще 11%, «не следует пугать людей всякими ужаса-

ми и разоблачениями», дабы люди больше думали «о хорошем, о наших успехах».

Цензуру (предварительную проверку) публикаций СМИ ради сохранения общественной нравственности склонны поддержать 77%, ради «объективности информации» – 62%, для защиты высокопоставленных деятелей от резкой критики – 25%, для недопущения сообщений, «несовместимых с государственной идеологией и политическим курсом», – 29%. Как видим, значительная часть – но все же меньшинство населения, преимущественно люди «старой закалки», пожилые – предпочитают «дозированную» правду и не задумываются о том, какие социальные коннотации (предпосылки и последствия) означает допущение цензурного контроля. При этом явный политический контроль большинством отвергается (скрытый политический нажим и контроль над СМИ, как показывает опыт последних лет, то же большинство не замечает или не хочет замечать).

В любом случае вопрос о цензуре имеет две стороны: что нам «позволяют» видеть и на что мы сами согласны закрывать глаза – ради собственного спокойствия и ради сохранности привычных символических структур.

Дополнительная иллюстрация: «правда необходимая» и «правда опасная»

Одно из недавних (май 2002 года) региональных исследований дает дополнительный материал к пониманию трактовки термина «правда» в общественном мнении. (Полученные данные не являются строго репрезентативными для населения страны, но показывают некоторые характерные для него распределения установок.)

Таблица 1

«Важно ли знать правду...»
(Май 2002 года, N = 1000, % от числа опрошенных)

	Во что бы то ни стало мы должны знать всю правду об этом (1)	Если такая правда может дестабилизировать положение в стране, лучше ее не знать (2)	Затрудняюсь ответить	«Индекс» (1:2)
О «сталинских репрессиях» 1930-х годов	65	32	3	2,0
Об Отечественной войне 1941-1945 годов	78	21	2	3,7
Об экономическом положении России	80	17	3	4,7
О деятельности ФСБ и других спецслужб	55	40	5	1,4
О коррупции в высших эшелонах	74	23	4	3,2
О Путине и его окружении	72	24	4	3,0

Подавляющее большинство во всех выделенных ситуациях настаивает на том, чтобы знать «всю правду». Примечательно, что на первых местах по важности – сугубо актуальные темы (экономика, коррупция, президент) и, естественно, Отечественная война. Менее всего волнуют людей деятельность нынешних спецслужб, а из исторических событий – репрессии 30-х годов. Последние две упомянутые позиции явно соотносятся друг с другом: миновало время разоблачений, адресованных НКВД-КГБ. Относительно больше интерес к историческим событиям, равно как и к экономическому

положению и коррупции в возрастной группе 40-54 лет, у высокообразованных, у демократов (голосовавших за Г. Явлинского на президентских выборах). А правду о В. Путине чаще хотели бы знать среди старших групп и среди менее образованных, голосовавших за Г. Зюганова. (Легко предположить, что «правда» в данном случае в значительной мере выступает как «разоблачение», которое скорее интересуется оппозиционно настроенных людей.) О войне знать правду больше всего хотели бы люди старше 40, с высшим образованием, голосовавшие за Явлинского, т.е. традиционные носители демократических установок.

О какой «правде» идет речь?

Как уже отмечено, приведенный выше набор примеров позволяет судить лишь о том, как чаще всего воспринимается соответствующая категория в общественном мнении. Разумеется, в массовом опросе категории задаются исследователями, но респонденты реагируют на них в соответствии со своими установками. Поэтому имеется возможность отметить основные особенности восприятия массовым сознанием категории «правды».

Во-первых, речь почти всегда идет об «ограниченной» правде, отнесенной к определенному явлению, событию, поступку. Следы тревожившей поколения философствующих мыслителей Правды-Истины, равно как и придуманной отечественными моралистами Правды-Справедливости, здесь трудно обнаружить. Эта правда чаще всего ситуативна, прагматична («правда-польза»).

Во-вторых, эту правду не «мы» ищем, добываем, формируем, а *нам «спускают»* (как и прочие указания, разрешения, запреты и пр.) – это правда, которую «нам» говорят. Общественному мнению остается лишь принимать, что дают, или просить чуть больше.

В-третьих, за обретение правды сплошь и рядом прини-

мается *разоблачение* разнообразных неправд, разрушение запретов и т.п. Последняя тема заслуживает более пристального рассмотрения.

Соблазн и опасность «разоблачительной» полуправды

Иллюзия «прорыва» к правде-истине – одна из основ гласности. Падение запретов на слово и мысль означало в те пьянящие времена прежде всего (или – всего лишь...) обретение долгожданной возможности обличать уже распадающуюся систему, ее идеологические фантомы – и собственные иллюзии. На этом держался самиздат, а потом и вся «перестроечная» литература различного уровня и достоинства. Понятно, что это был необходимый – более того, единственно возможный в наличных исторических, политических, человеческих координатах – шаг на пути к реальному изменению общественного сознания. К тому же шаг, имевший за собой большую историческую традицию (достаточно сослаться на российско-интеллигентскую линию обличительства, восходящую к Чаадаеву, Герцену и др. Кстати, господствовавшая партийно-советская догматика в значительной мере строилась на постоянных обличениях идейных противников, отступников и вообще всех «чуждых»). Но давно стало очевидным, что разоблачение навязанной и привычной «неправды» (фальши, лжи, самообмана) далеко не означает обретения «новой», «подлинной» правды, более того – может открывать дверь новым иллюзиям, новому самообману, а то и всеобщему разочарованию и отчаянию.

Если взять, в самых общих чертах, социальную генеалогию самой процедуры «разоблачения», то нетрудно заметить, что в ее основе – представление о некоей «сокрытой» под оболочками запретов и фальши правде-истине, которую требуется найти и освободить от оков. Иными словами, перед нами явный суррогат *мифологической* схемы обретения правды или Истины с большой буквы, который действует на

основе и в рамках мифологического мировоззрения и его фольклорных реплик.

Существенная особенность мифологических представлений состоит в том, что они не поддаются рациональной критике. Миф нельзя опровергнуть, можно лишь «уйти» от него, перейдя на иную систему мировоззренческих координат. И, естественно, «расколдовав» (в терминологии М. Вебера) сам механизм существования-возрождения мифологических структур общественного сознания. Никакое обличение этого не делает.

Так, демонстративные обличения Сталина и сталинизма на пике хрущевской «оттепели» 1956-1961 годов не могли привести к крушению общественно-политической системы не только потому, что были неглубокими, непоследовательными, своекорыстными (направленными на оправдание существующей системы и ее очередных лидеров) и пр., а прежде всего потому, что совершались в рамках и категориях господствовавшего социального мировоззрения. Серия социально-политических разоблачений, начатых осторожной критикой эвфемизма «культ личности» после XX съезда партии, вылилась в мучительно-растянутый и прерывистый переход от разоблачения «неправильного» вождя к критике «извращений» строя и много позже, в другом поколении – к обличению самого строя и уже всех его лидеров. Результатом на каждом этапе являлась «полуправда», одновременно соблазнительная (как якобы легкий путь к «правде») и опасная, поскольку ориентирована она была на то, чтобы превратить ближайший «полустанок» обличительной критики в ее конечный пункт (за примером достаточно обратиться к пресловутому «застою»). По самой своей природе никакое обличение не может «идти до конца», так как процедура обличения конца не имеет. Но еще важнее то, что никакое разоблачение еще не дает нам реальной «правды» – ни нового знания, ни новых рамок самоопределения. Даже самый радикальный – по намерениям – разрыв с прошлым, со старыми мифами –

не означает «прорыва к правде» и тем более – обретения этой «правды». Тем более что разрыв с прошлым никогда в социальном и человеческом мире не бывает радикальным².

Любая полуправда может выступать и как «полу-ложь», которая стремится выглядеть правдой, но может и служить точкой поворота назад, к «большой лжи».

С этим очевидно связана наблюдаемая в последние годы тенденция массового отката от критических завоеваний времен гласности и перестройки (улучшение оценок советского периода и тогдашних деятелей и т.д.). Вот здесь-то и место для все более громогласного «возвышающего (унижающего) обмана».

Опасная слабость всякого обличения – которое, конечно, может на первых порах играть роль стимулятора, фермента общественного возбуждения – в том, что оно быстро утрачивает и свой критический заряд, и свое влияние на общественные настроения. Примеры слишком близки, чтобы их указывать. Остается либо апологетика наличного состояния, либо всхлипы растерянного отчаяния – весьма типичная современная дилемма в ситуации, когда равнодушную массу уже нельзя «накормить» ни обещаниями, ни обличениями (оставим за скобкой специфический интерес к скандалам и сплетням невысокого пошиба).

Не потому ли при описании компонентов патриотизма требование «говорить о нашей стране правду, какой бы горькой она ни была», согласно одному из опросов 2000 года, менее всего поддерживают самые молодые (10% при среднем 12%) и наиболее образованные (всего 7%)? Видимо, правда понимается опять-таки как некое гневное разоблачение (ср. популярную формулу такой процедуры «резать

² «Даже там, где жизнь меняется стремительно и резко, как, например, в революционные эпохи, при всех видимых превращениях сохраняется гораздо больше старого, чем полагают обыкновенно. И это старое господствует, объединяясь с новым в новое единство» (*Гадамер. Х. Истина и смысл. М., 1991. С. 335*).

правду-матку»). А общая мода на раздевание «голых королей» прошла – и, видимо, безвозвратно.

Ведь когда известный герой М. Булгакова утверждал, что «говорить правду легко и приятно», речь шла не о гневных обличениях в духе старых пророков, а о правде некоего нового понимания мира и человека. И Коперник победил не обличением системы Птолемея, а созданием новой концепции небесной механики.

Подлинная альтернатива «старой» реальности, в том числе и старой идеологии, мифологии – не гневные обличения, а переход к иной системе координат, т.е. критериев, ценностей, установок и т.д. Только обретение такой системы может дать надежную точку опоры и для критического преодоления наследия прошлых эпох. Причем эту «точку» нельзя найти или открыть, ее можно лишь создать – сформировать, определить, освоить. Беда «прекрасных порывов» ранней перестройки в том, что никто не сумел сконструировать и предложить обществу какую-либо принципиально иную модель социальной системы и социального миропонимания (через 10-12 лет, когда порывы утратили смысл, уже в эпоху всеобщего разочарования, власти решились говорить о мировой общности и демократии западного типа). В значительной мере отсюда неуверенность и нескончаемые метания на всех уровнях, сверху донизу.

Теперь пора вернуться к методологическому началу предложенных рассуждений – проблеме определения и судеб исходных понятий.

От Истины – к «пользе»?

Пламенный панегирик Истине, сочиненный Гегелем, приведен в эпиграфе к настоящей статье. Ключевое слово здесь очевидно должно и по-русски писаться только с большой буквы, потому что речь идет не о каких-то банальных «правильностях», а о едином смысле, охватывающем все и вся,

выражающим все «действительное и разумное» («неразумное», случайное знаменитый философ просто объявлял недействительным). Все движение человеческого разума и истории оказывалось направленным на достижение этой Истины. Позднейшая философская мысль, опиравшаяся на классическую традицию (прежде всего рационализм, материализм, эволюционизм XIX века), попыталась спустить категорию истины с неба на землю, объявляя ее воплощением науки, технического и общественного прогресса, «передовой» класс и др., – причем и приземленная истина сохраняла некоторый налет сакральности, открывалась лишь тем, кто в нее верил. Вопреки радикальным ожиданиям середины того наивно-прогрессистского по своим ориентациям века, материализованная универсальная истина не вытеснила христианские трактовки этой категории, но лишь нашла место рядом с ними.

По словам английского мыслителя И. Берлина, со времен высокого Просвещения считалось, что «мир был единым, умопостигаемым целым», что «истина равно очевидна повсюду и для всех разумных созданий». «...Даже те, кто не верил в бессмертие или в Бога, были готовы страдать и умереть за истину, ибо найти истину и жить согласно ей – было конечной целью каждого. Такова была вера платоников и стоиков, христиан и евреев, мусульман, деистов и атеистов-рационалистов»³. Но, как с явной горечью констатирует этот автор, после конца Просвещения, особенно же в XX веке представления о существовании единой и общеобязательной Истины подверглись сомнению. По его мнению, национализм, фашизм, марксизм, каждый со своей стороны, выступили за утверждение своих, исключительных истин (национальных, расовых, классовых). Кстати, одним из первых сторонников идеи множественности взаимоисключающих истин

³ Берлин И. Европейское единство и превратности его судьбы / Предисловие Б. Дубина // Неприкосновенный запас. 2002. № 1. С. 5, 8.

был первый современный теоретик общественного мнения У. Липпман. Значительная часть работ уже цитировавшегося Х. Гадамера (1900-2002) посвящена основательной критике классических воззрений на Истину. В минувшем веке представление о единой и высокой Истине, спустившись с романтических высот на землю, поглощенную социальными проблемами и конфликтами, как бы разбилось вдребезги. Конец претендовавших на величие псевдосакральных идеологий во второй половине XX века (фашистской, марксистской) фактически поставил точку в этом процессе.

Стоит отметить, что первые шаги на таком пути практически везде воспринимались как возвращение к возвышенным идеалам. Отсюда псевдосакральные авторитеты и критерии политических культов, а также идола Прогресса, Равенства, Революции, Модернизации и т.д. и т.п. А идола требовали поклонения и жертв – как будто во имя достижения собственного успеха любой ценой.

Современное общественное мнение во всем мире имеет дело не с Истиной, а с многочисленными и соперничающими представлениями об удобных, модных, полезных, научных и т.д. «истинах» (во множественном числе и с малой буквы). В русской языковой традиции их чаще всего называют «правдами» (как известно, в английском, немецком, французском языках эти термины не различаются). В современном словоупотреблении сам термин «правда» имеет явно выраженный социальный смысл. Он действует преимущественно в рамках смысловой оппозиции «правда – неправда», как средство утверждения определенного социально значимого соотношения мнений, оценки и т.п. (Формулы типа «правда [такого-то] учения, лица и пр.» – заведомо несовременны, это наследие сакрализованной традиции.) «Правда» – это не просто то, что считается правильным в рациональном расчете или привычном суждении, этот термин всегда явно или неявно подвергается социальной «ратификации» – признанию соответствующего утверждения социально значимым, полезным,

необходимым, т.е. занимающим определенное место в поле социальных координат, исполняющим требование некоторой социальной нормы. Это значит, что статус правды (в ее оппозиции с неправдой) имеет не какой-либо факт, событие и т.п., а его общественное значение, его интерпретация.

Многообразие «малых» правд, наблюдаемое в современных (и особенно в переходных) обществах, означает наличие «нормативного плюрализма», не сводимого к какой-либо единой «большой» Правде-истине. Однако это не означает, что господствует «нормативный хаос», всеохватывающая аномия и т.п. Стоит вспомнить, что в конце XVIII века в просвещенных элитах был широко распространен страх нормативного распада, порожденный французскими событиями. Ситуация повторилась – в ином и значительно усиленном виде – в конце следующего, XIX века (тогдашний модернизм, мироощущение «конца века»). Сегодня о всеобщем нравственном кризисе говорят больше всего там, где с историческим запозданием происходит десакрализация нормативных систем и связанное с этим «приземление» господствующих социальных норм. Понятно, что это относится и к нашей стране, как будто надолго застрявшей на историческом перекрестке, где сошлись почти одновременно переоценка и десакрализация религиозных, политических, моральных критериев, казавшихся незыблемыми. (В этом перечне фигурирует и религия, так как наблюдаемое возрождение церковной жизни не возвращает ей функции высшего мировоззренческого и нравственного контроля в обществе.)

В обществах, прошедших подобные катаклизмы ранее (и в разные периоды), десакрализация и переоценка высших нормативных конструкций означала не только приземление «высших» нормативных структур, но одновременно и утверждение важности, серьезности «низших», обыденных, практически-ценностных и утилитарных уровней таких структур. Трудное избавление «человеческих» отношений от сакрального и псевдосакрального контроля происходит по мере того,

как утверждается серьезность обыденного, впитавшего наследие длительной и многообразной культурной традиции. Наше общественное сознание пока – и не без оснований – зациклено на одной стороне этого процесса – на его трудности, мучительности, противоречивости. Отсюда и встревоженные суждения о релятивизации всех и всяческих нормативных критериев. Отсюда же и перипетии таких категорий, как «истина» и «правда» в общественном мнении.

Уместно завершить статью еще одной поэтической цитатой (из Н. Коржавина):

Но все масштабы эти помня,
Свои забыть нам не дано.
И берег – тверд,
Земля – огромна,
И жизнь серьезна все равно.

ФАКТОР НАДЕЖДЫ

Надеяться – ...это частица авось, выраженная глаголом.

Даль. Толковый словарь живого великорусского языка

Надежда – одно из самых употребительных и в то же время размытых обозначений социального самоопределения человека. Данные массовых исследований позволяют подойти к этому избитому словечку как к определенному термину, даже своего рода *категории* общественного мнения и общественного *поведения*, характеризующей некоторый тип «связи времен», отношения человека к изменяющейся ситуации, собственным действиям и ожиданиям. Основанием для такой трактовки служит достаточно высокий уровень распознаваемости самого термина в ряду других типов социального поведения, воспринимаемых в общественном мнении (устойчивость параметров и предсказуемость изменений соответствующей группы мнений, а также ее соотношений с сопряженными и противопоставленными поведенческими типами беспокойства, уверенности, отчаяния и пр.). Понятно, что в данном случае нас интересует надежда как категория *массового поведения*.

В пользу представления надежды как особого типа поведенческих реакций говорит и преимущественная ее связь с определенными моментами «обыденных» или «спокойно-неуверенных» общественных ситуаций. Поэтому масштаб и характер социально значимых надежд может выступать одним из показателей состояния общества (об этом – несколько позже).

В качестве определяющих можно выделить следующие черты интересующей нас поведенческой категории. Во-первых, это установка на позитивные, желаемые события. Во-вторых, это установка, действующая только в ситуации высокой неопределенности. И, в-третьих, это явная или не-

явная апелляция к какой-то внешней силе – от случая до авторитета. (Все эти моменты, по сути дела, включены в словарное определение В. Даля: надежда – «верящее выжиданье и призыванье желаемого, лучшего; вера в помощь, в пособие».)

Любая социальная ситуация включает элемент неопределенности, индетерминизма, поэтому доля сомнения, предположения, неуверенности содержится в любом социальном действии или решении. Вопрос в масштабах, значимости этого фактора, его «адресате». В нормальной ситуации никто не станет «надеяться» на то, что в булочной будет продаваться хлеб, а поезд уйдет по расписанию; в ненормальной, катастрофической ситуации упование на «авось» приобретает значение. В различных общественных условиях апелляция к «помощи» может быть адресована к сакральным и социальным авторитетам, институционализированным или персонифицированным.

Фактор надежды действует как средство адаптации человека к ситуации социальной неопределенности, причем и здесь адаптация может быть возвышающей, понижающей, примитивизирующей и пр. В любом случае этот фактор ограничивает неопределенность человеческого действия, поскольку сужает круг возможностей его активного рационального поведения.

В анкетных опросах надежда часто относится к разряду «чувств». Это не вполне точно: надежда – довольно сложная поведенческая реакция, установка на определенный тип деятельности, отношения к своим и внешним силам, к ситуации, к будущим событиям и последствиям социальных акций...

По характеру своего действия фактор надежды аналогичен фактору беспокойства, тревоги, т.е. неуверенного ожидания *нежелательных* событий или последствий. Тот и другой занимают «средние» позиции между оптимистической *уверенностью* и полным *отчаянием* – но как бы в разных направлениях по отношению к условному «центру».

Обращаясь к эмпирическим данным массовых опросов, следует принимать во внимание, что фактор надежды нередко выступает и под «псевдонимом» позитивных предположений или ожиданий, т.е. тождественных по смыслу терминов. (На практике ожидания далеко не всегда относятся к позитивным, поэтому для их оценки целесообразно пользоваться индексами соотношения позитивных и негативных вариантов.)

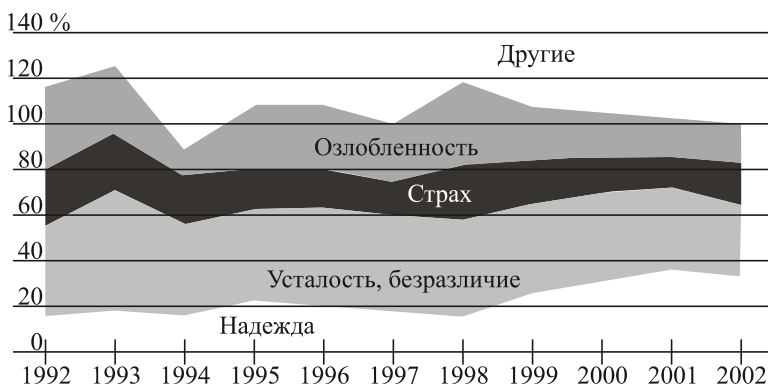
Место надежды

Место надежды в наборе социально значимых поведенческих установок можно представить по ответам о «чувствах, которые появились, окрепли» за прошедший год.

Рисунок 1

«Какие чувства появились, окрепли у окружающих Вас людей?» 1992-2002

(*N* = 1600 человек, % от числа опрошенных)

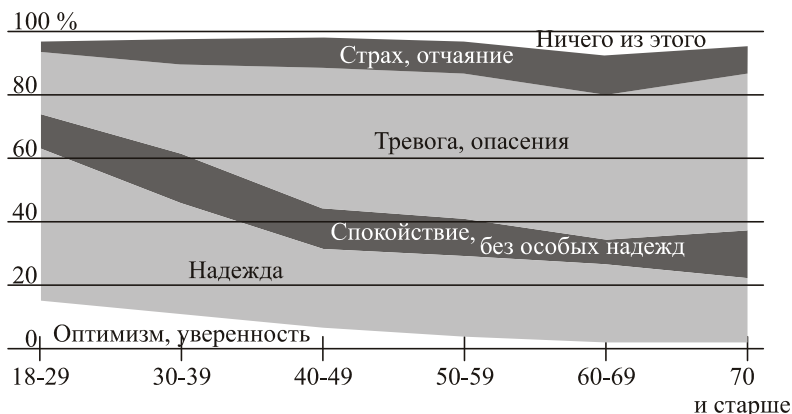
Примечание: сумма позиций превышает 100%, так как опрошенные указывали более одного варианта ответа.

Как видно из *рисунка 1*, до конца 1999 года показатель надежды занимал менее одной пятой в ряду социальных

эмоций (поведенческих установок) населения, в последующие годы заметен некоторый, не вполне уверенный его рост. При этом по своему месту он значительно уступает наиболее распространенной установке на «усталость, безразличие».

Рисунок 2

«Что Вы испытываете, думая о будущем?»
(Декабрь 2002 года; N = 1600 человек, % от числа опрошенных, по возрастным группам)

Эта диаграмма позволяет сопоставить восприятие фактора надежды с несколько иным набором вариантов поведенческих установок. Обращают на себя внимание соотношение показателей надежды и «оптимизма, уверенности» (в пользу «неуверенной» надежды), а также примерное равенство надежды и ее «негативного» аналога – «тревоги, опасений».

Горизонты надежд

В данном случае предметом рассмотрения служат данные, относящиеся к упомянутым выше «псевдонимам» фактора надежды, т.е. ожиданиям и предположениям в отношении будущего состояния дел в стране, в жизни людей. Пока-

зательно существенное различие в оценках ближайшего, «зримого» будущего и более отдаленного, «воображаемого».

Ожидания в отношении ближнего будущего оказываются весьма сдержанными и неустойчивыми, а ожидания в отношении более отдаленного будущего, например положения через пять лет, имеют совсем иной характер и иную динамику.

Таблица 1

«Каким будет через 5 лет материальное положение Вашей семьи по сравнению с нынешним?» 1996-2001
(*N* = 1600 человек, % от числа опрошенных)

	1996, июль-август	1997, январь	1998, март	2000, февраль	2000, февраль	2001, июнь
Намного лучше	7	6	6	8	6	6
Несколько лучше	32	20	21	28	38	29
Примерно такое же	36	42	45	47	44	44
Несколько хуже	16	19	18	10	9	13
Намного хуже	9	13	11	6	4	8
Индекс «позитива»*	1,56	0,81	0,93	2,25	3,38	1,19

* *Соотношение позитивных и негативных ожиданий.*

Как видим, до 1997 года и после начала 2000-го в перспективных ожиданиях преобладает надежда на улучшение положения семьи. Правда, после взлета надежд к началу 2000 года (перемены в эшелонах власти) уровень соответствующего показателя заметно снизился.

Носители надежд

Обратимся теперь к вопросу о том, как фактор надежды действует в различных группах населения. Ограничимся преимущественно группами по доходам (в субъективных оценках).

Таблица 2

«Как изменится в течение ближайшего года материальное положение Вашей семьи?»
(Январь 2003 года, N = 1600 человек, % от числа опрошенных в каждой группе)

Нынешнее положение	Улучшится	Без изменений	Ухудшится	Затрудняюсь ответить
Хорошее*	40	53	4	3
Среднее	28	56	8	8
Плохое	13	51	30	6
Очень плохое	23	35	30	12

* Данные о группе оценивших свое положение как «очень хорошее» не приводятся ввиду крайней малочисленности.

Не лишено интереса сопоставление этих данных с представлениями о положении страны через год.

Таблица 3

«Как изменится в течение ближайшего года экономическое положение России?»
(Январь 2003 года, N = 1600 человек, % от числа опрошенных в каждой группе)

Нынешнее положение	Улучшится	Без изменений	Ухудшится	Затрудняюсь ответить
Хорошее	44	40	9	7
Среднее	30	50	15	5
Плохое	16	48	29	7
Очень плохое	10	49	33	8

Решительно никаких заметных различий в таблицах нет, этим их сравнение и интересно. Можно сделать два предположения на этот счет: либо мы имеем дело с «полностью социализированными» людьми, которые собственное ближайшее будущее рисуют по образцу общегосударственного, либо – что куда более вероятно – этот последний образец представляют по своим личным, семейным ожиданиям.

Приведенные данные обнаруживают одну весьма существенную особенность оптимистических надежд в современном российском обществе: их носителями являются преимущественно *благополучные, имущие* группы населения. (Это относится также к ресурсно более богатым – молодым, образованным, квалифицированным.) Обделенные ресурсами обделены и надеждами и чаще всего не рассчитывают на улучшение собственного положения. Социальный оптимизм оказывается столь же резко дифференцированным, как и личное благосостояние человека.

Фактор надежды, таким образом, действует преимущественно на ориентации молодых и явно утрачивает свое значение с возрастом. Как, впрочем, и будто бы иной по своей природе фактор «уверенности», т.е. расчета, рациональности действия. (Видимо, «уверенность» в значительной мере является всего лишь более самонадеянной надеждой.) Заметно также некоторое повышение уровня (или значимости) надежд у лиц самых старших возрастов, лишенных возможности активно и уверенно действовать. Правомерно предположить, что под шапкой надежды в социальном поведении выступают *различные* установки.

«Цвета» надежды

Можно усмотреть, во-первых, различия в *ориентации* надежды – например, на неухудшение нынешнего положения, на его улучшение, на переход в более высокий статус или на сохранение некоторого минимально допустимого уровня его

вынужденного понижения, на сохранение наличного уровня или присвоение новых социальных ресурсов. А также на то, чтобы избежать бедствия, эти ресурсы разрушающего. (Наиболее распространенная из отечественных сакрализованных надежд выражена, скорее всего, формулой «пронеси, Господи».) Во-вторых, имеют значение различия в степени активности самого субъекта надежд – для одних это неуверенный расчет на собственные силы, для других – ожидание помощи со стороны, от более сильных, от социальных институтов и пр. Понятно, что отмеченные выше «возрастные» параметры надежды связаны прежде всего с различиями ее типов. Кстати, в поле социологического анализа практически не попадают собственно сакральные составляющие надежды (на спасение души).

«Время надежд»

В индивидуальном (онтогенетическом) плане наибольшее значение, как мы видели, имеют надежды в наименее активных возрастных группах, где рациональная и ответственная деятельность либо еще впереди, либо уже позади – и где люди менее всего могут надеяться на самих себя, точнее, рассчитывать на собственные силы. Но имеются и определенные особенности периодов общественной жизни, которые характеризуются повышенным уровнем надежд. Скорее всего, это периоды невысокой активности, умеренных ожиданий, угасших иллюзий. Время общественных потрясений, переворотов, катастроф, упрощающей мобилизации сил и т.п. – это время ослепляющего фанатизма, социальной самоуверенности (в зависимости от результатов ее могут потом называть ложной, иллюзорной), но отнюдь не время неуверенных надежд и спаренных с ними опасений. Когда мобилизационные ресурсы исчерпываются, естественно возрастает роль упований на другие силы или, по меньшей мере, на отсутствие катастроф.

Определенный перелом в общественных настроениях произошел осенью 1999 года, он выглядел давно ожидаемым – после ряда лет заметного преобладания установок на отрицательные перемены как в политике, так и в экономике. Собственно, именно это долгое ожидание смены караула на высшей государственной должности и послужило источником первоначальных надежд на изменение ситуации с появлением нового руководителя. Поэтому можно полагать, что осенью 1999 года произошел не столько поворот в массовых ожиданиях, сколько инкарнация давно выношенной в общественном мнении иллюзии относительно «твердой руки», «новой метлы» и тому подобных фольклорно отработанных стереотипов. Если взять такой важнейший компонент перелома в общественных настроениях, как переход от «мирных» настроений к «воинственным» в отношении Чечни, то здесь тоже не обнаруживается никакого внезапного поворота. Ни решительных антивоенных настроений, ни тем более серьезных антивоенных движений в России и во время первой чеченской войны (1994-1996) не существовало, а преобладавшие в массовых настроениях усталость, разочарование в возможности достижения быстрого успеха, горечь потерь и неудач активизировались и тем создали – правда, как мы знаем сейчас, ненадолго – доминанту мобилизационных настроений в обществе. Противоречивая эрозия этой атмосферы на протяжении последних двух с лишним лет составляет важное звено наблюдаемых сдвигов, в том числе и в общественных ожиданиях.

Надежды и успехи: соотношение и динамика

Наблюдаемый в последние годы разрыв между видимым по данным исследований общественного мнения уровнем массовых надежд (преимущественно в отношении президента В. Путина) и показателями перемен в различных сферах жизни столь очевиден, что создает впечатление чуть ли не

сверхстабильности самих подобных надежд, их независимости от реально действующих факторов. Однако анализ накопленных данных исследования показывает, что даже самые устойчивые социальные надежды и иллюзии массового сознания имеют свои ограничения. Если не прямо, то через ряд опосредствующих механизмов они испытывают воздействие успехов, тревог, опасений и прочих обстоятельств общественной жизни.

В качестве образцов динамики показателей надежды и примыкающих к ней установок представляется удобным рассмотреть регулярно отслеживаемые оценки успехов действий президента В. Путина в различных сферах и уровня социальных надежд, относящихся к этим действиям (рис. 3-5).

Рисунок 3

«Надеетесь ли Вы, что В. Путин сможет навести порядок в стране?»

(N = 1600 человек, % от числа опрошенных)

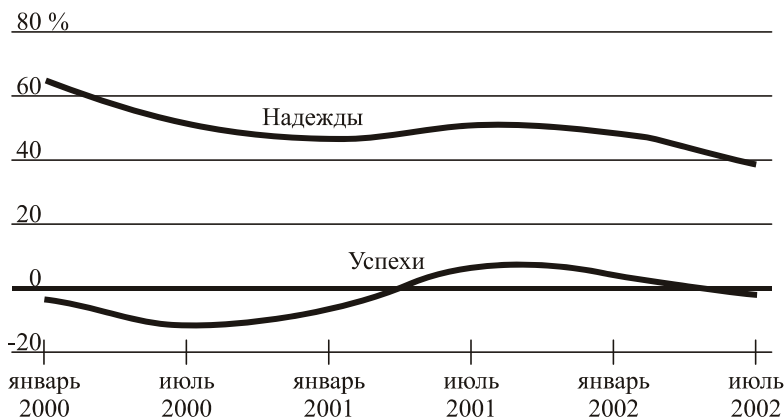

Рисунок 4

**«Надеетесь ли Вы, что В. Путин сможет вывести
российскую экономику из кризиса?»**

(N = 1600 человек, % от числа опрошенных)

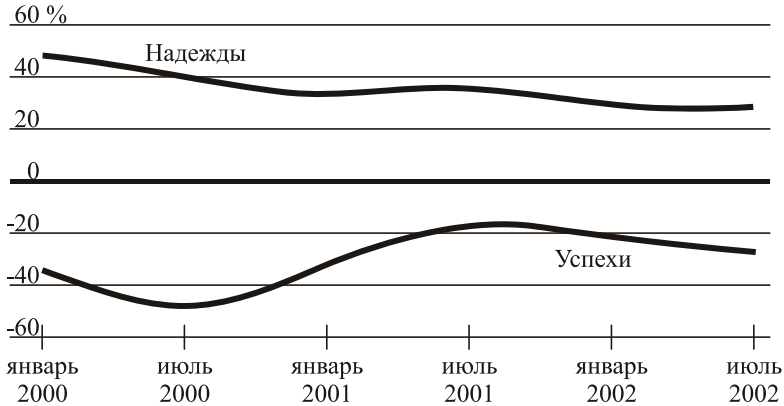
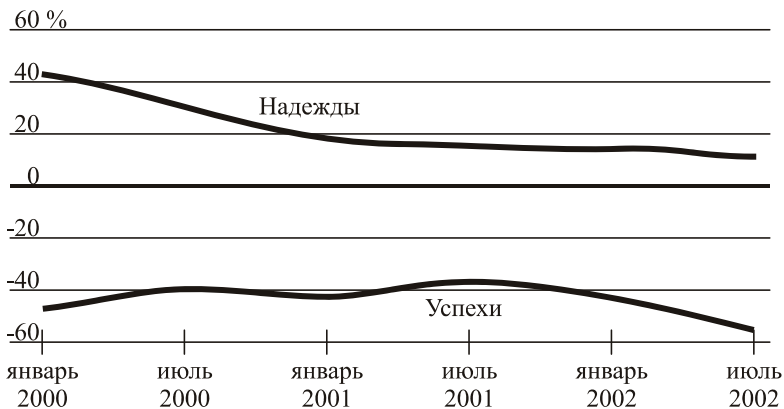

Рисунок 5

**«Надеетесь ли Вы, что В. Путин сможет добиться
решения чеченской проблемы?»**

(N = 1600 человек, % от числа опрошенных)

Примечание (рис. 3-5): «Надежды» – разность между имею-

щими надежды и не имеющими их.

«Успехи» – разность между указывающими успехи и не видящими их.

В общественном мнении показатели надежд постоянно выше показателей успехов, со временем разрыв несколько уменьшается. Но обе траектории изменения как бы сопряжены друг с другом в своих колебаниях. Вряд ли можно усматривать в этой тенденции что-то наподобие исчерпания ресурсов надежды, скорее происходит постепенное вытеснение иллюзорных надежд более реалистичными, зависимыми от успешности их осуществления.

В задачу настоящей статьи входил лишь методологический анализ фактора надежды как категории или установки массового поведения. Материалы исследований различных сторон общественного мнения в России за последние годы позволяют сформулировать и подтвердить ряд предположений об особенностях действия этой категории.

Анализ материала исследований позволяет отойти от эмоционально-упрощенной трактовки социальных надежд как иррациональных, недерминированных и непредсказуемых феноменов. Основные тенденции динамики, подъема и спада массовых надежд в различных обстоятельствах могут быть предметом разностороннего изучения.

Как представляется, фактор надежды (позитивных ожиданий) исполняет существенные и относительно устойчивые функции в кругу узловых конструкций общественного мнения, имеет свои эмпирические референты и сопряженные установки в массовом сознании. Наблюдаются характерные взаимовлияния показателей социальных надежд, успехов, тревог, отсюда варианты сопряженности и антикорреляции их динамики.

ПРОБЛЕМА СЫРЬЕВОГО УРОВНЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Попытаюсь затронуть несколько проблем из тех, которые можно вынести на обсуждение, для того чтобы разжечь дискуссию.

Прежде всего, как понимать «методологический» поворот, или крен, в работе симпозиума. По моему, не для того, чтобы уклониться от больших и трудных проблем сегодняшнего «пути России», а для того, чтобы их лучше понимать, «копать глубже», для чего и нужно совершенствовать сам инструмент исследовательской работы. Причём в первую очередь не на уровне техники исследования, опросов, сбора данных, а на концептуальном уровне.

Из истории социальных наук известно, что интерес к методологии обычно обострялся в переломные времена, когда устоявшиеся мыслительные инструменты и схемы оказывались недостаточно эффективными. Например, так происходило в начале и в конце XIX в., во времена И. Канта, потом М. Вебера и т.д. Можно найти аналогии с нашим сегодняшним положением.

Как известно, сейчас «в моде» (востребованы, заказаны, известны) прикладные эмпирические исследования, которые используются для конкретных маркетинговых, экономических, политических целей. В большой мере это относится, разумеется, и к различным исследованиям общественного мнения. (Мы уже много лет стараемся показать, что такие исследования могут иметь и собственно научное значение, применяться для понимания социальных феноменов, их динамики и пр.) Возникают, по меньшей мере, две группы достаточно сложных методологических узлов. Один связан с проблемами соотношения объективности, профессионализма и нормативно-ценностных рамок исследовательской деятельности. Другой – с потенциалом собственно мыслитель-

ных инструментов, моделей, категорий социального знания.

Постоянно приходится сталкиваться с подозрениями относительно того, что многие исследователи искажают получаемые результаты в угоду заказчикам. С такими упреками (возможно, для кого-то это способ самокритики или/и самооправдания) нет смысла спорить, они лишь показывают невысокий уровень профессионализма, профессиональной грамотности, причём с разных сторон. Для исследователей искажение результатов недопустимо просто потому, что потеря доверия равносильна утрате спроса. А для заказчика, если он работает профессионально, использование фальшивых данных, например, о потребителях или избирателях, – вредно, самоубийственно. Другое дело, когда политика подменяется политической шумихой и т.п., одно надувательство другому соответствует.

Более серьезная проблема – ценностные и нравственные ориентиры социального знания, исследовательской работы. Прошли времена, когда от исследователей требовали верности якобы высоки целям, и якобы мудрым руководителям. Но на смену этому очень часто приходит, становится вездесущим мелкий цинизм, близорукий расчет на признание, «кэш» и благорасположение начальства. В такой ситуации неизбежно выветривается дух научного поиска, разлагаются и люди. «Свобода от ценностей», к которой призывал М. Вебер, означает освобождение от идеологического принуждения, но никак не от ценностных рамок научной работы (добросовестности, последовательности, аккуратности в обращении с источниками, данными и пр.). Но, кроме этих «малых профессионально-этических рамок, существуют еще и «большие» ценности, «сверхзадачи» социального знания. Это особенно важно иметь в виду в наше смутное и смятенное время, после крушения утопий с их сокращенными авторитетами и принудительным единомыслием.

Очевидно, что за последнее время, освободившись от старых пут и запретов, восстановив связи с мировым и книж-

ным арсеналом научной мысли, наши коллеги в разных областях социального знания выпустили много важных работ, вырастили новые поколения исследователей, которые, наверное, еще себя покажут. В большинстве случаев сделанное все же относится к первичному, «сырьевому» уровню науки (аналогия нынешней экономике?) – собиранию данных, источников, документов и т.д. А с выходом на новый уровень «обработки», то есть осмысления, интерпретации, мягко говоря, пока как будто слабо. Это не упрек кому-то или какому-то институту, (если упрек, то всем, себе и близким в первую очередь) а скорее пожелание. Сравнить достигнутое следует, в первую очередь не с тем, что было 50-30-20 и т.д. лет назад, а с тем, чего нужно и, вероятно, можно было добиться за последние годы, и что не смогли, не сумели, не решились поднять...

*«Пути России. Проблемы социального познания.
Международный симпозиум 3-4 февраля 2006 г.*

ПЕЧАТНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ О Ю.А. ЛЕВАДЕ

Библиография составлена Борисовым А.В., Макаровым С.В.
с использованием Библиографического указателя:

Левада

Юрий Александрович

(литература за 1955-2008 г.г.)

М. 2008.

1964

Скибицкий М.М. Прогресс по-христиански [Рец. на кн.: Левада Ю.А. Современное христианство и социальный прогресс. М., Соцэкгиз, 1962, 208 с.] // *Вопр. философии.* – М., 1964. – № 2. – С. 173-176.

1966

Селескериди Л.И. Марксистский труд по социологии религии [Рец. на кн.: Левада Ю.А. Социальная природа религии. М., Наука, 1965, 263 с.] // *Вопр. философии.* – М., 1966. – № 12. – С. 154-159.

1967

Кичанова И. Исследуется проблема религиозности (О кн.: Левада Ю.А. Социальная природа религии. М., Наука, 1965, 263 с.) // *Наука и религия.* – М., 1967. – № 8. – С. 94-95.

1969

Benczur M. Jurij Levada : A vallás társadalmi természetete [Рец. на кн.: Левада Ю. Социальная природа религии. – Будапешт : Кошут, 1969. – 315 с.] // *Magyar filozófiai szemle.* – Budapest, 1969. – Evf. XIII, Sz. 6. – О. 1231-1233.

1970

Козловский В.Е., Сычёв Ю.А. Обсуждение курса лекций Ю.А. Левады по социологии // *Научные доклады высшей школы. Философские науки.* – М.: Высш. шк., 1970. – № 3. – С. 178-185.

О «Лекциях по социологии» Ю.А. Левады (Заседание Ученого совета философского факультета МГУ) // Вестник МГУ (Сер. Философия). – М., 1970. – № 3. – С. 95-96.

Marko K. Entideologisierung der sowjetischen Soziologie? Der Fall Jurij A. Levada. – Köln, 1970. – 25 s. – (Berichte des Bundesinstituts für ostwiss. und intern. Studien. 1970 / 51).

Глезерман Г. Исторический материализм и проблемы социальных исследований [О «Лекциях по социологии» Ю.А. Левады] // Коммунист. – М., 1970. – № 4. – С. 76-87.

1975

Geiger H.K. [Рец. на ст.: Social Stratification and Mobility in the USSR // International journal of sociology. – White Plains, N.Y., 1973. – Vol. 3, № 1-2] // Contemporary Sociology. – 1975. – № 2. – P. 163.

1993

Гудков Л., Дубин Б., Левинсон А. От составителей // Левада Ю.А. Статьи по социологии / Сост. Гудков Л., Дубин Б., Левинсон А. – [М.: Фонд Макаруров,] 1993. – С. 5-12.

Библиография основных работ Ю.А. Левады: 1955-1993 // Левада Ю.А. Статьи по социологии / Сост. Гудков Л., Дубин Б., Левинсон А. – [М.: Фонд Макаруров,] 1993. – С. 190-192.

1994

Воробьёв А. Уроки социологии [К выходу в свет кн. Ю.А. Левады «Статьи по социологии»] // Кн. обозрение. – М., 1994, 10 мая. – № 19. – С. 18.

Пугачева М.Г. Институт конкретных социальных исследований АН СССР 1968-1972 г.г. // Социологический журнал. – М., 1994. – № 2. – С. 158-172.

Любимова Т. Наука как профессия [Рец. на кн.: Левада Ю.А. Статьи по социологии. – М., 1993. – 192 с.] // Свободная мысль. – М., 1994. – № 4. – С. 120-122.

Yuri Levada; Monitoring of social and economic changes in Russia: Open data bank // Intercentre: Interdisciplinary academic centre for social sciences. – [М.: Intercentre,] 1994. – P. 21-22.

Борисов Д. [Рец. на кн.:] Левада Ю.А. Статьи по социологии. М., 1993, 192 с. // Новое лит. обозрение. – М., 1994. – № 7. – С. 340-341.

Левада Юрий Александрович; Мониторинг социальных и экономических перемен в России: Открытый банк данных // Интерцентр: Междисциплинарный академический центр социальных наук. – [М.: Интерцентр,] 1994. – С. 23-24.

1995

Левада Юрий Александрович // Философы России XIX – XX стол.: Биографии, идеи, труды / Редколл.: Алексеев П.В. (гл. ред.). – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Кн. и бизнес, 1995. – С. 333.

Левада Юрий Александрович // Энциклопедический социологический словарь / РАН. ИСПИ. – М., 1995. – С. 353.

1998

Левада Юрий Александрович // Российская социологическая энциклопедия / Под общ ред. Осипова Г.В. – М.: НОРМА-ИНФРА, 1998. – С. 247.

1999

Левада Юрий Александрович // Социологи России и СНГ, XIX-XX вв.: Биобиблиогр. справочник / Редколл.: Тощенко Ж.Т. и др. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 171.

Здравомыслов А.Г. «Высокий категориальный кризис» (Ю.А. Левада, 1997) // Здравомыслов А.Г. Социология российского кризиса: Статьи и доклады 90-х годов. – М.: Наука, 1999. – С. 21-27.

Колбановский В.В. [О Юрии Александровиче Леваде] К истории постсталинской социологии: от ренессанса до реформации // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. Батыгин Г.С.; Ред. – сост. Ярмолюк С.Ф. – СПб.: Рус. Христ. гум. ин-т, 1999. – С. 32-33.

В. Гришин. Записка в ЦК КПСС первого секретаря МГК КПСС В.В. Гришина об ошибках, допущенных в курсе лекций по социологии, прочитанных Ю.А. Левадой. // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. – СПб., 1999. С. 506.

2001

Фирсов Б.М. [О Ю.А. Леваде и его работах] История советской социологии : Курс лекций. – СПб.: Европ. ун-т в С. – Петерб., 2001. – С. 37, 39, 84, 132, 134, 135, 155, 157, 160, 162-163, 167, 223, 250, 289.

Аннинский Л. Космос в хаосе [Рец. на кн.: Левада Ю.А. От мнений к пониманию : Социол. очерки, 1993 – 2000. – М.: Моск. школа полит. исследований, 2000, 574 с.] // Свободная мысль – XXI. – М., 2001. – № 9. – С. 23-30.

2002

Гудков Л.Д. [О Юрии Александровиче Леваде] «Работа вела меня за собой...» / Интервью Батыгину Г.С. // Социол. журнал. – М., 2002. – № 2. – С. 108, 112-114, 116-117.

Левинсон А.Г. [О Юрии Александровиче Леваде] «...Меня занимает внешняя сторона вещей» / Интервью Батыгину Г.С. // Социол. журнал. – М., 2002. – № 2. – С. 99-101, 103-104.

2003

Левада Юрий Александрович // Социология : Энциклопедия / Сост. Грицанов А.А., Абушенко В.Л., Евелькин Г.М., Соколова Г.Н., Терещенко О.В. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – (Мир энциклопедий). – С. 501.

ВЦИОМ теряет главу // Коммерсантъ – Власть. – М., 2003, 11-17 авг. – № 31. – С. 15.

Фурман Д. Судьба Левады и судьба режима // Моск. новости. – М., 2003, 12-18 авг. – № 31 (1200). – С. 5.

Левинсон А.Г. Феномен Левады // Полития. – М., 2003. – № 2. – С.164-173.

Ерошок З. Леваду закрывают? Нет, всего лишь отрубаят голову. // Новая газета. – М., 2003, – № 57 (890). – С. 1-2.

Грозовский Б., Воронина А. ВЦИОМ без Левады // Ведомости. – М., 2003, 6 августа. – № 138 (938), – С. 1.

Фишман М. Дело социологов // Еженедельный журнал. – М., 2003, 18-24 августа, – № 31-32 (82-83), – С. 10-13.

2004

Левада Юрий Александрович // Социологи России и Украины : Биобиблиогр. справочник. 2-е изд., дополн. и перераб. / Под ред. Городяненко В.Г. – Киев, 2004. – С. 137.

Макаренко Б. ... Или всё-таки homo volibilis? [В связи с публич. лекцией социолога Ю.А. Левады «Мы по-прежнему homo soveticus?»] // Юридич. вестник. – М., 2004, июнь. – № 10 (336). – С. 5.

2006

Левинсон А.Г. Держатель нормы: Юрий Александрович Левада (1930 – 2006) // Отечеств. записки. – М., 2006. – № 6. – С. 336-343.

Не стало Юрия Левады... // Новые Известия. – М., 2006, 17 ноября. – № 211 (2089). – С. 3.

Точность выборки. От редакции // Ведомости. – М., 2006, 17 ноября. – № 217 (1744). – С. А3-А4.

[Некролог] / Коллектив «Левада-Центра» // Ведомости. – М., 2006, 17 ноября. – № 217 (1744). – С. А4.

Серебрянский Ф. Имя российской социологи : Юрий Левада скончался в рабочем кабинете // Время новостей. – М., 2006, 17 ноября. – № 212 (1613). – С. 2.

Инженер человеческих дум. Умер основоположник российской социологии Юрий Левада. // Газета. – М., 2006, 17-19 ноября. – № 211 (1236). – С. 1, 3.

Митина К. Юрий Левада : жизнь после жизни : [интервью с Гудковым Л.] // Дело. – СПб., 2006, 20 ноября. – № 41 (442). – С. 2-3.

Архангельский А. Левада-Центр. // Профиль. – М., 2006, 20 ноября. – № 43. – С. 123.

Lavietes S. Yuri Levada, 76, Russian pollster, dies // The New York Times – N.Y., 2006, November 20.

Obituarg : Yuri Levada, a sociologist and pollster in Soviet Union and Russia // Herald Tribune International. – N.Y., 2006, November 20.

Yuri Levada. Sociologist who lifted the lid on public opinion to the anger of Soviet and then Russian authorities // The Times. – L. 2006, November 21.

Osborn A. Yuri Levada. Russian public opinion pollster // The Independent. – L., 2006, November 22.

Ослон А. Память о Леваде // Огонек. – М., 2006, 20-26 ноября. – № 47. – С. 4.

Ослон А. Памяти Юрия Александровича Левады // Социальная реальность. – М., 2006. – № 12. – С. 65.

Ядов В.А. [О Юрии Александровиче Леваде] // Социальная реальность. – М., 2006. – № 12. – С. 66.

Юрий Левада, российский социолог (24.04.1930 – 16.11.2006) // Огонек. – М., 2006, 25-31 дек. – № 52. – С. 51.

Дьякова Е. Плюс рутинизация всей страны (о кн.: Ю.Левада. Ищем человека: Социол. очерки, 2000 – 2005. – М.: Новое изд-во, 2006) // Новая газета. – М., 2006, 16-19 ноября. – № 87. – С. 22.

Смерть общественного мнения // Коммерсантъ – Власть. – М., 2006, 20 ноября. – № 46. – С. 24.

Он держал перед нами зеркало // Новая газета. – М., 2006, 20-22 ноября. – № 88 (1210). – С. 30.

Гудков Л., Дубин Б. Человек свободный: Памяти Юрия Левады // Коммерсантъ. – М., 2006. – 20 ноября, № 216 (3547). – С. 8.

Гудков Л., Дубин Б. Человек свободный [Памяти Юрия Левады] // Социология: теория, методы, маркетинг. – Киев, 2006. – № 4. – С. 11-13.

Головачев В. Незаменимые – есть! Как будет развиваться отеч. социология после Юрия Левады? // Труд. – М., 2006, 21 ноября. – № 215 (25143). – С. 3.

Савина Е. Первый социолог России не дожид до отпуска // Коммерсантъ. – М., 2006. – 21 ноября. – № 217 (3548). – С. 3.

Головаха Е. Научная школа Юрия Левады о социокультурных изменениях в постсоветском обществе // Социология: теория, методы, маркетинг. – Киев, 2006. – № 4. – С. 5-10.

Человек, всю жизнь искавший «настоящую правду»: Памяти Юрия Александровича Левады // Телескоп: наблюдения за повседн. жизнью петербуржцев. – СПб., 2006. – № 6. – С. 41-43.

Умер Юрий Левада // Известия. – М., 2006, 17 ноября. – № 213 (27254). – С. 2.

Савина Е., Козенко А. «Во времена Брежнева он был на пороге ГУЛАГа, во времена Путина его выгнали за независимость» : Умер создатель российской социологии Юрий Левада // Коммерсантъ. – М., 2006, 17 ноября. – № 217 (3546). – С. 3.

Яковлева Е. Человек мудрых идей : Вчера умер известный социолог Юрий Левада // Росс. газета. – М., 2006, 17 ноября. – № 259 (4225). – С. 7.

Он был смелым человеком // Независ. газета. – М., 2006, 17 ноября. – № 250 (3928). – С. 4.

Умер Юрий Левада // Моск. новости. – М., 2006, 17-23 ноября. – № 44 (1361). – С. 2.

Каныгин А. Умер Юрий Левада // Труд. – М., 2006, 17 ноября. – № 213 (25141). – С. 2.

Yuri Levada, 76; pollster was a sociology pioneer in the former Soviet Union // Los Angeles Times. – L.A., 2006, November 17.

Radziwinowicz W. Umarł Jurij Lewada // Gazeta Wyborcza. – Warszawa, 2006, 17 listopada. – Nr. 268 (5275). – S. 10.

Умер Юрий Левада // Моск. комсомолец. – М., 2006, 18 ноября. – № 262 (24325). – С. 2.

Темирова И. Известный социолог Юрий Левада умер в своем рабочем кабинете от сердечного приступа // Факты и комментарии. – Киев, 2006, 18 ноября. – № 215 (2252). – С. 3.

Помер відатний учений Юрій Левада // День: Щоденна всеукраїн. газета. – Київ, 2006, 18 листопада. – № 201 (2423). – С. 3.

Yuri Levada // The Daily Herald. – N.Y., 2006, November 18.

Он не верил ни власти, ни мифам // Новое русское слово. – М., 2006, 22-28 ноября. – № 10 (33443). – С. 2.

Костиков В. Памяти Юрия Левады // Аргументы и факты. – М., 2006, ноябрь. – № 47 (1360). – С. 5.

Левинсон А. Уроки Левады // Неприкосновенный запас. – М., 2006. – № 6. – С. 354-357.

Попович М. Він розумів Росію розумом // Критика. – Київ, 2006. – число 11 (109). – С. 17.

Памяти учёного : Юрий Александрович Левада // Социология. – Мн., 2006. – № 4. – С. 95.

Aron L. The man who knew Russia too much // The Washington Post. – W., 2006, December 24.

Mrowczynski R. Zum Tod von Juri Alexandrowitsch Lewada // Russlandanalysen. – B., 2006. – H 119. – S. 15-16.

2007

Юрий Александрович Левада // ОНС: Обществ. науки и современность. – М., 2007. – № 1. – С. 174.

Левада Юрий Александрович (24.04.1930 – 16.11.2006) / Коллектив «Левада – Центра» // Социол. исследования. – М., 2007. – № 2. – С. 156.

Левинсон А.Г. 1970-е, социализм и социология : Заметки очевидца // Неприкосновенный запас. – М., 2007. – № 2. – С. 252-256.

Памяти Юрия Александровича Левады: 16 ноября 2006 года ушел из жизни блистательный ученый и замечательный человек Юрий Александрович Левада // Мир России. – М., 2007. – Т. XVI, № 1. – С. 173-179.

Дубин Б.В. Образ и образец: памяти Ю.А. Левады (1930 – 2006) // Социол. журнал. – М., 2007. – № 1. – С. 186-187.

Дубин Б. Лоцман: Памяти Юрия Левады // Знание – сила. – М., 2007. – № 4. – С. 88-95.

Гудков Л. Социология Юрия Левады (опыт систематизации) // Вестник обществ. мнения. – М., 2007. – № 4 (90). – С. 8-27.

Гудков Л.Д. «Советский человек» в социологии Юрия Левады // ОНС: Обществ. науки и современность. – М., 2007. – № 6. – С. 16-30.

Дубин Б. Традиция, культура, игра в социологии Юрия Левады // ОНС: Обществ. науки и современность. – М., 2007. – № 6. – С. 31-38.

Максимов И. [Рец. на кн.:] Левада Ю.А. Ищем человека: Социол. очерки, 2000–2005. – М.: Новое изд-во, 2006, 383 с. // Неприкосновенный запас. – М., 2007. – № 2. – С. 280-282.

Левада Юрий Александрович // Большой биографический словарь / Отв. ред. Варавина Е.В. и др. – СПб.: Норинт, 2007. – С. 577.

Заславская Т.И. Моя жизнь: воспоминания и размышления // Заславская Т.И. Избранные произведения. – М.: Эко-

номика, 2007. – Т. 3. – С. 602-604, 643, 651-652, 670-672, 674-676.

Levinson A. Das «Phänomen L». Zum ersten Todestag von Jurij Levada (1930–2006) // Osteuropa. – В., 2007. – Jg. 57, Н. 10. – S. 85-94.

Юрий Александрович Левада (24 апреля 1930, Винница – 16 ноября 2006, Москва): Справка // Новое лит. обозрение. – М., 2007. – № 87. – С. 228-229.

Шляпентох В. Звездное время Юрия Левады: История одного экзистенциального выбора // Новое лит. обозрение. – М., 2007. – № 87. – С. 230-236.

Дубин Б. От традиции к игре: культура в социол. проекте Юрия Левады // Новое лит. обозрение. – М., 2007. – № 87. – С. 237-247.

Библиографический список основных публикаций Ю.А. Левады / Сост. Дубин Б.В. // Новое лит. обозрение. – М., 2007. – № 87. – С. 248-250.

Докторов Б. Жизнь в поисках «настоящей правды»: Заметки к биографии Ю.А. Левады // Соц. реальность. – М., 2007. – № 6. – С. 67-81. – Библиогр.: с. 80-81.

Докторов Б. В поисках «настоящей правды»: Юрий Левада // Дело. – СПб, 2007, 4 июня. – № 19 (446). – С. 8-9.

Левандовская И. Мы всегда могли рассчитывать на него // Новая Польша. – Варшава, 2007. – № 1 (82). – С. 3.

Sapper M. Dialogstörung. Warum Levada & Co. nicht gelesen werden // Osteuropa. – В., 2007. – Jg. 57, Н. 10. – S. 95-102.

2008

Шалин Д.Н. Человек общественный: гарвардское интервью с Юрием Левадой // Социол. журнал. – М., 2008. – № 1. – С. 126-154.

Докторов Б.З. Юрий Левада. К изучению биографии и судьбы // Социол. журнал. – М., 2008. – № 2. – С. 109-118.

Алексеев А.Н. Человек естественный // Социол. журнал. – М., 2008. – № 2. – С. 119-122.

Кон И.С. Вспоминая о Леваде // Социол. журнал. – М., 2008. – № 2. – С. 123-126.

Левинсон А.Г. Не стоит село без праведника // Социол. журнал. – М., 2008. – № 2. – С. 127-132.

Левинсон А.Г. Левада Юрий Александрович // Московская энциклопедия. Т. 1. Лица Москвы. Кн. 2 (И-М). – М.: Фонд «Моск. энциклопедии», 2008. – С. 400.

Левада Юрий Александрович : Библиографический указатель. Литература за 1955–2008 гг. / Ред. – сост.: Левада Т.В., Серебряная Е.И., Борисов А.В. – М., Поматур, 2008. – 36 с.

Margolina S. Dialogstörung als Norm. Levada & Co. als einsame Rufer in der Wüste // Osteuropa. – В., 2008. – Jg. 58, Н. 1. – S. 17-20.

Gabowitsch M. Wissenssoziologie staff Weihrauchschwanken. Selbstverschuldete Rezeptionshürden der Levada – Schule // Osteuropa. – В., 2008. – Jg. 58, Н. 2. – S. 33-52.

Назимова А.К., Шейнис В.Л. Памяти друга // Социол. журнал. – М., 2008. – № 2. – С. 133-137.

Фирсов Б.М. Жизнь, наполненная бескорыстными духовными интересами // Социол. журнал. – М., 2008. – № 2. – С. 138-146.

Ядов В.А. Прости меня, Юра // Социол. журнал. – М., 2008. – № 2. – С. 147-149.

Гудков Л.Д. Проблемы социологии Юрия Левады // Мир России. – М., 2008. – Т. 17, № 3. – С. 3-36.

Габович М. К дискуссии о теоретическом наследии Юрия Левады // Вестник обществ. мнения. – М., 2008. – № 4 (96). – С. 50-61.

Шалин Д.Н. Феноменологические основы теоретической практики: биокритические заметки о Ю.А. Леваде // Вестник обществ. мнения. – М., 2008. – № 4 (96). – С. 70-104.

Кон И.С. Юрий Александрович Левада (1930 – 2006) // Кон И.С. 80 лет одиночества. – М.: Время, 2008. – С. 97-102.

Фирсов Б.М. Homo soveticus («человек советский») // Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР, 1940 – 1960-е годы: История, теория и практика. – СПб., 2008. – С. 43-48.

Осипов Г.В. Время, исследуемое на все времена // Левада Ю.А. Лекции по социологии / Левада Ю.А. Лекции по социологии; Семенов Ю.Н. Киноискусство и массовая аудитория; Отв. ред. Голубицкий Ю.А. – М.: Вече, 2008. – С. 3-10.

Осипов Г.В. Антисоветские материалы, полученные посредством порочных методов / Интервью Жирнову Е. // Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). М., – Экономика, 2008. – С. 540-547.

Земцов И. Советская социология: исследование утраченных иллюзий в России периода сов. диктатуры [пер. с англ.] // Социология в СССР : взгляд изнутри и извне в работах Г. Осипова, Дж. Фишера, И. Земцова, А. Симиренко / РАН ин-т соц.-полит. исследований; отв. ред. Голубицкий Ю.А. – М., Вече, 2008. – (Вехи отеч. социологии). – С. 471-481.

Гришин В. Записка МГК КПСС об ошибках идейно-теоретического характера «Лекций по социологии» Ю.А. Левады 4 апреля 1970 г. // Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). – М., Экономика, 2008. – С. 204-206.

Митрохин Л.Н. Тернистые пути отечественной социологии (беседа с акад. РАН Г.В. Осиповым) // Осипов Г.В., Мо-

сквичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). – М., Экономика, 2008. – С. 434-453.

Пугачева М.Г. Институт конкретных социальных исследований АН СССР 1968-1972 гг. (с коммент. акад. РАН Г.В. Осипова // Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть (как это было на самом деле). – М., Экономика, 2008. – С. 504-539.

Gudkov L.D. «Soviet man» in the sociology of Iurii Levada // Sociological research: A j. of transl. – Armonk, NY, 2008. – Vol. 47, № 6. – P. 6-28.

2009

Левада Юрий Александрович // История социологии : учебник / Отв. ред. Осипов Г.В., Култыгин В.П. – М.: Норма, 2009. – С. 583-585.

Дубин Б. Позднесоветское общество в социологии Юрия Левады 1970-х годов // Вестник обществ. мнения. – М., 2009. – № 4 (102). – С. 100-106.

2010

Левада Юрий Александрович // Новейший социологический словарь / Сост. Грицанов А.А., Абушенко В.Л., Евелькин Г.М., Соколова Г.Н., Терещенко О.В. – Мн.: Книжный Дом, 2010. – С. 501.

Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде / Сост. Левада Т.В. – М.: Издатель Карпов Е.В., 2010. – 471 с.: ил.

Левада Т. Предисловие // Там же. – С. 9.

Ярославский Л. Некоторые отрывочные воспоминания о Юрии Леваде // Там же. – С. 22-32.

Чертихин В. Несколько эпизодов // Там же. – С. 33-37.

Павлов А. С Юрием Левадой я учился на одном курсе // Там же. – С. 38-39.

Стороженко В. Штрихи к портрету // Там же. – С. 40-41.

Ракитов А. Мой друг Юра // Там же. – С. 42-48.

Долгий В. Три года спустя. О Юрии Александровиче // Там же. – С. 49-51.

Левада Т. 50 лет рядом с человеком удивительным // Там же. – С. 52-73.

Колбановский В. Социологи-шестидесятники и Ю.А. Левада // Там же. – С. 74-80.

Лапин Н. Большая добрая Левада // Там же. – С. 81-86.

Алексеев А. Человек естественный // Там же. – С. 87-91.

Гофман А. О Леваде. Мемуарные заметки // Там же. – С. 92-101.

Ковалёв А. Воспоминания о Леваде // Там же. – С. 102-107.

Осипов Г. В огне брода нет // Там же. – С. 108-114.

Отзвуки научной жизни. Из семейного архива // Там же. – С. 123-125.

Вишневский А. Жук в муравейнике // Там же. – С. 126.

Шляпентох В. Звездное время Юрия Левады: история одного экзистенциального выбора // Там же. – С. 128-139.

Олейник А. Трагедия личности // Там же. – С. 140-141.

Сапов Г. Немного о Леваде // Там же. – С. 142-143.

Прусс И. Как опальные ученые журнал спасали // Там же. – С. 144-146.

Назимова А., Шейнис В. Главное в облике нашего друга // Там же. – С. 151-166.

Добрынина Е. Он из тех ученых и мыслителей, которые были плеядой // Там же. – С. 167-170.

- Левинсон А.** Уроки Левады // Там же. – С. 171-183.
- Седов Л.** Область ответа на вопросы // Там же. – С. 184-190.
- Макаров С.** Мой Левада // Там же. – С. 191-204.
- Заславская Т.И.** Воспоминания о Леваде // Там же. – С. 205-211.
- Шанин Т.** Способность созидать умным словом // Там же. – С. 212.
- Кон И.** Воспоминания о Юрии Леваде // Там же. – С. 213-218.
- Русинов (Левада) В.** В самом конце его последней зимы // Там же. – С. 219-227.
- Ядов В.** Прости меня, Юра // Там же. – С. 228-233.
- Кузьминов Я., Шохин А., Ясин Е.** Юрий Левада – крупнейший русский социолог // Там же. – С. 234-235.
- Отец Георгий Кочетков.** Интервью Анне Алиевой // Там же. – С. 236-238.
- Петренко Е.** Памяти Ю.А. Левады // Там же. – С. 239-242.
- Ослон А.** В любом деле есть авторитеты // Там же. – С. 243.
- Слова памяти, отклики в Интернете (из Живого журнала) // Там же. – С. 244-250.
- Головаха Е.** Социолог Юрий Левада: Легенда. Личность. Лидер. Взгляд из Украины // Там же. – С. 251-262.
- Фирсов Б.** Жизнь, наполненная бескорыстными духовными интересами // Там же. – С. 263-273.
- Докторов Б.** Наследие Левады: это надолго // Там же. – С. 274-282.

Шалин Д. Человек общественный: гарвардское интервью с Юрием Левадой // Там же. – С. 283-307.

Габович М. К дискуссии о теоретическом наследии Юрия Левады // Там же. – С. 340-366.

Гудков Л. Проблемы социологии Юрия Левады // Там же. – С. 367-419.

Дубин Б. От традиции к игре: культура в социологическом проекте Юрия Левады // Там же. – С. 420-438.

Здравомыслов А. Фрагменты из книги «Социология российского кризиса» // Там же. – С. 439-450.

Юрий Александрович Левада (1930–2006) : Биографическая справка // Там же. – С. 468-471.

Докторов Б.З. Юрий Левада. Портрет для потомков : В связи с выходом книги воспоминаний о Ю.А. Леваде // Социология. – Мн., 2010. – № 2. – С. 128-132.

Докторов Б. Юрий Левада. Портрет для потомков : В связи с выходом книги воспоминаний о Ю.А. Леваде // Социология : теория, методы, маркетинг. – Киев, 2010. – № 3. – С. 201-209.

Докторов Б. Юрий Левада. Портрет для потомков // Телескоп : журнал социол. и маркетинговых исследований. – СПб., 2010. – № 4. – С. 48-52.

Докторов Б.З. Борис Грушин и Юрий Левада. Начало постбиографий // Социол. журнал. – М., 2010. – № 4. – С. 140-152.

Дубин Б. Позднесоветское общество в социологии Юрия Левады 1970-х годов // ОНС : Обществ. науки и современность. – М., 2010. – № 5. – С. 101-110.

Памяти Юрия Александровича Левады / Сост. Левада Т.В. – М.: Издатель Карпов Е.В., 2011. – 475 с.: ил.

Левада Т. К читателю // Там же. – С. 9.

Докторов Б. Жизнь в поисках «настоящей правды» // Там же. – С. 13-29.

Архангельский А. Левада: Центр // Там же. – С. 30-32.

Белановский С. Интервью : Юрий Левада прославил себя в области социологической теории // Там же. – С. 33-39.

Генисаретсий О. О Ю.А. Леваде // Там же. – С. 40-45.

Головаха Е. Научная школа Юрия Левады о социокультурных изменениях в постсоветском обществе // Там же. – С. 46-54.

Головачев В. Незаменимые – есть! // Там же. – С. 55-57.

Дубин Б. О Ю.А. Леваде // Там же. – С. 58-70.

Зоркая Н. О Ю.А. Леваде // Там же. – С. 71-80.

Колбановский В. Глашатай российской социологии // Там же. – С. 81-87.

Колесников А. Личность на общественном поприще // Там же. – С. 88-89.

Шанин Т. О Ю.А. Леваде // Там же. – С. 90-97.

Гудков Л. О Ю.А. Леваде // Там же. – С. 98-113.

Левинсон А. Камертон и генератор // Там же. – С. 114-131.

Левада Т. К вопросу о школе Ю.А. Левады в российской социологии // Там же. – С. 132-135.

Долгий-Раппорт В. О Ю.А. Леваде // Там же. – С. 136-145.

Любимова Т. Воспоминания о дорогом месте // Там же. – С. 146-150.

Мотрошилова Н. Вспоминая Юрия Леваду // Там же. – С. 151-157.

Юдин Б. О Ю.А. Леваде // Там же. – С. 158-167.

Петренко Е. Времена с Левадой. Эпизоды // Там же. – С. 166-177.

Берелович А. О Ю.А. Леваде // Там же. – С. 178-184.

Гудков Л. В кругу Юрия Левады // Там же. – С. 185-201.

Елисеева И., Шайдарова Т., Паниотто В. На смерть Ю.А. Левады // Там же. – С. 202-203.

Тупикин В. Юрий Левада сумел умом понять и научно объяснить Россию // Там же. – С. 204-208.

Шавель С.А. Перечитывая Леваду: от прошлого к будущему // Социология. – Мн., 2011. – № 2. – С. 119-128.

Послесловие составителя

Издание этой серии книг – дань уважения памяти социолога-шестидесятника Юрия Александровича Левады. Но не только. Основным и главным является то, что работы ученого не утратили актуальности: обширный эмпирический материал, да и биография Ю. Левады в контексте крушения СССР – навсегда останутся достоверным свидетельством времени. А теоретические разработки посвященные текущему в России и в мире кризису, исследуют пути и средства пригодные и непригодные для понимания этого важнейшего процесса современности.

Студенческие годы (1947-1952, философский факультет МГУ) были для Ю.А. Левады годами изучения теоретического наследия К. Маркса и В. Ленина. Глубокого и тщательно изучения. И, параллельно, – школой жизни на всех её уровнях, от бытового до общественно-политического: по стране и по факультету проходили компании борьбы с «чуждыми явлениями» в науке и в идеологии.

И три эти потока – наука, идеология и практика советского социализма, – обнаруживали растущее несоответствие как между собой, так и со взглядами основоположников коммунистической теории. Что и заставило студента, а потом – аспиранта, во-первых, определиться с центральной проблемой своей научной работы: **сознание и управление в общественных процессах**. А во-вторых, искать дополнительных теоретических решений, обратиться к общемировому банку знаний об обществе и человеке.

С трудами западных социологов Ю. Левада знакомился так же внимательно, как с марксизмом. Выделяя подходы и решения отчётливо пригодные для исследования текущей реальности. Такая «пригодность» не случайна.

Социализм – строй переходный, включает элементы и процессы присущие и другим, досоциалистическим отношениям. Причем во второй половине 50-х именно эти, другие

связи укрепились, усилились в нашей стране. В науке – тоже. Бюрократизированная конкуренция породила противостояние новому во всех её областях. В общественном сознании оно стало основным содержанием. Переходное общество сползло в кризис, а институционализированная советская социология удерживала свой статус путем символической ортодоксии (на деле – сознательным нежеланием видеть и понимать происходящее). И административной борьбой с инакомыслием.

В 70-е годы Ю. Леваду на 18 лет изгоняют из сообщества социологов, но он продолжает свою работу¹. Исследует научный аппарат эмпирического общественнознания. Его адекватность предмету изучения – текущему историческому моменту. Возможности и границы существующих подходов, инструментов и приемов анализа, категориального аппарата.

В условиях «изгнания из науки» это исследование идет теоретически. А по «возвращении», в 90-е годы, уже не абстрактно, а прямо в процессе применения, параллельно ему. «Научиться понимать сложность... механизма формирования общественного мнения, а с его помощью и механизма общественных сдвигов...»² – так конкретизируется проблема сознания и управления в общественных процессах.

В поле общественного мнения Левада обнаруживает ряд принципиальных закономерностей.

Двойственность отношения единичного массового человека к обществу. Двойственность самой его природы причем структура эта, предполагавшаяся вначале как специфически советская, фиксируется Левадой как устойчивая, предположительно – универсальная. Тем более что и обратное, социокультурное влияние тоже двойственно: традиционное и модернистское одновременно.

Значимым считает Левада и процесс регионализации

¹ См. книгу 1 и книгу 2 настоящей серии. (Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде. Издатель Карпов Е.В. М. 2010. Памяти Юрия Александровича Левады. Издатель Карпов Е.В. М. 2011.)

² Ю.А. Левада. Соч.: Социологические очерки 1993-2000. М. 2011, с. 13.

страны: отношения с местной властью, содержание местных СМИ важнее для людей, чем отношения с центром.

Справедлив для текущего момента критический взгляд на непременно революционное утверждение Прогресса, констатация того факта, что падение режимов советского типа не является революцией.

«Нынешняя фаза модернизации не может осуществиться по старым рецептам насильственной ломки массовых стереотипов»³, указывает Левада. И, в то же время, анализируя структуру перелома эпох, подчеркивает его вынужденный характер.

То, что Юрий Левада не завершил свой труд, не определился с природой, причинами и перспективами текущего в стране и в мире кризиса, не уменьшает актуальности его исследований: на сегодняшний день ни одна из отечественных и зарубежных научных школ с этой проблемой не определилась. Поэтому опыт Ю. Левады, его находки и просчёты – это ценнейший опыт, который можно и нужно использовать. Тем более, что сам Левада чётко фиксировал такого рода просчёты.

Отсюда необходимость дополнить издание. Книги, которые скомплектованы по тематическому принципу, сопроводить хронологическим списком опубликованных работ. Это позволит увидеть эволюцию взглядов Ю. Левады, чья деятельность прервалась на стадии разведки и поиска и поможет её продолжить.

Т. Левада. IX. 2011.

³ Там же, с. 349.

Список книг, вошедших в серию, посвященную памяти Юрия Александровича Левады (1930-2006)

Книга 1. Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде. К 80-летию Ю.А. Левады. – М.: Издатель Карпов Е.В., 2010.

Книга 2. Памяти Юрия Александровича Левады. К пятой годовщине со дня смерти Ю.А. Левады. Воспоминания. Избранные статьи. Библиография работ Ю.А. Левады (1965-2008). – М.: Издатель Карпов Е.В., 2011.

Книга 3. Ю.А. Левада. Сочинения. Социальная природа религии. Статьи разных лет. – М.: Издатель Карпов Е.В., 2011.

Книга 4. Ю.А. Левада. Сочинения. Лекции по социологии. Статьи разных лет. – М.: Издатель Карпов Е.В., 2011.

Книга 5. Ю.А. Левада. Сочинения. Социологические очерки 1993-2000. – М.: Издатель Карпов Е.В., 2011.

Книга 6. Ю.А. Левада. Сочинения. Проблема человека. Статьи разных лет. – М.: Издатель Карпов Е.В., 2011.

Книга 7. Ю.А. Левада. Сочинения. Избранное. Печатные публикации о Ю.А. Леваде. Справочный материал. – М.: Издатель Карпов Е.В., 2011.

Работы Ю.А. Левады, опубликованные в настоящей серии книг, посвященных его жизни и деятельности

Составитель Т.В. Левада

Христианский социализм в России // Современное христианство и социальный прогресс. М. Соцэкгиз, 1962.

Книга 3.

Экуменическое движение в поисках третьего пути // Современное христианство и социальный прогресс. М. 1962.

Книга 3.

Современная социальная доктрина католицизма // Домашний архив. 1962. **Книга 3.**

Миф XX века // О современных попытках обновления религии (Федин Ю.А., псевдоним). М. Госполитиздат, 1962. **Книга 3.**

Плюсы и минусы «христианской левой» // Современное христианство и социальный прогресс. М. Соцэкгиз, 1962. **Книга 3.**

Точные методы в социальном исследовании // Вопросы филос. № 9, М. 1964. **Книга 2.**

Альберт Швейцер – мыслитель и человек // Вопросы философии. № 12, М. 1965. **Книга 2.**

Кибернетические методы в социологии // Коммунист № 14, М. 1965. **Книга 2.**

Социальная природа религии // М. Наука, 1965. **Книга 3.**

Сознание и управление в общественных процессах // Вопросы философии. № 5, М. 1966. **Книга 2.**

Методологические проблемы массовой коммуникации. Выступления в Кяярику I в 1966 г. // Тарту. 1967. **Книга 7.**

Нормы социальные // Философская энцикл. (в 5 т.т.) т. 4. М. 1967. **Книга 4.**

Общество // Философская энцикл. (в 5 т.т.) т. 4. М. 1967. **Книга 4.**

Ценностные ориентации личности и массовые коммуникации. Выступления в Кяярику II в 1967 г. // Тарту. 1968. **Книга 6.**

Социальные процессы как методологическая проблема. Тезисы. Кяярику // Домашний архив. 1968. **Книга 2.**

Некоторые проблемы системного анализа в научном наследии К. Маркса // Маркс и социология. М. 1968. **Книга 7.**

Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки. М., Наука. 1969. **Книга 2.**

Лекции по социологии // Метод. пособие № 5 (20), № 6 (21). М. 1969. **Книга 4.**

Из выступления на объединенном заседании кафедр философии А.О.Н. при ЦК КПСС и Высшей парт. школы при ЦК КПСС 24.XI.1969. **Книга 1.**

Структура социальная // Философ. энцикл. (в 5 т.т.) т. 5. М., 1970. **Книга 4.**

Традиция // Философ. энцикл. (в 5 т.т.) т. 5. М., 1970. **Книга 3.**

Управление // Философ. энцикл. (в 5 т.т.) т. 5. М., 1970. **Книга 4.**

Фашизм // Философ. энцикл. (в 5 т.т.) т. 5. М., 1970. **Книга 4.**

Христианство // Философ. энцикл. (в 5 т.т.) т. 5. М., 1970. **Книга 3.**

Странный мир массовой культуры // Иностр. литература № 11. М. 1971. **Книга 7.**

Город и село в современном процессе урбанизации общества. Тезисы. Социокультурные аспекты // Домашний архив. 1973. **Книга 4.**

Социальные рамки экономического действия // Сб. трудов ВНИИ системных исследований, вып. 11, 1980. **Книга 4.**

Ритуал // Философский энциклопед. словарь. М., 1983. **Книга 3.**

Проблема экономической антропологии у К. Маркса // Сб. трудов ВНИИ системных исследований, вып. 8, 1983.

Книга 6.

О построении модели репродуктивной системы // Сб. трудов ВНИИ системных исследований, вып. 4, 1984.

Книга 2.

Игровые структуры в системах социального действия // Системные исследования, Ежегодник, 1984.

Книга 2.

Интеллигенция // Словарь нового мышления. М., Париж., 1989.

Книга 7.

Социология // Словарь нового мышления. М., Париж., 1989.

Книга 7.

Религия // Словарь нового мышления. М., Париж., 1989.

Книга 3.

Динамика социального перелома: возможности анализа // Коммунист, № 2, 1989.

Книга 2.

Отношение населения к бюрократии // Вопросы экономики, № 12, 1989.

Книга 4.

Ну при чем тут нарукавники! // Родина, № 10, 1989.

Книга 4.

Почему дороги ведут в Рим. IX., 1994 // архив.

Книга 1.

Научная жизнь – была семинарская жизнь // Социологический журнал, № 3-4, 1996.

Книга 4.

«Историю написать трудно...» // Российская социологическая традиция и современность. СПб. 1994.

Книга 7.

Время вынужденных поворотов (беседа с И. Прусс) // Знание – сила, № 11-12, 1999.

Книга 4.

- Социологические очерки 1993-2000:
Общественные перемены и общественное мнение
О природе общественного мнения
Подводя итоги // От мнений к пониманию. М. 2000. **Книга 5.**
- Проблема человека советского // От мнений к пониманию. М. 2000. **Книга 6.**
- Общественное мнение у горизонта столетий // Неприкосновенный запас, № 1 (15). 2001. **Книга 1.**
- СМИ.ru Пресс-Центр. 20.X.2003. **Книга 4.**
- Интервью Саше Канноне // Прямые инвестиции, № 6 (38), 2005. **Книга 1.**
- Социологические очерки 2000-2005:
Динамика общества – динамика мнений
Атрибуты общественного мнения // Ищем человека. М. 2006. **Книга 7.**
- Координаты человека // Ищем человека. М. 2006. **Книга 6.**
- О гражданской нации. Выступление 31.V.2006. **Книга 6.**
- Проблема сырьевого уровня научного знания (3-4.II.2006)
// Пути России. 2006. **Книга 7.**

Научное издание

Левада Юрий Александрович

Сочинения

Избранное. Социологические очерки 2000-2005

Составитель **Левада** Тамара Васильевна.

Технический редактор **Шталова** Лариса Владимировна.

В книге использованы фотографии
из личного архива Ю.А. Левады.

Подписано в печать 15.09.2011.
Формат 60х90 1/16. Усл. печ. л. 32.
Тираж 200 экз. Заказ № 1934.

Издатель Карпов Е.В.
121357, Москва, ул. Верейская, д. 29

Отпечатано в типографии
ООО «Бизнес континент»
101000, г. Москва, Лучников переулок, д. 4